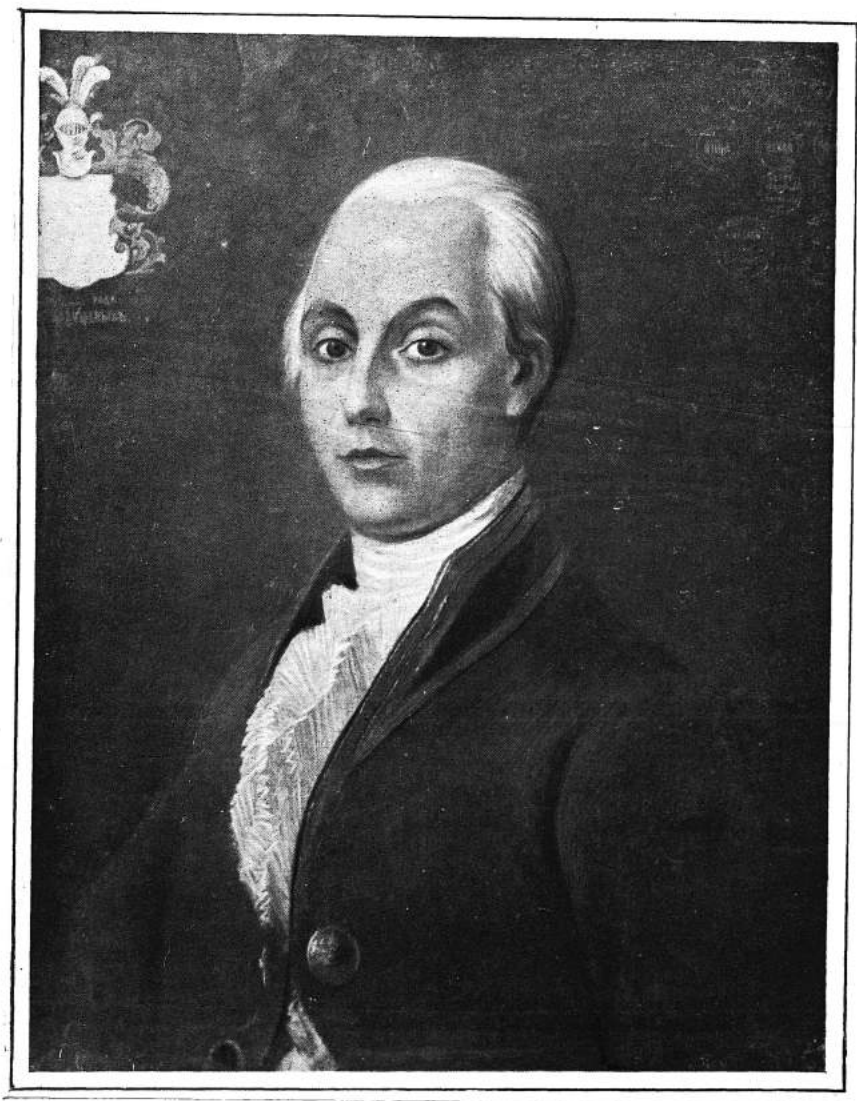

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

РАДИЩЕВ

А. Н. Радищев.

Кожи с совр. портрета неизвестного художника, раб. К. Гуна

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

А. Н. РАДИЦЕВ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1936

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Октябрь 1935

Ответственный редактор акад. *А. С. Орлов*

Технич. редактор *П. В. Грацианов* Ученый корректор *В. А. Петров*
Сдано в набор 14 июня 1935 г. Подписано к печати 28 декабря 1935 г.
Формат бумаги $62 \times 94 \frac{1}{16}$. 27 печ. лист.
Уполн. Главлита В-31768. Тираж 6000 экз. АНИ № 755. Заказ № 2339

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“.
Москва, Валовая, 28.

ВОКРУГ РАДИЩЕВА

Интерес к идеологическому наследию XVIII в. за последние годы у нас, несомненно, вырос. Поставленная с большой остротой проблема освоения классиков делает неотложной задачей расширение и углубление историко-литературных штудий эпохи, когда закладывались те основы, на которых позднее выросла русская классическая литература. Переиздания литературных произведений XVIII—начала XIX в. широкой волной поступают в читательский оборот, и таким образом жаловаться на невнимательность к произведениям XVIII в. не приходится. Нельзя, однако, то же сказать о росте исследовательских работ в этой области. Правда, за последние годы мы имели в советском литературоведении ряд дискуссий по основным, принципиальным вопросам истории литературы XVIII в. Но по сути дела дискуссии эти велись не столько на литературные, сколько на общеисторические сюжеты, подчас возрождая споры, в исторической науке уже довольно давно отзвучавшие. При этом полемизировавшие авторы охотнее оперировали цифрами промышленной продукции, ввоза и вывоза и т. п., чем литературными или хотя бы общеидеологическими фактами истории России XVIII в.

С другой стороны, в ряде изданий мы наблюдаем рецидивы тех крохоборческих, мнимо-„объективистских“ исследований, которые, подменяя марксистское изучение проблемы био-библиографическими справками, фактически продолжают ту линию изучения XVIII в., истинный смысл которой еще в середине прошлого столетия вскрыл с позиции революционной демократии Н. А. Добролюбов.

Таким образом, изучение наследства XVIII в. по-настоящему только начинается. И одной из первоочередных задач в этом направлении должно явиться всестороннее исследование деятельности наиболее близкого нам мыслителя и писателя XVIII в., того, кто, „нося оковы позлащенные, нам вольность первый прорицал“, — Александра Николаевича Радищева. Недаром Ленин в своей замечательной статье „О национальной гордости великороссов“ отдал такую высокую честь Радищеву, поставив его в один ряд с крупнейшими проявлениями русской революции:

„Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали

отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика".¹

Значение Радищева для нашей современности никем не оспаривается. В ряде общих работ его имя сопровождается чрезвычайно лестными и почтительными эпитетами. И тем не менее работ о нем до скудости мало. Это тем более удивительно, что последующее за Радищевым поколение дворян-революционеров — декабристы вызвали в нашей науке большой интерес; а можно ли понять декабристов без изучения всей истории дворянской оппозиции и дворянской революционности периода кризиса крепостнической системы, начавшегося, как мы знаем, как-раз во 2-й половине XVIII в.? Не случайно, ведь, Ленин, упоминая о Радищеве, всегда ставил его имя рядом с декабристами. Но последние широко изучались, им посвящались монографии, статьи и семинары в наших вузах. Радищев оставался забытым.²

А между тем исследователям Радищева есть над чем потрудиться. Этот первенец русской революционной мысли слишком долго находился под опекой либеральной науки, всячески вытравлявшей в интерпретации его творчества революционные мотивы. Творчество Радищева очень долго сохраняло свою политическую действенность — недаром царская цензура налагала на него запрет вплоть до 1905 г. И отношение к Радищеву писавших о нем всегда, начиная с Пушкина, было сугубо политическим. Недаром под пером кадетских историков он превращался в предтечу российского либерализма, а народники и их эпигоны делали его „родоначальником русского народничества“ (таково даже заглавие одной посвященной Радищеву статейки 1917 г.)

Либеральная и народническая легенды о Радищеве питались и вырастали на общей идеологической почве. Для историков этого лагеря не существовало вопроса о классовой базе и общественной устремленности Радищева. Появление его толковалось как самочинное явление из истории идей, как результат влияния революционных теорий Запада, вне всякой связи с русской обстановкой. Дело изображалось так, что в силу имманентных законов умственного развития „раз войдя в русскую жизнь, западное влияние постепенно стало отвоевывать себе в ней и иного рода роль, более самостоятельную и

¹ Сочинения, т XVIII, стр. 81. Курсив В. И. Ленина.

² См. по этому поводу наши замечания во вступительной заметке к изданию „Путешествия из Петербурга в Москву“, изд. „Academia“

активную... Таким образом, едва успев выработать себе формы замкнутого сословного быта, русское общество стало свидетелем могучего идейного движения, заключавшего в себе горячий протест против основных принципов подобного быта и вступило даже в известное общение с этим движением... Так на почве общения с умственными течениями Запада зарождалось идейное движение в недрах самого русского общества".¹

Такое наивно-идеалистическое объяснение в наши дни не смутит даже школьников. Но если либерально-народническая концепция в своем обнаженном виде не может оказать воздействия на марксистскую науку, то это не мешает отдельным элементам этой легенды, имеющим на первый взгляд „объективный“, „фактический“ характер, проникать и в советскую литературу о Радищеве. Так прямым результатом представления об изолированном процессе идейного развития явился образ Радищева как изолированного мыслителя, одиночки, лишенного каких бы то ни было общественных связей. Эту мысль мы в той или иной форме обнаружим у всех почти буржуазных историков и литературоведов, писавших о Радищеве. Так, тот же Мякотин пишет: „Горячему защитнику интересов народной массы, исходившему в своей деятельности из идеала общественного равенства и свободного развития человеческой личности, не нашлось таким образом места в русской действительности на рубеже XVIII и XIX вв... На суде, происходившем в 1790 г., Радищев совершенно правильно показывал, что он при составлении своей книги „общников не имел“. Не имел он сообщников и в течение всей последующей своей деятельности, оставаясь в ней совершенно одиноким“.²

Этот мотив, выдвигавшийся буржуазными историками для обоснования политической обособленности и, в конечном счете, внеклассовой характеристики Радищева, продолжает звучать и в наши дни; чтобы не быть голословным, приведем цитату из последней работы о Радищеве — статьи М. В. Жижки „Социально-политические взгляды Радищева“. По словам автора, „пламенный призыв к восстанию прозвучал в пустоте, среди свинцовой спячки общественного сознания. Не встретив активной поддержки в окружающей среде, он перешел постепенно в трагический, душераздирающий крик одиночки-мыслителя, закованного в кандалы“.³

Продолжает сказываться в нашей литературе и другой характерный момент буржуазной историографии — затушевывание

¹ В. А. Мякотин. На заре русской общественности. Впервые напечатано в сборн. „На славном посту“, 1900. Цит. по отд. изд., М. 1918, стр. 4-5.

² Ibid., стр. 76.

³ Путешествие из Петербурга в Москву, изд. „Academia“, т. II, М.-Л. 1935, стр. 172.

революционности Радищева. Если для Екатерины II Радищев был „бунтовщик хуже Пугачева“,¹ а ода „Вольность“ — „совершенно явно и ясно бунтовская“,² если Пушкин, воспринимавший Радищева почти с такою же остротою, считал его книгу „преступлением ничем не извиняемым“, сравнивал ее с „действием сумасшедшего“,³ то для златоустов буржуазного либерализма Радищев предстает в совершенно ином свете. Так, Милюков считал возможным рассматривать „Путешествие“ как произведение, адресованное „не только к общественному мнению, но и главным образом — к философу на престоле“,⁴ и таким образом Радищев, ясно сознававший свое положение русского просветителя и говоривший „потомство отомстит за меня“, Радищев, который „зрел сквозь целое столетие“ и видел свой долг в том, „да не скончаем жизни наша, возымеv только мысль благуv и не возмогли ее выполнить. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнет венца нашего и с презрением о нас да не скажет: „они были“,⁵ — этот Радищев под пером буржуазного историка превращается в доброхотного, но неудачливого советника Екатерины и Потемкина. Из такого представления возникал и распространенный в либеральной историографии мотив, согласно которому вся „беда“ Радищева заключалась в том, что он выпустил свою книгу не ко времени, что он не учел изменений в политической конъюнктуре и личных настроениях императрицы и пострадал в 1790 г. за то, что двадцатью годами раньше не показалось бы преступлением.

Таким образом Радищев представлялся птенцом Екатерины, несвоевременно напомнившим ей правила ее собственного „Наказа“. Так и рисовали дело кадетские историки. Вот, например, цитата из предисловия к „Путешествию“ Н. П. Павлова-Сильванского: „Екатерина вполне убедилась из следствия, что имеет дело не с заговорщиком, а с политическим писателем, и она хорошо знала, что пред нею ее собственный ученик не потому только, что Радищев учился за границей естественному праву на ее счет и по ее программе, но и потому, что он принадлежал к той самой литературной школе, которая начата была в России ее же „Наказом“... „Путешествие“ Радищева стоит в одном ряду с сочинением самой Екатерины — „Наказом“, которое издано было на 24 года раньше...“⁶

¹ Дневник А. В. Храповицкого от 7 VII 1790.

² Замечания Екатерины на „Путешествие“, цит. по изд. сочинений Радищева под. ред. В. В. Калаша, т. II. М. 1907, стр. 563.

³ Статья „Александр Радищев“.

⁴ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, в. II, СПб., 1904, стр. 131. Курсив наш.

⁵ Сочинения под. ред. Калаша, т. I, стр. 277.

⁶ „Путешествие из Петербурга в Москву“, изд. под ред. Н. П. Сильванского и П. Е. Щеголева, СПб 1905, стр. XXX и след.

Так выхолащивалось из „Путешествия“ его революционное ядро, так в характеристике Радищева затушевывались моменты демократизма и борьбы с крепостнической общественной системой и выдвигалась на первый план его критика административного произвола. Недаром стоящее в эпитафии к „Путешествию“ „чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй“, обозначающее несомненно всю систему крепостничества (характерно, что Радищев заменил „с тризевой“ подлинника на „стозевно“), толкуется Милюковым как символ „полного отсутствия чувства законности в тогдашней общественной жизни“.¹

Буржуазную фальсификацию Радищева в грубых ее проявлениях вскрыть не трудно. Знакомясь с „Путешествием“, советский читатель без труда поймет, что маневрирование ссылками на „Наказ“ или обращения к „властителю мира“ отчасти имели для Радищева значение дымовой завесы, отчасти представляли удобную форму ядовитой иронии. Понять это тем легче, что и сама Екатерина, читавшая книгу без розовых либеральных очков, вполне отдавала себе отчет в истинном отношении к ней Радищева. Но целый ряд формулировок либерально-народнической традиции продолжает доветь и над современным отношением к Радищеву. Либерализация его образа привела к тому, что Радищев в значительной степени утратил самостоятельные черты, становясь на одну доску, например, с Новиковым.² И до сих пор они продолжают совместное существование, особенно в популярной литературе, в витринах музейных выставок и т. п. А между тем еще Добролюбов умел отличить Радищева от тех сатириков, которые „никогда почти не добирались до главного, существенного зла, не раздражались грозным обличением против того, от чего происходят и развиваются народные недостатки и бедствия“.³ Действительно, между Радищевым и Новиковым в начале их деятельности могла существовать известная близость, а позднее судьбы их оказались сходны в том смысле, что оба они почти одновременно подверглись одинаковым репрессиям. Но идеологически они в те годы, когда репрессии пали на них, отстояли друг от друга чрезвычайно далеко, и в то время как Радищев направлял свои инвективы против основ самодержавия и крепостничества, масон и мистик Новиков вполне примирился с существующей системой, предлагая к ней лишь некоторые частные поправки. И если оба они принадлежали к одному и тому же направлению 60-х гг. XVIII в. и в какой-то

¹ *Op. cit.*, стр. 392.

² Ср., напр., ниже, на стр. 13 высказывания одного из основателей русской либеральной историографии А. Н. Пыпина, сравнивавшего Радищева с деятелями Негласного комитета.

³ „Русская сатира в век Екатерины“, цит. по Полн. собр. соч., изд. ГИХЛ, т. II, 1935, стр. 138. См. отзыв о Радищеве там же, стр. 149.

момент может быть и выступали на общей платформе (если принять гипотезу участия Радищева в Новиковском „Живописце“), то в дальнейшем идеологические пути их разошлись так же, как разошлись пути Радищева и его ближайшего друга масона А. М. Кутузова (которому, тем не менее, посвящено „Путешествие“, вызвавшее резко отрицательную оценку Кутузова).

Мы подошли таким образом еще к одному моменту, характерному для буржуазной науки. Поскольку схема ее заключалась в том, что Радищев оставался верен идеям 60-х гг., а история развивалась мимо него, постольку вся его деятельность изучалась как нечто застывшее, без всякого учета изменения обстановки и самого Радищева. К сожалению, пережитки такого подхода имеют место и в наше время, и для характеристики взглядов Радищева у нас охотно цитируют разновременные его высказывания, без учета хронологии. При этом в основу кладется „Путешествие из Петербурга в Москву“, а все остальное, будь то примечание к переводу „Размышлений о греческой истории“ Мабли (1773 г.), будь то произведения, писанные после ссылки (и после французской революции), привлекается лишь мимоходом, в случайных цитатах. Эволюция Радищева (а таковая несомненно была) остается, таким образом, вне поля зрения.

На этих примерах мы стремились показать, что подходы буржуазной историографии к Радищеву продолжают еще оказывать влияние и в наше время. Вместе с тем следует отметить, что марксистско-ленинская наука только приступает еще к изучению проблемы.

Действительно, если не считать попутных высказываний М. Н. Покровского, характеризовавшего Радищева как республиканца и демократа,¹ в послереволюционной литературе мы располагаем только одной самостоятельной марксистской работой о Радищеве — именно статьей И. К. Луппола „Трагедия русского материализма XVIII в. (Философские взгляды А. Н. Радищева).“²

¹ Очерк истории русской культуры, ч. II, П. 1923, стр. 155 — 158.

² Напечатана первоначально в журнале „Под знаменем марксизма“, 1924, кн. 6 7, вошла в сборник „Историко-философские этюды“, М.—Л. 1935. Большинство последующих работ о Радищеве имеют компилятивный характер и не заслуживают упоминания. Единственной большой работой явилась книга В. П. Семенникова „Радищев. Очерки и исследования“, М.—П. 1923. Книга эта, являющаяся результатом многолетней работы и дающая ряд ценных наблюдений по конкретным вопросам радищевского творчества, написана с позиций очень далеких от марксизма и примыкает к традиции либерально-народнической оценки Радищева. Для автора Радищев — фигура надклассового порядка. Не сумев осмыслить марксистскую характеристику Радищева, как буржуазного идеолога, Семенников пишет: „...Если Радищев, исходя из общих народных интересов, сознавал и задачи буржуазии, то последняя, не возвысившись еще до этого сознания, не могла принять политической программы Радищева. Таким образом Радищев

Статья эта, однако, как видно из самого ее заглавия, ставит не всю проблему Радищева в целом, а посвящена лишь характеристике философских его воззрений. Работа эта, ликвидирующая характеристики Радищева философов-идеалистов (Лапшина, Шпета и др.), стремившихся представить Радищева идеалистом и сводивших до минимума влияние на него материалистической философии, представляет ценный вклад в наше понимание Радищева. Но по самому характеру своей задачи И. К. Луппол мог лишь попутно остановиться на общей характеристике Радищева, определив его, по ленинской периодизации, как „революционера первого призыва, революционера-дворянина“, „бесконечно далекого от массы“,¹ выразившего в своих политических взглядах идеи буржуазного демократизма.

В такой общей форме эта характеристика и повторяется обычно авторами, упоминающими о Радищеве. Легко увидеть, однако, недостаточность одной этой общей дефиниции. Правильно по существу характеризую явление, она не объясняет его, не показывает его генезиса, социальной базы и не дает представления о его социальном резонансе. Правда, И. К. Луппол пытается нащупать социальную базу Радищева: „Сколько-нибудь массовым источником нашей общественности XVIII в., — пишет он, — источником, не обильным водой, могла быть только группа среднего дворянства, оказавшаяся на гражданской службе, связанной с торговым капиталом, достаточно мощным в то время, группа, так или иначе связавшаяся с революционной идеологией Запада“.²

Однако, и эта характеристика не может нас вполне удовлетворить, так как, во-первых, она скорее описывает известную среду, чем объясняет появление в ней определенной идеологии, а во-вторых, и по существу с ней трудно согласиться. Вопрос о социальной базе Радищева является вместе с тем и вопросом о генезисе дворянской революционности в конце XVIII в., того этапа в истории революции в России, наиболее яркими

стоит над классами, выражая прежде всего интересы народа...“ (стр. 417, подчеркнуто автором). В дальнейшем В. П. Семенников пытался пересмотреть свои установки. К сожалению, тяжелая болезнь нескольких последних лет, отразившаяся и на печатаемой в этом сборнике статье, оставшейся не вполне законченной и отделанной, затрудняет дальнейшее научное развитие автора.

Из изданий последних лет следует указать на вышедшую в серии „Жизнь замечательных людей“ книгу о Радищеве М. В. Жижки (М. 1934). Книга эта, совершенно сумбурная в смысле характеристики принципиальных моментов и изобилующая грубыми фактическими ошибками, является яркой иллюстрацией скудости нашей литературы о Радищеве (см. об этой книге подробный отзыв Г. А. Гуковского в „Историческом сборнике“ Академии Наук СССР, кн. 3).

¹ Историко-философские этюды, стр. 202.

² Ibid., стр. 201. На этой же точке зрения стоит и Э. И. Чучмарев в работе „Участие Радищева в журнальной литературе его времени. К социологии его творчества“. Гос. изд. Украины, 1927.

представителями которого были на протяжении нескольких десятилетий Радищев, декабристы и Герцен. Вопрос этот, несомненно, требует дальнейшего изучения.

Применительно к Радищеву, помимо общего изучения его эпохи, стоят, думается нам, следующие задачи, без разрешения которых нельзя будет ответить и на основной вопрос характеристики его творчества.

1. Нужно определить литературное наследство Радищева, исчерпав для этого те возможности, которые дает современная Радищеву журналистика и которые еще могут предоставить наши архивы. Как известно, вокруг журнальной деятельности Радищева идет старинная полемика, окончательных выводов от которой, по самой природе материала, ждать довольно трудно. Однако, печатаемые в настоящем сборнике статьи Б. И. Коплана и В. П. Семенникова показывают, что в этой полемике использованы еще не все аргументы и что дальнейшие изыскания в этой области могут оказаться бесполезными.

С другой стороны, наша статья о законодательных проектах Радищева показывает, что и архивные источники о Радищеве еще не до конца исчерпаны, и совершенно не исключены еще и новые находки. Необходимо форсировать розыски в этом направлении, чтобы подготовляемое в настоящее время издание сочинений Радищева могло бы охватить максимальное количество его произведений.

2. При изучении Радищева нужно ввести в исследовательский оборот все писания Радищева, не ограничиваясь излюбленными до сих пор „Путешествием из Петербурга в Москву“, „Житием Ушакова“ и трактатом „О человеке, о его смертности и бессмертии“. При этом неизбежным окажется изучение Радищева в эволюции его взглядов и определятся ее основные этапы (таких, думается, окажется четыре: 70-ые гг. до восстания под руководством Пугачева, вторая половина 80-х гг., годы ссылки и 1801—1802 гг. В плане этой задачи представляет известный интерес статья покойного П. Г. Любомирова о радищевском „Описании моего владения“. Отчасти осуществлению этой задачи посвящена и наша статья „Законодательные проекты Радищева“, основанная на анализе неизвестных или мало использованных до сих пор произведений последних лет его жизни.

3. Необходимо, конечно, тщательно пересмотреть весь имеющийся в литературе биографический материал о Радищеве. С именем Радищева связан ряд легенд и преданий, исходивших как от его доброжелателей, так и от врагов. Среди них немало довольно мутных источников, которые, тем не менее, продолжают и поныне привлекаться для разрешения тех или иных вопросов радищевского творчества. Для примера укажем на чрезвычайно подозрительное предание о том,

что Радищев, живя за границей, позабыл русский язык. Предание это, базирующееся, вероятно, на том, что создаваемый Радищевым язык политической и научной прозы казался непривычным для большинства современников, используется, например, Э. И. Чучмаревым в его анализе журнальной деятельности Радищева.¹

Вопросам биографии Радищева посвящена в настоящем сборнике статья П. Г. Любомирова „Род Радищева“. Хотя основная ее тема касается скорее предков Радищева, чем его самого, и по сути дела основной интерес статьи заключается в нарисованной ею довольно типичной истории помещичьей семьи Радищевых, но на основании соображений П. Г. Любомирова можно установить факт, небезинтересный и для исследователей А. Н. Радищева. Именно, оказывается, что отец Радищева был не средним, как мы обычно представляли себе, а довольно крупным помещиком, и таким образом Радищев оказывается выходцем из среды, довольно широко поставлявшей в XVIII в. оппозиционеров, но оппозиционеров типа аристократической фронды (см. использование этого обстоятельства в статье Г. А. Гуковского).

Биографические проблемы затрагиваются и нами в заметке „К биографии Радищева“, где на частном материале нам хотелось показать практическое применение Радищевым его теоретических взглядов на воспитание, и в статье о законодательных проектах 1801—1802 гг., в связи с которыми пришлось пересмотреть вопрос о причинах самоубийства автора „Путешествия“.

4. В связи с биографическими темами, но значительно шире их стоит вопрос об общественных связях Радищева, о том окружении, в котором протекала его работа. Этот вопрос до сих пор очень мало изучался, да и материал для его разрешения очень беден и распылен, требует специальных био-библиографических разысканий и большой ориентированности в материалах эпохи. В этом плане представляет большой интерес статья В. П. Семенникова, который, благодаря новым архивным находкам и обширной своей биографической осведомленности, сумел связать воедино *tembra disiecta* источников об „Обществе друзей словесных наук“ и представить довольно любопытную картину той аудитории, к которой обращался Радищев в годы написания своего „Путешествия“. Характеристика этой среды первоначального поколения русского разночинства дает многое для понимания общественных идеологий эпохи. Следует отметить, однако, что социальная характеристика „Общества друзей“ страдает у В. П. Семенникова значительной расплывчатостью. Нельзя также согласиться с его оценкой отношения Радищева к масонству

¹ Ibid., стр. 18.

(об этом он в том же духе писал и в своей большой книге). Действительно, Радищев в „Путешествии“ чрезвычайно резко и определенно высказался о современных ему мистических исканиях мартинистов и „учеников Шведенборга“: „Нет, мой друг! я пью и ем не для того только, чтобы быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. И покаюсь тебе, как отцу духовному, я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну успокоенный сладострастием в объятиях ее, нежели зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цифири или египетские иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным витязам“.¹ В. П. Семенников, однако, выдвигает гипотезу существования какого-то особого, прогрессивного масонства, с которым Радищев, якобы, был связан; насмешки же его направлены не против масонства вообще, а лишь против мартинизма. Как-будто остальные отрасли масонства прославляли чувственные удовольствия и „пригоженьких девочек“ и не занимались „рысканием в пространных полях бредоумствований“. Думается, что Радищев 80-х гг. ни к какому масонству не принадлежал, а если и шел в среду, зараженную масонскими идеями, то для того, чтобы противопоставить им свое демократическое учение, аргументировавшее от естественного права и политической целесообразности. Соотношение Радищева и Антоновского, изображаемое В. П. Семенниковым, свидетельствует именно в пользу нашего толкования.

В плане общественных связей Радищева стоит вопрос и о соотношении его с аналогичными современными общественными течениями, представленными в журналах Рахманинова и Крылова, в деятельности Кречетова, группы Пнина, „радищевцев“ начала XIX в. и т. п. Именно здесь решается, и решается отрицательно, проблема „одиначества“ Радищева, хотя, как правильно заметил Добролюбов, мало кто мог последовать за Радищевым „до конечных его результатов“. Вместе с тем нужно учитывать² и обратное воздействие этой аудитории на Радищева, в значительной степени, как нам кажется, определявшее политику Радищева последних лет его жизни.

Материалы для изучения этих сюжетов дают в настоящем сборнике статья Б. И. Коллана и наша работа о законодательных проектах.

5. В изучении системы взглядов Радищева и ее развития нужно с особой отчетливостью проследить важнейшие ее элементы. Так до сих пор мы не имеем полной ясности в вопросе об отношении Радищева к революции. Либеральные историки деликатно обходили этот пункт. Некоторые совре-

¹ Сочинения, т. I, стр. 188—189.

менные исследователи, в том числе и Г. А. Гуковский в печатаемой ниже статье, считают возможным утверждать, что Радищев призывал к восстанию. Нам думается, что, оправдывая революцию и признавая ее закономерность, Радищев утопически мечтал о том, как бы обойтись без нее, и именно потому с особым усердием размахивал крестьянским топором перед глазами благородного российского дворянства. Думается, что Радищев мог бы подписаться под словами одного из своих учителей, Руссо, утверждавшего в письме к Ст. Лещинскому, что „нет другого лекарства, кроме великой революции, которой так же бояться приходится, как зла, которое хочется лечить“. Во всяком случае, эта тема, как и весь крестьянский вопрос в постановке Радищева, требует самого внимательного и углубленного изучения.

Менее спорны, хотя также требуют окончательного сведения и разрешения, проблемы отношения Радищева к монархии и республике, его взгляды по вопросам законодательства и администрации и т. д. Но совершенно неизученным оказывается такой существенный раздел воззрений Радищева как его экономические взгляды. А между тем Радищев был практическим деятелем в этой области, и личный его опыт послужил к тому, что экономическим вопросам в его сочинениях уделено немалое внимание. В какой мере у нас недостаточно известна эта сторона высказываний Радищева, можно судить хотя бы по тому, что большинство современных авторов, вслед за сыном писателя Павлом Радищевым, считают его безоговорочным сторонником свободы торговли. При этом чаще всего ссылаются на „Письмо о китайском торге“.¹ Однако, внимательное чтение этого произведения приводит к обратным выводам. Радищев, оказывается, считает, что „пресечение торга на Кяхте не есть такое зло, как кажется“, ибо от этого нарушения „скотоводству и земледелию помехи нет; в несуществовании сего торга размножился посев льна в Иркутской губернии и тканье холоста... торг российскими полотнами, пестрядями и другими льняными тканями, крашениною и выбойкою российского дела в Сибири распространился на сумму весьма знатную“ и т. д.² Вместе с тем, говоря о невыгодах прекращения кяхтинского торга, Радищев скорбит не столько о купцах, лишающихся барышей от внешней торговли, сколько о звериных промышленниках, о крестьянах, лишающихся извозного промысла и т. д. Таким образом, на первом плане у него оказываются интересы внутреннего торга и крестьянских промыслов. Не будем предвосхищать результатов будущего исследования; на этом примере мы хотели показать, к каким значительным моментам в характеристике

¹ Ср. И. К. Луппол, *op. cit.*, стр. 202.

² Сочинения, т. II, стр. 100–101.

Радищева может привести изучение этой стороны его взглядов. К сожалению, единственная работа в настоящем сборнике по этим вопросам — статья покойного П. Г. Любомирова об „Описании моего владения“ — не может нас удовлетворить в этом смысле. Интересующая нас тема в ней даже не поставлена, и статья является только развернутым комментарием к произведению Радищева.

6. Изучая деятельность Радищева, нужно учитывать его не только как теоретика, но и как практического политика. Эти стороны неразрывно связаны и не только на заключительном этапе его жизни, как показываем мы в статье о законодательных проектах. В этом отношении очень поучительна та система постепенного нащупывания почвы, которую применил Радищев в своих печатных выступлениях перед „Путешествием“. Исследователи (в том числе и Г. А. Гуковский в статье в настоящем сборнике) интерпретируют обычно „Житие Ушакова“ либо в плане биографическом, либо с точки зрения специфики жанра. Между тем не лишено интереса то обстоятельство, что в „Житии“ Радищев на примере лейпцигской студенческой истории в скрытой форме проводит ту мысль, которая в дальнейшем с такой четкостью была сформулирована в „Путешествии“: мысль о праве угнетенных восстать против своих законных властей. В свете материалов, собранных В. П. Семенниковым, в свете данных о работе Радищева над своими проектами можно, думается, поставить эту тему — Радищева, как практического политика.

7. Наконец, встает проблема литературоведческого характера — установить соотношение литературных приемов Радищева, его творческого метода, с его общественно-политическими взглядами. Этой проблеме посвящена статья Г. А. Гуковского, которая, при всей своей спорности, является первой серьезной попыткой постановки вопроса во всей его широте.¹

Как видим, дело изучения Радищева потребует еще не малых усилий, и работа только начинается. Настоящий сборник, разнохарактерный по тематическому охвату и установкам помещенных в нем статей, никак не может претендовать на разрешение намеченного выше круга проблем. Но собранный в нем в значительной степени новый материал может быть с успехом использован в дальнейших исследованиях. Надо надеяться, что они не заставят себя долго ждать.

И. Троцкий

¹ Мы не останавливаемся здесь на историко-философских проблемах, связанных с творчеством Радищева. Благодаря упомянутой работе И. К. Луппола с этой стороной вопроса дело обстоит значительно благополучнее, чем с прочими.

Настоящий сборник является вторым томом трудов группы по изучению литературы XVIII в. Института литературы Академии Наук СССР (первый том — „XVIII век“ — вышел недавно в свет).

Сборник составился из докладов, прочитанных в течение 1934 г. в заседаниях группы (председатель группы — акад. А. С. Орлов, секретарь — Г. А. Гукковский).

А. Н. Радищев.
С миниатюры

МАТЕРИАЛЫ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ

И. М. ТРОЦКИИ

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ
А. Н. РАДИЩЕВА**

И. М. ТРОЦКИЙ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ А. Н. РАДИЩЕВА

Внешняя история деятельности Радищева в Комиссии о составлении законов известна еще со времени появления работ М. И. Сухомлинова.¹ С значительной полнотой собрал все имеющие отношение к этому вопросу данные В. П. Семенников в своей большой работе о Радищеве.² Помимо известных уже в литературе фактов В. П. Семенников использовал еще целый ряд сведений, извлеченных им из недоступного до революции для исследователей собрания графов Воронцовых,³ и на основании всех этих материалов пришел к ряду далеко идущих выводов и сопоставлений. Ниже мы подробнее рассмотрим основания, по которым В. П. Семенников считает возможным включить в состав радищевского наследства некоторые законодательные проекты того времени: именно эта сторона вопроса — определение принадлежности Радищеву некоторых анонимных или полуанонимных произведений — разработана у В. П. Семенникова с особой тщательностью.

При всем том ряд проблем, связанных с деятельностью Радищева после окончательного возвращения его из ссылки остается до сих пор неизученным. Здесь прежде всего следует отметить, что никто почти из писавших о нем авторов, независимо от их направления и цеха, не касался больших

¹ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I, СПб, 1889, стр. 612—634; его же. К биографии Радищева, Исторический вестник, 1889, I.

² В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования, ГИЗ, М. — П. 1923. К теме настоящей работы относятся преимущественно глава „Радищев в дни Александра I“ (стр. 112—195), приложение II „Проект гражданского уложения“ — вновь открытый труд Радищева“ (стр. 365—396) — примечание на стр. 429—436.

³ О судьбе и содержании этого собрания см. нашу статью „Архив Воронцовых“ в „Литературном наследстве“, 1933, № 9—10, стр. 397—420.

поэтических произведений Радищева того времени. „Житие Ушакова“, „Путешествие“, философский трактат „О человеке“, некоторые мелкие прозаические произведения — вот тот круг источников, на основании которых принято характеризовать политические, философские, экономические и литературные взгляды Радищева. Такое, например, значительное произведение, как „Песнь историческая“, дающее представление и о философии истории Радищева, и о его политических настроениях в интересующую нас эпоху, до сих пор почти не подвергалось анализу. Более того — до последнего времени не было даже попыток точной датировки „Песни“, хотя простое внимательное чтение позволяет с несомненной почти точностью отнести ее к концу 1801 г. или 1802 г., т. е. последнему году жизни Радищева (это обстоятельство является и наиболее простым объяснением незаконченности произведения).

Другой важнейшей проблемой является определение политической позиции Радищева этих лет. Нельзя сказать, чтобы в этом направлении до сих пор ничего не было сделано исследователями Радищева и его биографами. В частности, в упомянутой книге В. П. Семенникова, являющейся, несомненно, наиболее свежей работой в обширной радищевской библиографии, мы находим и характеристику принципиальных построений Радищева в его законодательных трудах, и попытку определить его место в конкретной политической ситуации путем установления его личных и идейных взаимоотношений с гр. А. Р. Воронцовым.¹ К сожалению, в трактовке В. П. Семенникова вопрос не выходит за рамки политической и идейной биографии одного только Радищева. Радищев, как политический деятель — а именно с этой стороны особенно поучительно рассматривать его выход на законодательное поприще — остается изолированным от конкретной борьбы первых лет Александровского царствования. Попрежнему он одиночка, один в поле воин, каким рисовала его либеральная историография, оценивая политическую природу первого его общественного выступления. И самая тема Воронцова и Радищева, столкновения „аристократического либерализма“ одного и „демократизма“ другого выпадает из

¹ *Op. cit.*, стр. 127—137, 148 и сл.

плана конкретной идеологической борьбы, оставаясь в узком кругу двух индивидуальных биографий. При таком подходе даже сам А. Р. Воронцов удивительным образом превращается в какого-то одиночку, „двух станов не бойца, а только гостя случайного“.¹ Предметом же исследования оказывается факт биографический — установление возможности сотрудничества в первые годы XIX в. двух друзей — государственного канцлера и недавнего изгнанника. Между тем В. П. Семенникову лучше чем кому-нибудь другому ведомо, что версия об „одиночестве“ Радищева разбивается трезвым изучением фактов даже тогда, когда речь идет об эпохе выхода в свет „Путешествия“.

А между тем проблема взаимоотношений Радищева и Воронцова действительно является в известной мере ключом к пониманию политической роли Радищева в период „дней Александровых прекрасного начала“. На самом деле, можно считать несомненным, что привлечение Радищева к активной деятельности было инспирировано Воронцовым. Более того, можно думать, что и самая дружба этих крупных людей, не омраченная ни глубоким различием их социального положения, ни разницей общественных взглядов, ни политическими преследованиями одного из них, не является случайным фактом их биографий, объясняемым скрещением их служебных карьер, возрастной близостью или наличием сходных теоретических исканий. Екатеринбургский вельможа, делающий все возможное для облегчения участи опасного политического преступника, осужденного не только официальной властью, но и личными друзьями, сановник, знающий, что его обвиняют в сообщничестве революционному мыслителю, и предпочитающий выйти в отставку, но не ослабить материальную помощь изгнаннику, являет собой, смеем полагать, факт политической истории России, особенно в ту эпоху, когда дружба и вражда в господствующем классе были зачастую производными улыбки или гневной гримасы кого-нибудь из, по терминологии Радищева, „властителей мира“.

В настоящей статье мы не имеем возможности поставить

¹ „...Несмотря на то, что гр. А. Р. Воронцов и по возрасту, и по положению принадлежал к числу „старых служивцев“, он действовал заодно с партией „молодых друзей“ Александра I“, *ibid.*, стр. 131.

эту проблему во всей широте; для решения такой задачи понадобилось бы проследить судьбу тех течений русской общественной мысли, которые представляли Воронцов и Радищев, на протяжении почти полувека. Попытаемся лишь наметить политическое значение этого содружества для изучаемого нами времени. При этом, естественно, нельзя будет избежать и небольших экскурсов в предшествующие десятилетия.

Общепринята и по существу верна характеристика начала Александровского царствования, как периода преобразовательных жестов, которыми правительство отнюдь себя не связывало и в которых не заключалось никаких попыток изменения классовой базы государственной власти. Однако, более детальные изучения борьбы вокруг предполагаемых „реформ“ пока не привели к общеобязательным выводам. Ходовые определения политических конфигураций, как мы сейчас убедимся, никак не могут быть признаны верными.

Обычно считают, что в результате переворота 11 марта 1801 г. у власти стали и завели борьбу вокруг Александра две группы, одну из которых принято называть „молодыми друзьями“, другую же „старыми служивцами“ или „екатеринскими дельцами“. Противопоставление это давнее, и его делали еще современники, и Державин, например, сравнивал в своих записках „якобинскую шайку“ молодых членов Негласного комитета, „набитых французским и польским конституционным духом“, с „служивцами века Екатерины, опытными, осторожными, привыкшими к старому ходу, нарушение коего им казалось восстанием против святыни“.¹ Этот взгляд на деятелей старшего поколения как на хранителей екатерининской традиции, призванных Александром лишь в силу надобности в опытных администраторах, и на „молодых друзей“, как на смелых новаторов, увлеченных идеями французских просветителей и очень далеко заходивших в своих преобразовательных планах, удержался и в последующей историографии; менялись только оценки обеих групп, в зависимости от политической направленности того или другого историка.

Особенно прославили „молодых друзей“ либеральные

¹ Сочинения, акад. изд., т. VI, стр. 812, 787.

историки. „Если сравнить советников Александра... — писал Пыпин — со „старыми дельцами“, то по содержанию понятия, которое представляли эти люди, придется не только не прекать советников Александра, но поставить их гораздо выше множества разных министров и приближенных, какие бывали у нас в XVIII и XIX столетиях“.¹ В своем увлечении Пыпин доходит до того, что ставит знак равенства между кружком Александра и Радищевым: мнения последнего „не представляли ничего особенного в сравнении с тем, что несколько раньше думала или по крайней мере высказывала сама импер. Екатерина, и что несколько позднее думали люди, составлявшие кружок Александра, и сам Александр“.²

Если бы дело обстояло так в действительности, то нам, вероятно, не было бы надобности заниматься сейчас рассмотрением этих проблем, так как участие Радищева в правительственной деятельности эпохи „Негласного комитета“ было бы явлением совершенно естественным, да и сам Радищев, пожалуй, не представлял бы для нас особого интереса. Однако, и сами либеральные историки, кое-что пережив и испытав, стали понимать, что нельзя переоценивать декларации в Негласном комитете; это стало особенно ясным после издания строгановских протоколов заседаний этого Комитета. Так например, Корнилов вынужден был признать поверхностность либерализма „молодых друзей“ и указать, что „старый служивец“ Воронцов на практике в некоторых случаях мог быть более либеральным, чем эти „якобинцы“, собиравшиеся в Зимнем дворце“.³

Значительно свежее посмотрел на дело Довнар-Запольский. Сравнивая бесплодное топтание „новаторов“ в Негласном комитете с осмысленными и вполне конкретными проектами „стариков“, которых он называл „сенатской партией“ (исходя из того, что всех их в его представлении объединяло стремление к аристократической конституции и ограничению

¹ А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I, изд. III, СПб., 1900, стр. 82.

² Ibid., стр. 72.

³ А. Корнилов. Курс истории России XIX в., ч. I, М., 1912, стр. 104. Как мы видели выше, на той же точке зрения стоит и В. П. Семенников, отличающий А. Р. Воронцова от „старых служивцев“ и присоединяющий его к „молодым друзьям“. См. прим. на 11 стр.

самодержавия путем расширения власти сената), он пришел к выводу о большом либерализме „старых служивцев“, которые, хотя и в олигархических целях, все же стремились нанести известный урон твердыне самодержавия. Негласный же комитет, по мнению Довнар-Запольского, действовал преимущественно в целях личной карьеры его членов и парализовал осуществление предлагаемых „стариками“ Александру проектов.¹

Забегая вперед, укажем, что наиболее уязвимым местом построения Довнар-Запольского является конструируемое им понятие „сенатской партии“, объединяющее таких несходных, ни в личном, ни в политическом плане, деятелей, как братья Воронцовы и Державин, Завадовский и Зубов, Мордвинов и старый граф Строганов и т. п. Трудно представить себе, например, Державина в одной политической группе с А. Р. Воронцовым, которого он считал „атаманом“ „якобинской шайки“.² И конечно, в практических комбинациях Воронцов к этой „шайке“ стоял гораздо ближе, чем к своему старому недругу, верному слуге Екатерины, заменившему Воронцова на посту президента коммерц-коллегии — Державину.

По существу, конечно, никакой „сенатской партии“ не было, а существовали и боролись, и объединялись различные, как метко назвал их М. Н. Покровский, „котерии“ придворной и бюрократической знати. М. Н. Покровский совершенно правильно указал, что между обеими группами разница была невелика, и что не будь „стариков“, преобразовательные разговоры не имели бы, вероятно, и микроскопических своих результатов. Нужно, однако, отметить, что бегло лишь коснувшись этой темы, М. Н. Покровский без особой аргументации зачислил и „старых служивцев“, и „молодых друзей“ в реакционные силы, противопоставляя им Сперанского и декабристов,³ что не совсем точно: ведь проекты того же Спер-

¹ Эти соображения развиты М. В. Довнар-Запольским в различных его трудах, в особенности в статье „Зарождение министерств в России и указ о правах Сената 8 сентября 1802 г.“. Сборник „Из истории общественных течений в России“, Киев, 1910, стр. 65—116.

² *Op. cit.*, стр. 787.

³ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III, изд. III, стр. 277 и сл.

ранского были, несомненно, подготовлены политической борьбой первых лет царствования.

В какой мере этот вопрос остается неразработанным доныне, показывает одна совсем недавняя работа, возрождающая старое противопоставление „служивцев“ „молодым друзьям“ и подводящая под это деление даже „экономическую базу“. Оказывается, что, с одной стороны, мы имеем „конституционные стремления части аристократии“, добивавшейся только ограничения самодержавия и социальными вопросами не интересовавшейся, с другой — „слой, начинавший лендлордировать свое хозяйство и, благодаря этому, уже не дороживший отживавшими свой век сословными привилегиями и особенно основной из них — крепостным правом. Из этого то слоя вокруг Александра, еще в дни его молодости, образовался своего рода триумvirат, который составляли гр. Строганов, Новосильцев и кн. Адам Чарторыйский. Позже к ним присоединился еще кн. Кочубей“ и т. д.¹

В чем разница между социальными слоями Строганова и Воронцовых или Кочубея и, скажем, его дяди Безбородко, друга А. Р. Воронцова, С. В. Вознесенский, к сожалению, не объясняет, также как оставляет без ответа и вопрос, почему, собственно, наши „лендлорды“ перестали дорожить своими „сословными привилегиями“ и в чем конкретно выразилось их пренебрежение к крепостному праву. В том ли, что члены Негласного комитета возражали против запрещения поштучной безземельной продажи помещичьих крестьян и разрешения государственным крестьянам приобретать земли.² В том ли, что, как только Александр, всерьез или с провокационными целями — в данном случае несущественно, выступал с каким-нибудь аболиционистским проектом, ему сейчас же отвечали, что нельзя никого обижать, а в особенности дворянство, „которое также составляет значительную массу и легко может приобрести влияние“.³

Впрочем не будем больше задерживать внимание читателя на этой теории С. В. Вознесенского, тем более, что мы и не

¹ С. В. Вознесенский. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг. Очерки, М., 1932, стр. 80—83.

² В. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов. т. II, СПб., 1903, стр. 108 и сл.

³ Ibid., стр. 242.

собираемся давать собственный анализ политической борьбы этих лет. Нам важно было лишь показать, на каких шатких основаниях построено противопоставление „старых служивцев“, к которым принадлежал друг и покровитель Радищева Воронцов, и „молодых друзей“. Более того, мы готовы пойти дальше и утверждать, что поскольку речь идет не о придворных котериях, а об определенных идеологических течениях, ни „старика“, ни „молодежь“ не представляли никакой целостной группы. Идеологическое разделение шло отнюдь не по возрастному принципу. Строгановские записи совещаний Негласного комитета показывают, что не было почти ни одного вопроса, по которому все „молодые друзья“ сходились бы. Прения в Комитете сводились больше к тому, чтобы не дать Александру подпасть под влияние кого-нибудь одного, безразлично члена ли кружка или постороннего. Вместе с тем несомненно, что отдельные представители комитета сохраняли друг по отношению к другу значительную самостоятельность — недаром строгановские записи „результатов бесед с графом Кочубеем“, в которых мнения последнего сопровождаются критическими замечаниями Строганова, имеют характер почти что протоколов дипломатического порядка. Вместе с тем, отдельные члены кружка находились в различной степени близости и с представителями старшего поколения.

Таким образом, поскольку речь идет об идеологической борьбе, вопрос о двух группах не имеет большого значения. Важнее выяснить другое — в каких условиях создалась та политическая группировка, которая оказалась призванной к власти вслед за переворотом. „Молодые друзья“ естественно появились вместе со своим „другом“. Они же, по преимуществу, подсказывали и кандидатуры „старых служивцев“. Так, интересующего нас А. Р. Воронцова выдвигал в первую очередь Кочубей.¹ Из какой же среды выбирались представители старшего поколения?

Виднейшими деятелями первых лет царствования были братья Александр и Семен Воронцовы и в несколько меньшей степени, но все время на крупных постах гр. П. В. Завадовский, бывший, кстати, начальником Радищева. Это — крепко сплоченная группа, настолько, что когда А. Р. Ворон-

¹ Ibid., стр. 33.

А. Р. Воронцов.

С портрета работы Шмидта. 1784 г.

цов стал отходить от дел, Завадовский писал его брату: „Отсутствием твоего брата исчезает все мое здесь удовольствие. По свычке долговременной, по дружбе усердной, я находил в нем одну сущую отраду для моей души... Поеду в след твоему брату“.¹ Дружба эта, испытанная десятилетиями, цементировалась, повидимому, если не общностью взглядов (Завадовский в теории особенно не вдавался), то общностью тактических позиций в конкретной политике. Но, говоря об этой группе, нужно категорически протестовать для них название „екатерининские дельцы“, хотя Воронцовы и были крупнейшими сановниками, а Завадовский даже (недолгое время) фаворитом любвеобильной монархини.

Дело в том, что Воронцовы ни по личным симпатиям, ни по политическим настроениям не могут быть признаны представителями екатерининской традиции. В течение всего царствования они находились в оппозиции. Недаром Екатерина, отпуская А. Р. Воронцова в отставку, писала, повидимому, А. А. Безбородко: „Заготовьте указ о отставке Воронцова. Не спорю, что он Вам дорог и что таланты имеет, всегда знала, а теперь наивяще ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя, права не имею принудить быть усердным ко мне, кто не есть. Разведены и развязаны будем на век, ч[орт] е[го] п[обери]“.²

Екатерина не ошибалась в оценке чувств к ней Воронцова, отрицательно относившегося и к ней лично, и к установленному ею правительственному режиму. В известном письме к Александру, написанном в ноябре 1801 г., Воронцов сурово осудил правление Екатерины, особенно жестко отозвавшись о потемкинской политике.³ При этом интересно отметить, что, критикуя царствование Екатерины, ликвидировавшее, по его мнению, все благие установления Петра III, Воронцов выдвигает мотив, довольно редко звучащий в наших источниках.

Именно, он довольно высоко ставит предшествовавшее ей

¹ Письмо от 16/XI 1803. Архив кн. Воронцова, кн. XII, стр. 276—277.

² Ibid., стр. 103, прим.

³ „Прямую эпоху водворения сих злоупотреблений почитать должно самовластие и властолюбие князя Потемкина“... Письмо напечатано в кн. XXIX „Архива кн. Воронцова“, стр. 449—470.

царствование: „...по кончине императрицы Елисаветы, в короткое царствование ее наследника примечательного были три закона, кои всякому царствованию честь сделали бы: 1) указ о вольности дворянства; 2) уничтожение тайной канцелярии и 3) по торговле уничтожение всяких монополий“. Это замечание представляется весьма существенным для понимания характера оппозиции Воронцова при Екатерине. Оппозиция эта, направленная и против лица, и против политики правительства, питалась также и личными, и политическими мотивами. Личными потому, что вся семья Воронцовых, под эгидой канцлера М. А. Воронцова, делала при Петре III блестящую карьеру, резко оборванную переворотом. Но, как видим, Воронцов поддерживал и политические мероприятия, проведенные при Петре, конечно, не по личной инициативе этого бездарного правителя.

Здесь приходится отметить, что переворот 1762 г. до сих пор остается недостаточно изученным. Кроме личных свойств Петра и, в лучшем случае, его внешней политики, никаких других причин для устранения его обычно не называют. При этом остается неясным, почему столь много было таких, кто, подобно деду Пушкина, „как Миних верен оставался паденью третьего Петра“; немало и „родов суровых“ „присмирели“ после удачи Екатерины, приведшей к власти новую смену гвардейского шляхетства.

Мы не будем здесь рассматривать всю проблему переворота 1762 г. — это тема для специального исследования. Нам важно отметить, что переворот этот оставил значительное количество недовольных; часть последних в течение долгого времени сплетала конституционные интриги вокруг наследника престола Павла и, как известно, связалась с масонством. Другая часть, представителями которой были и братья Воронцовы (из которых Семен за свою верность Петру III поплатился коротким арестом), не активизируя своей оппозиции, пронесла ее через все Екатерининское царствование. Оставаясь на службе и достигая степеней известных, они, конечно, не питали никаких революционных замыслов, особенно после Пугачевщины, но принять потемкинский режим они не могли. В этом отношении чрезвычайно показательна оценка Верховного тайного совета, данная А. Р. Воронцовым в цитированном письме к Александру: „В сем избрании императрицы

Анны примечательно, какое влияние и силу имела тогда в России гражданская власть, ибо хотя и не признать нельзя, что тогдашний Верховный совет и весьма дурное употребление сделал из своей инфлюенции и власти, присвоив себе и, так сказать, двум фамилиям всю почти власть самодержавия; но по крайней мере не солдатов престоном распоряжало, так как в последующие времена похожее на то случилось. Нет рода правления свойственнее к насильству, как военное. Безмерная власть в руках гражданских имеет, конечно, свои неудобности; но никогда таких насильственных следствий иметь не может, как необузданность воинская. Власть, присутственному месту присвоенная, как бы сие место, Советом ли или Сенатом, ни называлось, даже формами и обрядами преграждаема бывает. Известно по истории, до чего необузданность гвардии преторианской в Риме простиралась "... и т. д."¹

Как видим, осуждение верховников имеет довольно ограничительный характер и идет преимущественно по линии их олигархических тенденций. В построениях Воронцова элементы родового аристократизма играли очень незначительную роль, и сам он был человек не очень родовитый. Но зато господству „гражданской власти“ он отдает всяческий профит. Таким образом, в идеологии Воронцова можно найти известные оттенки, отличающие его конституционализм от „монаршизма“ хотя бы кн. Щербатова с его аристократической гордостью. У Воронцова больше бюрократических элементов, и это позволяет ему искать расширения социальной базы „гражданской власти“. Знакомство с его бумагами обнаруживает в нем заинтересованность в развитии промышленности и вообще „третьего сословия“ и готовность на некоторое смягчение крепостничества, близость падения которого и он, и его брат, как видно из их переписки, ощущали довольно явственно. В привычном плане политической мысли XVIII века это поколение верховников стремилось к сохранению своего господства в первую очередь путем ограничения военно-полицейского режима административной реформой. Положительная часть программы требовала прежде всего расширения власти Сената.

Здесь мы поневоле вынуждены ограничиться беглым абрисом политической позиции Воронцовых: подробное исследо-

¹ Ibid., стр. 455, прим.

вание филиации идей аристократической оппозиции в царствование Екатерины II увело бы нас слишком далеко. В рамках настоящей статьи следовало только установить, что, обещая следовать „заветам бабки“, Александр одновременно призывал на высший пост в государстве ее старого антагониста, носителя традиций того особого поколения верховников, которое, нам кажется, пыталось осуществить свои стремления в короткий период царствования Петра III.

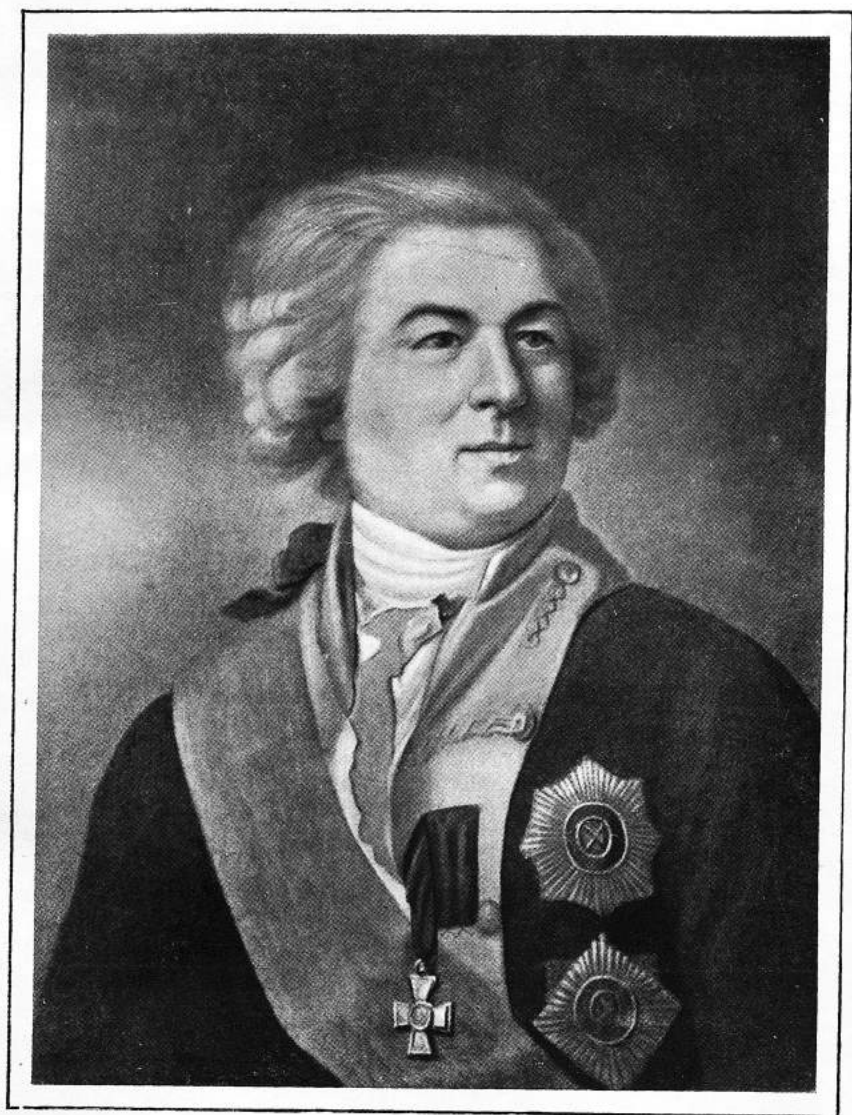
Не совсем типичным екатерининским человеком был и граф Завадовский. Хотя в свое время он и был „приближен“ к Екатерине, но фавор его продолжался очень недолго: „Приближение это крайне встревожило Потемкина; он страшился ума нового наперсника и связей его с Задунайским и начал хитро производить домогательства, происки и сплетни... Через год Завадовский оставил дворец“...¹ Завадовский был креатурой соперника Потемкина — Румянцева, который также в свое время отказался признать законность воцарения Екатерины.² В память личной связи Екатерина в течение всего царствования держала Завадовского на сановных, хотя и второстепенных постах; но окружение его было оппозиционное — Румянцевы, Воронцовы и т. п.

Но Завадовского нельзя считать особо видным деятелем. Гораздо большую роль играл в первые годы Александровского царствования Д. П. Троицкий, человек, к которому понятие „екатерининского дельца“ приложимо, пожалуй, больше чем к кому-нибудь другому. Но и он был тесно связан с Воронцовым через своего покровителя А. А. Безбородку, который с ловкостью искусного царедворца умел сочетать благоволение Екатерины и Павла с тесной близостью к Воронцовым. Он и сам был в скрытой оппозиции сначала к Потемкину, потом к Зубову и, повидимому, на всякий случай не терял связей с фрондирующими кругами. Дружба его с Воронцовым во всяком случае несомненна.³ Через Безбородку и уста-

¹ Словарь русских достопамятных людей А. В. Казадаева. Цит. по Архиву кн. Воронцова, т. XII, стр. XVI.

² Отметим, что С. Р. Воронцов был одно время начальником штаба Румянцева. На этой службе и завязалась его дружба с Завадовским.

³ „Пощатнулись было и граф Воронцов и Завадовский, — писал в своем дневнике А. В. Храповицкий 3/IV 1792 г. — но всех удержал граф Безбородко“ (изд. 1902 г., стр. 230). Характерно, что заключая Яский мир, Безбородко

П. В. Завадовский.
С миниатюры

новилась связь его фактотума Трощинского с А. Р. Воронцовым.

Таким образом группа „старых служивцев“, ставшая у власти в начале XIX в., является довольно своеобразным блоком связанных старыми личными отношениями политиков. Наиболее крупными фигурами в группе являлись братья Воронцовы; политическая физиономия которых была довольно ясна и резко противоречила принципам двух последних царствований. В противоположность многим опальным людям екатерининского царствования, они отрицательно отнеслись и к Павлу, отвергнув почетные предложения последнего: Александр Воронцов — пост вице-канцлера и несколько позднее, после смерти Безбородко, Семен Воронцов — пост канцлера.

Причину этого отношения к Павлу уяснить не трудно, да ее указывает и сам А. Р. Воронцов, говоря в своих неоконченных мемуарах о рождении Павла: „Кто бы мог тогда, радуясь рождению Павла, поверить, что для России народился тиран.“¹

Известно, что в среде заговорщиков, произведших переворот 11 марта, было два течения, опять-таки в новом варианте возрождавших тенденции „верховников“ и „шляхетства“, на сей раз объединившихся против общего врага. Об этом сообщают Карамзин, Фонвизин и др. У нас нет никаких данных об участии Воронцовых в заговоре; находясь — один в своем подмосковном имении, а другой в Лондоне, они и фактически не могли иметь к нему отношения. Из числа „старых служивцев“ только Трощинский упоминается мемуаристами, как автор отречения, которое должен был подписать Павел. Это обстоятельство в дальнейшем облегчило призвание Воронцова, Завадовского и др. к власти — как известно, Александр нарушил традицию XVIII в. возвеличивать активных участников гвардейских переворотов. Тем не менее, то обстоятельство, что кандидатура А. Р. Воронцова начинает муссироваться в кружке „молодых друзей“ сразу после того; как они съехались в Петербург, показывает, что связи его с ними установились раньше, задолго до переворота. Легко до официальных донесений посылал частные письма Трощинскому с просьбой сжигать их, предварительно показав А. Р. Воронцову и Завадовскому (Архив кн. Воронцова, т. XII, стр. 378—379).

¹ Архив кн. Воронцова, т. V, стр. 18.

установить и нити, связывавшие группу Воронцова с наследником престола. Граф П. А. Строганов был сыном старого друга Воронцовых, с которым они, повидимому, несмотря на длительные семейные счеты, сохранили добрые отношения;¹ Новосильцов, двоюродный брат Строганова, принадлежал к той же среде. Наконец, прочными нитями связан был с интересующим нас кружком пожилых сановников В. П. Кочубей, племянник Безбородко, в своей дипломатической работе находившийся под большим влиянием С. Р. Воронцова. Он-то и заверил, что „граф Александр Воронцов будет человеком подходящим и не нужно бояться, что он будет слишком не уступчив... так как он меньше всего является сторонником деспотизма; он даже был обвинен во времена Екатерины II в демократизме за то, что покровительствовал Радищеву“.²

О том, в какой мере Кочубей был близок к кружку Воронцова, показывает тот факт, что в дальнейшем, когда линии их стали расходиться вследствие именно „неуступчивости“ старого вельможи, не приспособившегося к настроениям императора, все решительнее отказывавшегося от аристократических реформ, Завадовский рассматривал поведение Кочубея почти как измену: „Граф Кочубей мало-по-малу от нас отпадает в удостоверении на свой внутренний вес“, писал он Семену Воронцову 11 апреля 1803 г.³

Но в 1801—1802 гг. этот союз еще действовал, и по материалам Негласного комитета мы видим, как настойчиво выдвигают „молодые друзья“ обоих Воронцовых, подающих свои мнения по основным вопросам предполагаемых „реформ“ и встречающих гораздо большее сопротивление со стороны Александра, чем в высказываниях его советчиков. Так в заседании 15 июля 1801 г., где обсуждался и вызвал возражения со стороны царя проект коронационной грамоты А. Воронцова (о ней речь у нас будет итти дальше), Чарторыйский „говорил о графе Александре Воронцове и выразил пожелание, чтобы его величество почаще видел его и советовался с ним, так как хотя граф и стар, но идеи его молоды и он

¹ По крайней мере, в своих записках, писанных незадолго перед смертью, А. Р. Воронцов упоминает о нем, как о старинном друге. Архив кн. Воронцова, т. V, стр. 13.

² Николай Михайлович, *Op. cit.*, т. II, стр. 33.

³ Архив кн. Воронцова, т. XII, стр. 274.

совершенно не привержен к старым предрассудкам¹. Такое осознание единства политических позиций не могло, конечно, быть результатом двух-трех месяцев. Естественно мы должны предположить установление связи Воронцовых с кружком Александра не только личной, но и политической в предшествующий период. Это обстоятельство, на первый взгляд не очень значительное, представляет существенный интерес с точки зрения нашей темы. Дело в том, что „молодые друзья“, чаявшие воцарения их друга, активизировались в разных направлениях и искали поддержки не только среди старых аристократических фрондеров. Правда, с последними у них было очень много общего в политических принципах. Но в конкретной обстановке павловского царствования практических результатов этот союз, без дворцового переворота, дать не мог. А Воронцовы и им подобные мало годились для гвардейских *coups d'état*.

Нам уже приходилось в другой связи указывать, что в целях формирования общественного мнения в желательном направлении кружок Александра установил контакт с группой радикальных писателей, возглавлявшейся И. П. Пниним и идейно, а позднее и лично связанной с Радищевым.²

Конституционные идеи в кружке наследника были в большом ходу. В переданном через Новосильцова письме Лагарпу от 27 сентября 1797 г. Александр, описывая бедственное состояние России, следующим образом изображал свои замыслы: „Всего-на-всего нас только четверо, а именно: Новосильцов, граф Строганов, молодой князь Чарторыйский... и я. Мы намереваемся в течение настоящего царствования поручить перевести на русский язык столько полезных книг, как это только окажется возможным, но выходить в печать будут только те из них, печатание которых окажется возможным, а остальные мы прибережем для будущего; таким образом, по мере возможности, положим начало распространению знания и просвещению умов. Но когда же придет и мой черед, тогда нужно будет стараться, само собой разумеется, постепенно, образовать народное представительство, которое,

¹ Николай Михайлович, *Op. cit.*, т. II, стр. 74.

² См. нашу статью „Семья Бестужевых“ в книге „Воспоминания Бестужевых“ под ред. М. К. Азадовского и И. М. Тродкого, М., 1931, стр. 7—38.

должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию...

„...Предприятие наше не может подвигаться вперед так быстро, как это было бы желательно; всего труднее подыскать людей, способных исполнить эти переводы...“¹

Мы не знаем, какое количество переводчиков было потребно кружку наследника. Но, повидимому, в то время, когда писалось это письмо, уже нащупывались соответствующие пути. Согласно найденному нами в бумагах А. Ф. Бестужева реестру, он получил из средств наследника 6250 руб. на переводы Филанджиери, Стюарта, Гольбаха, Беккариа и др. В эту же сумму вошли и 2000 руб. на издание „Санкт-Петербургского журнала“, который выходил в 1798 г., под редакцией Бестужева и Пнина.

Анализируя содержание этого журнала, явившегося, таким образом, отчасти органом кружка „молодых друзей“, легко заметить, что философский радикализм, выразившийся в переводах Гольбаха, Вольнея и др., несколько дисгармонировал с бледностью политической программы. Правда, издатели журнала выступают против дворянских привилегий и скорбят об угнетенном положении крестьянства. Но они вовсе не рекомендуют революционного разрешения вопроса: „...нельзя выводить народ из состояния равновесия: он понесется без направления, потому что неспособен вместить в себя той точности и скромности, какие нужны, чтобы воспользоваться советами мудрости“. И только тогда, когда просвещение, эта движущая сила истории, охватит самые народные толщи, только тогда философ сможет заговорить полным голосом: „Случаются времена, когда мудрость не имеет причины страшиться быть жертвою своей ревности, устремляясь открыто и с великою силою против прочных предубеждений. Сие бывает, когда народ уже предуготовлен к принятию истины“.

Впредь же до желанного распространения просвещения журнал возлагал надежды на государя, который будет править „соответственно духу народному“.

Издатели и сотрудники „Санкт-Петербургского журнала“ были ранними представителями русской литературной интеллигенции, по составу своему мелкопоместно-дворянской и

¹ Н. К. Шильдер. Император Александр I, т. I, СПб., 1897, стр. 163—164.

В. П. Кочубей.
С акварели П. Ф. Соколова

разночинно-служилой. В эту группу входили Пнин, Бестужев, И. И. Мартынов, А. Е. Измайлов, А. И. Бухарский, Н. И. Анненский и др. С некоторыми представителями этой группы был, повидимому, связан М. М. Сперанский. Несколькими годами спустя та же среда наполнила „Вольное общество любителей словесности, наук и художеств“, куда входили и сыновья Радищева и которое находилось под большим личным и идейным влиянием самого Радищева. Таким образом, идейная связанность „Санкт-Петербургского журнала“ с Радищевым не вызывает сомнений (издатели не упустили случая эту связь подчеркнуть, хотя бы и косвенным путем; В. П. Семенников считает даже возможным предположить сотрудничество в журнале самого Радищева).¹ Естественно, что политическая судьба этой группы представляет немалый интерес и для изучения Радищева.

Нет, конечно, никаких оснований предположить, что издатели „Санкт-Петербургского журнала“ „продались“ наследнику и его друзьям. И в той форме, в какой журнал выходил, он представлял с точки зрения павловской цензуры довольно одиозное предприятие, и можно удивляться, каким образом журнал все-таки просуществовал в течение целого года и издатели его не подверглись никаким репрессиям. Итти на этот риск можно было, конечно, только из идейных соображений, и были, очевидно, общие моменты у молодых радищевцев и „молодых друзей“, раз линии их могли скреститься.

Не трудно найти эти точки соприкосновения. Дворянские радикалы, как мы видели, не возлагали надежд на народную революцию и боялись ее. В этом смысле их позиция по степени революционности значительно уступает той, которую сформулировал Радищев в своем „Путешествии“. Правда, он в конечном счете не очень жаждал революции, но не менее того не уставал размахивать крестьянским топором перед лицом помещного дворянства. Мощная волна крестьянских восстаний во времена Павла и уроки французской революции вряд ли могли способствовать появлению у издателей „Санкт-Петербургского журнала“ соответствующих настроений.

Кроме того, для них, учеников XVIII в., вопрос о форме организации государственной власти являлся одним из

¹ *Op. cit.*, стр. 453 и сл.

решающих, и как раз конкретная обстановка особенно привлекала внимание к этому пункту. На престоле сидел тиран. Но что и кого могли противопоставить радищевцы Павлу? Обращение к массе было исключено. Естественно было, вслед французским учителям, обратить свои помышления к „просвещенному государю“, тем более, что таковой замаячил на горизонте. Молодой наследник престола, казалось, осуществлял мечту французских просветителей. Увлеченный вольнолюбивыми идеями, он обещал воплотить на троне образ монарха-законодателя, нового Ликурга или Марка Аврелия, к именам которых охотно уносились читатели Монтескье и Мабли. И сам этот будущий Марк Аврелий, не ограничиваясь словесными обещаниями, уже протягивал руку помощи в деле „предуготовления народа к принятию истины“. В таких условиях незачем было искать сложных и болезненных путей борьбы с общественным злом; следовало только дожидаться смерти Павла и быть призванными к государственной и законодательной деятельности. „Для управления государством потребны не пустые головы“, повторяли радикалы из „Санкт-Петербургского журнала“ и готовились предоставить для этой цели новому государю свои, исполненные высоких дум и общеполезных мыслей.

Так сложился в павловский период идеологический блок, не закрепленный никакими письменными обязательствами и организационными формами, но объединяемый общим противником и общими надеждами, блок между представителями старинного, но обновленного аристократического конституционализма и радикалами новой формации. Связующим звеном между ними и явились „молодые друзья“, установившие связи с обеими группами и сами еще не сделавшие окончательного выбора между аристократической английской конституцией и французской декларацией прав человека и гражданина. Впрочем, в условиях того времени мыслимы чрезвычайно разнородные идеологические устремления в рамках единой политической группировки. И 20 лет спустя, когда на новом этапе кризиса крепостной системы мы могли бы ждать значительно большей идейной дифференциации, все же в тайных обществах декабристов мы находим за выработкой общих тактических планов представителей резко антагонистических тенденций.

Ретроспектируя это наблюдение, можем пролить и некоторый свет на социальный смысл содружества Воронцова и Радищева в екатерининскую эпоху. И здесь мы видим эту же картину объединения представителей двух типов оппозиции. Но, повторяем, этот период лежит вне поля нашего рассмотрения.

Воцарение Александра на первых порах, казалось, оправдало все возлагавшиеся на него надежды. К практической государственной деятельности были призваны и старые оппозиционеры — на большие посты, и молодые радикалы и либералы — на второстепенные должности. Таким образом, на службе новому царствованию оказались и Пнин, и Мартынов, и Сперанский и др. При этом, в соответствии с теоретическими устремлениями этой группы, им были предоставлены должности преимущественно по законодательному и просветительному ведомствам. Исследователь кружка „радищевцев“ В. Н. Орлов отмечает, что служебными центрами их явились департамент Министерства народного просвещения и Комиссия составления законов.¹ В этой Комиссии указом 6 августа 1801 г. было повелено быть членом коллежскому советнику Александру Радищеву.

* * *

Таким образом, возвращение Радищева к государственной деятельности было совершенно закономерным следствием обновления аппарата, куда вошла вся группа его единомышленников и учеников. Насколько идеи этой группы были в моде, можно судить по тому, что либерализм А. Р. Воронцова Кочубей счел нужным мотивировать от дружбы его с Радищевым.

С другой стороны, был призван и старый граф, немедленно развивший энергичную прожектерскую деятельность и, как можно судить по целому ряду данных, привлекавший Радищева к участию в своих работах. Возможность совместного творчества с деятелями типа Воронцова и Завадовского,

¹ В. Н. Орлов, Иван Пнин. Биографический очерк, в издании сочинений Пнина, М. 1934, стр. 264—265. Отметим кстати, что в департаменте Министерства народного просвещения служил вместе с Пниным, Мартыновым и др. сын Радищева, Николай Александрович.

под покровительством просвещенного монарха, казалась молодым друзьям Радищева вполне реальной. Мог ли он сам думать иначе?

Радищев „Путешествия“, конечно, гораздо радикальнее своих учеников. Издавая эту книгу, он, повидимому, не обольщал себя мыслью, что и в этих вопросах он найдет единомышленника в Воронцове, и, как известно, последний не знал об этом предприятии. Но между „Путешествием“ и Комиссией составления законов легла огромная веха великой французской революции, которую Радищев не мог принять ни в ее высшем проявлении якобинской диктатуры, ни в том цезаристском результате, при котором он присутствовал. Высказываний в этом смысле у него можно найти много. Любопытно, что и его последователь Пнин, в своих уступках „просвещенному самодержавию“ пошедший чрезвычайно далеко, вплоть до признания справедливости сословной структуры общества (вот к чему приводил блок с аристократическими конституционалистами), мотивирует свои возражения против равенства именно тем, что оно ведет в конечном итоге к установлению злейшего неравенства. В судьбах французской революции Радищев, несомненно, находил подтверждение своей мысли о фазисности революций, развитой им неоднократно и с особой силой в „Вольности“.

Се был и есть закон природы
 Неизменяемый никогда,
 Ему подвластны все народы,
 Незримо правит он всегда:
 Мучительство, стряся пределы,
 Отравы полны свои стрелы
 В себя, не ведая, вонзят;
 Равенство казнию восставит
 Едину власть, вселясь, раздавит,
 Обидой право обновит.

Дойдет до мести совершенства,
 В стезях препоны прескочив,
 В сожитии найдет блаженство,
 Несчастливым жребий облегчив.
 И паче солнца возблистаешь
 О вольность, вольность! Да скончаешь
 Со вечностью ты свой полет.
 Но корень благ твой истощится,
 Свобода в наглость превратится
 И власти под ярмом падет.

Мысль Радищева бродила в поисках разрешения этого заколдованного круга еще в 80-х годах XVIII в., но точного ответа не находила. Ему было ясно, что вольность так или иначе должна победить, но как — ответа он так и не дал. По сути дела ему мыслился ряд утопических разрешений вопроса вплоть до „случая“:

О вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!

Одним из таких „случаев“ должен был казаться Радищеву и „просвещенный государь“. Недаром, издавая „Письмо к другу“, заканчивающееся знаменитой фразой „нет и до окончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что ли из своей власти, сядя на престоле“, он сделал сноску: „если бы сие было писано в 1790 году, то пример Лудвига XVI дал бы сочинителю другие мысли“.¹ В процессе писания „Путешествия“ Радищев, правда, меньше всего рассчитывал на этот случай. Мы не склонны рассматривать вместе с В. П. Семенниковым² радищевский „Сон“ как результат представления автора, „что высшая власть может не знать правды и потому только допускает существование всех творимых в обществе злодеяний“. Слишком конкретны намеки „Сна“ для такого толкования; и слишком наивным представляет оно Радищева. Характерно, что и единственное место, где более или менее ясно выражена надежда „на вышнюю власть“ — утопический „Проект в будущем“ — литературно подан, как принадлежащий постороннему „другу“ автора.

В литературе уже отмечалось, что „Проект в будущем“ редакционно плохо обработан. Он содержит вставки, не имеющие непосредственного отношения к помещенным в нем законодательным актам, иногда Радищев говорит от собственного лица и т. п. Думается, однако, что неотделанность эта не случайна; возможно, что Радищев и сам колебался, от чьего имени должны были исходить эти акты. Если взять два основных — грамоту об освобождении крестьян и „положение о уничтожении придворных чинов“, то монарх законо-

¹ Полное собрание сочинений А. Н. Радищева под ред. В. В. Калаша т. I, М., 1907, стр. 75. В дальнейшем все цитаты по этому изданию.

² *Op. cit.*, стр. 73.

датель по настоящему чувствуется только в последнем: здесь он говорит о себе в первом лице — „дворецкий мой, конюший“ и т. д., здесь, сообразно с обычным манифестационным стилем, даны индивидуальные реминисценции: „с младенчества нашего возненавидев ласкательство, мы соблюли сердце наше от ядовитой его сладости, даже до сего дня; и ныне новый опыт в любви нашей к вам и преданности явен да будет“.¹ Здесь мы действительно видим монарха, разговаривающего со своими подданными.

Гораздо сложнее обстоит дело в „грамоте“; правда, и там кое-где проглядывает лицо дающего ее монарха. Но очень часто *nos majestatis* грамоты сбивается на какое-то коллективное „мы“; и если „державные предки наши“ как-будто заставляют подозревать единоличного царственного автора, то несколькими строками ниже мы уже читаем „отцы наши“, что уже заставляет предполагать автором грамоты какое-то учреждение (уж не столь ли любезный А. Р. Воронцову сенат?). Обращаем внимание еще на одно обстоятельство. Аудитория, к которой обращается монарх в „положении“ — это безличное „вы“, т. е. скорее всего подданные; при этом „мы“ и „вы“ все время противопоставлены: „какая вам в том польза...“, „что дадим мы, владыки мира, в ответ“ и т. п. В „грамоте“ речь все время обращена к „возлюбленным нашим согражданам“, причем „мы“ означает и автора документа, и весь народ. Кроме того, ниоткуда не видно, чтобы оба акта должны были появиться одновременно и при одинаковом строе. Несомненно, Радищев предполагал серию актов, следующих в известном порядке: та минимальная программа по крестьянскому вопросу, которая помещена вслед за „грамотой“, должна предшествовать „совершенному уничтожению рабства“, которое как раз и декларируется в „грамоте“ (очень характерно, что именно этот момент Радищев счел нужным дать в развернутом виде, между тем как программа „временных законоположений к постепенному освобождению“ дана с оговорками и как бы неохотно).

Таким образом, мы склонны предположить, что в какой-то момент работы над „Проектом в будущем“ Радищев начал вытравливать в „грамоте“ следы индивидуального манифеста,

¹ Сочинения, т. I, стр. 285, 287.

предполагая приписать ее некоторому учреждению. Работу эту он, однако, не довел до конца. Как бы то ни было и от кого бы ни чаял Радищев полного освобождения крестьян, „Проект в будущем“ все же допускает возможность появления монарха, который олицетворил бы идеал, сформулированный Радищевым (конечно, вслед за его французскими учителями) еще в примечании к переводу „Размышления о греческой истории“ Мабли: „Государь есть первый гражданин народного общества“. ¹ В „Путешествии“, где Радищев дошел до максимального для него возможного революционного подъема, эта тенденция просветительной философии выражена крайне слабо. Но мечта о постепенном, некатастрофическом осуществлении „вольности“ типична для него и здесь. Не одними условиями крепостного заключения вызвана в его показании фраза: „В проекте о освобождении крестьян помещичьих я мечтал, признаюсь, как может быть оно постепенно“. ² И в своем фаталистически-утопическом плане постепенного осуществления „вольности“ Радищев, повидимому, на какой-то стадии склонен был допускать благонамеренную активность монарха-законодателя.

Трудно предположить, чтобы в своем деревенском уединении 1797—1801 гг. Радищев был бы настолько оторван от политической жизни, чтобы не знать о благодетельных мечтаниях кружка наследника, о том, что идеалу истинного государя суждено воплотиться в будущем русском царе. Постоянная связь Радищева и с Петербургом и с Воронцовым, который в своем добровольном затворничестве зорко следил за всем происходящим, должны были держать Радищева в курсе дела. И мы видим, что переворот 11 марта он встречает с такими же надеждами на будущее, как и его младшие последователи — Пнин и его друзья. В этом убеждают нас известные строки „Осьмнадцатого столетия“, которые следует признать выражением не индивидуального настроения Радищева, а *credo* целой группы, занимавшей в то время крайний левый фланг русской общественной мысли. ³ В этих

¹ Ibid., стр. 65.

² Ibid., т. II, стр. 593.

³ Чтобы не быть слишком суровыми в оценке увлечения Радищева и его последователей Александром, нужно вспомнить, что мечты о „просвещенном монархе“, дарующем „вольность“, долго еще жили в сознании

строках воспеваются счастливые судьбы России, изжившей „ночную тьму“ павловского режима.

Утро столетия нова кроваво еще нам явилось.
 Но уже гонит свет дня ноши угрюмую тьму!
 Выше и выше лети ко солнцу, ореол ты российский,
 Свет нам на землю снеси, молнии смертельны оставь.
 Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
 Екатериной, Петром воадвигнут, чтоб счастлив был росс.
 Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами,
 Зрите на новый вы век, зрите Россию свою!
 Гений хранитель всегда Александр будь у нас.¹

Но если здесь мы видим увлечение, вызванное, может быть, отчасти и счастливым изменением в личной судьбе автора, примиряющегося в этом стихотворении даже с своей старой гонительницей (это, может быть, вызывалось конкретными обстоятельствами написания, ближе нам не знакомыми), то самая тема „просвещенного монарха“, монарха-законодателя становится в это время чрезвычайно близкой Радищеву. Основной темой огромного охвата „Песни исторической“ не случайно является проблема героя-царя, тирана и законодателя. Радищев ищет в исторических образах (в основном почерпнутых из античных источников, частично трактуемых по трафарету политической литературы XVIII в.) разрешения проблем современности. Его Моисей, открывающий „Песнь“, выглядит почти Бонапартом:

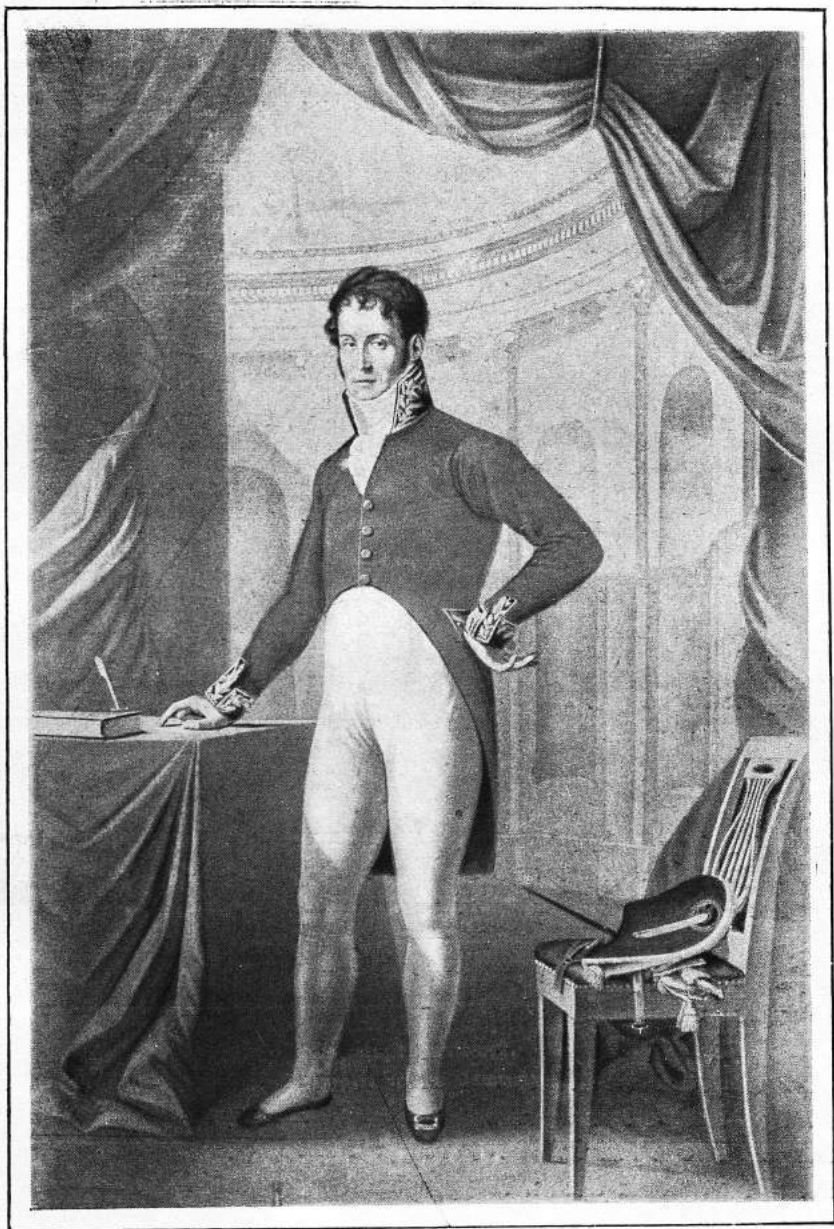
„... возможший
 Управлять толпой народной,
 Не быв призван на то ею,
 Не имея пред собою
 Предрассудка порождения“...²

Переключки с современностью даются Радищевым и в более ясной форме. Так рассказ о Сулле наводит Радищева на сопоставление с французской революцией и дает ему повод высказать очень важные с точки зрения интересующих нас проблем мысли:

русских революционеров-дворян. Стоит привести хотя бы отношение Герцена к первым шагам Александра II.

¹ Сочинения, т. I, стр. 464.

² Ibid., стр. 406.

А. Чарторыйский.
С портрета работы Олешкевича

Нет, ничто не уравнился
 Ему в люлости толякой.
 Робеспьер дней наших разве.
 Ах, во дни сии ужасны,
 Где отец сыновней крови,
 Где сыны отцовой жаждут,
 Господу где раб предатель,
 Среди разврата нагла нравов
 Может разве самодержец,
 Властью венчан всеильной,
 Дать устройство, мир... неволи —
 Пусть неволи, но отдохнет
 Человечество от тяжких
 Ран...¹

Здесь мы, может быть, находим ту мотивировку, которой Радищев интимно, перед самим собой, оправдывал свое признание Александра: в годы обостренной классовой борьбы дальнейшее революционное разворачивание событий приведет лишь к ужасам террора. В „наши дни“, „дни сии ужасны“ выход только в самодержце и, повидимому, не для одной лишь Франции.

Радищев тщательно разыскивает в истории образы идеальных монархов. „Драгоценней в мире вещи нет, как царь правдивый“, замечает он по поводу афинского царя Кодра. Он охотно перечисляет „добродушных“ императоров Рима, попутно высказывая мысль, характерную для „интеллигента“ его времени и на разные лады интерпретировавшуюся и „Санкт-Петербургским журналом“ — мысль, что лучшими членами общества являются аристократы ума, философы, ученые и поэты. И славословя Тита, Радищев замечает:

... век твой красен
 Жизнью Плиния старейша,²

и говоря о Трояне, он ставит его в пример, потому что

... дни его златые
 Зрели Тацит и Плинья,
 Ювенала и Плутарха.
 Когда Тацит, сей достойный
 Муж дней Рима непорочных,

¹ Ibid., стр. 419.

² Ibid., стр. 428

Со восторгом мог воскликнуть:
 Век счастливый наш, где можно
 Мыслить то, что мыслить хочешь,
 И вещать, что ты помыслишь!¹

И естественно, в соответствии с популярной в XVIII в. трактовкой философа на престоле, Радищев приходит в лирический восторг перед „именем сладостным и славным“ Марка Аврелия. Но это — идеал недостижимый, образ, не повторенный ни одним из последующих царей, —

И столетия с стремленьем
 Протекли за ним уж многи;
 Но на поприще обширном,
 На ристалище вселенной
 Всяка слава и блистанье
 Всех царей, владык прешедших —
 Перед ним суть разве слабый
 Блеск светильника, горяща
 В полдень ясный в свете солнца...²

Было бы, однако, ошибкой думать, что Радищев отмечает в истории только образы „просвещенных“ государей. Он уделяет достаточно места и тиранам. Более того, самое появление на троне добродетельных монархов — лишний предлог вспомнить о том, что они счастливое исключение и что вслед за смертью Марка Аврелия „Коммод грозно потрясает копием“. Радищев фиксирует свое внимание на случайности престолонаследия, заставляющей Тита оставить престол „иль чудовищу иль брату“. Мы не знаем, как собирался Радищев продолжать „Песнь“, какие оценки дал бы он властителям более близких к нам эпох — поэма осталась незаконченной. Но и в дошедшей до нас части, которая тоже писалась не в один день, конечно, можно заметить некоторый перелом настроения, и не в пользу монархического принципа и „просвещенного государя“. Но к этой теме мы еще вернемся ниже — эти элементы „Песни исторической“ в нашем представлении являются в известном смысле итогом той практической деятельности Радищева в области законодательства, к рассмотрению которой мы сейчас переходим.

¹ Ibid., стр. 430.

² Ibid., стр. 431—432.

* * *

Предшествующее изложение убедило нас, что, приступая к законодательной работе, Радищев, как и целая группа его последователей, верил в возможность постепенного осуществления преобразований, направленных в сторону установления буржуазных свобод, благодаря доброй воле монарха-законодателя Александра I. Для достижения этой цели удобными попутчиками представлялись дворянские конституционалисты типа Воронцова, т. е. того типа деятелей, которые считали возможным сочетать, по британскому образцу, аристократическую конституцию с развитием капиталистических отношений и политическими свободами. Эти условия и должны были определить характер законодательных проектов Радищева.

Прежде чем заняться рассмотрением последних, нам придется, однако, произвести некоторую источниковедческую работу, так как с литературным наследием Радищева по этой части не все еще обстоит вполне ясно.

О деятельности Радищева в Комиссии составления законов современники и ближайшие потомки сохранили различные малодостоверные анекдоты. К числу таких мы склонны отнести и известный рассказ о разговоре Радищева с Завадовским, якобы приведший к самоубийству Радищева. Чрезвычайно показателен и анекдот, сообщенный Лонгиновым о том, что последний проект Радищева состоял в создании под эгидой правительства тайного общества для надзора за отправлением правосудия.¹

И тенденция, и причина появления этих анекдотов ясна. Поколению, знавшему истинное лицо александровского царствования и переживавшему эпоху николаевского

¹ „Недавно слышал я от одного почтенного и совершенно достоверного лица, в чем состояла главная мысль последнего Радищевского проекта, который был тому уже давно читан самим лицом, о котором я говорю. Радищев, считая необходимым строгий и неподкупный контроль за действиями судов и чиновников, так часто потворствующих неправде, предлагал учредить тайное общество, которого члены были бы обязаны следить за отправлением правосудия, стараться исправлять или предупреждать несправедливые действия и в случае надобности доводить о них до сведения высшего правительства“. М. Лонгинов. О последнем проекте Радищева (1802); „Библиографические записки“, 1859, № 17, стр. 542.

идеологического террора, трудно было уже себе представить реальную атмосферу „дней александровых прекрасного начала“. Трудно было уже представить себе, что Радищев, „рабства враг“, „Путешествие“ которого продолжало вдохновлять своим мощным демократическим красноречием новые поколения революционной мысли, чтобы этот подпольно распространявшийся писатель мог хоть в каких-нибудь условиях оказаться вполне легальной фигурой. И только князь П. А. Вяземский, лучше других ориентированный в делах начала века и знавший по собственному опыту, что из пылких либералов иногда получают даже чересчур благомеренные консерваторы, дает нам противоположную, но не менее недо-стоверную версию о характере радищевских проектов.¹

Точные данные о характере подававшихся Радищевым проектов и мнений стали проникать в литературу лишь значительно позже. Впервые разыскал и опубликовал в своей неоднократно цитированной нами работе два мнения Радищева, поданные им в Комиссию составления законов, М. И. Сухомлинов — мнения „О ценах за людей убиенных“ и о праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитников. Следующая публикация относится уже к 1916 г., когда в декабрьской книжке „Голоса минувшего“ была опубликована А. З. Попельницким записка Радищева „О законоположении.“² И наконец, В. П. Семенников, работая над своей монографией о Радищеве, обнаружил в Воронцовском собрании обширный труд Радищева о гражданском уложении, сведения о котором привел в своей книге.³ Самая же рукопись Радищева осталась неизданной и впервые публикуется нами в настоящем издании.⁴

¹ На рукописи биографического очерка о Радищеве, составленного его сыном, Н. А. Радищевым, П. А. Вяземский сделал надпись: „Радищев-отец, кажется, во время службы своей в Комиссии о составлении законов, подавал по предмету освобождения крестьян от крепостного состояния проект, весьма неблагоприятный освобождению крестьян и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о сем вопросе, несогласный с большинством мнений“. См. М. И. Сухомлинов, *Op. cit.*, стр. 617.

² К сожалению, записка эта была издана довольно легкомысленно — публикатор счел возможным расшифровать некоторые технические сокращения Радищева по собственному усмотрению, самый же подлинник до сих пор в научный оборот не поступил.

³ *Op. cit.*, стр. 365—396.

⁴ См. приложение III.

Однако, помимо этих проектов и мнений, безусловно принадлежащих Радищеву, имеются некоторые, приписываемые ему предположительно. В частности, еще В. И. Семевский предположил, что рассуждение А. Р. Воронцова „о непродаже людей без земли“, представленное им в Государственный совет 3 марта 1802 г.,¹ написано при участии Радищева. Основанием для такого предположения послужило то обстоятельство, что один из пунктов рассуждения Воронцова трактует о прекращении существовавшей в обход закону продажи крепостных в рекруты. Этому моменту, как известно, посвящена одна из глав „Путешествия“ — „Городня“. В. И. Семевский даже признал, что и в смысле литературной манеры этот пункт „всего более напоминает рассуждение о торговле рекрутами в известной книге Радищева“.² Подтверждением этого сопоставления тот же автор считает указание Павла Радищева в его записках об отце о том, что в своем проекте гражданского уложения Радищев требовал „освободить крепостных господских крестьян, а с тем и прекратить продажу людей в рекруты“. Самое показание П. А. Радищева довольно противоречиво, так как с освобождением крестьян естественно отпадал бы и вопрос о продаже в рекруты. Вообще воспоминания П. А. Радищева в этом пункте крайне неточны, как справедливо показал В. П. Семенников, что не помешало, впрочем, В. П. Семенникову признать, что „несмотря на общую недостаточную достоверность передачи П. А. Радищевым мнений его отца, отказаться совершенно от этих показаний мы не имеем никакого основания: известная доля истины в них должна быть“.³ Такое половинчатое решение вопроса едва ли может быть признано удовлетворительным. Нам кажется, что по отношению к показанию П. А. Радищева о содержании „Проекта гражданского уложения“ следует признать, что случайные воспоминания сына, даже на бумаге зафиксированные им в большом беспорядке, никак не передают содержания какого бы то ни было произведения Радищева, а лишь в обрывочной форме воспроизводят те разговоры и мнения,

¹ Архив Государственного совета, т. III, ч. 1, СПб., 1878 стр. 773—782.

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб., 1888, стр. 250.

³ Op. cit., стр. 146—147.

в кругу которых находился Радищев и которые вовсе не всегда должны были быть именно его мнениями. Пользоваться же ими как решающим аргументом едва ли приходится.

Не очень убеждает и высказанное в чрезвычайно общей форме В. И. Семевским указание на то, что „мнение Воронцова написано не совсем так, как составлялись официальные бумаги: тут местами видно перо литератора по призыванию“. Мнение это, хотя и поддержанное Павловым-Сильванским и другими, основано на очень субъективном вкусе. Прежде всего требуется доказать, что у Воронцова было „нелитературное перо“; а между тем специфически литературные обороты встречаются и в других официальных бумагах Воронцова, например, в его „мнении о правах сената“,¹ участие в котором Радищева никем не заподозрено.

Таким образом, единственным объективным моментом является близость пункта о продаже в рекруты к мнениям, высказанным в „Путешествии“. В. П. Семенников, пользуясь одним этим сопоставлением, считает возможным приписать Радищеву если не все „рассуждение“, то по крайней мере соответствующие его места — хотя, повидимому, ему хотелось бы признать и все „рассуждение“ радищевским и, оттолкнувшись от этой гипотезы, включить в радищевское наследие и один из проектов 1801 г. о непродaje людей без земли. Все это здание построено на столь зыбком основании, что нет особой надобности в противоположной аргументации. Даже в отношении пункта о продаже в рекруты можно с полным правом предположить, что Воронцов, хорошо знавший, конечно, „Путешествие“, мог находиться под влиянием мыслей и образов „Городни“. Впрочем, принимая во внимание близость Воронцова и Радищева, нет особых оснований отрицать возможность участия Радищева, особенно в период, предшествовавший его включению в Комиссию составления законов, в редакционной обработке писаний его друга, но и только. В основных же положениях „рассуждения“ мы не находим ничего такого, что бы заставляло предполагать идейное соучастие Радищева.

Гораздо сложнее обстоит с другим, выдвинутым тем же Семенниковым, вопросом. Имеем в виду проект коронацион-

¹ Архив Государственного совета, т. III, ч. I, СПб., 1878, стр. 39—46.

ной жалованной грамоты, представленный А. Р. Воронцовым Александру I и обсуждавшийся в заседаниях Негласного комитета 15 и 23 июля 1801 г.

Мы не будем разбирать все те данные, которые приводились в литературе в пользу авторства Д. П. Троицкого и М. М. Сперанского. Все эти обстоятельства подробно рассмотрены В. П. Семенниковым,¹ приведшим вполне убедительные аргументы в пользу предположения (высказывавшегося и ранее, например, А. Н. Пыпиным) о том, что проект этот исходил от А. Р. Воронцова. Произведенные нами дополнительные разыскания вполне подтвердили эту часть соображений В. П. Семенникова. Последний, однако, идет дальше и считает возможным приписать весь проект Радищеву. Богатство политического содержания проекта „жалованной грамоты“ заставляет с особой серьезностью подойти к этой гипотезе и разобраться в ней поосновательнее. От решения этого вопроса зависит многое в понимании идеологии Радищева.

Аргументы В. П. Семенникова сводятся к следующему.

Прежде всего он не мирится с мыслью о том, чтобы Воронцов мог составить такое сложное произведение: „приписывать составление этого акта, требовавшее и специального знания законов, и некоторого литературного навыка, самому г-р. А. Р. Воронцову очень трудно: сам он до конца дней своих писал по-французски лучше, чем по-русски, и даже едва ли был способен написать такую декларацию“.²

Но так как проект представлен был несомненно Воронцовым, В. П. Семенников естественно предполагает, что автором его должен был быть кто-нибудь, близко стоявший к Воронцову, в частности Радищев. Далее приводится ряд соображений, основанных уже на внутреннем анализе документа.

Прежде всего В. П. Семенников указывает, что еще в „Путешествии“ Радищев „дал проект грамоты, с которой будущий либеральный государь мог бы обратиться к народу“. Далее идет уже разбор по существу, причем устанавливается ряд сходных моментов между „пунктами грамоты“ и

¹ Ор. сит., стр. 148—179 и 431—436.

² Ibid., стр. 149.

отдельными положениями Радищева, высказанными им в различных произведениях. В частности, В. П. Семенников устанавливает следующие совпадения, приводимые нами, для большей ясности, в форме таблицы:

§ 19 грамоты, где обеспечивается свобода мысли и печатания ссылкой на „Наказ“ Екатерины, гл. XX, где предлагается „слова и сочинения не почитать никогда преступлением“.

В пункте 14 предлагается, „чтобы всякий подданный российский судим был судьями равного с ним состояния“.

В пункте 15 обвиняемому предоставляется право выбора себе защитника.

В пункте 16 обвиняемому предоставляется право отвода судей.

Помимо указанных моментов В. П. Семенников сопоставляет „грамоту“ еще и с той мемуарной записью содержания „Проекта гражданского уложения“, которую мы находим в очерке П. А. Радищева и о которой мы упоминали выше. При этом получается следующая картина:

Запись П. А. Радищева¹.

1. „Все состояния должны быть равны перед законом, а потому и телесное наказание должно отменить“.

2. „Табель о рангах уничтожить“.

Та же мысль сформулирована Радищевым в „Путешествии“ с той же ссылкой на „Наказ“. „Цитаты из „Наказа“, — отмечает В. П. Семенников, — в это время были вообще одним из любимых приемов Радищева, как это видно из записки „О законоположении“ и из „особых мнений“, поданных в Комиссию составления законов“.

Та же мысль сформулирована в „Проекте в будущем“, где о крестьянах говорится: „надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян“.

Этим вопросам посвящено специальное „мнение“ Радищева в Комиссии составления законов.

Проект „грамоты“.

Прямого соответствия этому пункту в „грамоте“ нет. Однако, В. П. Семенников указывает, что мысль о равенстве всех перед законом сформулирована в § 14. Отмена же телесного наказания прямо вытекает из § 7, где этот принцип развит более подробно.

Аналогичного пункта нет.

¹ Русский вестник, 1885, декабрь, кн. 1, стр. 424 - 425.

3. „В уголовных делах — отменить пристрастные допросы; ввести публичное судопроизводство и суд присяжных, иначе не может быть правосудия“.

4. „Веротерпимость должна быть совершенная, и устранено все то, что стесняет свободу совести“.

5. „Ввести свободу книгопечатания с ограничениями и ясными постановлениями о степени ответственности“.

6. „Освободить крепостных господских крестьян, а с тем и прекратить продажу людей в рекруты“.

7. „Поземельную подать ввести вместо подушной.“

8. „Установить свободу торговли“.

9. „Отменить строгие законы против ростовщиков и несостоятельных должников: нечто вроде *Habeas corpus*“.

Прямого соответствия нет, однако, В. П. Семенников считает нужным отметить, что „вообще вопросы судопроизводства, затронутые, по свидетельству П. А. Радищева, в проекте его отца, нашли серьезную постановку в декларации, значительная часть которой посвящена именно этим вопросам“.

Нашло отражение в § 8.

Подобного пункта нет. Самая противоречивость записи заставляет В. П. Семенникова заподозреть ее. Впрочем, он тут же прибавляет, что грамота „крепостного порядка не уничтожала, но она давала ряд существенных улучшений в положении крестьян“.

Аналогичного пункта нет.

Этот пункт В. П. Семенников сближает с § 6, где обещается всяческое покровительство торговле и промышленности, а в дальнейшем развитии § обещается, что торговля не будет подвергаться никаким стеснениям.

Запись эта, по мнению В. П. Семенникова, спутана, так как *Habeas corpus* акт применяется здесь только к несостоятельным должникам; о последних, равно как и о ростовщиках, в „грамоте“ специально не говорится. Что же касается *Habeas corpus*, то принципы эти сформулированы в §§ 17, 18 и 19.

В позднейшей редакции своей биографии отца П. А. Радищев прибавил к цитированной записи еще и 10-й пункт: „Радищев говорил, что учреждением дворянских выборов Екатерина II положила основание будущей конституции

России". Этот пункт отбрасывается В. П. Семенниковым, как позднейший и не соответствующий взглядам Радищева. При этом автора не смущает наличие в грамоте и подтверждения дворянских прав и особой оговорки, указывающей, что дворянин-помещик ни при каких условиях не должен быть лишен права „участвовать в выборах и быть избираемым на места, от выбора дворянского зависящие". Эти и другие моменты грамоты, изобличающие сословные настроения ее автора, В. П. Семенников склонен относить за счет необходимости для Радищева, в ущерб собственным взглядам, приспособляться к обстановке и к настроениям А. Р. Воронцова.

Попробуем разобраться во всей этой аргументации.

Наименее надежным и наиболее произвольным кажется нам пункт, отмечающий авторство А. Р. Воронцова, которому такая пространная записка была, якобы, не под силу. Это утверждение ничем не аргументировано. Ниоткуда не следует, что Воронцов плохо писал по-русски; такая серьезная записка, как цитированное выше историческое обозрение русской администрации, представленное Александру I в том же 1801 г. и написанное у себя в имени, свидетельствует и о достаточной подготовленности к серьезным политическим писаниям, и о должном знакомстве с русским языком. Да иначе, конечно, и быть не могло, принимая во внимание служебный стаж Воронцова, его любовь к „отечественной истории" и т. д. Несомненно, обладал он и тем „специальным знанием законов", которое В. П. Семенников справедливо считает необходимым для составления проекта „жалованной грамоты". И вообще не следует забывать, что в „Письме о китайском торге" Радищев обращается к Воронцову как к „учителю" (конечно, в делах практической политики, которой и посвящено письмо), как к „мужу, упражняющемуся всечасно в исследовании различных мнений, до строительства государственного касающихся".¹ Эта сторона рассуждения В. П. Семенникова, таким образом, отпадает.

Не лучше обстоит и с следующим „общим" доводом. Да, действительно, Радищев дал в „Путешествии" проект жалованной грамоты. Но „Проект в будущем" касается в основ-

¹ Сочинения, т. II, стр. 49.

ном освобождения крестьян и ни в какой внутренней связи с рассматриваемым нами документом не состоит. На таком основании, проживи Радищев еще 16 лет, можно было бы заподозрить его участие и в проекте „Государственной уставной грамоты“ Новосильцова.

Гораздо существеннее те сопоставления, которые мы привели выше. Здесь менее убедительными кажутся соображения В. П. Семенникова относительно записи П. А. Радищева. Прежде всего нельзя согласиться с некоторыми его сближениями. Так за волосы притянут к „грамоте“ § 6 сообщения Радищева-сына о проекте освобождения крестьян. Это понимает сам В. П. Семенников, как, вероятно, и то, что отмечаемые им „существенные улучшения“ крестьянской жизни ни в какое сравнение не могут идти с освобождением. Едва ли правильным можно признать его сопоставление пункта о свободе торговли с § 6 „грамоты“, где вовсе не говорится о свободе торговли в обычном смысле этого термина, а скорее в противоположном смысле гарантируется „покровительство правительства“ внешней и внутренней торговле. То же место об уничтожении стеснений в торговле, на которое с особым ударением ссылается В. П. Семенников, относится не к свободе торговли вообще, а к свободе торгового транзита („долг правительства есть пе щис я, чтобы внутри государства существовала всегда всевозможная удобность для переевоза и пересылки всяких естественных и искусственных произведений“), т. е., иначе говоря, направлено против внутренних таможен и тарифов. Это положение еще ничего не говорит о введении общего принципа свободы торговли и, кроме того, вполне совпадает с взглядами А. Р. Воронцова.

Наконец, довольно натянутыми кажутся сопоставления с проектом „грамоты“ §§ 1 и 3 записи П. А. Радищева. Прямых соответствий мы в этих случаях не находим, а то обстоятельство, что в „грамоте“ рассматриваются общие вопросы права настолько естественно, что строить на этом основании какие-нибудь специальные выводы никак не приходится.

Итак, из рассматриваемых В. П. Семенниковым девяти пунктов П. А. Радищева два не имеют никакого отношения к „грамоте“, четыре — чрезвычайно отдаленное и лишь три (вопрос о свободе совести, свободе книгопечатания и введении

Навеас согрус'акта) находят в ней действительное отражение. Но эти три момента имеют настолько общий характер, что на них одних нельзя строить обоснование авторства Радищева.

Гораздо убедительнее звучат те четыре совпадения с высказываниями Радищева, которые отмечены нашим исследователем и приведены выше. Здесь мы находим совпадения почти текстуальные и, что самое главное, не в отношении каких-нибудь положений общего характера, а по частным вопросам. Кроме того — обстоятельство, которое В. П. Семенников в работе над „грамотой“ не мог еще учитывать — некоторые места грамоты текстуально близки и к публикуемому нами большому законодательному трактату Радищева.

Таким образом, хотя аргументация В. П. Семенникова в большей своей части оказывается недостаточной, полностью отвергать его гипотезу не приходится. Приписать „грамоту“ целиком Радищеву нет основания, но заподозрить его участие вполне возможно. Разобраться в этом вопросе и установить долю участия Радищева было бы очень трудно, если бы нам не посчастливилось найти в воронцовском собрании еще одно звено в работе Воронцова и Радищева над интересующим нас проектом.

До исследования В. П. Семенникова проект этот был известен в списке, хранящемся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в собрании бумаг сенатора К. Г. Репинского, к которому рукопись перешла, повидимому, от Сперанского. Этим текстом и пользовались Корф, Семевский и другие вплоть до В. П. Семенникова на первых стадиях его работы.¹ Рукопись эта содержит ряд редакционных пометок Сперанского, которым вставлен и один из пунктов, а также фраза в другом пункте.

Работая над бумагами Воронцовского собрания, В. П. Семенников обнаружил в нем еще одну редакцию проекта, отличавшуюся от известной тем, что в ней не было вставок Сперанского, а в начале имелись три пункта, в дальнейшем, повидимому, отпавшие. Пункты эти содержали: 1) утверждение монархического образа правления в России, 2) подтверждение акта о престолонаследии 1797 г. и 3) утверждение поло-

¹ Текст опубликован им же. *Op. cit.*, стр. 180—194.

жения о правах Сената (положение это к тексту приложено не было и мыслится уже составленным.¹ Эта редакция, резонно признанная В. П. Семенниковым предварительной, окончательно решала вопрос о принадлежности проекта А. Р. Воронцову, но ни в малейшей степени не продвигала дела определения участия в составлении „грамоты“ Радищева.

Разбирая личные бумаги А. Р. Воронцова, мы натолкнулись на документ, представляющий еще более раннюю редакцию по сравнению с найденной В. П. Семенниковым.² Это даже еще не проект „жалованной грамоты“; вторая и третья редакция составлены так, что под ними нехватает только подписи Александра. В первой же редакции мы имеем лишь первоначальный набросок, наметку по существу тех вопросов, которые должны быть разрешены в „грамоте“, но без какой бы то ни было заботы о форме манифеста. Но вместе с тем это не только план манифеста; основные положения даны здесь уже в достаточно развернутом виде, так что многие параграфы первой редакции перешли в окончательную лишь с небольшими редакционными изменениями. Для того, чтобы установить характер этих изменений, достаточно сравнить хотя бы первый пункт I редакции с соответствующим местом в окончательной:

I редакция

1

Подтвердить и возобновить права и преимущества, данные дворянству предыдущими государями, и именно указ государя Петра III по сей материи и учреждение покойной императрицы Екатерины II, называемое Дворянская грамота.

Окончательная редакция

2

Подтверждаем и возобновляем все права и преимущества, данные дворянству прежними российскими государями, а наипаче указом императора Петра III, именуемым: О вольностях дворянству и Грамоту дворянскую императрицы Екатерины Второй.

¹ Этот пункт, между прочим, проливает свет на время написания проекта, разбиравшегося, как мы упомянули, в июле 1801 г. Повидимому, пункт о сенате намечался в то же время, когда А. Р. Воронцов работал над своим мнением о правах сената. В отброшенных трех пунктах имеются совпадения с этим мнением как словесные, так и по существу. „Мнение о правах сената“ датировано А. Р. Воронцовым 3 мая 1801 г. и обсуждалось в совете 5 мая. Очевидно, около этого времени и были составлены интересующие нас пункты. Указ 5 июля о правах сената, не удовлетворивший надежд Воронцова, и был, вероятно, причиной, что эти пункты были отброшены; как справедливо заметил В. П. Семенников — обсуждение в негласном комитете уже не имело в виду этих пунктов. (Ор. cit., стр. 433).

² См. приложение I.

Как видим, по существу никаких изменений. Но предположительный набросок „подтвердить и восстановить“ заменен манифестационной формулой „подтверждаем и возобновляем“; вместо „предыдущими государями“ — уточнение: „прежними российскими государями“, оговорка, совсем не лишенная смысла, так как иначе можно было бы сослаться и на постановления польских королей и т. п.; наконец, уточнены названия подтверждаемых указов и введено слово „наипаче“, показывающее, что эти указы являются в своем роде не единственными. В такой редакционной правке видна опытная рука человека, привыкшего к официальному языку и, в частности, умеющего оперировать юридическими формулами.

Но подобными изменениями дело не ограничивается. В окончательной редакции мы имеем ряд пунктов, отсутствующих в первой; другие значительно расширены; наконец, изменен ряд выражений, причем изменения эти уже не служебно-редакционного порядка, а по существу. Произведенное нами сличение редакций обнаружило в этих изменениях и вставках известную последовательность, осмысление которой помогает разобраться в интересующем нас вопросе.

Подробный текстуальный анализ всех редакций занял бы у нас слишком много места. Поэтому мы остановимся только на существенных отличиях и разночтениях, отсылая специально заинтересованных читателей к публикуемому в приложении тексту 1-й редакции и к книге В. П. Семенникова, где помещены две другие.

Окончательная редакция значительно подробнее первой — в ней 25 пунктов, не считая вступления и пункта, вставленного М. М. Сперанским, в то время как в первой мы находим всего лишь 20 пунктов. Поэтому для удобства сравнения мы берем за основу III редакцию (считая IV ту, в которую включены поправки Сперанского).

III редакция

Вступление

§ 1. О недостаточности существующих законов, о Комиссии составления законов, о необходимости, дабы безопасность личная и собственность каждого ограждены были, дабы наказания, есть ли они место

I редакция

Текст отсутствует

Текст отсутствует.

нисть должны, извлекаемы были не иначе, как из природы самого преступления и не отягощали судьбу каждого выше им содеянного" и т. п.

§ 2. Подтверждение прав дворянства.

§ 3. Предоставление дворянству свободы поездок за границу с гарантированием их имущественных интересов на время отсутствия, так как „пребывают они под защитою законов, собственность ограждающих“.

§ 4. Дворянство вступает в службу по собственному усмотрению, но неслужащее дворянство не пользуется правами служащих.

Право участия в дворянских выборах принадлежит всякому дворянину, имеющему недвижимую собственность.

Дворяне вступают на иностранную службу без специального разрешения.

§ 5. Порядок наследства устанавливается законами и в дальнейшем его не смогут изменить ни воля завещателя, ни „прошение, утвержденное императорским величеством“.

По существующему положению родовым имением можно располагать лишь в соответствии с законом, благоприобретенным по собственному усмотрению.

§ 6. О покровительстве внешней и внутренней торговле; о поощрении разработки полезных ископаемых; о правах владельцев земель на найденные полезные ископаемые; об ограждении торгового транзита от стеснений.

§ 7. Установление права личной безопасности.

Установление, что „право собственности движимого и недвижимого имущества есть право русского подданного, поскольку оно свойственно в силу законов каждому чиновнику в государстве“.

§ 1. Аналогичный текст.

§ 2. Аналогичный текст; нет фразы: „пребывают они под защитою законов, собственность ограждающих“.

§ 3. Аналогичный текст.

Этих статей нет.

§ 4. Аналогичный текст.

Речь идет не об имении вообще, а об имении помещиков. Устанавливается, что благоприобретенное имение, не оговоренное в завещании, превращается в родовое.

§ 5. Аналогичный, несколько более короткий текст. Речь идет не о владельце земли вообще, а о помещике.

Текст отсутствует.

§ 6. Другая редакция, утверждающая в основном помещную собственность (см. ниже, стр. 53—54).

§ 8. Установление „свободы мысли, веры или исповедания, богослужения, слова или речи, письма и деяния“.

§ 9. Установление десятилетней давности в гражданских спорах.

§ 10. Подтверждение всех прав и преимуществ, данных городам, купечеству и мещанству.

§ 11. Разрешение купечеству и мещанству свободы передвижения, в том числе и за границу, под „надежное поручительство“.

§ 12. В случае конфискации имени „поселянина“ не подлежат отъятию „все земледельческие орудия и все к ремеслу его принадлежащее, как-то: соха или плуг, борона, коса, телеги и тому подобное, лошади, волы, житницы с семенным хлебом, овня или рига и другие земледельческие строения“.

„Сия собственность, основывая существенно состояние земледельца“, не может быть нарушена „Земледелец, лишаясь ее, лишается совсем своего звания“.

§ 13. Факт преступления устанавливается только приговором суда.

§ 14. Обещание установить, „дабы всякой подданный Российской судим был судиями равного с ним состояния“. Правосудие должно быть основано „на твердых и единых для всех званий правилах“.

§ 15. Обвиняемый имеет право избрать себе защитника.

§ 16. Обвиняемый имеет право отвода судей как в уголовных, так и в гражданских делах.

§ 17. Никто, кроме законных властей не может российского подданного (независимо от звания) „оскорблять в личной его безопас-

Текст отсутствует.

§ 7. Десятилетняя давность распространяется как на гражданскую, так и на уголовную части. Речь идет не о владении вообще, а о помещике.

Текст отсутствует.

§ 8. Аналогичный текст, несколько более подробный в определении „надежного поручительства“, даваемого городскими магистратами или другими присутственными местами.

§ 9. Аналогичный, но более краткий текст. В перечне имущества, не подлежащего конфискации, указаны только „орудия пахотные... как то соха, плу и, бороны, лошади, волы и протчие тому подобные...“

„Сия собственность движимая, будучи единая только по нашим законам предоставленная крестьянину...“

Фразы „земледелец, лишаясь ее“ и т. д. нет.

§ 10. Аналогичный текст.

Текст отсутствует.

§ 11. Аналогичный текст.

§ 12. Аналогичный текст, без оговорок о распространении этого правила на гражданские дела.

Текст отсутствует.

ности, лишая его свободы, заточая, сажая в темницу, налагая оковы или просто имея под стражу“.

§ 18. Всякий заключенный, в случае непредъявления ему в трехдневный срок обвинения и допроса, подлежит освобождению.

После этого он имеет право привлечь к ответственности взявшего его под стражу.

§ 19. Устанавливается порядок, согласно которому каждый подсудимый может быть выпущен на поруки, за исключением „когда обвиняем кто в умышленном оскорблении величества, в измене, в умышленном смертоубийстве, в разбое, в делании фальшивой монеты, ассигнаций или векселей, в заговоре, клонящемся к нарушению общего покоя или личной безопасности“.

К этому пункту даны два разъяснения:

1. Даже в указанных случаях поручительство может быть отвергнуто только судебным приговором, устанавливающим факт содеяния умышленного преступления.

2. Точно устанавливается понятие оскорбления величества: сюда относятся „заговор на испровержение высшей власти“, „явной и умышленной бунт“ и измена. Особо оговаривается, с ссылкой на „Наказ“, „чтобы слова и сочинения не почитать никогда преступлением, ибо они суть предлоги только градского чиновничества“.

§ 20. Всякое оправдание или освобождение за недоказанностью преступления является окончательным и не подлежит пересмотру.

§ 21. В спорах между казной и частным лицом казна рассматривается как обыкновенное юридическое лицо. Пункт заканчивается сентенцией: „Все лица равно законам суть подвластны“.

§ 13. Аналогичный, но более краткий текст.

Этот момент не предусмотрен.

§ 14. Аналогичный, значительно более краткий текст. Среди преступлений, лишаящих права на поручительство, указаны только „оскорбление его величества и смертоубийство утвержденное“.

Текст отсутствует.

Текст отсутствует.

§ 15. Аналогичный текст.

§ 16. Аналогичный текст без заключительной сентенции.

§ 22. Никакие налоги или сборы не могут существовать без соответствующего постановления Сената. Все прочие инстанции лишаются права вводить налоги.

Это положение не может распространяться на добровольные сборы.

Текст отсутствует.

§ 23. Рассуждение о целях наказания: „или исправление преступающих, или воздержание примером казни от всякого к преступлениям покушения“. Поэтому правительство не взимает никаких штрафов или пеней в гражданском судопроизводстве.

В уголовных делах, кончающихся гражданской смертью, пени также не применяются, „ибо следствия наказания сего падут на наследников“, за исключением случая казнокрадства или другого долга перед казной.

§ 24. „Во всяком законном разбирательстве или судопроизводстве да чинится различие и разделение между лицом и вещью или между именем и особою“. Выводы отсюда для конкретных случаев судопроизводства.

§ 25. (в IV ред. — 26). Заключительный пункт, гарантирующий соблюдение существующих законов. Изменения могут вноситься только сенатскими постановлениями.

Приведенное выше сравнение убеждает в значительной редакционной работе, произведенной над первым вариантом документа, работе, как мы видели, далеко не стилистического порядка. При этом редактор, которого можно признать почти что соавтором (если предполагать, что редактором было какое-то особое лицо), был, повидимому, один, так как ему принадлежит и введение целого ряда новелл, и придание проекту единого стиля.

В чем же заключались произведенные изменения? Как мы

§ 17. Аналогичный текст.

Текст отсутствует.

§ 18. При сборе налогов и прочих платежей немедленно выдаются квитанции.

§ 19. Отсутствуют общетеоретическое рассуждение и применение его к гражданскому судопроизводству. Далее идет аналогичный текст.

§ 20. Аналогичный текст.

Текст отсутствует.

видели, из первоначального проекта был отброшен только § 18, слишком незначительный по содержанию, чтобы сохранять его в таком ответственном документе. Зато новых пунктов оказалось довольно много. Введены были вступление, § 1, часть § 4, часть § 7, § 8, § 10, § 14, § 17, большая часть § 19, часть § 23 и весь § 25. Кроме того, значительной переделке подвергся ряд других параграфов.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих изменений по существу, отметим моменты формального порядка, позволяющие отделить редактора от автора первоначального варианта. Последний сохранился в перебеленном виде без каких бы то ни было указаний на автора. Но поскольку основные предположения наши идут к А. Р. Воронцову, а документ найден в его бумагах и по содержанию нимало не противоречит известным нам его взглядам, его можно вполне приписать Воронцову. Но самый факт перебеления проекта уже вызывает мысль о том, что автор считал его в какой-то мере законченным и кому-то показывал.

Далее обращают на себя внимание некоторые противоречия в окончательном тексте, как бы свидетельствующие о коллективной над ним работе. Это особенно видно на параграфе 19-м: здесь среди преступлений, лишаящих права на поручительство, отдельно помечены оскорбление величества, измена и заговор. Между тем в следующем ниже разъяснении понятия оскорбления величества оно ограничивается именно изменой и заговором. Естественно предполагать здесь выражения двух точек зрения: одной, включавшей личное, а также словесное или печатное оскорбление, и другой, отождествлявшей оскорбление величества с возмущением против существующего строя.

Еще яснее видна самостоятельная линия редактора при анализе содержания его работы. Мы не считаем, что дело ограничилось одной правкой редактора; как будет видно ниже, некоторые моменты мы склонны отнести за счет самого Воронцова (в частности, некоторые изменения в только что рассмотренном § 19). Но на ряду с ними имеется последовательная система изменений, в ряде случаев исходящих из принципов, чуждых первоначальному проекту.

Кто же мог быть этим редактором? Соображения В. П. Семенникова естественно заставляют в первую очередь

обратиться к Радищеву. Это предположение оказывается тем более вероятным, что, очевидно, заметил уже читатель, большинство пунктов, приведших В. П. Семенникова к мысли об авторстве Радищева, отсутствуют в I редакции и принадлежат, таким образом, не Воронцову, а его редактору.

Действительно, непосредственные переключки с Радищевым обнаружены в §§ 14, 15, 16 и 19. Из них 14-й и 19-й пункты, содержащие идеи о судимости себе равными и об оскорблении величества (с ссылками на Наказ), появляются лишь во второй редакции. Что касается пунктов 15-го и 16-го, то они относятся к праву подсудимого выбирать защитников и отводить судей. Самые предложения эти не настолько оригинальны, чтобы считать возможным автором их одного Радищева. Не говоря уже о применении этих прав в других государствах, следует указать, что оба эти пункта имеются и в Наказе Екатерины (ст. 116 и 126), соответственно „Духу законов“ Монтескье. Таким образом, приписать их можно и Воронцову. Стоит отметить, что отсутствие ссылки на Наказ является для Радищева известным противопоказанием: замечание В. П. Семенникова о любви Радищева к цитатам из Наказа совершенно справедливо, и в соответствующем „мнении“ нужная ссылка имеется.

Но в то время как Наказ дает право отводить судей только в крупных уголовных делах, § 16 предусматривает это право и в гражданских. Последняя мысль появляется только во второй редакции и вполне соответствует положениям „мнения“ Радищева.

Если теперь перейти к тем моментам „Грамоты“, которые можно с известным основанием сближать с записью П. А. Радищева, то нам придется иметь дело в основном с § 7 (право личной безопасности), § 8 (свобода слова, вероисповедания и т. д.), § 14 (равенство всех перед законом), § 17 (подтверждение права безопасности, фактически направленное против произвола помещиков по отношению к крестьянам) и § 18 (установление Habeas corpus). Из них §§ 7, 8, 14 и 17, как-раз устанавливающие буржуазные политические свободы и равенство всех перед законом, т. е. совпадающие со многими местами радищевских сочинений, в предварительной редакции отсутствуют. И только пункт о Habeas corpus оказывается принадлежащим Воронцову. Но в этом нет ничего удивительного.

Требование это было популярно еще у екатерининских монархистов типа Щербатова и даже проникло в закон, в главу о Совестном суде Учреждения о губерниях 1775 г.

Таким образом, из 10 крупных вставок 5 оказываются уже связанными с Радищевым в исследовании В. П. Семенникова. Из остальных § 1 дает общую правовую установку безопасности личности и собственности и т. п., т. е. находится в полном соответствии с §§ 7 и 14, а также и с позднейшими законодательными проектами Радищева; § 10 подтверждает права купечества и мещанства, о которых Воронцов мог забыть скорее, чем Радищев; наконец, начало § 23 вполне совпадает с мыслями § 1 и с общим беккарианским взглядом Радищева на проблему преступления и наказания.

Сложнее обстоит с вставкой в § 14 и с § 25. В первом, как мы видели, подчеркивается система дворянских выборных учреждений. И этот момент можно подвести к Радищеву, оперируя цитированным выше § 10 записи П. А. Радищева о симпатии его отца к выборным дворянским учреждениям. Возможно, что так оно и было, и что Радищев, вообще дворянства не любивший, считал прогрессивным пронизавший дворянские учреждения принцип выборности; а поскольку „Грамота“ неизбежно подтверждала права дворянства, Радищев считал нужным подчеркнуть в них наиболее симпатичную ему часть. С другой стороны, не исключена возможность, что изменение это внес А. Р. Воронцов, которому забота о дворянстве пристала гораздо больше.

То же самое можно сказать и о § 25, предоставляющем Сенату право изменения законов. В нем нет ничего особенно противоречащего взглядам Радищева. Но, как мы знаем, во II редакции А. Р. Воронцов добавил в начале три пункта в духе аристократической монархии. Он же мог приписать и конец, тем более, что от начала, в связи с неудачей его проекта о правах Сената, пришлось отказаться.

Таким образом основные вставки в первоначальный вариант ведут нас к Радищеву. Легко заметить, что они значительно радикализовали „Грамоту“. Не менее того радикализовали ее и мелкие на первый взгляд редакционные поправки. Так в § 5 Радищев вставил ограничение царского произвола. Но особенно характерны его новеллы в отношении помещичьего землевладения. В то время как в §§ 5, 6, 7 и 9 в проекте

Воронцова речь шла все время о помещиках и их имениях, в окончательной редакции всюду торжествует принцип буржуазной собственности с безличным „владельцем“, в какое понятие естественно включаются и крестьяне. Легко заметить, что Радищев, минуя „первое положение“ своего „Проекта в будущем“, сразу пытается осуществить второе, относящееся к „собственности и защите земледельцев“.¹ В этом смысле характерны и изменения в § 12. В то время как первоначальный вариант считал неподлежащими конфискации только пахотные орудия и скот, Радищев включил еще и хозяйственные строения. Это на первый взгляд незначительное изменение имело огромное принципиальное значение. Именно благодаря этой вставке оказалось возможным заменить формулу Воронцова „сия собственность движимая, будучи единая только по нашим законам предоставленная крестьянину...“ формулой „сия собственность, основывая существенно состояние земледельца...“,² т. е. в скрытой форме провести принцип „Проекта в будущем“ о дозволении крестьянам иметь недвижимую собственность.

Следует отметить еще один момент. В первоначальном варианте А. Р. Воронцов утверждает понятия родовой и благоприобретенной собственности и склонен к дальнейшему расширению родовых владений за счет не оговоренных в завещаниях благоприобретенных. Эта тенденция в дальнейшем вытравлена. Окончательная редакция только регистрирует существующее положение. Это совершенно совпадает с отношением Радищева к феодальному делению собственности на родовую и личную, против которого он восстает в своем большом проекте: „ныне, когда нет поместий, когда различие вотчины и поместья уничтожено, когда службы военной не отправляют по мере имения, когда право перворождения уничтожено, то какая может быть причина политическая, чтобы требовала существования сего в имениях различия и чтобы имения сохранялись всегда в одном роде?“

Аналогичное совпадение с „Проектом гражданского уложения“ имеем мы в § 18, куда вставлен пункт, позволяющий несправедливо заключенному привлечь к ответственности взявшего его под стражу. В „Проекте“ по этому поводу установ-

¹ Сочинения, т. I, стр. 279.

² Разрядка моя. — И. Т.

ливается: „Конечно, обязан тот ответствовать за вред от незаконного лишения свободы происшедший, кто оного был причиною сам ли собою, кто лишение свободы произвел, или произошло то по чьему доносу или по судейскому определению. Словом, виновник вреда, от лишения свободы происшедшего, должен за оной удовлетворить“.

Наконец, совершенно в радищевской манере те теоретизирующие сентенции, которые мы находим и внутри отдельных вставок, и вкрапленными в воронцовский текст, как то: „все лица законам суть подвластны“, и т. п.

Итак, наиболее вероятным и на наш взгляд единственным разрешением вопроса является приписание Радищеву не всего проекта „Грамоты российскому народу“, а только большинства тех изменений, которые внесены в его первоначальный вариант. Этот вывод освобождает нас от необходимости разрешить те сомнения, которые возникали у В. П. Семенникова в связи с наличием в „Грамоте“ ряда пунктов, которые едва ли бы Радищев стал вводить по собственному почину. Эти соображения заставили В. П. Семенникова искать в „Грамоте“ компромисса между Воронцовым и Радищевым. Наше решение задачи проще: Радищев использовал проект Воронцова для осуществления той минимальной программы, которую он считал возможным в данный момент провести: установление равенства всех перед законом, личной безопасности и свободы слова и совести, а также законодательное фиксирование буржуазных отношений собственности, которые обеспечили бы крестьянскую собственность как до освобождения, так и после него. С его стороны это был тактический маневр.

Встает другой вопрос. Почему Воронцов принял исправления Радищева, так резко менявшие его первоначальный проект, и счел возможным представить их Александру? Здесь действительно имел место компромисс, но не с той стороны, с какой его заметил В. П. Семенников. Беспредметный по существу гражданский пафос „молодых друзей“, вероятно, несколько смущал старого графа. Он знал, что его младшие союзники и особенно их предводитель, император, любят поговорить о республиканских свободах и еще недавно поручали радищевцам различные труды. Знал он, вероятно, также, что членам Негласного комитета приходится уверять Александра, что он, Воронцов, не будет *trop sévère*, и что взгляды его

молоды. Все это нужно было продемонстрировать, и для этого не было ничего более легкого, как поручить редактирование проекта опытному перу Радищева. Результатом явилась „Грамота российскому народу“.

Так обстоит дело с приписываемыми Радищеву мнениями и проектами. Однако, нам придется продолжить наши источниковедческие наблюдения еще по одному вопросу.

Среди бумаг того же воронцовского собрания нам довелось обнаружить документ, озаглавленный „Проект для разделения уложения российского“, содержащий краткий конспект законодательства по всем основным правовым вопросам. Уже первый просмотр проекта заставил нас заподозрить авторство Радищева, а внимательное чтение убедило в этом окончательно. Отсылая читателя к самому тексту проекта, публикуемому нами ниже,¹ приведем аргументы в пользу этого предположения.

Уже самое разделение законов, приведенное в начале проекта, очень показательное. На ряду с установлением государственного, гражданского и уголовного права выделяется самостоятельная категория законов, „служащих к восстановлению общего мнения“. Эта идея, заимствованная, повидимому, у Мабли (что само по себе ведет к его последователю — Радищеву), встречается у Радищева и в других местах: так в записке „О законоположении“ мы находим фразу, почти буквально повторяющую мотивацию интересующего нас текста: „познает всякий благорассуждающий, что твердость силы и власти в государстве имеет основание во мнении, и что оно одно делает закон законным, то есть делает его действительным“.² В другом месте той же записки непосредственно указывается на необходимость ввести в законодательство „некоторые правила и сделать постановления, которые нагибали [бы], так сказать, общий разум и нравы во благо“.³ Наконец, по поводу первого пункта законов об общем мнении-воспитании — Радищев писал Воронцову о включении его в конституцию: „Одним из важнейших пунктов конституции государства является... воспитание как общественное, так и частное“.⁴ Таким

¹ См. приложение II.

² Голос минувшего, 1916, XII, стр. 94.

³ Ibid., стр. 93.

⁴ Письмо от 26/XI 1791 г., Сочинения, т. II, стр. 507.

П. А. Струганов:
С портрета работы Монье. 1808 г.

образом, эту идею проекта вполне можно признать радищевской, да и трудно представить себе, кто еще в тогдашней России вообще и в окружении Воронцова, в частности, мог бы ее выдвигать.

Переходя к рассмотрению общегосударственных законов, мы прежде всего натываемся на положение о правах государя; однако, на ряду с правами у государя оказываются и обязанности „в устройении спокойствия внешнего и внутреннего“. Эта идея обязанностей монарха перед обществом, покоящаяся на учении об общественном договоре, встречается во многих местах „Путешествия“. Характерно и упоминание государя и государства, совпадающее с указанием „Жития Ушакова“ на „единственное и соборное лицо“ государя.¹

Далее мы находим пункт о том, что „верховное правительство в России есть Сенат“. Этому пункту в писаниях Радищева прямого соответствия нет. Но поскольку рассматриваемый документ не мог быть результатом чистого умозрения, а должен быть оценен в конкретной политической связи, ничего удивительного в этом нет. Политические акции Радищева могли осуществляться лишь через А. Р. Воронцова, для которого Сенат был *conditio sine qua non*. Таким образом, если мы признаем принадлежность документа Радищеву, пункт этот не вызовет никаких недоумений.

Совершенно в духе Радищева выдержан § 3 — „права и обязанности народа или граждан вообще“. Здесь на первом месте стоят буржуазные свободы — мысли, слова и деяния. Эти требования имеются во многих местах радищевских сочинений; даже в своем проекте гражданского уложения он нашел случай вернуться к этой теме, отметив, что „если бы кто столь мало имел рассудка, чтобы соизволил наложить себе обязанность какую-либо, стесняющую свободу мысли, свободу исповедания, свободу деяния или личную свою безопасность, то закон не признает таковые соизволения правильными и их почитает ничтожными, потому что они разрушают то, что есть существенность гражданина“. Очевидно, что если гражданское право запрещает добровольное ограничение определенных свобод, то в государственном они должны быть предусмотрены.

¹ Ibid., т. I, стр. 129.

Вполне в духе Радищева и установление права на „защиту самого себя, когда того закон сделать не в силах“. Право личной безопасности всегда рассматривалось им как активное. В этом смысле он высказывается в „Путешествии“: „Против врага своего он [человек] защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния“.¹ Радищев приводит и конкретные примеры права самозащиты: „Если идушу мне нападет на меня злодей и, вознесши над главою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, убийцею ли я почтуса, если я предупреджу его в злодеянии“ и т. д.²

Что касается права собственности, притом в буржуазном смысле, то этому сюжету почти целиком посвящен „Проект гражданского уложения“. И, наконец, мысль о праве „быть судиму себе равными“, как мы видели, была высказана Радищевым еще в „Проекте в будущем“ и в дальнейшем вставлена им в текст проекта „Грамоты российскому народу“.

То же можно сказать и об „обязанностях граждан“, и они перекликаются с известными уже нам высказываниями Радищева. Так пункт о верности государю и государству повторяет характерное для Радищева объединение этих понятий, о чем мы уже говорили выше; о „непрекословном повиновении изданным законам“ и о неисполнении незаконных предписаний власти Радищев говорит неоднократно — вспомним хотя бы поучение крестецкого дворянина: „Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред...“.³

Переходя к рассмотрению устанавливаемого нашим документом сословного деления российских граждан, отметим, что Радищев в принципе был врагом сословного строя. Однако, трудно представить себе, чтобы он мог в плане реальной политики поставить вопрос о бессословном обществе. Законодательная тактика его, как мы убедимся ниже

¹ Ibid., стр. 215.

² Ibid., стр. 211.

³ Ibid., стр. 236—237.

на других примерах, заключалась в том, чтобы, сохраняя внешние элементы существующего строя, наполнить эти формы таким содержанием, которое оказалось бы пригодным и при уничтожении сохраняемых покамест феодальных прав и пережитков. Как видно из „Проекта гражданского уложения“, Радищев утешала та мысль, что российские сословия не являются „государственными сословиями“ в духе западной сословной монархии, так как сословные права принадлежат отдельным лицам, а не „соборному лицу“ всего сословия. А между тем уже первые параграфы его проекта устанавливают общий для всех минимум личных прав, что тем самым фактически парализовало сохранение сословного деления. Следует отметить, что в число сословий Радищев не включил крепостных крестьян; у него фигурируют „поселяне разного звания“ — характерная формулировка, которая призвана была пережить крепостное право (кстати отметим, что „крестьяне“ первой редакции „Грамоты российскому народу“ в дальнейшем также превратились в „поселян“, и что термин „крестьянин“ вообще по возможности изгоняется Радищевым из его законодательных проектов).

Особенно убедительно свидетельствует об авторстве Радищева раздел II „Проекта“, посвященный нормам гражданского права. Дело в том, что публикуемый нами ниже „Проект гражданского уложения“ является как бы развернутым изложением именно тех наметок, которые здесь даны в сжатом виде. В „Уложении“ как-раз рассмотрены общие понятия о лицах и вещах и обстоятельно изложены „права вещественные“, в точном почти соответствии с планом „проекта деления“. Если же некоторые моменты последнего, относящиеся к проблемам семейного права, трудового и т. п. и не нашли отражения в „Уложении“, то это легко объясняется незаконченностью последнего. В нем мы имеем, например, ясное указание, что Радищев собирался затронуть и эти вопросы; так, рассуждая о наследстве, Радищев обещает, что „о причинах лишать наследства будет говорено в статье о власти родителей“, но такой статьи он написать, повидимому, не успел.

Следует отметить и то обстоятельство, что данный раздел дает возможность обнаружить и стилистическую манеру Радищева, и его терминологию. Лапидарный характер

„Проекта разделения российского уложения“ очень затрудняет стилистический анализ, тем более, что и объектов для сравнения не так уж много. Но как-раз раздел II, именно потому, что он является как бы конспектом „Проекта гражданского уложения“, позволяет произвести соответствующие сличения.

Так, мы находим в обоих произведениях одинаковое деление на „лиц“ „сборных“ и „естественных“ — терминология эта встречается еще в „Житии Ушакова“.¹ Но, что самое важное, в определении „вещи“ мы находим совпадения не только смысловые и лексические (что могло бы еще объясняться общим источником), но и синтаксические — фактически мы имеем почти совершенно одинаковые формулировки, естественно восходящие к одному автору.

Проект разделения
российского
уложения.

Вещь в смысле закона есть все то, что может быть предметом прав и обязанностей, следует, что и самые деяния гражданские суть вещи в смысле закона.

Проект гражданского уложения

В смысле закона вещь есть все то, что может быть предметом права, следует, что деяния человека и самые его права могут назваться вещию в смысле закона.

Точно так же вполне гармонируют с известными нам радищевскими взглядами пункты III раздела, посвященные нормам уголовного права. О связи преступления и вреда со свободой деяния говорится, и, примерно, в таких же выражениях, в „Проекте гражданского уложения“. Неясное примечание — „О преступлениях, служащих государству, можно сделать особую статью для лучшего соображения“ — раскрывает свой смысл только в сопоставлении с тем местом „Проекта гражданского уложения“, где говорится о возможности „явного беззакония“ в целях „общей пользы“. Наконец, беккарианское понимание наказания глубоко свойственно Радищеву, и почти одинаковую формулировку мы находим в разных местах. Приводим следующее сравнение:

Житие Ушакова.

При определении наказаний иной цели иметь не можно, как ис-

Вставка Радищева
в § 23 «Грамоты рос-
сийскому народу».

Поелику наказа-
ние, законом опреде-
ляемое, может иметь

Проект разделения
российского уложения.

Намерение всяких
наказаний не может
иное быть, как или

¹ Ibid., стр. 129.

правление преступника
или действие примера для
воздержания от будущего
преступления:...

две только цели: или
исправление преступ-
пающих, или воздер-
жание примером казни
от всякого к преступ-
лениям покушения...

предупреждение пре-
ступления или исправ-
ление преступника.

Вполне соответствуют высказываниям Радищева и суждения проекта по поводу отдельных видов наказания. О бесплезности смертной казни Радищев писал еще в „Житии Ушакова“. ¹ О том, что не нужно уродовать преступников, мы читаем в трактате „О человеке“: „А ты, о превратнейший из всех, ибо употребляешь насилие власти, о законодавец тигр! почто дерзаешь уродовать благообразие человека? Он хотя преступник, но тот же человек“. ²

Читателя может смутить, что Радищев сохраняет в своем уложении телесные наказания (хотя и „легко и с великою осторожностью“) и лишь в примечании (самая манера примечания очень характерна для Радищева) высказывается против применения этой меры. Следует, однако, отметить, что отношения своего к телесным наказаниям Радищев в других своих сочинениях не высказывал. Он протестует в „Путешествии“ против жестокостей в наказании, он против „лозы“ по отношению к детям, но нигде он не высказывается против применения телесных наказаний по уголовным делам вообще. Поэтому особого противоречия общей системе взглядов Радищева мы и здесь не находим, не говоря уже о том, что в конкретной политической обстановке Радищев, как мы уже имели случай убедиться, иногда добивался своих целей обходными путями.

О разделе IV, посвященном законодательству об „общем мнении“, мы уже говорили выше. Добавим только, что выдвигаемое проектом требование создания специального „Уложения о заслугах и награждениях“ находит полное соответствие в записке „О законоположении“, где предлагается верховной власти для „направления деяний граждан в стезю закона“ применять, на ряду с другими, и средства „побудительные“, которые „суть награждения разного рода, и хотя

¹ Ibid., стр. 129.

² Ibid., т. II, стр. 162.

многие везде находятся о награждениях постановления, но нигде еще нет о сем уложения систематического¹.

Если мы отметим еще, что те немногие субъективные высказывания, которые допустил автор проекта, вполне в стиле Радищева и совпадают с его взглядами (например, очень типичная для Радищева фраза — „мщение всегда гнусно“²), то картина, кажется, будет вполне ясна. Суммируем вышесказанное.

1. Все положения „Проекта для разделения русского уложения“ укладываются в систему взглядов Радищева.

2. Большинство этих положений находят прямые соответствия в высказываниях Радищева как предшествующего периода, так и современных „Проекту“.

3. Взаимоотношение раздела II „Проекта разделения“ с „Проектом гражданского уложения“ уясняет природу первого как предварительной схемы, которую Радищев в дальнейшем разворачивал в подробные уложения; из них он выполнил, и то частично, лишь „Проект гражданского уложения“.

4. В ряде мест мы находим текстуальные совпадения „Проекта“ с другими произведениями Радищева.

Вывод об авторстве в свете установленных положений явится уже простой тавтологией.

В заключение отметим, что произведенный нами анализ является подтверждением нашего решения вопроса об участии Радищева в „Грамоте российскому народу“. Не трудно убедиться, что основные моменты, вставленные Радищевым в „Грамоту“, поскольку они имеют отношение к теме „Проекта“, в нем представлены.

* * *

Произведенное нами разыскание оказалось, таким образом, небесполезным. К существующему наследству радищевских проектов и мнений мы можем с достаточным, ка-

¹ Ор. cit., стр. 82.

² Ср. слова крестникового дворянина: „Мщение!... душа ваша мерзят его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления“. Сочинения, т. I, стр. 231.

жется, основанием присоединить „Проект для разделения российского уложения“ и часть пунктов проекта „Грамоты российскому народу“.

Это обстоятельство нам кажется тем более существенным, что находившиеся до сих пор в обороте произведения Радищева этого рода посвящены в основном частным сюжетам, отдельным правовым вопросам и давали лишь косвенный материал для суждения о политической позиции Радищева в интересующий нас период. Действительно, если мы рассмотрим самое большое произведение Радищева этого времени, — „Проект гражданского уложения“, то нам придется познакомиться с взглядами его на такие сюжеты как право и обязанность, лицо и вещь, деяние и ответственность за него, соизволение и его формы, договор, „обязательства, вытекающие из причинения вреда, ущерба или убытка“, имущество и владение, собственность и различные формы ее приобретения и отчуждения и т. д. Все это, конечно, вносит известные штрихи в наше понимание Радищева, но все эти моменты, в основном, идут по некоторой единой линии, общая характеристика которой составляет только одно из слагаемых Радищева-законодателя. Правда, мы можем констатировать, что принципы естественного права, так настойчиво прокламируемые в „Путешествии“, сохранили для Радищева свое значение и позднее. Далее мы видим, что и здесь Радищев настаивает на равенстве всех перед законом („поелику цель общественного сожития есть польза всех, поелику пред лицом закона все равны, то и следует, что никто никому не должен наносить вред, ущерб или убыток...“) и подчеркивает необходимость правовых гарантий для эксплуатируемых классов („и так закон оставит на волю обиженного искать удовлетворения судопроизводством уголовным или гражданским... чрез оное изведется из уничтожения и презрения большая часть народа, на которую высшие и богатые состояния взирают всегда с презрением. Всякой обиженной будет судить сам о сделанном ему оскорблении... и намеряющийся учинить обиду простолюдину (мужу от народа) воздержится...“). Чрезвычайно любопытны некоторые отступления Радищева, где он проводит свои взгляды на официальную церковь („... обет церковный в законе гражданском обязанности не производит“), на взаимоотношения

отцов и детей, на гражданский брак и т. д. Внимательный читатель отметит и гарантии, которые Радищев считает нужным предоставить наемным рабочим, и заботы его об авторском праве, и многие другие высказывания его, представляющие большой интерес для понимания его юридических взглядов и для истории правовых идей вообще. Но для работы, ставящей своей задачей не изучение филиации радищевских идей по вопросам права, а определение его общеполитических взглядов и тактики в данный момент, такие памятники как „Грамота российскому народу“ и „Проект для разделения российского уложения“ представляют интерес значительно больший.

На их основании мы можем определить, прежде всего, круг политических требований, выдвигаемых Радищевым. Это, в первую очередь, политические свободы — равенство всех перед законом, суд равных, свобода мысли, слова, исповедания, деяния и личная безопасность. Признание этих принципов сразу делало Россию буржуазно-правовым государством, и сохранение сословных пережитков, на которое Радищеву приходилось соглашаться, в этих условиях фактически сводилось на-нет. Менее радикальному разрешению подвергался вопрос о форме правления. Радищев, как мы видели, сохраняет монархическое правление; более того, намечаемые им реформы должны быть осуществлены от имени законодательствующего монарха. Тем не менее, власть монарха сразу же ограничивается; он лишается авторитета индивидуального лица и за ним сохраняется только представительство коллективной государственной власти. Наконец, установлением верховного правительства в виде Сената суживается и круг реальных полномочий монарха. Мы, к сожалению, не знаем, в какой форме представлял себе Радищев Сенат. Самое название естественно возникало в результате необходимости воздействовать на монарха через Воронцова и его старых и молодых друзей. Но вкладывали Радищев в этот институт то же содержание, что и Воронцов? Этого мы не знаем, но можем предполагать, что здесь пути их могли разойтись. Недаром Радищев начал выполнение своего проекта не с первого раздела, посвященного нормам государственного права, а со второго, с проекта гражданского уложения. Очевидно, первый раздел представ-

лял в конкретной исторической обстановке наибольшие трудности, и он предпочитал действовать в этом вопросе обходным путем, проводя свою программу через проекты Воронцова, как мы видели на примере его вставок в коронационную грамоту. И неудача этих попыток и заставила, вероятно, Радищева сосредоточить свое внимание на проблемах гражданского права, нормы которого могли пройти легче, не привлекая к себе такого внимания со стороны враждебных реформам групп. Фактически и в эти нормы Радищев вкладывал то же политическое содержание.

Сопоставляя „Проект разделения“ с „Проектом гражданского уложения“, мы видели, что в последнем Радищев проводил те же идеи политических свобод, запрещая даже добровольное их ограничение. Но особенно подробно развил он здесь свои положения о праве собственности, в „Грамоте российскому народу“ и в „Проекте разделения“ лишь намеченные. На этом вопросе нам необходимо задержаться, так как именно в этом аспекте ставится Радищевым в интересующую нас эпоху социальная проблема.

Радищев всегда выступал в качестве горячего приверженца права собственности. В этом отношении он был последовательным учеником Руссо. В „Проекте гражданского уложения“ он исходит из идеи, что „собственность — один из предметов, которой человек имел в виду, вступая в общество; собственность стала посредством оного такая гражданина принадлежность, что умалить права его на оную было бы истинное нарушение начального общественного договора“. Даже гражданская смерть по суду и ссылка не лишают гражданина права собственности, „ибо если он не заключен в темницу, следовательно имеет несколько свободы, то право приобретения будучи оным следствием, ему принадлежит неотъемлемо“.

Итак, Радищев чрезвычайно горячо отстаивает права собственности. Но в чью пользу делал он это? Здесь нельзя забывать того, что говорил по этому поводу Плеханов об учителе Радищева Руссо и других просветителях XVIII в. „Руссо говорит в „Эмиле“, что идея собственности должна быть внушена ребенку даже раньше идеи свободы... Каким образом следует внушать ребенку идею собственности? По мнению Руссо, надо выяснить ему, что

предметы составляют собственность тех, кто произвел их своим трудом. Это, как видите, вовсе не капиталистическое понятие о собственности. В развитом капиталистическом обществе собственность есть, по меткому выражению Лассаля, чужесть (*Eigenthum ist Fremdenthum*), так как доход богатого создается не его собственным, а чужим трудом, трудом наемных рабочих. Но в том обществе, в котором капиталистические отношения производства еще не стали господствующими, главным основанием собственности служит труд собственника. И потому ее с убеждением и жаром защищают люди, дорожащие интересами трудящейся массы. Однако, трудящаяся масса может быть эксплуатируема не только посредством найма. В эпохи, предшествующие капиталистической, она нередко находится в известной юридической зависимости от господствующего сословия, которому она отдает большую или меньшую часть своего труда. При таком положении дел понятие „собственник“ может иметь двойкий смысл. „Собственник“ это — или тот, кому принадлежит право обложения производителя известной данью, или же тот, кто обязан уплачивать эту дань, т. е. производитель. Когда начинается упадок общественный порядок, основанный на таких отношениях, тогда идеологи господствующего сословия понимают под собственниками получателей дани, а идеологи сословия подчиненного — тех, которые уплачивают ее. И когда идеологи этого последнего сословия защищают права собственности, они отстаивают интерес эксплуатируемых, а не эксплуататоров. Именно так и было с идеологами третьего сословия во Франции XVIII столетия“¹...

Мы позволили себе привести эту обширную выдержку, потому что она, по нашему мнению, целиком применима и к ученику французских просветителей — Радищеву. В свете ее становится понятной та пропасть, которая отделяла ничем не завуалированную формулировку воронцовской редакции „Грамоты“ — „помещик“ от радищевского „владельца“ (даже не „собственника“). Понятным становится и почему Радищев счел нужным подчеркнуть в вопросе о неконфискации крестьянского имущества право крестьянина на

¹ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, кн. III, ГИЗ, 1925, стр. 10—11. М.—Л.

недвижимую собственность. В этом отношении представляет чрезвычайный интерес „Проект гражданского уложения“ в дошедшей до нас части как-раз и посвященный в основном имущественным отношениям.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с этим произведением, это то, что оно предназначено для общества, не знающего феодальных отношений. Выражения „помещик“ и „крепостной“ на протяжении всего проекта встречаются лишь по разу. Радищев, как мы видели, настаивает на всеобщем и одинаковом праве собственности. Правда, некоторые исключения он допускает: „...Всякой принадлежащий к обществу может собственность приобретать сам или чрез другого по той единственной причине, что он к обществу принадлежит и есть его член“, замечает Радищев: „но закон делает в сем общем правиле изъятия и требует, чтобы приобретающий имел к приобретению способность“.

Далее выясняется, что „неспособность к собственности“ должна быть определена законом, и чтобы не осталось ни малейших сомнений, Радищев добавляет, что речь идет о лишении права собственности по суду.

Таким образом, право собственности крестьянина рассматривается в гражданском уложении Радищева таким же, как дворянина. Вернее, он не знает здесь никаких сословных делений. Поместного землевладения он касается лишь однажды, говоря о родовых имениях, и тут его мысль направлена против сохранения феодальных пережитков, и собственность, возникающую на феодальном праве, он предлагает рассматривать в дальнейшем на почве обычных порядков буржуазного права.

Не трудно определить, кто из „владельцев“, по терминологии Радищева, был заинтересован в установлении подобных норм: те ли, кто по существующему закону не имел права недвижимой собственности, или те, чьи права и без того были гарантированы множеством законов и привилегий.

Единственный случай, где Радищев ограничивает правоспособность крепостных, это — заключение договоров. Правда, в принципе он устанавливает, „что естественно и с целью общества то сходствует, чтобы люди могли делать соглашения и договоры о собственности своей да и вообще о всем, что до них принадлежит, по своему произволу“. Но практически

он считает возможным регламентировать договорную деятельность во избежание злоупотреблений. Об отношении крепостных к договорам он говорит дважды. В начале „Проекта“ в числе моментов, определяющих неспособность к договору, помечено — „быть во власти другого“. При этом понятие не расшифровывается, так что можно думать, что речь идет, например, о родителях и несовершеннолетних детях и т. п. Можно думать, что пункт именно потому так туманно и сформулирован, что Радищев стремился давать своим законодательным начертаниям такой характер, чтобы они могли существовать и до отмены крепостного права и после него. В дальнейшем, говоря о различных формах договора, Радищев никаких ограничений для крепостных не предусматривает. И лишь в статье о займе Радищев неожиданно оговаривает возможность законодательного ограничения применительно к „крепостным людям“.

По поводу этого пункта В. П. Семенников замечает: „В приведенном нами мелком, в сущности, факте и кроется, повидимому, та расщелина, которая, разрастаясь при соприкосновении с более острыми вопросами, создавала глубокую пропасть между неизменными идеалами и неизменявшейся действительностью. Эта пропасть в духовном мире писателя, этот тяжкий разлад между чувством человека и положением русского гражданина могли быть и сами по себе для такого честного и чуткого человека, как Радищев, достаточной причиной для его окончательного трагического жизненного акта“.¹

Не касаясь существа этой тирады, отметим, что повод для нее выбран не совсем удачный. Прежде всего В. П. Семенников не заметил, что Радищев предполагает только относительное ограничение права займа для крепостных, не оспаривая их прав на иные договоры: „... закон иногда постановляет меру и ограничение праву займа, иногда и тем лицам, которые в прочем имеют способность заключать договоры вообще“. Далее следовало обратить внимание на ту, на первый взгляд довольно странную компанию, в которую при этом „крепостные люди“ попадают. В представлении Радищева этим ограничениям могут подвергнуться: а) замужние жены, б) дети под властью отца, в) „общества узаконенные,

¹ *Op. cit.*, стр. 394.

как то: присутственные места, общества церковные, духовные, городовые, сельские и проч.", г) находящиеся в училищах или воспитательных домах, д) находящиеся в военной службе, е) крепостные и ж) поселяне. Таким образом, вовсе не самый факт крепостного состояния служит причиной ограничения, потому что такому же ограничению подвергаются и свободные крестьяне — „поселяне“.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовался Радищев в этом случае. С одной стороны, мы имеем группу, так сказать, заранее некредитоспособных лиц; но при чем же здесь церковные общества? По отношению к коллективному должнику Радищева, должно быть, смущало отсутствие индивидуального ответчика. Под какую же из этих категорий отнести свободных и крепостных крестьян? Имел ли здесь Радищев в виду крестьянскую общину как препятствие для распространения индивидуального кредита? Или же ограничительные установления должны были гарантировать крестьянину относительную свободу его хозяйственной деятельности, не связанной излишними долговыми обязательствами? Мы склоняемся, хотя и не очень решительно, к последнему объяснению; Радищев, для которого интересы мелкого товарного хозяйства, как видно из других его работ, были очень близки, мог требовать известного ограничения кредитных операций в крестьянстве, обычно приводивших к закабалению и разорению должников.

Во всяком случае пункт этот вряд ли можно трактовать, как направленный в ущерб крестьянству. Здесь еще не было места для того „тяжкого разлада“, о котором говорит Семенов, как не видим мы этого разлада и во всех разбираемых нами произведениях. Действительно, „идеалы“ Радищева в основном оставались неизменными. Сравнивая требования, скажем, „Путешествия“ и законодательных проектов, в положительной программе мы больших расхождений не находим. Если отбросить некоторые детали, о которых мы не будем говорить, чтобы не занимать читателя мелочами, то между „общественными идеалами“ „Путешествия“ и проектов также нет большой разницы. Правда, центральными пунктами „Путешествия“ являются отрицание самодержавия и монархии вообще и освобождение крестьян. Но Радищев отнюдь не ожидает немедленного осуществления этих мечтаний.

Основной задачей „Путешествия“ была пропаганда, обращенная при том не только к современникам, но и к потомкам. Именно потому и выдвинуты были на первый план окончательные задачи, к которым устремлялся автор. Но поскольку наиболее желательным путем для Радищева и в это время, до французской революции, был путь мирный, он тогда же намечает в „Проекте в будущем“ известную постепенность разрешения как политического, так и социального вопросов.

Мы уже видели, что положения „Проекта в будущем“, намечавшие первые шаги в „постепенном освобождении земледельцев в России“, нашли место в законодательных проектах Радищева. Как известно, среди бумаг автора „Проекта в будущем“ находились и „многие постановления, относящиеся к восстановлению по возможности равенства во гражданах“;¹ думаем, что именно эти постановления и стали появляться на свет в александровскую эпоху. Для Радищева, ученика просветителей XVIII в., естественна была мысль, что стоит ввести в страну свободные законы, как она неизбежно станет свободной. Эту задачу он и выполнял — он готовил России такое право, которое могло бы функционировать в условиях гражданского равенства.

В „Проекте в будущем“ Радищев рисует ту идеальную картину, при которой произойдет освобождение крестьян: „... разум человеческий, вольно распростирая свое крылье, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений... Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание... Светильник науки, носясь над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий...“ Далее следуют пункты, очень близко напоминающие знакомые уже нам положения законодательных проектов: „умеренность в наказаниях“, „ясность в положениях о приобретении и сохранении имений“, „оскорбления частные... редки“, „воспитание народное“.²

То, что в утопической картине „Проекта в будущем“ да-

¹ Сочинения, т. I, стр. 279.

² Ibid., стр. 263—264.

валось как сущее, показалось Радищеву в начале XIX в. реальным и близким будущим. Недаром в записке „О законоположении“ он начинает обоснование необходимости нового уложения словами, которые сразу же напоминают нам выражения цитированной утопической грамоты:

„Но когда разум любомудрия, сопровождаемый светильниками наук, действие свое благотворное простер посреди народного общества и даже на самых правителей народов; если все начинают заботиться о благе общественном, если начинают постигать основание своих прав и обязанностей; когда лучшие о всех вещах начинают иметь понятия, — тогда настает благопоспешный час дать народу новое уложение..... Законодатель мудрый, не убоясь препятствий и трудностей от частных людей... презрев негодования некоторых для пользы миллионов, сокрушит неясности прежних узаконений, низвергнет ненависть, чиновостояния разделяющую, воздвигнет закон для всех единый, в действии своем неминуемый, в изречениях неумолимый, который обнажит всем начальную цель общества и незыблем водрузится в сердцах всех сограждан. Тогда родится общая безопасность, престол правителей народных будет непоколебим, и блаженство народное не будет задачею, отдаваемою на решение одних только любителей человечества“.¹

Мы видим, какова была конкретная политическая ситуация, заставившая Радищева и его последователей поверить в возможность осуществления его утопии при помощи монарха-законодателя. Рассматривая его проекты, мы могли заметить, с какой настойчивостью и вместе с тем политической осторожностью он проводил ту минимальную программу, без которой дальнейшее движение ему казалось невозможным. И мы знаем, чем кончились преобразовательные разговоры первых лет александровского царствования. „Радищевцы“ поняли бесплодность своих упований позже их учителя. Их „заквас“, относившийся к годам Великой революции и страха перед террором, был ниже радищевского, образовавшегося в период потемкинского режима. Радищев мог скорее понять, к чему идет дело. Недаром проекты его сохранились не в архиве Комиссии составления законов, а в личных бумагах его друга

¹ *Op. cit.*, стр. 78.

А. Р. Воронцова, который тоже убедился, что желанного ему полномочного Сената не будет, и постепенно стал отходить от практической государственной деятельности. Радищев же, как сообщает его сослуживец по делам в Комиссии, „никаких особых частей для составления Уложения не имел и упражнялся на полной свободе“.¹

Причины „тяжкого разлада“ лежали, таким образом, не в необходимости соблюдать известную осторожность и невозможности говорить полным голосом, как это думает В. П. Семенников, а в другом.

Огромный творческий размах законодательной деятельности Радищева пропал втуне. Казавшаяся близкой утопия не осуществлялась. Мы имеем несомненные данные о том, что Радищев осознал тщетность своих надежд; и в той же „Песни исторической“, о которой мы говорили выше, зазвучали к концу новые мотивы. Марк Аврелий, которым заканчивается „Песнь“, уже кажется Радищеву неповторимым явлением. Но еще раньше он начинает пересматривать отношение к просвещенному монарху. Так, он декларирует право мыслителя на борьбу с монархом.

О Филипп, тебе возможно
Во ярем нагнуть все выи,
Но кто может Демосфена
Наклонить велику душу?
Тебе дело и труп срамный
Демосфенов в корысть будет,
Но не дух его свободный²...

Чем ближе к концу „Песни“, тем чаще звучат оппозиционные мотивы. По поводу смерти Цезаря Радищев восклицает:

Тиран мертв, но где свобода?³

Для того, чтобы понять эту парфянскую стрелу, стоит вспомнить, что Александра сравнивали с Августом. Последнего Радищев резко осуждает, как и его придворных поэтов, — здесь уже звучат автобиографические ноты:

О умы, умы изящны,
Та ли участь мусс, чтоб славить,

¹ Записки Н. С. Ильинского. Русский Архив, кн. 12, 1879, стр. 418.

² Сочинения, т. I, стр. 412—413.

Ibid., стр. 412.

Кто вам жизнь лишь не отъемлет,
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев!...¹

Говоря о Тиверии, Радищев ставит вопрос о тиране, сохраняющем видимость законности:

Так вещает муж бессмертный
Монтескье: что нет тиранства
Злей. лютей, когда хождает
Под благой сенью законов
И прикрытое шарами
Правосудия...²

И наконец, после характеристики Тиверия, некоторые черты какой-то напоминают Павла I, Радищев уже с нескрываемым намеком говорит о бесполезности убийства тирана:

Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий!
Коль мучительство нагнуло
Во ярем высоко выю,
То что нужды, кто им правит:
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.

И для того, чтобы в адресате этой инвективы не оставалось никаких сомнений, Радищев в полном соответствии с современной ему обстановкой добавляет:

И как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток,
Но надолго ль, — на мгновение,
А потом он, усугубя
Ярость лютой и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.
Кай Калигула таков был —
Милосерд, но лишь в начале...

Политически это сравнение Александра с Калигулой — *pointe* всей „Песни исторической“, начатой, быть может,

¹ Ibid., стр. 423.

² Ibid., стр. 424.

³ Ibid., стр. 425.

в других чувствах и с иными настроениями. После этого естественны скорбные ноты, звучащие в характеристике Антонина и Марка Аврелия, „идеальных монархов“, естественна и незаконченность самой поэмы.

Итак, Радищев понял бесплодность своей законодательной работы и безнадежность своей утопии. Выход у него оставался один, о котором он говорил неоднократно в своих произведениях и всего красноречивее устами крестницкого дворянина: „Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся... Умри...“¹

Мы не будем разбираться в анекдотах о самоубийстве Радищева. Все эти мемуарные записи о неприятных его разговорах с Завадовским или Воронцовым равно недостоверны, и в рамках нашей работы не стоит на них останавливаться. Точно так же едва ли заслуживает внимания версия о расстроенном здоровье, как причине самоубийства. Каково бы ни было здоровье Радищева, в последний год своей жизни он показал такую творческую активность, что состояние духа его не вызывает особых сомнений. Для Радищева самоубийство было прежде всего актом общественного порядка, на который человеку дает право сознание неосуществимости его гражданских стремлений. Именно таково было положение Радищева, и поэтому его смерть должна рассматриваться нами как факт не только биографии Радищева, но и политической истории России. Поэтому, нам кажется, следует обратить внимание на сопоставление дат, до сих пор почему-то не привлекавшее историков: 8 сентября 1802 г. были изданы два важных правительственных акта — указ о правах Сената и указ об учреждении министерств. Фактически они подвели черту преобразовательным проектам и начинаниям предшествовавших 1¹/₂ годов. Надежд на российскую конституцию и на введение нового уложения больше не было. Спустя три дня, 11 сентября 1802 г. Радищев покончил с собой.

¹ Ibid., стр. 240.

I

**ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГРАМОТЫ РОССИЙСКОМУ НАРОДУ**

II

**ПРОЕКТ ДЛЯ РАЗДЕЛЕНИЯ
УЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОГО**

III

ПРОЕКТ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ

Все публикуемые ниже документы заимствованы из Воронцовского собрания Историко-археологического института Академии Наук СССР.

1) Предварительная редакция „Жалованной грамоты российскому народу“ заимствуется из переплета № 789 лл. 210—215. Рукопись писарская, без заглавия, на бумаге конца XVIII—начала XIX ст. Переплет озаглавлен (повидимому позже) „О внутреннем управлении России“ и содержит разнообразные и не связанные друг с другом документы, отложившиеся в результате деятельности А. Р. Воронцова преимущественно в ранние годы его жизни. Хранится в ИАИ АН СССР.

2) „Проект для разделения уложения российского“ заимствуется из переплета № 533 лл. 180—184. Рукопись писарская, без заглавия, на бумаге нач. XIX ст. На обложке (л. 179) сначала было карандашом „Проект разделения уложения“, затем рукой по карандашной надписи: „Проект для разделения уложения российского без года и подписи“. Переплет озаглавлен (повидимому позже) „О внутреннем управлении России“ и содержит различные бумаги А. Р. Воронцова, М. Л. Воронцова и других лиц. Хранится в ИАИ АН СССР.

3) „Проект гражданского уложения“ представляет самостоятельный переплет собрания № 729. Рукопись на 153 лл. (среди них чистые), писарской рукой с многочисленными исправлениями, подчистками и вставками, преимущественно

рукой Радищева. Им же написан целиком вставленный в основной текст л. 128, верхняя половина л. 132 отрезана, на обороте приписка рукой Радищева. Бумага 1801 г.

На первом листе рукописи позднейшей рукой сделано заглавие: „Сочинение Радищева о законодательстве“. Хранится в ИАИ АН СССР.

Все документы публикуются нами по новой орфографии, с соблюдением особенностей начертания подлинника. Явные описки исправлены без оговорок. Пунктуация наша. Квадратные скобки [] в тексте означают наши вставки.

[ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ ГРАМОТЫ РОССИЙСКОМУ НАРОДУ]

1

Подтвердить и возобновить права и преимущества, данные дворянству предыдущими государями и имянно указ государя Петра III-го по сей материи и учреждение покойной императрицы Екатерины II-й, называемое дворянская грамота.

2

Дать дворянству полную свободу житьельствовать во всех частях государства, где пожелает; переменять житьельство, когда заблагорассудит, выезжать из государства, возвращаться в оное без малейшей опасности для имения или по делам всякого рода, кои остаются в государстве; словом, чтобы раз навсегда дворянство пользовалось сим правом отныне впредь, не имев уже обязанность на каждой раз выпрашивать монаршее соизволение, кроме только в экстренных и особливых случаях, о коих за время будет огласенно, как то например в случае пресечения сообщения с какой-нибудь державой или тому подобное и прочияе.

3

Чтоб было в воле дворянства вступать в службу или не вступать, разумев однако же притом, что те, кои служить не будут, не возмогут пользоваться выгодами и преимуществами, кои приобретаются единственно службою.

4

Чтобы порядок наследствия или форма приглашения к наследствию имения была бы непоколебимо и ненарушимо восстановлено и ограничено по законам государства о сей материи; и чтоб ни в какое время, ни под каким видом не мог бы сей законной порядок быть нарушен или отменен под особым предлогом или экстренным случаем, как-то духовная конформованная, прошение утвержденное или другое какое нарушение подобного рода.

Общее и давно признанное правило по сей материи состоя в следующих 2-х пунктах:

1) каждой помещик располагает имением своим родовым по закону, то есть родовое родом и благоприобретенным по воле своей.

2) каждое имение благоприобретенное, о коем завещатель имянно не упоминает, будет законами почитаемо родовым и уже под сим видом и имением к наследникам войдет в ращет и раздел.

5

Чтобы дано было правлением самое вящее покровительство торговля размножению природных государства продуктов равно и изобретению новых предметов полезных, как то руды, полуметаллы, соли, селитры и другие земляные произведения.

Чтобы каждой помещик, которой в своем имени отыщет или изобретет таковые полезные предметы для размножения торговли где б оны не оказались, на поверхности или в недрах земли, в лесах или в водах, мог бы оных обрабатывать и обратить в пользу свою, не лиша однакож казну следующих по закону ей пошлин с таковых заведений.

Чтобы внутри государства для перевоз и пересылки всяких продуктов или рукоделий из места в место для удобнейшего их течения было б сделано всякое вспоможение и не опасалось бы нового какого узаконения, могущее нанести затруднение или помешательства для сего столь желаемого предмета всеобщей народной пользе.

6

Чтобы всякого роду собственность, как то самоличная, движимая и недвижимая, как родовая так и благоприобретенная, была бы каждому утверждена и предохранена законом.

7

Подтвердить и возобновить еще силу указа 1787-го года, коим восстанавливается и утверждается срок 10-ти летной права давности для всякого преступления как по гражданской так и по уголовной части; итак отныне впредь всякое преступление, какого бы роду не было, о коем не оглашено было в течении 10-ти лет, не подлежит уже ни к какому розыску ни справки, но будет почитаться по законам яко не существующей.

Равно предлагается сие правило к владению собственностей. Итак каждой помещик, когда владел покойно и бесспорно имением каким 10 лет и в течение сего времени буде не оказалось никакого спору, таковой помещик по истечении вышесказанного срока почитается уже законным владельцем того имения и не приемлется уже никакого спорного прошения или документа не только от партикулярных лиц, но даже и от казенного места.

Сие покойное и бесспорное занятие 10-ти летное утверждает владение и сие право давности обращается для пользующего оным в настоящее и бесспорное впредь право владения и заменяет всякого другого законного документа, буде помещик другого не имеет.

8

Чтоб свободно было мещанину и купцу набирать жительство и оное перемещать по воле во всех городах государства равно и выезжать из государства, оставляя достаточное и законное поручительство по обязанностям своим, буде он их имеет, и без всякого поручительства, буде он очищен от всяких обязанностей.

Сия очистка обязанностей доставляется ему от магистрата или другого подлежащего присудственного места того города, в коем проситель пребывание свое имел.

9

В случае конфискации за долг или иначе над крестьянином орудия пахатные и все то что принадлежит до его ремесла, как то соха, плуга, бороны, лошади, волю и протчие тому подобное ни под каким видом и ни в какое время не долженствует отнято у него быть.

Сия собственность движимая будучи единая только по нашим законам предоставленная крестьянину (ибо самоличная и недвижимая не суть подлежащими его сану) — должна тем паче ему так утверждена быть, чтобы никаким образом он не мог оной лишиться, ни казною за долг податей ни господином своим.

10

Каждой обвиненной или преступник да не будет почтен преступником и не лишится благomyслия общего ни употребления личных преимуществ (буде он каких то имеет), доколе преступление его не будет утверждено и огласено решительным приговором.

11

Каждому обвиненному и во всех возможных случаях да будет не токмо позволено ежели пожелает, но предложено даже избрать себе защитника; и сие предложение да будет обстоятельство формальное и неременное при каждом тяжбном производстве.

12

Каждой обвиненной или преступник да имеет право опровергнуть судей своих, изиясняя причины, кои он для сего имеет.

13

Каждой заточенной, коему в течении 3-х дней не будет объявлено о причине его заключения, и которой в сей срок не будет преставлен судьям подлежащим для допросу, может требовать освобождения и освободится непременно по незнанию преступления.

14

Каждой заточенной после допросу своего и узнав уже о причине, кои лишили его свободы, может просить о освобождении под поручительством другого явится всякой раз, что потребно сие будет, и получает просимое личное освобождение, исключая только два случая, то есть оскорбление его величества и смертоубийство утвержденное; в сих двух случаях только поручительство не приемлется и возбраняется личное освобождение.

15

Каждой заточенной, обвиненной или ответчик, когда уже раз освободился, хотя по незнанию преступления или по формальному суду, тогда не может уже быть утвержден и беспокоен по тому уже делу, но будет оное дело почитаемо яко решительно кончено и не приемлется уже по оному никакого дальнейшего поворота или апелляции.

16

В случае какого нибудь тяжбного или законного разбирательства между казною и партикулярным лицом, казна не будет законом иначе взираема как только обыкновенной истец или ответчик, поверенной по ее делам, обязанной защищать ее право ни будет иметь никакого преимущества, никакой выгоды противу его соперника и должнствует самими теми же формами и обрядами пользоваться и наблюдать тот же самой законной порядок, коим он бы поступал для партикулярного лица. Качество или почести какого либо истца или ответчика не должнствуют иметь ни малейшего влияния ни в существе дела ни над обрядом справок, суда-производства и приговора решения.

17

Да не будет отныне впредь никакой подати денежной или другого налога или требование какого б то роду не было без именованного на сие государева соизволения изображенное ясно и всенародно объявлена указом Правительствующего Сената, коим бесспорно и внятно поставлено будет, от кого что и сколько требуется.

Сей предохранительной способ уничтожает всякое частное требование или налагательство, происходящее от какого другого нижнего присудственного места, как то городское правление, магистрат, цеховые управы, и предоставляет единому в государстве Правительствующему Сенату право и власть утверждать налоги.

18

Квитанции для очистки по налогам или другим требованиям надлежит платящим выдавать без отлагательства и претеснения и должны оные имено показывать то, что уже уплачено, и то, что остается доплачивать.

19

Государство, не желая воспользоваться заблуждением или погрешением части своих верноподданных на счет другой части оных, ибо все равно суть его дети и поелику пеня или штраф должны пасть на единого преступника, того ради отныне конфискация имущества в пользу государства да не будет уже существовать и безвозвратно уничтожается.

Итак буде по следствию его преступления преступник должен лишен быть имущества своего, тогда сие имущество по обыкновенному течению достается природным и законным наследникам оного, для коих сей случай есть род гражданской смерти, в коей образ, наследствия следует те же правила и из рук в руки переходит тем же самым порядком, как в случае общей и обыкновенной смерти.

Но прежде утверждения сего имущества наследникам надлежит из оного исключить то, что следует для исправления ущерба или урона, происходящего от преступления и для достождного удовлетворения закона.

20

В каждом законном разбирательстве надлежит делать различие и отделение между вещию и лицом, или между имуществом и особою. Сей последней предмет обязан отвечать тогда только, когда первой то есть вещь или имущество недостаточно будет для ответа.

Вследствие сего правила закон будет всегда в виду иметь и полагать, что всякого роду сделка, как то продажа, наем, условие, подряд, заем, расчет, контракт и всякое обязательство так между партикулярного з другим партикулярным лицом как и между партикулярным лицом с казною все сие будет почитаемо яко сделанное не для лица контрактующего но для вещи контрактаемой, не сособою но с именем, и следовательно именование долженствует отвечать предварительно о устоянке и о соблюдении положенного обязательства.

Но в случае недостатка и м е н и я тогда закон приступает уже к о с о б е или к л и ц у для дополнения недостатка от имения в иске своем.

II

[ПРОЕКТ ДЛЯ РАЗДЕЛЕНИЯ УЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОГО]

Законы по существенному их предмету разделяются на законы государственные, законы гражданские, законы уголовные и законы, служащие к восстановлению общего мнения, ибо оное есть твердейшая оных подпора.

I

Законы государственные означают права и обязанности управляющих и управляемых. Сие отделение законоположения содержать будет следующие статьи. 1-е Права и обязанности главы империи государя.

а) О ненарушимости его особы.

б) О правах его и обязанностях в устроении спокойствия внешнего и внутреннего.

2-е Права и обязанности государства.

а) Они отправляются учрежденными правительствами.

б) Верховное правительство в Россия есть Сенат.

в) Ему подчинены все другие правительства или вся гражданская иерархия,

г) Россия разделена на губернии и округа (а) ¹

3-е Права и обязанности народа или граждан вообще.

а) Права их состоят в свободе 1) мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) в защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности и 6) быть судимы себе равными. Образ и обряд отправления оных прав означены будут с великою точностию, для предупреждения всяких превратных толкований.

б) Обязанности граждан состоят: 1-е в верности государю и государству, 2) в непрекословном повиновении изданным законам, 3) в повиновении повелениям законных начальств, елико то с законами сходствует.

в) Народ российской разделяется на сословия или чиновостояния.

1) Дворянство.

2) Гражданство или мещанство.

3) Духовенство.

4) Поселяне равного звания.

5) Роды людей, к первым четырем отделениям не принадлежащие, имеющие особые права, временно или всегда.

¹ Примечания под буквами даны в конце документа. — И. Т.

Примечание

Пятое отделение содержать будет некоторые постановления общие, касающиеся до военных людей, до казенных мастеровых, где они есть, и некоторые другие, которые хотя не составляют истинно государственного сословия, но имеют по званию своему особые права.

II

Законы гражданские имеют своим предметом права лиц и права вещей и относящиеся к ним деяния граждан. Лица суть или соборные или естественные. Соборные лица суть:

а) Церкви или общества церковные.

Общества б) духовные, в) ученые, г) кавалерские ордена и пр.

Права и обязанности лиц естественных относятся 1-е к супружеству и кто может в оное вступать и как оно уничтожается, 2) к родителям и детям, 3) к господам и слугам по договору, 4) к ученикам и учителям или мастерам.

Вещь в смысле закона есть все то, что может быть предметом прав и обязанностей, следует, что и самые деяния гражданские суть вещи в смысле закона.

Права вещественные относятся к имениям и состоять будут в следующих отделениях.

а) О имении вообще, б) о собственности, в) о владении, г) о употреблении, д) о повинностях.

Имения суть движимые и недвижимые.

1) О разных средствах приобретения имени а) недвижимого, б) движимого, например: покупка и заклад, наследство, завещание, договор и пр.

2) О средствах отчуждения имений а) недвижимых, б) движимых, на пример: продажа, подарок, договор, приданое и многие другие.

III

Законы уголовные определяют, что есть преступление проступок или погрешность, то есть в чем состоит противузаконное деяние.

Противузаконное деяние не может иначе быть и возникнуть как только там, где есть свобода деяний, где есть намерение.

Если от деяния какого либо последует вред, но не обнаружится при том ни намерение, ни в причинении оного свободы деяния, тогда деяние не может вмениться в преступление, и закон определяет за оное удовлетворение, а не наказание, ниже пеню.

Великость противузаконного деяния измеряется по великости или общественности вреда, от оного произходимого или произойти могущего, а потому деяния противузаконные могут быть общие и частные.

Противузаконные деяния оскорбляют или 1-е) самую природу или 2-е) общество или 3-е) закон и постановление.

Преступление бывают:

1-е Против жизни и здоровья.

2-е Против чести и доброго имени.

- 3-е Против свободы.
- 4-е Против имени.
- 5-е Против спокойствия.
- 6-е Против мысли или мнения.

Примечание

О преступлениях, служащих государству, можно сделать особую статью для лучшего соображения.

Намерение всяких наказаний не может иное быть как или предупреждение преступления или исправление преступника (мнение всегда гнусно) и для того аксиомою поставить можно, что казнь смертная совсем не нужна (разве из сожаления и по выбору преступника), что всякая жестокость и уродование не достигают в наказаниях своей цели. Вследствие сего наказания разделены будут следующим образом:

- 1) Наказания, стремящиеся к исправлению преступника
- 2) Наказания, налагаемые для предупреждения преступлений.

Они состоять могут существенно в том же, чем преступления оскорбляют. Гражданина наказать можно:

В жизни или здравии — то и другое не нужно. Сие можно доказать:

- в свободе деяний,
- в имени,
- в чести и добром имени,
- в спокойствии,
- в мысли.

Наказания суть следующие:

1) Темничное заключение и содержание под стражею:

- а) больше и меньше строгое, в
- б) работе.
- 2-е) Ссылка а) на всегда б) на время.
- 3-е) Изгнание а) на всегда, б) на время.
- 4-е) Лишение отечества или места пребывания а) на всегда, б) на время.

5-е) Телесное наказание. Сие не иначе должно быть как в виде исправления, а потому всегда легко, и с великою осторожностью (б).

- 6-е) Лишение выгод, прав и преимуществ своего сословия.
- 7-е) Лишение доброго имени.
- 8-е) Денежная пеня.
- 9-е) Выговор.

Примечание

Сии наказания могут быть иногда соединены, но очень редко. Ибо усугубление наказаний превосходит всегда меру.

Между предварительными средствами поставляется поручительство в добром поведении, залог и пр.

IV

Общее мнение, яко твердейшая опора всех человеческих постановлений возникает и вкореняется следующим:

- 1) Воспитанием.
- 2) Почтением к законам.
- 3) Награждениями.
- 4) Доверенностью к правительству.
- 5) Сообразностию всех законоположений и правительственных постановлений.

О всех сих предметах поставить нужно неперемные правила, а уложение о заслугах и награждениях столь же нужно как уложение о преступлениях и наказаниях.

Примечани и

а) Для лучшего устройства земской полиции, которая должна присуща быть на всякой точке округи (если так сказать можно), округи должно разделить и устроить с некоторою против нынешнего отменкою, но сие относится к учреждению, а не к законам.

б) Польза наказания телесного есть (по крайней мере для меня) проблема недоказанная. Оно цели своей достигает ужасом. Но ужас не есть опасение и действует лиш мгновенно.

III

[ПРОЕКТ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ]

Закон, постановляя о человеке, рассматривает его двояко: сперва, как его произвела природа, потом, как его образовало общество.

Силы телесные и душевные дает человеку природа. Следовательно, человек есть, то, что он есть от природы. Следует, что он может употреблять силы свои по способности, природою ему дарованной.

Закон есть только подтверждение того, что человеку даровала природа. Из сего следует: если человек, вступая в общество, уступает ему часть своих прав, то оно обязано за то ему удовлетворением.

В следствие сего каждой человек, в обществе живущий, имеет право требовать от него защиты и покровя.

Закон в отношении человека уподобляется природе; он его награждает, как и она; но не столь будучи пристрастен к своему произведению, он одному не дает того, чего не даст другому, и если он дарит, то дарит равно всех; пред ним все равны.

То, что закон дает человеку, не есть что либо вещественное, не может изобразиться в чувствах, оно и не есть сила или способность какая либо, ибо сила или способность могут явиться в своих действиях непосредственно, но то, что он дарит, есть то самое, что силы и способности человека делает деятельными, то, что в человеке направляет его волю, словом, закон человеку дает право, природа дает ему силу, способность; но они могли бы быть препятствуемы в действиях своих, если бы закон не дал ему того, что отдаляет всякое препятствие, что дает способности и силе деятельность не возбранную. Таково есть понятие, которое можно иметь о праве вообще.

Когда закон одному дает право, тогда другому налагает обязанность.

Право бывает тогда, когда закон гражданину дает свободу что либо предпринять или делать или что либо опустить или не делать.

Обязанность бывает тогда, когда закон велит что либо делать или не делать, под опасением быть к тому принужденному или наказанному.

И так чего я не могу делать или не делать свободно в следствие закона, к тому не могу иметь права; к чем не могу быть принужден законом, к тому нет моей обязанности. *)

*) Закон право присвоает одному особенно или многим вместе; но пред ним многие суть единица, когда право дает он не раздельно. (Настоящее примечание в подлиннике отмечено значком „2“ — И. Г.

И так особы единственные и множественные, одаренные правами в законе, равны и называются лица.

И так человек по толику есть лице в смысле закона, поколику может одарен быть правом.

Закон, дав гражданину право, показывает, какое он должен делать из оноу употребление.

Поставит правила, как один гражданин права свои может передавать другому, или как он права свои потерять может.

Право, поколику относится к лицу, называется право личное, поколику относится к вещам без отношения к лицу, есть право вещественное; но то и другое принадлежит лицу.

Отправление или неотправление права есть деяние, нарушение права есть деяние.

Деянию всякому предидет всегда в человеке воля, намерение.

Где нет воли, где нет намерения, там нет в законе деяния.

Где нет свободы в деянии, о том закон не судит.

И так все постановления о правах относятся или к лицам, или к вещам, или к деяниям. Поколику деяния касаются до лиц и вещей, и право не иначе изъясляться может как деянием.

Лице естественное или единственное есть каждой человек в своей особенноти. Оно больше может иметь прав и обязанностей, нежели лице множественное, соборное или нравственное.

Когда многие лица естественные, одаренные одним правом, вместе оноу право отправляют совокупно, тогда бывает лице соборное или нравственное.

Все, что есть следствие естественности, единственности, не может относиться к лицу соборному или нравственному, напротив редко может быть такое право лица соборного, которое бы не могло быть присвоенность лица естественного.

Лице соборное или нравственное и потому отличается от лица единственного, что единственное потому лице, что оно есть таково само по себе, и права его истекают из сего положения в обществе; соборное же лице есть лице не иначе, как в следствие постановления, и права его основание имеют в постановлении.

Лице единственное закон рассматривает в отношениях, касающихся до его естественности или в отношениях гражданских.

В отношении естественности лица закон восприимлет человека под защиту свою до его рождения, и в таком виде определяет его права, он преследует ему при его рождении, определяет его пол, следует ему в лета младенчества, детства, возмужалости, старости и дряхлости, он рассматривает его силы душевные и телесные, оных недостатки или совершенство. Он смотрит на его жизнь и неотлучая ему во время его кочичины; он живет с ним, когда он присудствен во святине своей гражданской, в доме своем; тут закон, совокупясь с природою, определяют его блаженство, блаженство первое, блаженство семейственное; и все отношения семейственные утверждает закон согласно назначению самой природы.

Преследуя человеку в общество, закон назначает ему средство, как ему быть гражданином. И если он к обществу не принадлежит, есть странник,

то и тут, взяв его под свою защиту, он определяет его с обществом. отношения.

Закон столь попечителен о гражданине, что он особые назначает средства, какими можно определить гражданское положение человека, и для того требует известия торжественности при важнейших эпохах жизни гражданина. Он постановляет то, что делать должно, когда гражданин родится, когда он вступает в супружество, когда оное расторгает, когда прерывается его жизнь или когда кончится гражданское его состояние; закон не отступает от гражданина и тогда, когда он отлучается из общества, ибо дав ему один раз право, он не желает его одного лишить в то самое мгновение, когда гражданин отлучается, он ждет его отрицания или долгого отсутствия, дабы его лишить того, что даровал однажды.

Лица нравственные или соборные закон рассматривает в отношениях их к государству или рассматривает отношения единиц между собою, лице нравственное составляющих. Общество всякое есть лице в смысле закона, но состояние, на которое разделяется народ, не есть лице; ибо права людей, к какому либо состоянию принадлежащих, есть право каждого особо, но не состояния вообще. Если бы права принадлежали состоянию, в соборном его лице, то оно бы было сословие государственное, чего в России нет.

В смысле закона вещь есть все то, что может быть предметом права, следует, что деянии человека и самые его права могут назваться вещию в смысле закона.

Существо вещи есть все то, что ее составляет части и ее свойства.

Иная вещь по существу своему не может переменить своего места, не повредив своей сущности, другая же может.

Первые суть недвижимые, другие движимые.

Право, хотя само по себе и есть такая вещь, которая может переменить место, без нарушения своей сущности, но если оно относится к вещи недвижимой, то оно почитается так же вещию недвижимою (оно таковое же может быть и постановлением закона).

В вещах движимых закон означает все оных главные роды.

Закон определит предметы тех вещей, которые суть сами по себе и которые находятся в зависимости другой вещи.

Первые суть существенные, другие принадлежности.

Закон означает, какие вещи могут быть принадлежности другой вещи.

И так, сколь долго одна вещь есть принадлежность другой, то она участвует во всем, до главной вещи принадлежащем, и если право на главную вещь уничтожится, то уничтожится оно и на принадлежность.

Вещь, поколику состоит во власти человека, называется именование.

Имея вещи в своей власти, человек делает из них употребление, в сем состоит их польза, а если пребывая невредима в своей сущности она доставляет имеющему ее прибыль, то сие и делает то, что назвать можно вещию полезность.

Польза вещи определяет ее цену.

Если цена вещи для всех одинакова, то вещь будет цены обыкновенной. Если же исчисляют пользу, которая иногда из одной произойти может, то бывает цена вещи необыкновенная. Особое уважение вещи ради каких либо ее качеств или отношений делает ее драгоценною. А если

неможно ее качеств или паче ее цену поставить в сравнение ни с какою другою вещью, то вещь такую назвать можно не оцененною.

Выше сказано, что права суть вещи в смысле закона. В отношении лица право есть власть требовать от того, кому оно налагает обязанность, чтобы он что либо дал или сделал или позволил, или не делал и оставил.

В отношении вещи право есть власть отправлять оное в отношении вещей без отношения к лицу.

Право может существовать само по себе, не присвоенное лицу; но дабы оно сделалось чьей либо принадлежностью, то закон означает средства, как права могут быть приобретаемы; сие средство есть деяние; и так деяние, чрез которое приобрести можно право, называется образ приобретения, а законная причина или основание, посредством которого деяние получает силу к приобретению права, можно назвать достоинием.

Закон, обращая внимание свое на деяния человека, ведает, что не всегда ему возможно ими располагать по своему произволению. Иногда препятствия внешние ставят деяниям преграду, иногда сила делает их необходимыми, иногда ложное о вещи суждение, от страсти произтекающее, деянию не тот дает вид, который бы оно имело, если бы разум человека не затмевался. Иногда силы или мощность к произведению деяния недостаточны так, что воля может подвержена быть насилью в естественности своей и в нравственности.

И так закон судит только о тех деяниях, где видно свободное воли определение, и если деяние не таково, оно человеку не принадлежит. Оно так сказать не его и причтено ему быть не может.

И так правилом закон поставяет, что деяния только свободные одни подлежат его суждению. И где нет свободы деяния, там нет и обязанности. Закон судить может только о деяниях внешних; или поскольку воля изъясняется в деянии свободном; но определение рассудка, воли, намерение суждению закона не подлежат.

Следствия деяний иногда бывают таковы, что они истекают из них неминуемо и непосредственно, иногда же они бывают только для того, что одно деяние было в сопряжении с другим, совсем от него различным, и следствие деяния одного было посредством деяния другого.

За следствие, непосредственно из деяния произтекшее, всяк должен отвечать, потому что знать может всякой, что следствие известного деяния будет неминуемо.

За следствие, произтекающее из деяния посредством другого деяния или произшествия, не иначе отвечать можно, как тогда, когда и постороннее деяние, следствие произшедшее, было предвиденно. Но если его предвидеть было невозможно, то оно случайно, и за него отвечать нельзя в равной мере с первыми.

Хотя случайное следствие деяний не может причтено быть никому, но поелику во всяком предполагается рассудок, свободное воли определение, сведение о законах, доколе противное не доказано; то всяк в обществе живущий обязан употреблять рассудок свой в делах гражданских и прилагать внимание, дабы деяния его законам соответствовали.

Кто по недостатку внимания в каком либо деле поступит в противность закона, тот учинит вину или проступок.

Вина или проступок могут иметь в причтении разные степени, по мере внимания, которое бы мог употребить в деле учиненном тот, кто сделал проступок или вину.

Если бы, [чтобы] избежать или не соделать проступка, не нужно было (при обыкновенных разума способностях действующего) великое напряжение внимания, то проступок таковой или вина, которой можно бы было избежать без дальнего внимания, назвать можно проступком грубым или первой степени.

А поелику без напряжения внимания или же где оное совсем не нужно было, избежать бы можно проступка, то вина таковая равняется почти деянию с намерением произведенному.

Если же для избежания проступка нужно было обыкновенное только внимание, то вина, произтекая от недостатка такого обыкновенного внимания, есть вина второй степени или вина посредственная.

Но если для избежания проступка нужны были или необыкновенное внимание или великие способности, или особые знания, или о вещах сведения отменные; то вина, произшедшая от недостатка всего вышесказанного, велика быть не может и будет вина третьей степени, вина малая.

За вины сего рода ответственуют наипаче определенные к должностям; ибо, помещаяся к должности, предполагается, что определенной имеет достаточную к отправлению оной способность.

Когда деяние есть следствие свободного воли определения, когда к нему не был я принужден внешнею силою, тогда оно может произвести для другого средство что либо *) приобрести, или возможность что либо сделать, словом может произвести право; но дабы деяние могло произвести право для того, кто оное произвел, то сверх всего вышесказанного оно должно быть таково, чтобы никому не вредило и было бы дозволенное.

И так деянием свободным можно произвести право, уступить его или передать другому и право уничтожить; наипаче сие произойти может, когда человек изъявляет свое соизволение.

Но где человек не изъявил своего соизволения, или чего не исполнил, то могут из того произтекать права и обязанности по толику, по колику закон таковые с ними сопрягает.

Сказано, когда закон дает с одной стороны право, то он с другой дает обязанность.

А поелику право есть следствие деяния, то оно произведшему деяние налагает все из оного произтекающие обязанности.

По сей причине и противозаконное деяние может произвести право, но не тому в пользу, кто оное учинит, но тому, кому оно будет во вред; а произведший противозаконное деяние получает обязанность в отношении того, кто получил право вредом причиненным.

И так права могут приобретаемы быть деяниями недозволенными и деяниями дозволенными. **)

*) От начала абзаца до слов „что либо“ включительно приписано на поле чужой рукой. — И. Т.

**) Далее идут 4¹/₂ листа чистых. — И. Т.

Мы видели, что для произведения прав нужно деяние, что деяние должно быть свободно, что деянию предидет воля. Но дабы деяние могло произвести право, то нужно, что бы человек объявил на то свое соизволение; объявил, в чем воля его состоять может.

И так когда человек объявит то, что в сходственность его намерения воспоследует или не воспоследует, тогда говорят, человек объявил свою волю или дал знать о своем соизволении.

Но что бы соизволение могло иметь следствия, производящие права, то должно иметь в виду предмет, о котором соизволяет, и предмет должен быть таков, что соизволяющий имел право о нем сделать постановление; должно, что бы соизволяющий имел способность располагать деяния свои с умом и рассудком. Должно, что бы соизволение было в самом деле, а не предразаумеваемо, было бы свободно, не принужденно, нешуточно, подлинно, точно или благонадежно.

В объявлении соизволения рассмотреть нужно: 1-е предмет соизволения, 2-е способности соизволяющего. 3-е покояку оно а) свободно быть может и не препятствуемо, б) подлинно и нешуточно, в) точно и благонадежно, хотя иногда безмолвно или предполагаемо, а потому г) означить правила, которым должно следовать в изложении соизволения. 4-е не бывает ли в соизволении ошибки или погрешности, или 5-е соизволение не явлено ли обманом. 6-е Не должно ли оно иметь известную форму. 7-е Какие соизволения суть действия. 8-е Какие в соизволении могут быть условия.

*) Все вещи и деяния, на которые можно получить право, или на которые можно правом поступиться другому, могут быть предметом в изъявлении соизволения, исключая того что запрещено законами или что оскорбляет благонравие.

Но если бы кто столь мало имел рассудка, чтобы соизволил наложить себе обязанность какую либо, стесняющую свободу мысли, свободу исповедания, свободу деяния или личную свою безопасность, то закон не признает таковые соизволения правильными и их почитает ничтожными, потому что они разрушают то, что есть сущность гражданина.

Равным образом не можно о таких вещах объявлять свое соизволение, которые изъяты из частных обращений, или самую естественностию, или законоположением, или же частными постановлениями.

) Признавая, что свободное соизволение нужно для произведения права, закон постановляет, что дитя или несовершеннолетний, лишенные ума или слабоумные естественно хотя бы временно или пьянством, или сильным страстей движением, не могут соизволением своим произвести права, ниже те, которые бы к тому побуждены были или опасными угрозами^{*)} или же истинным принуждением; зане блюститель гражданския свободы закон ее стрежет во всех ее отраслях, во всех ее распространениях.

Закон, ограждая деяния гражданина, требует, чтобы для произведения права соизволение изъясняемо было словами или знаками, ясно оное доказывающими, но из обстоятельств не дозволяет оного заключать никогда, ибо соизволения предполагать не можно, если оно не явно.

*) Против начала абзаца на поле поставлена цифра 1.—И. Т.

**) Против начала абзаца на поле поставлена цифра 2.—И. Т.

***) Против этого места на поле поставлена цифра 3.—И. Т.

И так подлинной смысла соизволения не иначе толковать должно как по обыкновенному значению слов и знаков.

*) Закон, блюститель деяний гражданина, бывает его страж и тогда, когда он хотя в полном своем разуме, но мог бы деяния свои себе обратить во вред; он ограждает его от заблуждения или обмана, когда он изъясляет свое соизволение.

И так заблуждение или погрешность или ошибка в самой существенности деяний или главном одного предмете делает оное неправильным.

И так тот, кто с намерением дал повод к заблуждению, не может никогда чрез оной приобрести права; и соизволение, обманом произведенное обязанности не налагает.

***) Закон, постановив в каких случаях нужна особая форма в объявлении соизволения, покажет, какое должно одного быть действие; какие ***) могут быть в соизволениях условия: например: что условие может быть 1-е отлагающее, то есть такое, что исполнением одного, а не прежде приобретено может быть право, о котором последовало соизволение; 2-е или разрушающее, то есть такое, что при исполнении или при наступлении условия, соизволение должно быть не действительно или прекратиться. 3-е Условия могут быть возможные и невозможные, и что сии последние делают соизволение недействительным. 4-е Что условия бесполезные может иногда судья уничтожить. 5-е Что по предмету не дозволено в соизволении, то не может быть дозволено и в условии. 6-е Что условия могут относиться на прошедшие происшествия. 7-е Что при соизволении может быть побудительная причина, которая только служить может для изъяснения сомнительного намерения.

Наконец закон сделает постановления, что иногда рассматривать нужно при объявлении соизволения относительно а) намерения соизволяющего или относительно б) времени в) или срока, когда по соизволению право должно возникнуть или прекратиться.

Обоюдное или взаимное соизволение приобрести право или оным поступиться есть договор.

Договору всегда предъидет с одной стороны обещание, с другой соизволение о том же, что один обещает, но сего недовольно. К существу договора принадлежит, чтобы был предмет, о котором договариваются; ибо если договариваясь не о чем, то нет и договора. И так если одного из вышесказанных качеств недостает, то и не можно думать, что договор состоялся. Как может одно изъяснение воли поступиться правом, то есть как может простое обещание произвести обязанность, когда не будет на него соизволяющего оным правом пользоваться; зане не может обещание произвести обязанности, если не возникло право, которого существенность требует, что тот, кто оное отправляет, может употребить понудительные средства и обязавшегося заставить исполнить свою обязанность. По сей причине обет церковный в законе гражданском обязанности не производит, не могут судимы быть судом гражданским, ни подлежать в случае неисполнения на-

*) Против начала абзаца на поле поставлена цифра 4.—И. Т.

***) Против начала абзаца на поле поставлена цифра 5.—И. Т.

***) Против этого места на поле поставлена цифра 6.—И. Т.

казанию в законе уголовном определенному, зане обеты церковные суть только простые обещания, или если их почитать должно договором, то восприемлющею обещание стороною почитать должно или самого себя, что есть не лепо, или бога; а в сем случае последнем за неисполнение обета принуждения к возложенной на обещававшегося обязанности должно ожидать от того, кому обещание сделано, — от бога. Но кто может столь быть дерзновен и сказать: бог поручил мне отправление права, ему принадлежащего. И так об обетах церковных предоставляется судить духовным начальствам, и за неисполнение оных наказание должно быть духовное, и ни в чем не сходствующее с теми наказаниями, которые налагает закон уголовный.

Договор для всех оным обязующихся имеет силу закона, если он заключен по предписанной в законе форме.

Если договор сам в себе существенно состоит в том, чтобы было обещание с одной стороны, восприятие с другой стороны, и чтобы был предмет, о чем договариваются, и чтобы он мог произвести право и обязанность. то закон требует, чтобы договаривающиеся имели способность договариваться и в изъявлении своего соизволения были бы свободны; и так все те, кои не могут свободно изъявлять своего соизволения, не могут заключать договоров. а) Поелику договоры начало свое имеют в законе постановительном, то ограждая обязанности от всего того, что может оных умалить твердость и силу, закон предписывает им в иных случаях известную форму, а в других назначает образ их постановления. б)

Мы здесь рассмотрим все принадлежности договора; те, без которых он не может договором почитаться, и те, которые ему опричь того свойственны быть могут.

Принадлежности договора суть:

1-е Обещание. 2-е Восприятие обещания. 3-е Предмет, о чем договариваются. 4-е Потребные способности договаривающихся. 5-е Форма договоров. 6-е Подкрепление договоров. 7-е Околичности и условия. 8-е Правила изложения. 9-е Исполнение договора. 10-е Уничтожение договора.

1) Обещание есть первая принадлежность существенности договора; чтобы оно было законно, то должно, чтобы оно было не принужденно и свободно, и оно следует всем тем правилам, которые мы изъяснили, говоря о изъявлении соизволения.

Обещать можно все то, что дозволено законами.

а) Здесь в законе помещена будет статья о договорах с казенными местами.

б) Договоры могут быть разного рода:

1) односторонные, когда один из договаривающихся обязывается чем либо с одним или многими, они иногда называются благотворными.
2) обоюдные или взаимные, когда договаривающиеся обязываются чем либо взаимно, они называются иногда тягостными.

Меновыми их называют, когда каждой из договаривающихся обязывается дать или сделать что либо, стоящее того, что получает.

Роковыми называть их можно, когда даваемое состоит в равной опасности обязывающихся приобрести что или потерять, в следствие происшествий неизвестных.

Иные договоры имеют особые названия, иные же не имеют.

Все запрещенное, все противное благочинию или порядку общественному обещать не можно.

Обещание таковое есть ничтожно само в себе и обязанности не производит.

Если обещание было по известной причине, а причина обещания ложная, то обещание ничтожно, ибо оно не есть следствие того, что было означено.

2) Восприятие обещания должно столь же быть законно, как само обещание, столь же правильно, как объявление соизволения, свободно, непринужденно и прочая.

Восприятием обещания не можно приобрести больше права, нежели как что назначил обещавший. Существо восприятия таково, что оно должно быть соответственно обещанию; следует, что оно долженствует всегда быть неограниченно и без условий; ибо если оно не будет таково, то не будет соответствовать обещанию.

И так восприятие условное, обещанию несоответственное, обязанности не налагает. Ибо она состояла бы не в том, в чем было обещание; что есть противоречие.

Всяко деяние человека следственно и всякой договор бывает в какое либо время и иначе быть не может, следует, что восприятие обещания должно произойти в надлежащее время; если оно означено, то оно не минуемо должно в оное воспоследовать; и промедление делает оное ничтожным. Если оно не означено, то закон, заступая место обязывающихся, назначает сроки восприятию обещания, и назначение его есть правило, по которому о том судить должно.

3) Когда кто скажет, обещаю, то вопрос неминуемой за сим последует, что? И так необходимо нужно, чтобы договор был о каком либо предмете.

Вообще предмет договора бывает вещь или дело, причем договаривающиеся обязуются дать или сделать или не сделать.

Где нет предмета, там не может быть договора. Все, что может быть предметом изъявлений соизволения, о том можно заключать договор.

а) Предметом договора не могут быть ни вещи, ни деяния невозможные.

б) Можно договариваться о деяниях, вещах или правах третьего, так же и в его пользу.

в) Можно договариваться о вещах, несостоящих в обращении, но потопилку, пополю преграждение их обращения может быть уничтожено.

г) Не можно договариваться о деяниях недозволенных.

д) Договоры, не приносящие ни пользы ни прибытка ни тому ни другому, должны быть ничтожны.

е) Договоры, коих предмета определить невозможно, или коего определение или исполнение оставлено на произвол обязанного, ничтожны потому, что не имеют предмета.

4) Способность личная есть принадлежность договора необходимая.

Тот, кто не может судить о деяниях своих, о их полезности, или о их вреде, в договор вступать не может.

Природа сама тому назначила преграду, закон оную только утвердил и сделал ненарушимую.

И так тот только может заключить договор, кто может сделать законное изъявление соизволения.

Но поскольку закон благотворен в своем действии и дает каждому право гражданина с часа его зачатия, то хотя он и неспособен сам собою заключить договор, однако же он не лишает его права вступать в обязательства и заключать договоры, а поскольку он того не может делать сам, то закон даст ему представителя, который пред ним явится облечен в его лице.

И так не имеющий способности договариваться сам, договаривается через опекунов, попечителей.

Многие суть неспособности, которые наложить могут преграду договариваться.

Естественные неспособности суть: 1-е. Несовершеннолетие. (а) ¹ 2-е. Лишение ума. 3-е. Лишение чувств.

Нравственные: 1-е. Быть во власти другого. 2-е. Договор. 3-е. Судебное запрещение. 4-е. Гражданская смерть.

Одни нравственные неспособности могут встречаться при договорах лиц соборных.

5) Форма договора становится его существенная часть, если она предписана законом, если она нарушена, то договор недействителен. (а) ²

Форма договора может быть только двояка, письменная и словесная. Письменная такова, что если в ней что либо не так означено, как предписал закон, то она не может быть действительна.

Чем меньше будет в законе предписанных письменных форм для договора, тем лучше.

Нужно и то, чтобы закон означал предметы, о которых нужно договариваться письменно и о которых словесно.

Например: весьма полезно будет в законе правило следующее:

если предмет договора будет имение недвижимое, оного собственность, владение, употребление или пользование, то он должен быть всегда письменной, причина сему ощутительна; всякой договор о имении недвижимом в действии своем не может быть мгновенен; а поскольку действие его прострется в будущее, то для охранения собственности недвижимого имения нужно, чтобы постановления о ней были видимы всеми, ибо она в существенности своей такова, что со внешностью ее сопрягается часто признак владения ею. Но признак неминуемой владения движимой вещи есть тот, у кого она в руках.

Постановление закона о договорах, если будет предварительно спорам и недоразумениям по возможности, — будет благотворительно; и для того не худо будет, чтобы определена была известная сумма (например: 100 или 50), о которой можно договариваться словесно, если же сумма договора будет выше, то договор должен быть письменной, ибо закон предполагает, что где предмет договора есть сумма нарочитая, то исполнение его простирается на время будущее; а поскольку будущее в договоре определять трудно, то

(а) ¹ Несовершеннолетие есть неспособность естественная в отношении сил душевных; но в отношении лет, несовершеннолетие определяющих, оно есть действие закона.

(а) ² Сие наипаче разумеется о договорах письменных; но если за ненаблюдение формы положена пеня, то в случае ненаблюдения оной, взывается пеня, но договор (здесь чужой рукой вставлено над строкой „не“, явно нарушающее смысла. — *И. Т.*) действителен; ибо пеня полагается вместо уничтожения.

и нужно, чтобы о нем всегда постановляемо было письменно. Но в сие распоряжение не могут входить те договоры, которые заключаются словесно и мгновенно, например: когда кто кому дает вещи на сохранение, соблюдение, сбережение, или когда договор будет о вещах движимых и коего исполнение бывает с обеих сторон мгновенно. Сие последнее наипаче относится к обыкновенным покупкам всех вещей движимых.

Уступка, отчуждение или уничтожение (а не доказательство) произведенной уплаты или другого какого исполнения обязательства должны быть письменны.

Договоры и всякие объяснения о правах каких либо на недвижимое имение, так же о личных налогах, повинностях и обязательствах всегдашних и непрестанных должны всегда быть письменны.

Если срок уплате не определен быть должен, то договор должен быть письменной.

Если договор будет о предприятиях не надежных и опасных (но не противозаконных и невозможных), то он должен быть письменной.

Если за неисполнение договора полагается пеня денежная или другая какая либо, то договор должен быть письменной.

Между отсутствующими переписка заступает место договора письменного.

И так, где письменному договору быть должно, там все то, что о нем постановляется словесно, есть ничтожно.

И так если договору назначена в законе особая форма, то все, что еще в дополнение одного договора и все объяснительные обстоятельства одного письменные и словесные должны быть ничтожны, ибо судить должно о договоре по одной предписанной форме, а не по двум.

Итак ни словесно ни письменно нельзя ничего постановить о сделанном договоре по форме, но можно оной возобновить, если оной был неокончательной в каком либо деле, как то купчая.

Письменные договоры в России употребительны или известны под особым именем или договоры (контракты) просто. Сии последние будут написаны на надлежащей гербовой бумаге, подписаны договаривающимися, если сами писать умеют, или кем другим, если писать не умеют. (а) ¹ Буде записаны в книге у маклера или в присутственном месте, то действительны.

И так, если что либо из сих нужных обстоятельств пропущено, то договор недействителен.

Особого рода письменные договоры суть 1) Купчая. 2) Закладная. 3) Запись. 4) Торговой контракт. 5) Денежное обязательство. 6) Вексель. 7) Заклад в банке. 8) Ломбардной билет. 9) Подписанной шет или росписка. 10) Записка маклерская. (а) ²

б) Договор может иметь подкрепления разного рода.

1-е) Признанием или утверждением договора.

2-е) Отрицанием возражений,

3) Утверждением судебным,

4) Задатком или залогом.

(а) ¹ Подписка другого вместо договаривающегося, если он сам писать не может, должна быть сопровождаема обрядом определенным в судопроизводстве.

(а) ² Формы оных помещены должны быть в обрядах судопроизводства.

1) Признанием или утверждением правильного договора уничтожаются те противуречия, которые ссылаются на недостаток свободного или истинного соизволения.

И так если кто письменно или пред судом признается, [что] постановляя договор словесной, то договор сей действителен по содержанию признания.

Но если договор недостаточен существенно, то утвердить его невозможно и признание неправильно.

2) Если кто отречется от сделанных им против договора возражений, тот договор признает.

3) Судебное утверждение договор подкрепляет: но может только тогда иметь силу, когда было оному предварительное признание или подтверждение. а)

4) Задаток есть то самое, что служит знаком заключенного договора.

Задаток дается так же в шет или в уплату сделанной обязанности.

Отступить от задатка в договоре письменном или возвращать его назад договора не уничтожает, разве договаривающиеся о том постановили именно.

Если же договаривающиеся постановили, что задаток есть пожертвование за неустойку, тогда правилом будет служить следующее: если тот, кто дал задаток, отступится, то да получивший задаток удерживает его вместо удовлетворения. Если отступится тот, кто задаток взял; то задаток должно возвратить тому, кто его дал, в замену удовлетворения.

Когда задаток не дан в виде жертвования за неустойку, и в таком случае договор не состоится виною того, кто заклад взял; то несправедливо ли будет оставить на выбор того, кто заклад дал, хочет ли он взять назад данное или оною цену, какова она была тогда, когда задаток дан.

Если же договор не состоится виною того, кто заклад дал, то так же справедливо, что бы он потерял в задаток данное, и в сем случае задаток будет в виде удовлетворения за неустойку в договоре, ибо договаривающийся имел в договоре целью свою выгоду, за неприобретение которой ему должно иметь удовлетворение. Если же договор не состоится без вины обоих договаривающихся, тогда задаток отдать должно в том виде, как он будет, ибо виною несостоянию договора не будет ни тот ни другой.

7) Договоры могут сопровождаемы быть многими побочными обстоятельствами, означающими условия, намерения или побуждения договаривающихся, но противозаконные условия отъемлют у договора законную его силу.

Условия могут быть о времени и о месте, где договор исполнить должно. Если о них в договоре ничего не сказано, то при случающихся о том спорах оные определяет судия, взяв в уважение существо дела, намерение и цель договаривающихся.

8) В изложении договоров главное правило должно быть то, что бы стараться узлать, какое было общее намерение договаривающихся; и основываться больше на том, что было целью их постановления, нежели на словесном смысле договора. В случае сомнения всегда должно больше быть в уважение то, что обязующийся обещал, нежели то, на что другой получил право, и договор излагается всегда в пользу обязавшегося, по той истинной причине, что закон всегда даст защиту страждущему.

9) Договор производит обязанность, и следствие его есть таково, что

а) Клятвенное утверждение договора силы ему не придает.

сия обязанность есть равна той, которую закон полагает гражданам вообще, но обязанность сия простирается только на договаривающихся, а над посторонними она действия не имеет.

Исполнить обязанность договором положенную есть дело необходимое, и если исполнения не воспоследует, то неисполнитель договора обязан удовлетворить за убытки от неисполнения произошедшие.

Во всяком же случае к исполнению обязанности можно принудить.

Иногда условием определяется заранее, сколько неисполнитель обязан заплатить за неисполнение, или каким за оное должен удовлетворением. Словом, договаривающиеся могут наложить себе взаимную пеню за неисполнение договора.

К исполнению договора принадлежит так же существенность, чтобы выдано было то, о чем договор постановлен, и в том виде, как о том постановлено в договоре, наблюдая время и место по сделанному условию или по законному постановлению. И сие есть существенное ручательство всякого договора, без которого договор не мог бы быть исполнен надлежащим образом.

10) Всякой договор уничтожается, когда договаривающиеся отрекутся взаимно от исполнения оного по добровольному соглашению. Следует, что от исполненного договора отрещися нельзя, ибо он уже исполнен.

Явной обман в договоре дает обманутому право от оного отступить.

Невозможность исполнения договора оной уничтожает.

Уступка, соглашение или сделка и другого рода подобные сему средства, касающиеся до перемены или уничтожения обязанностей, из договоров изтекающих, оные уничтожают.

Всякая обязанность прерывается смертию, но только для умершего, [и] переходить может на его наследников.

Поселику цель общественного сожития есть польза всех, поселику пред лицом закона все равны, то и следует, что никто ни кому не должен наносить вред, ущерб или убыток, и кто кому сделал вред, ущерб или убыток или был причиною оного, тот обязан за оный удовлетворением.

Хотя он за то подлежать будет наказанию; ибо наказание есть удовлетворение закону для отвращения будущего такого ж вреда; но тем не удовлетворится претерпевший, но удовлетворение за вред есть следствие первобытного общественного договора, и если наказанием вредителя сей приведен будет в несостояние удовлетворить за причиненной им вред, то обязано удовлетворением все общество.

Вред, ущерб или убыток произойдет тогда, когда состояние человека придет в худшее положение соотнositельно его тела, его свободы, его чести или доброго имени, его безопасности или его имущества.

Причиняемой вред может больше или меньше относиться к тому, кто оный причинил, или другими словами причинивший вред больше или меньше может быть оного виною. И так закон причиняемому вреду назначит постепенность, отличая тот вред, который был непосредственное следствие деяния, вред произведшего, [от] отличных, но находившихся с оным в связи: от того отличить вреда, о котором невозможно было предвидеть, что будет деяния следствием; от вреда случайного.

Причинение вреда, ущерба или убытка есть обида или оскорбление; неисполнение обязанности неминуемой есть так же обида или оскорбление.

И так хотя закон и определяет удовлетворение оскорбленному или обиженному, но соболезнуя всегда о впадающем в погрешности, он не наказует без различия и различает того, кто оскорбляет своего согражданина с намерением или явным небрежением от того, кто оскорбляет хотя небрежением, но не столь преступным, от того, о которого небрежении сказать можно, оскорбивший недоглядел. И так того, кто другого оскорбляет с намерением или грубым небрежением, тот должен оскорбленному удовлетворением совершенным. Того, коего небрежение не столь было велико, присуждает к удовлетворению только за вред действительно происшедший. Того, чье небрежение было малое, присуждает только за такой удовлетворить вред, которой из оскорбления изтек непосредственно.

Но если вред происшедший от деяния был случайной, то удовлетворять должно только в таком случае, когда самое деяние было бы в законе запрещено, или если действовавший сам был виною своего противозаконного деяния. И так закон означает имянно, кто при происшедшем вреде должен за оной удовлетворением и кто не должен.

Случиться может, что в причинении вреда тот, которому он причинился, сам в оном участвовал, или и виновник стал явным своим небрежением или же недовольным рачением, или же не приложил обыкновенного своего внимания.

В первом случае закон оскорбителя присуждает к удовлетворению вреда, ибо намерение его или явное небрежение на весах правосудия есть больше, нежели соучастование оскорбленного.

Но если вред причиненной не был непосредственное следствие оскорбления, а оскорбленной сам в отвращение вреда имел явное небрежение, то удовлетворения за вред таковой требовать невозможно, а еще меньше удовлетворять за прибыль, которая бы быть могла, если бы не было оскорбления, ибо, противоясая поступок оскорбителя и поступок оскорбленного, одно другого большею было вреда виною, в следствие сего еще меньше должно иметь место удовлетворению, если вред произошел от стороны оскорбителя, от малого недоглядения или упущения, а со стороны оскорбленного небрежение было бы явное. В следствие того же правила, если оскорбление или вред будет взаимное, то удовлетворение будет взаимно и соразмерно взаимному оскорблению. Но если деяние, вред причинившее, было непозволенное, то вред, ущерб или убыток должен всяк нести на себе, ибо непозволенное деяние права произвести не может.

Где нет деяния, там невозможно думать, что причинен вред; да и того нельзя предполагать (хотя и есть где вред), чтобы оному был виною ктонибудь другой, а не тот сам, кому вред причинился, зане предположение не есть доказательство. Но предположение такое может иметь место тогда, когда кто произвел деяние противозаконное, и вред произошел при случае сего деяния; ибо тогда предполагать уже можно, что действующий противозаконно вредить может, поелику само действие в себе есть зло или вред.

Теперь положим, что вред произведен, что оному вреду есть виновник известный и что оскорбление произвело право требовать удовлетворения. Первой вопрос и будет, чем можно удовлетворить за сделанной вред, ущерб или убыток, если древний закон вознаграждения удовлетворять тем самым,

в чем состояло оскорбление, не может быть одобрен во всех делах уголовных; но в причинении вреда он может иметь место и причиненному вреду можно удовлетворить или возмещением того, в чем состоял вред, или ценою оного; следовательно удовлетворить должно из имущества того, кто вред причинил; и если в причинении оного были многие соучастники, то они все должны удовлетворять за сделанный вред, ущерб или убыток.

Второй вопрос (когда вред произошел и виновник оного известен будет), во всех ли случаях должен виновник деяния делать оскорбленному удовлетворение. В случаях вышеозначенных должен, но поелику свободные только деяния могут человеку быть причтены, могут его делать виновным, то найдутся многие случаи, в которых действующий не может отвечать за то, что делает, и потому вред, им причиненный, есть так сказать не собственно его. Например: если кто, исполняя принадлежащее ему право и не выходя из надлежащих пределов в отправлении права, сделает вред, так что причинение оного было следствие деяния неизбежное и иначе право какое либо не могло быть отправляемо, то причинивший вред кому либо за оной не отвечает, и может ли тот отвечать за вред из деяния происшедший, если деяние само было непроизвольное? Таковы деяния суть деяния детства, сумасшедшего или лишенных рассудка временно, разве таковое лишение рассудка произойдет виною самого вредящего, в сем последнем случае вредитель отвечать должен, ибо, хотя деяние его и непроизвольно, но причина, что оно было непроизвольно, лежит в том, кто произвел вред.

В сих отношениях вопрос еще настоять может: должен ли тот отвечать за причиненный им вред, если оной вред сделан по приказанию того, кто приказывать кому либо имеет право? не должен; ибо не он отвечает за вред, но приказавший; ибо если бы исполнитель не делал повеленного, то бы нарушилось повиновение. Но можно ли повиноваться повелению, если оно совсем противузаконно? В сем случае правило суждения таково, что если вред от непослушания произойти могущий больше, нежели вред от деяния, то повиновение быть должно, но если начальник велит явное беззаконие, убить, ограбить, отнять, насиловать, то повиновение тут быть не может, ибо деяние противузаконно; но если бы случилось, что отъемлющий или насилующий делал то в виде общей пользы, то исполнитель за то не отвечает, но приказывающий. По сим же правилам должно судить и те случаи, когда кто делает кому какое либо поручение, если поручение противузаконно, то исполнять нельзя; но если в исполнении поручения, не выходящем из пределов закона, сделается вред, то повинен за то отвечать тот, кто вред сделал, напротив того, если тот, кому дело поручено, сам по себе к тому не способен (например малолетний, или пьяный или сумасшедший), то отвечает за вред тот, кто поручает.

Но случиться может и то, что вред причинит по приказанию одного, но от сего вреда произойдет польза другого, то удовлетворением за вред не приказывающий обязан, но тот, кому в пользу был вред другого. Например: если случится, что при случившемся пожаре чей дом либо сломан будет, дабы спасти тем другие; то хозяева всех спасенных домов должны удовлетворить за сломанной двор, ибо если бы он сломан не был, то бы и их дома сгорели.

В деяниях не законных право производящих случается, что кто либо дает повод или поощряет или бывает причиною деяния не произвольного чьего

либо, которое произведет вред или делателю или постороннему, то хотя бы вред произошел от малого нерадения или недосмотрения, то давший к деянию таковому повод повинен за оной вред ответствен, равно как приказавший деяние беззаконное, вред произведшее; ибо не делатель, но он есть истинная причина деяния. Не равно ли с ними ответу подлежит и тот, кто дозволил сделать то, что должно было ему запретить и что он запретить мог, или допустил сделать то, что он воспретить мог?

И так закон определит, в каких случаях и кто за кого ответствен должен в причинении вреда. Например: когда родители ответствен могут за детей, хозяин дома за жильцов, хозяин за принадлежащую ему скотину, учителя или мастера за учеников, муж за жену, господин за слуг, поручающий за того, кому что поручил.

В законе удовлетворения назначающем нужно будет означивать правила, показывающие удовлетворения меру; и в следствие сего справедливость требует, что бы поврежденное возвращено было в том же виде, какой имело до повреждения; или же, если возможно, то вернуть самую вещь; если же того сделать нельзя, то удовлетворить должно на равне с вредом причиненным.

Деяния, производящие право, но которые сами по себе суть преступления уголовные, как то: причинение смерти, оскорбления телесные (уязвление, уродование, боль), оскорбления чести, свободы, безопасности должны за собою всегда навлекать удовлетворение, сверх положенного за оные в законе уголовном наказания.

В таковых удовлетворениях закон означит именно, какое оно должно быть, если вред нанесен будет убийством человека. Кто больше другого от того потерпеть может? не остающаяся ли вдова без мужа; не дети ли, а особливо малолетные, не должен ли убийца им тем, что бы они от отца своего могли получить? Жена содержание, дети воспитание, а паче дочери, даже приданое, если закон оное давать не возбраняет.

В самом существе потеря убийством человека замениться ничем не может, и для того закон, назначающий удовлетворениям степени по мере того, умышленно или неумышленно убийство сделано, не имеет хорошего основания. За степень умышления или вины будет разность в наказании по закону уголовному; но для терпящего вред от убийства произшедший степени в удовлетворении быть не может, ибо вред ему нанесенный равно велик, умышленное ли было убийство или неумышленное.

Удовлетворения за оскорбления телесные должны быть по мере того, какой вред от того быть может.

Не все равно, вред произошел ли от побой, от уязвления, от уродования, от повреждения члена, или же здоровья. Иное оскорбление может быть весьма преходящее, другое же лишит пропитания на всю жизнь обиженного. Иное во мнении некоторого рода людей почитается оскорбляющим честь; другое же не оскорбляет. И так удовлетворение за оскорбления телесные должны быть с одной стороны по мере вреда, через оные наносимого, с другой по мере мнения о них обиженного. И так закон оставит на волю обиженного искать удовлетворения судопроизводством уголовным или гражданским. Из такого распоряжения в законе выйдет величайшее в некоторых отношениях добро; ибо через оное изведется из унижения и презрения большая часть народа, на которую высшие и богатые состояния взирают

всегда с презрением. Всякой обиженной будет судить сам о сделанном ему оскорблении, и от него зависеть может воздать обижающему тем же, чем он обидел; и намеряющийся учинить обиду простолюдину (мужу от народа) воздержится и не захочет нарушать закона.

Оскорбления чести хотя и могут приносить иногда вред, но трудно назначить меру в удовлетворении за оной; и так оное можно назначить только в тех случаях, когда вред непосредственно произойдет из оскорбления чести. Например: кто, сманив девицу из родительского дома, лишит ее чести, тот ей делает вред тем, что лишает ее случая вступить в супружество, следовательно он сверх положенного уголовным законом наказания должен такое сделать удовлетворение, чтобы честь ее была восстановлена.

И так кажется в сем случае тот закон благоразумен будет, который определит совершить церковный обряд брака между обиженной и оскорбителем; но поскольку супружество не должно быть принужденно, то закон определяет, что не выходя из храма должен сделан быть развод. Оскорбителю да накажется за прельщение по закону уголовному; а честь обиженной восстановится тем, что она почитаться будет супругою оскорбителя, будет носить его имя; а поскольку разводом супруг ее будет для нее как мертвой, то обиженной должно уделить часть указаную из имения бывшего ее супруга.

В уголовном законе означено будет, какие можно за оскорбление чести положить удовлетворения. Здесь рассматриваем мы обиды и оскорбления в отношении законов гражданских.

То же сказать можно в отношении удовлетворения за вред, произшедший кому либо потеряннем свободы. Конечно обязан тот ответствовать за вред от незаконного потеряннем свободы произшедший, кто оного был причиною, сам ли собою, кто лишение свободы произвел, или произошло то по чьему доносу или по судейскому определению. Словом, виновник вреда, от лишения свободы произшедшего, должен за оной удовлетворить.

Самое тоже должно поставить об оскорбляющем гражданина безопасность, и вред от того произтекший должен вознаградить нарушитель оной.*)

*) Дальше 1 $\frac{1}{2}$ листа чистых. — И. Т.

О ПРАВАХ ВЕЩЕСТВЕННЫХ О ИМУЩЕСТВЕ И ВЛАДЕНИИ

Когда мы в вещи рассматриваем, кто ею распоряжает или кто вещью распоряжать имеет право, без всяких отношений, тогда мы получаем понятие о имуществе. Когда же мы к первому понятию о имуществе просто присовокупим понятие, как вещью распоряжать, и сие распоряжение есть право того, кто оною вещью распоряжает, тогда мы получим понятие о владении. И так вещь иметь и распоряжать ею и распоряжать вещью самому по себе не одно. Отправлять или употреблять право просто не то, что отправлять или употреблять право самому по себе, ибо первое может быть по доверенности от другого.

Когда к понятию о владении вещью присоединим, что я самым существом вещи распоряжать могу самопроизвольно, с властью неограниченною и так, как рассужу за благо, тогда получим понятие о собственности. И сие понятие таково, что предполагает возможность в том, кто оную имеет к известной вещи, что он из оной может сделать то, что пожелает, отдать ее другому, переменить ее вид или совсем истребить, если то возможно естественно или законам непротивно.

И так тот, кто естественную имеет мощностъ распоряжать вещью исключительно перед другими, о том говорят: у него вещь состоит в имуществе; и того, у кого, вещь состоит в имуществе, можно назвать держателем вещи.

Тот, кто вещь в своем держит имуществе сам или чрез другого, с тем намерением, чтоб распоряжать оною самому собою, тот называется владельцем вещи. Следует владеть вещью называть то, когда кто вещь берет в свое имущество в том намерении, чтоб оною распоряжать самому по себе и по собственному праву.

Итак можно вещь иметь, но распоряжать ее в пользу другого, так же вещь может иметь один, а распоряжать ею другой. Первой есть держатель, второй владелец.

Тот, кто право имеет распоряжать о существе вещи, или право исключительное по единственному своему соизволению и с властью неограниченною (но не в противность законов) сам или чрез постороннего, тот имеет собственность и есть хозяин вещи.

Различие между иметь и владеть и быть хозяином состоит в том, что одно меньше другого. Собственность есть высшее право, которое иметь можно над вещью, но владеть можно и вещью нам не принадлежащею, и употреблять ее для себя, а держать или иметь вещь просто можно и не свою и не для себя. Держатель вещи может не быть ее владелец, а владелец не хозяин, и наоборот, хозяин может вещь отдать во владение другому, а владелец велеть ею распоряжать третьему.

Чтобы держатель или вещь имеющий был оныя владелец, то должно, чтоб он мог вещью распоряжать сам по себе; но владелец распоряжать может вещью по дозволению или договору с хозяином вещи. Бывает и то, что держатель есть и владелец совокупно, а хозяин третей; или владелец и хозяин совокупно же, а держатель третей; может так же быть хозяин, владелец и держатель одно лицо, что бывает очень часто. Но чтобы хозяин и

держатель был один, а владелец третьей, того предполагать невозможно. Например: А хозяин отдал землю в наем Б, а сей дал доверенность самому хозяину А, чтобы землю обрабатывать в пользу его Б.

Рассматривая понятие о владении само в себе, найдем в оном различия и степени.

А. Вещию можно владеть, иметь ее, распоряжаться ею для себя, но вещь чужая; сие владение называют несовершенным, оно то самое есть, что мы сказали выше: владелец и держатель один, но хозяин другой. Но когда владелец и хозяин одно, то таковой владелец вещь или правом владеет как собственностью. Тогда его называют совершенным владельцем. Если же владение его основано на праве, через которое он может приобрести собственность совершенную, то владение его есть совершенное только по праву. Например: кто после отца владеет имением, но несправленным и не отказанным, тот владеет по праву наследия, владение его совершенное, ибо он владеет как собственностью, но она еще не утверждена, как то требует закон.

*) тот, кто право отправляет или производит в действо, тот есть держатель права; а кто право производит в действо или отправляет оное сам по себе, тот есть владелец права. В сих понятиях все равно, о праве ли говорится или о вещи, но несовершенной владелец вещи может быть владелец совершенной права на оную вещь, по толику поколику он присвоит себе оное право. Например, кто владеет имением как собственностью, но состоящую в споре, не есть еще хозяин совершенной имения, ибо оно находится в споре, но есть владелец совершенной права, ибо он по нем только владеет имением.

Б. Владение можно рассматривать в отношении его правильности или неправильности.

Законное то есть правильное или незаконное то есть неправильное владение зависит от существа и справедливости основания, на котором право ко владению утверждено.

Если кто ведает, что владение его основано не на справедливости, того называют владельцом не честным. Но кто ошибкою или заблуждаясь в произшествиях, ко владению его доведших, вступил во владение, того таковым назвать нельзя. Разве кто заблуждает в своем праве по неведению законов: такого владельца, немоущего оправдать права своего владения, почитать должно наравне с владельцом не честным.

Таковые определения о честности владения или о его не честности могут быть многие; они все имеют свое приложение ко владению, где бывают многие соучастники или ко владению целых обществ, коих представители или начальники в отношении честности или не честности владения приемлются за самое общество.

Поступая далее в постановлениях о владении закон означает 1-е как владение приобретается, 2-е какие при вступлении во владение могут быть препятствия, 3-е как владение уничтожается, 4-е какие владения бывают действия и произтекающие от туда права держателя и владельца, 5-е каким образом отятое и нарушенное владение восстанавливается, 6-е что делать

*) В рукописи выскоблено около половины строки. — И. Т.

должно, когда владение бывает спорное, 7-е какие могут быть отношения а) между держателем вещи в своем имуществе и тем, кто имеет на владение право, б) между владельцем совершенным и несовершенным, в) между владельцем совершенным и хозяином, г) отношении владельца законного и незаконного, а сие наипаче при отдаче владения или совершенным законным владельцем или совершенным *) незаконным или владельцем несовершенным.

В. В отношении самого приобретения владения рассматривать должно оное в отношении 1-е приобретающего и 2-е приобретаемого.

1) В отношении приобретателей приметить можно, что владение вещи не иначе приобретено быть может как по точной воле приобретателя, и хотя бы вещь находилась в его имуществе, но воля его к тому нужна, что бы быть истинным оныя владельцем, а по тому тот, кто не имеет способности объявить свое соизволение, тот сам по себе не может приобретать владение.

2) В отношении приобретаемого приметить надлежит, что владение нельзя иначе приобрести как действительным в оное вступлением и что бы вещь или право, над которыми владение приобретается, были ясно означены.

Приобретать можно владение 1-е над вещами и 2-е над правами.

1) владение над вещами получается а) захватением или овладением и б) передачею, выдачею или отдачею.

а) Внешнее деяние, посредством которого вещь приходит во власть владельца, называется захватением или овладением.

Чтобы получить вещь во владение свое законным в оное вступлением или что бы захватение было законно, то необходимо, чтобы она вещь ни кому не принадлежала.

Таковых вещей в обществе нет, разве птицы, звери, рыбы (а).

И так приобретение права владения вступлением в оное без предыдущего права бывает редко разве на вещи движимые, на недвижимые же никогда.

Относительно овладения вещию, никому непринадлежащую, закон войдет в подробности: 1-е **) что нужно и правильно, когда овладеваемая вещь есть сама по себе, или 2-е принадлежность другой; 3-е когда вещь принадлежит к какому либо вещи составу; 4-е не нужно ли изъявлять овладеваемые вещи каким либо знамением, по которому можно бы было узнать будущее намерение владеть вещию; 5-е можно ли делать приобретение овладением, если случится противоречие от кого-либо, и что в таком случае делать должно.

б) Передача владения может быть 1-е лично, 2-е знаками, 3-е переводом или назначением, 4-е объявлением соизволения.

1-е лично. Например из рук в руки.

2-е знаком, например: если кто от хранящихся в кладовом амбаре товаров и отдаст ключи и прочее.

3-е переводом или назначением, например А имеет деревню, которую он дал в аренду Б, но А деревню продал В без уничтожения аренды до срока, то Б уже управляет деревнею правом В. Следственно право владения передано.

*) В рукописи „совершенно“. — И. Т.

(а) В иных законоположениях право сие совсем отвергается по той причине, что всякая вещь находится на известном участке земли или пошвы, которая всегда принадлежит кому ни будь.

**) Внутренняя нумерация положений абзаца сделана по готовому тексту, повидимому, рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

4. Объявлением соизволения, например, если владелец вещи уступит держателю оной свое над нею право владения, как то купец своему сидельцу. Или если владелец вещи объявит, что он вещь свою будет держать в своем только имуществе для другого, как то когда купец, имея лавку с товарами, объявит себя только в оной сидельцом от другого. По сему правилу хозяин вещи, объявив, что он вещь, бывшую его собственною, держит только по найму от третьего, правом собственности уже поступился. Разумеется, что таковые объявления соизволения должны быть по предписанию закона.

Следующее рассуждение объяснит сии понятия еще лучше. *) Передать владение или поступиться владением можно, если прежний владелец отступится от вещи в пользу другого, а сей займет упраздненное владение, то есть: что тот, в пользу которого владение прежде упразднено, возмет вещь (над которою владение прежде упразднено) в свое владение. И так при передаче владения действительность оного зависит от овладения или от вступления вновь во владение (так как и в вещах ни кому непринадлежащих, ибо кто вещь передает во владение другого, тот от своего владения отступается, и вещь становится так сказать непринадлежащею никому). Правильность же владения при передаче оного зависит от отрицания от владения прежнего владельца. Итак когда владелец вещи изъявит свою отдачу волю, то и вещь остается без владельца и может перейти во власть другого овладением (то же быть может и судейским приговором). Но сии оба действия при передаче владения (то есть отрицание от оного и вступление в оное нового владельца) следуют всегда, непосредственно одно за другим, и между старым и новым владением ничтожного времени не бывает.

2) 1-е Права сопряжены или с владением вещей, 2-е или зависят от владения оных.

А) Первые приобретаются с приобретением владения вещию, вторые действительным отправлением оных прав.

Б) Права, приобретаемые отправлением оных, могут существовать или действием, 1-е подтверждающим право или оное 2-е отрицающим или оное 3-е запрещающим.

а) Владение приобретается подтвердительным правом тогда, когда кто исполняет что либо самым делом и самое то, что другой от него требовал в виде продолжающейся обязанности, и он требователя вводит во владение права, в следствие которого он может от него требовать повторение того, что делал в виде обязанности. Например: если кто либо пахал чью ниву всегда по требованию владельца нивы, в следствие древнего какого условия, тот будет обязан делать то и впредь, ибо он право требователя подтвердил в самом деле, и требователь не имеет нужды (для утверждения своего права) ссылаться на древнее условие, но на подтверждение оного.

б) Отрицательным правом владение приобретается тогда, когда кто что делает или дело какое предпринимает, и тот который мог бы ему в оном деле противоречить, не противоречит, тогда делатель приобретает владение права требовать от непротиворечившего, чтобы он и впредь ему не противоречил,

*) Фраза вписана в текст рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

когда он будет делать то же, что делал. Но в сем случае требуется, чтобы делатель ясно то объявляя, что таковое право делать то, что он делает, принадлежит ему действительно. Например: если я пашу ниву, и сосед мой мне в том не противоречит, то я в праве буду требовать, что бы он мне и впредь не противоречил, но нужно, что бы мое право явное имело утверждение, например, что нивой владел мой отец, или что уже я нивой владею больше десяти лет. Тогда непроворочие другого даст мне право владения. Если же кто желает сделать противоречие в исполнении права, то оно должен производить во время самого действия, которому противоречить хочет, или же мгновенно по совершении или тот час по получении известия о сделанном. В противном же случае правило законоучения требует, что противоречие по совершению деяния или дела не может упразднить приобретенного владения.

Запретительным правом владение приобретается тогда, когда кто отстанет от предпринятого действия или дела по запрещению другого; тут запретитель вступает во владение права запрещать начинавшему действие или дело и впредь, ибо начинавший дело или действие, прекратив оное, признал право запретителя.

г) Подтверждение и попушения или неотрицания в случае общего владения многих обязывают каждого относительно его во владении участка. Если же вещь не делима сама по себе или владение ею не раздельное, то подтверждение или попушение и неотрицание одного не обязывает другого.

Сии правила о праве подтвердительном, отрицательном или запретительном найдут свое приложение к обществам или лицам нравственным, и в законе означится именно, поколику настоятель, поверенной или начальник общества в сих случаях обязывает все общество своим подтверждением, отрицанием или запрещением, и в каких случаях нужно действие всех членов общества.

с) Означив средства к приобретению владения, закон значит и могущие встретиться препятствия при вступлении во владение.

Действию противозаконного частного насилия не дадут права ко владению ни когда. Равным образом вынуждением или обманом произведенное действие или попушение не может произвести владения вещью или правом: но если деяние законно, то владение начало свое приемлет самым первым действием вступления в оное.

Утайкою что либо сделанное или деяние в тайне произведенное *) не может произвести владения ниже права на оное продолжить. Ибо действие или деяние сокровенное не есть действие гражданское, которое требует всегда нечто торжественного дабы быть законно. Но неведение одного (а паче от нерадения происшедшее) не есть утайка другого. И для того, когда дело идет об утайке, то должно рассмотреть, было ли действительно намерение сделать утайку. Например: если А, взявший имение на аренду от В по требованию Д пускал его скотину на выгон, к имению принадлежащий, то В как и хозяин имения не получил еще обязанности позволять то делать и впредь; но если В как хозяин знает, что А скотину Д принадлежащую пускает на выгон, и то попустил, то Д получил утвердительное право против А; разве попушение или дозволение было бы по дружбе или снисхож-

*) В рукописи „произведение“. — И. Т.

деню, а не по обязанности. Ибо правило общее в законоучении постановляется, что действия или деяния подтвердительные (попущения), могущие произвести вступление во владение, права владения не производят, если явно, что они не на предшедшей обязанности основаны, но сделаны по дружбе или снисхождению. Но если явствует, что делатель или попуститель делает или попускает что либо себе во вред или убыток, или ограничивает свое право, тот подает мысль, что он делает то по обязанности, ибо не предполагается, что кто либо хотел себе вредить.

Показав средства к приобретению владения, закон покажет, как оное потерять можно.

д) Имущество вещи теряется, сколь скоро настанет невозможность естественная в держателе распоряжать вещию самому или чрез другого.

Но из того не следует, чтобы с потерей имущества терялось и владение. Ни потеряние личных качеств владельца, ни потеряние способности приобретать владение права приобретенного владения не уничтожают. Оно продолжается до тех пор, пока неявно будет, что последовало его уничтожение действительно, а сие случиться может тогда, когда случившееся в существе самой вещи произшествие производит для владельца невозможность возвратить вещь в свое имущество или же владелец при уничтожении своего над вещию имущества ясно покажет словами или действием, что он вещь оставляет. Но в законе также надлежит показать то, что может служить знаком, что владелец оставил свое владение.

Вообще владение одного приобретается по мере уступки или передачи владения другого.

Владение правом что либо от другого требовать (пра[во] утве[рдительное]) теряется тогда, когда обязанной не исполняет обязанности, а право имеющий того не требует.

Владение правом что либо делать (отр[ицательное] пра[во]) теряется, когда другой приобрел владение противоположного права к запрещению.

Владение правом запретительным теряется, если другой вступил во владение противоположного отрицательного права.

Если с передачею вещи переданы и права к ней принадлежащие, то и владение прежнего владельца уничтожается.

е) Право на владения отлично от права самого владения.

Действие права на владение должно определять по качеству основательной причины, на которой владение утверждается. Но права владения собственно зависят от качества самого владения.

И так закон означает права того 1-е кто имеет вещь в своем только имуществе и 2-е права самого владельца.

ф. К правам держателя и владельца принадлежит и требование законной защиты от правительства в охранение их владения или имущества. Ибо человек вступил в общество для того только, чтобы иметь защиту законную в принадлежащих ему правах.

Но если оно на помощь ему укоснит и ему бы от того произошел невозвратной вред или убыток, то он сам в праве принять свою защиту и силу отразить силою.

ff. Владение можно отнять или нарушить а) насилем, б) хитростию, в) тайным образом или же просто г) испрошением.

Что отнято насилем, то должно быть возвращено, хотя бы тот, кто насиле сделал, лучшее имел право, нежели тот, кто насиле терпел.

Равным образом возвратить должно что присвоено тайным образом, хитростию и испрошением с обманом, ибо естественно, что ни сила, ни обман, ни утаение не суть доказательства лучшего права, хотя бы оно и существовало. И для того закон означает средства, как отвращать такие нарушения владения и имущества.

г. В законе так же означено будет, что делать должно, когда владение бывает спорное; кто должен владеть вещью до окончания спора, и когда ее нужно взять в присмотр судии. Держатель вышедшую вещь из его держания или имущества может ее только *) от того назад требовать, кто оную имеет во владении без всякого права. Но право его не столь велико, как право того, кто может представить законное основание на владение.

h). В правах к вещам относительно владения и держания существует постепенность: она такова, что права держателя меньше, нежели права владельца, а права владельца меньше, нежели того, чьи вещи суть собственность, что почитается высшим правом, которое человек имеет над вещью.

Закон означает таковые постепенности или паче отношение держателей вещи и владельцев: и так

1) Право держателя превышает право только того, кто вещью от него держателя отчужденною владеет без законного основания; но оно должно уступить место всякому, кто может на владение представить законную причину.

2) Владелец несовершеннолетний не обязан уступить своего права никому, ниже самому совершенному владельцу, доколе продолжается право его владения.

3) Совершенный владелец имеет право истинного хозяина против всех, но право его уступает праву хозяина вещи.

4) Незаконной или нечестной владелец должен уступить владельцу законному. Ибо и все вышеозначенное относится к владению законному. По правилу же полагается, что всякой владелец есть законной, честной и правильной; почему и не обязан ни кто предъявлять оному доказательства, доколе противное не будет доказано.

5) Относительно передачи владения из рук в руки закон также означает, а) что при оном наблюдать должен владелец совершенной и законной или честной, б) что наблюдает владелец совершенной, но незаконной или нечестной и в) что наблюдает владелец несовершеннолетней **) степени их владения не одинаковы и обязанности их (когда имение или вещь возвращается к хозяину) будут различны.

О СОБСТВЕННОСТИ ***)

Иметь вещь в своей собственности называется то, когда кто имеет право исключительно пред другими распоряжаться вещью или правом по своей союственной власти сам собою или чрез другого.

*) Слова „Держатель... только“ вписаны в текст рукою А. Н. Радищева — И. Т.

**) Пробел в рукописи (очевидно, писец не разобрал слова). — И. Т.

**) Заголовок рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

Имеющего такое право называют хозяином вещи, помещиком, господином.

Собственность дает (тому, кто ее имеет) право употреблять вещь и распоряжаться ею с полною властью, только бы то не было в противность закона и постановлений.

Постановляя о собственности вообще, закон определит, 1-е что может быть предмет собственности, 2-е кто может приобретать собственность, 3-е какие права собственность в себе заключает, 4-е разные роды собственности.

А. Все, что может доставить кому либо исключительную пользу, есть предмет собственности. Но вещи, которые по существу своему суть общественные и от употребления которых не можно никого исключить (например, большие дороги), или которые законами исключаются из обыкновенного обращения (например, право винной продажи), те не могут быть ни чьею собственностью.

Б. На вопрос, кто может приобретать собственность, ответ естественной будет тот: что всякой принадлежащий к обществу может собственность приобретать сам или чрез другого по той единственной причине, что он к обществу принадлежит и есть его член. Но закон делает в сем общем правиле изъятия и требует, чтобы приобретающий имел к приобретению способность.

Способность приобретать может происходить от причин естественных и причин, основание свое имеющих в законе. Но причины естественные к приобретению не действительны в обществе, ибо один может стать в лице другого, и способность одного служит пособием другому. Так например малолетной или умалишенной приобретает чрез опекуна^{*)}. И так те только не способны приобретать собственность, кого закон оныя лишит. Обыкновенно в сем случае разумеют тех, которые умирают гражданскою смертию, или которые состоят под запрещением закона. Не место здесь входить в исследование, поколику гражданин теряет свои права смертию гражданскою, но то сказать можно подтвердительно, что она не может его лишить всех прав гражданину принадлежащих. В исполнении сей казни лежит великая разница того, чего она гражданина лишает и чего она его лишать не может. Если наказанной лишен свободы совершенно, заключен в темницу, в оковы, тогда остается ему только право жизни. Но если он, лишенный прав гражданских, послан в ссылку, тогда многие права ему предоставляются, и лишить его оных совсем невозможно.

Между многими другими правами, ему предоставленными, он не может лишен быть права собственности. Ибо если он не заключен в темницу, следовательно имеет несколько свободы, то право приобретения будучи оныя следствие, ему принадлежит неотъемлемо.

В. Права, из понятия о собственности проистекающие, суть разные.

1-е над вещью можно иметь право а) владения, б) употребления и в) отчуждения. Сии права вообще составляют то, что назвать можно собственностью совершенною или полною.

Но собственность сама по себе есть право, а употребление собственности

^{*)} После „опекуна“ слово выскоблено. — *И. Т.*

есть право от первого отдельное. Первое, или право распоряжаться самому о существе вещи называется собственностью просто или и м е н и е, второе или право употреблять вещи для своей пользы называют право п о л ь з о в а н и я. И так имеющий первое право и собственность неограниченную не обязан никому отчетом в употреблении вещи ему принадлежащей. Напротив того, имеющий только второе или право пользования, должен в оной отчетом тому, кто вещи имеет собственность не ограниченную.

Из сего следует, что в собственности могут быть разные роды и степени.

1) Право неограниченное над собственностью может принадлежать а) одному и б) многим совокупно. Сие право многих к собственности нераздельно называют правом к собственности о б щ е й.

2) Права, собственность составляющие, могут быть разделены и принадлежать разным. Сия собственность называется разделенною. И так имеющего право собственности просто назвать можно собственником. Но того, кто имея удел в праве простой собственности, кто есть со-собственник (если бы так назвать его можно было) и притом же имеет право пользоваться вещию или ее употреблять в свою пользу, того назовем имеющим право п о л ь з о в а н и я собственности.

3) Если имеющему вещи собственность воспрещаются известные только роды отправления прав собственности, то собственность назовется ограниче-ною.

В законе означены будут известные правила в отношении разных родов собственности, которые непосредственно из понятия о них произтекают. Например, из понятия о собственности полной неограниченной следует 1-е что она не разделена и не ограничена, 2-е что ограничения собственности должны основаны быть на естественности, законе или объявленном соизволении, 3-е что употребление собственности дозволено каждому и что оно законно, 4-е что оную не должно употреблять во вред другому и прочая. В следствие сих правил закон определит: ни кто не может быть принужден поступиться своею собственностью, разве для общего блага, но получая за то вознаграждение.

Если сохранение вещи имеет влияние на сохранность и споспешествование блага общего, то государство в праве запретить разрушение или уничтожение вещи.

Если употребление вещи потребно к соблюдению общего блага, то государство может приказать оной употребление.

Сии суть следствия общей обязанности гражданской в отношении собственности, из начального общественного договора изтекающие, и закон определит, в каких случаях собственность может иметь ограничение в отношении пользы общественной, и в каких в отношении пользы частной. В отношении пользы общественной правило есть то, что польза общественная предъидет пользе частной, но ограничении собственности в пользу частную должно основание иметь или на самой естественности положения вещи или на постановлении закона или на соглашении.

Оба рода ограничения могут быть уничтожены.

Первые или ограничения собственности на пользу общую могут только уничтожены быть по изволению правительства.

Вторые или ограничения собственности в пользу частную объявлением соизволения, обязанность производящим.

Чтобы вещь получить в свою собственность, нужно деяние или действие.

Деяние или действие, посредством которого приобретаетась собственность, бывают различны; особенность в самом действии приобретения определяет одного образ.

И так образ приобретения есть то нужное известного рода действие или деяние, посредством которого вещь становится собственностью.

Но таковое действие или деяние не составило бы образа приобретения, если бы не имело себе основанием ту существенную потребность, которой самое деяние или действие делает удобным к приобретению собственности.

Сие основание, сию законную причину образов приобретения мы назовем достоянием. Ибо оно долженствует существовать и быть законное, дабы можно было произвести известное деяние или действие, которое и составит образ приобретения собственности.

Но опричь особых в законе означенных случаев, для произведения образа приобретения собственности нужно всегда вступление во владение.^{а)}

Таковое вступление во владение для приобретения собственности может быть двойко.

Если для одного приобретения опричь основания законного (которое мы несвойственно может быть назвали достоянием) нужно только вступление, то приобретение таковое называется непосредственное или приобретение действием закона.

Если же к приобретению собственности нужно, чтобы предварительно прежнее владение упразднилось и во владение вступил другой, то сие называется посредственное приобретение.

Непосредственное приобретение собственности

1. Начальное вступление во владение.
2. Вступление во владение вещей оставленных и найденных.
3. Клад.
4. Ловитва или ловля.
6. Добыча.
6. Приращение, прибавка, присоединение.
7. Назначенное в мзду.
8. Наследие.
9. Просрочка или давность.

Вещи могут быть такие, которые не принадлежат никому; никто на них не имеет права. Можно вступить во владение оными; и сие вступление во владение называется начальным, первобытным, потому что таково было всякое первобытное приобретение.

Таковые вещи бывают очень редки, и право овладеть оными представляется в России только на земле в собственность принадлежащей, как то отысканные металлы и прочая; следовательно они суть только принадлежность к вещам никому не принадлежащим. Так же и другие, о которых бу-

а) Смот[ри] выше...

дут особые статьи, во многих государствах таковые никому не принадлежащие вещи есть принадлежность государства.

Вещь может быть оставлена, но взять ее в свое владение можно только тогда, когда прежний хозяин от нее отступился, показав то ясно словами или делом, ибо поелику все вещи в обществе суть почти всегда собственность чья либо, то доколе нет от нее явного отрицания, присвоить ее себе никому не можно.

Движимые таковые вещи может присвоить себе всякой, если явно, что они оставлены; недвижимые же обыкновенно принадлежат государству. Ибо вещь недвижимую оставленную дабы получить во владение, нужно было бы согласие всех, как то было при начальном общественном договоре.

Вещь может быть потеряна, но не следует, чтобы потерявший ее и тем потерявший ее из своего имущества потерял на нее право собственности или хотя право владения. Следует, что найденную вещь должно возвращать хозяину.

Закон означает, что должно делать, когда кто что найдет; кому о найденном объявить, что с найденным делать, когда найдется потерянному хозяину и когда он не нашелся.

К вещам, которые найдены быть могут, бывают вещи имеющие цену, в земле сокрытые, и о которых хозяин обыкновенно неизвестен. Вещи сии называются клад. Но хотя неизвестно, чья они собственность, хотя явно видно, что хозяин отступился от них естественно, ибо давно уже умер; но они тому, кто их нашел, не отдадутся, но почитать их должно принадлежностью того места, где они найдены, ибо долгое их в оном пребывание (если никто на них не объявит своего права) делает их принадлежностью, и они принадлежат тому, кому принадлежит земля, в которой они найдены. Но как труды того, кто клад нашел, не должны оставаться без награждения, то закон назначит часть из клада нашедшему оной.

К вещам ни кому не принадлежащим принадлежат так же животные, которые еще не были ни кем пойманы, ни кем не приучены.

Приученных животных хотя диких нельзя уже приобретать ловитвою, ибо тем самым, что они приучены были, они пришли уже во власть человека.

Но право ловитвы и ловли есть принадлежность земельной собственности, и животные, доколе находятся в чьей либо земле или в принадлежащих к земле водах, принадлежат тому, чья земля. И никто их ловить не может, опричь того, кому земля принадлежит или он кому дозволит.

Ловитва или ловля относится к зверям, рыбам, птицам, насекомым. Закон означает все, что свойственно каждому ловитвы предмету.

Казалось бы, что там, где водворилось благонравие, насилие не могло бы давать права на приобретение собственности; но поелику благо общественное есть щит, которым прикрываются не правосудные деяния народов, то и можно найти причину, одобряющую насилие войны и приобретение добычи.

Не только случайная добыча, во время войны бывающая, почитается законною, но правительство дает иногда дозволение частным людям делать добычу над неприятелем, и все таким образом приобретенное есть собственность приобретшего.

Добыча во время войны приобретаемая бывает разная. Военские снаряды, съестные припасы, находящиеся в магазинах или*) (в транспортах) взятые на море суда, добыча во время взятия городов приступом или иначе. В законе означить должно, в каком случае добыча принадлежит казне, в каком принадлежит тому, кто взял; и когда следует за взятое выдавать награждение взявшим, и не нужно ли закон определяющий из казны награждение за взятие судов на море распространить на сухопутные войска в иных случаях.

Приращение, прибавка, присоединение, исправление есть способ приобретения собственности. Они могут быть следствие естественности или искусства и называются общим названием приращений.

Произрастения, плоды, отторгнутая часть земли, земля наносная, острова, осохшие водотечи, сажение, сеяние на чужой земле, соединение, смешение своего с чужим, обрабатывание чужого, уплождение чужих животных, строение на чужом месте или чужими припасами суть приращения, о которых закон делает постановления, назначая, чья должна быть тут собственность, дабы она всегда оставалась без притязания, колико то возможно.

Вещи с намерением во мзду оставленные или положенные или назначенные становятся собственностью того, кто их возмет по праву первого вступления во владение, ибо тут видно явное намерение, для чего оные оставлены, положены или назначены.

Приобретать вещи можно наследством. Право к оному и вступление во владение суть средства сего образа приобретения.

Наследство умершего или мертвого объявленного состоит из всего того, что после него осталось, то есть: вещи, права и обязанности вещественные; но права, обязанности, повинности, налоги и наказания личные суть умершего принадлежность, а не наследство; равным образом если в числе вещей к наследству следующих найдется чужая собственность.

Но права и обязанности, истекающие из договоров умершего, суть наследство, удовлетворение за вред, причиненной умершим, и следствие обязанности умершего, произшедшей от деяния противузаконного, есть наследство; ибо за вред удовлетворение обременяет собственность того, кто вред произвел, а наказание обременяет его самого.

Поелику собственность есть право, а право почитается всегдашним, доколе не уничтожится, то смерть хозяина собственности его не уничтожает, но в ту минуту, когда один умер, тогда уже другой получит право собственности со всеми принадлежащими к ней правами, без предварительного вступления во владение.

Принужденно ни кто не будет наследник, оно зависит от объявленного им к тому соизволения. Следует, что от наследства можно отказаться.

Наследство само в себе не есть право естественное; и если бы закон гражданской не определял, что должно делать с наследством умершего, то бы оно всегда доставалось государству. Ибо собственность, приобретенная личною способностью, кончится смертию. Но благо общее и рассудок того требуют, чтобы оставшаяся собственность не была без хозяина и доставалась бы ближним того, кто к оной имел право.

*) Одно слово выскоблено. — И. Т.

И так закон назначит, как поступать надлежит 1-е когда наследство открывается, 2-е когда кто наследство приемлет или когда от него отрицается, 3-е назначит тому сроки, 4-е можно ли делать какие при принятии наследства условия, 5-е как делать наследству опись и когда оно нужно, 6-е как вступать в наследство, когда оно принадлежит по праву или когда по завещанию, 7-е что делать, когда кто объявил себя к наследству ложно или же бы в оное вступил, 8-е что делать, если наследник неизвестен или неизвестно где находится, 9-е как доказывать свое к наследству право и прочая.

Иметь вещь только для того, чтобы ее иметь, не распоряжая ею, не делая из нее употребления, не имея от нее пользы, есть право ничего незначущее. Владеть вещию или ею пользоваться означает то, что я имею над нею власть, хотя и не сам по себе. Но если сие владение и пользование продолжится, и никто в том не только не будет препятствовать, но вещь будет в точном распоряжении владельца, и никто не объявит на нее своего права лучшего, то не должно ли думать, что тот, кто вещью владеет, владеет ею законно. Сие есть основание права давности или прозорчки. Закон назначит оной время и срок; и если по прошествии оного кто явится и право свое объявит, тот не заслуживает уже внимания, зане закон утвердил владельцу вещь ту, которою он владеет столь долго и беспрепятственно, в собственность.

И так неупотребление права произведет давность, и право исчезнет. Но приобрести право давностию, сверх неупотребления оного с одной стороны, должно быть владение правом и отправление того же права с другой стороны!

Закон определит: 1-е что может быть предметом давности, 2-е против кого может возникнуть право давности, 3-е кто правом давности может пользоваться и кто не может.

Разные роды давности, а именно:

А) Давность, производящая от неупотребления, а) когда она начинается, б) ее продолжение, в) как прерывается, г) можно ли о давности делать постановления или договоры, д) каков давность имеет действие.

В) Давность, производящая от владения, а) в каких случаях она быть может, б) когда она начинается, в) как продолжается, г) как прерывается, д) какой ей срок, е) каков ее действие.

С) Какие могут быть давности другого рода, то есть относительно казны или лица соборного и нравственного и относительно сроков.

1-е. Право собственности не уничтожается упущением употребления, доколе вещи или права, кои суть предмет собственности, находятся во владении хозяина. Ибо давность была бы в пользу того, кто и без нее имеет на вещь право совершенное.

Право свободы, деяния и мысли, права безопасности, права личные гражданина не теряются простым неупотреблением права, и давность не может иметь места.

2-е. Право давности не может возникнуть против того, кто о своем праве не мог иметь сведения, кто права своего понимать не мог. Ибо если тот, кто из права своего не делает употребления для того, что он не ведает и не разумеет, то может ли неведение его причтено быть в вину, когда естественность сама ему в том препятствует. Или кто имел препятствие в употреблении или отыскании своего права, и все равно: откуда бы препятствие

ни происходило, из самой существенности права или от чего другого, следует, что против отлученного по службе или против малолетнего, безумного права давности быть не может. Но закон определит точно все случаи, когда сие бывает, и все ли равно, когда у малолетнего есть опекун и когда его нет.

Не может быть давность между двух супругов, доколе они живут в союзе брачном. Какая давность между детей и родителей, доколе они под их властью? Между опекунов и находящихся под властью их? Нет давности места между несовершенновладельца и того, чьим он владеет имением.

Кто не имеет права быть выслушан в суде, против того нет права давности; ибо он лишен законной защиты, и если бы таковое препятствие возникло в течении давности, то прерывается ее продолжение настолько, сколько продолжается препятствие.

3-е. Давность имеет два источника — неупотребления права и владения оным.

А. От неупотребления давность производящая не может быть против того, кто не знает, в чем право его состоять может. Следует: 1-е, что тут нет ее и начала; но в противном случае она начинается с самого того часа, когда кто, ведая о своем праве, не стал из права своего делать употребления, или делая неупотребление о том сведал.

2-е. Что касается до того, сколько времени продолжаться имеет давность от неупотребления производящая, то закон постановит, десять лет, манифестом 1787 года определенные, могут ли иметь приложение во всех возможных случаях?

3-е. Случаи, в которых давность прерваться может, и те деяния, которые ее прерывают, будут означены в законе. Правом может служить иногда следующее: послыку неупотребление права давность производят, то противное деяние ее прервет, как то приведенная о том в суде прозба и прочая.

4-е. В Российском законоучении неизвестно еще или случаи может быть не настояли, чтобы можно от давности отрешиться договором. Но для чего не можно бы было того сделать, если можно назначать сроки по соизволению и по договору.

5-е. Действие давности или просрочки таково, что оно производит предположение (хотя в следствие положительного закона, но довольно основательно), что бывшая обязанность уничтожилась в продолжение давности каким нибудь образом. Сие произошло, что право с другой стороны не было в употреблении. И так если право таким образом теряющий хотел бы делать возражения, то ему нужно доказать ясно, что имевший обязанность отбывал от оной не честным образом и умышленно, ведая точно, в чем его обязанность состояла; в отношении действия давности в законе должно именно означить, по колику приложить можно к оному общее правило закона, что если кто употреблял или отправлял часть права, тот должен приобрести и целое право.

В. Давность, производящая от владения правом, может быть во всех тех случаях, когда тот, кто владел вещию или правом срочное в законе время, бесспорно и честным образом имел к праву владения своего такое основание, которое само по себе достаточно для приобретения собственности; и таже те только вещи и права могут таким владением приобретены быть, ко-

торые удобны быть собственностью приобретателя. Но те вещи, которые из сего правила изъяты быть могут, те не могут быть просрочною приобретаемы. Например: вещи, которые запрещено привозить, не могут, тайно-провезенные, обратиться в собственность так, чтобы можно было их продать; по тому правилу, что на все, что из обращения изъято, право давности приобретено быть не может.

1-е. И так на все то, чего нельзя во владение взять законно, давность начала воспринять не может. В законе надлежит подробно означить все случаи, когда давность, владением приобретаемая, начаться может и когда не может иметь начала.

2-е. Каким правилам нужно следовать в изчислении ее продолжения, не должно ли наблюдать, чтобы в продолжении давности право владения было непрестанно отправляемо.

3-е. Как давность пресекается? и довольно ли для пресечения оной, чтобы пресечено было владение тою вещию, на которую приобретается давность? Означить так же, как давность пресекается действиями судебными, например: подачею прошений, явкою, объявлением и прочая.

4-е. Срок давности на неупотребленное право в Российских законах положен десять лет, но тот же ли срок может быть и на приобретение владением.

Конечно сей срок действителен, если с одной стороны право потерялось, то с другой оно может возникнуть. Но где право ко владению не теряется или потеряно насильственно, например воровством, разбоем, может ли тут равной срок быть изчисляем.

Сверх того правилом общим в давности почитается, что всякое право в законе запрещенное именно давностию приобрести не можно.

С. Поелику просрочки бывают разные, и в настоящем смысле все просрочки или право приобретают или теряют, то полезно будет им дать в законе особую статью; ибо собранные в одну статью и ясно изображенные предварягь будут многих недоумениям.*)

*) Далее в рукописи чистый лист.— И. Т.

Мы до сего говорили о тех родах приобретения собственности, где нужно деяние одного для произведения права, и сие называли приобретением непосредственным или приобретением действием закона. Теперь будем говорить о тех родах приобретения собственности, где требуется содействие двух, дабы возникло право. И сие называют приобретением посредным. Мы видели, что для такого приобретения всегда требуется, чтобы владение прежнее было упразднено, дабы могло возникнуть другое; и сие производится тем действием гражданским, которое называют передача или уступка владения в смысле общем.

Хотя переход имени из одних рук в другие — не то что передача владения, но поелику нужно и полезно, чтобы известно было время, когда собственность перемещает хозяина, то и требуется для приобретения посредного действительной передачи.

Приобретение посредное может основание свое иметь 1-е объявлением соизволения и 2-е в решениях судебных.

1-е. Владелец, получивший собственность вещи передачею, приобретает оную только в том случае, если прежний владелец, от которого он получил владение, был сам хозяин: ибо хозяин один может объявить свое соизволение о передаче в собственность.

2-е. Если же владение прежнего хозяина объявлено по суду уничтоженным, то и передача владения новому хозяину должна быть от суда. Но выключая сего случая, судебская передача собственности не требуется ни когда.

Приобретать собственность можно на вещи движимые и недвижимые.

Право собственности на имение недвижимое должно быть всегда утверждено в надлежащем присутственном месте; ибо правительство — блюститель прав собственности, на начальном договоре основывающихся, обязано предохранять от всего неправого.

Записывать имения в книгу в присутственном месте или, как то говорится, совершать крепости, плата за то пошлины, есть установление в пользу казны, но неменьше того благотворительное. Утверждая гражданские частные постановления, оно делает казенный доход. И тем больше доход сей заслуживает одобрение, что с ним сопряжено утверждение собственности. Но не должно его доводить до чрезмерности, так как и доход на гербовую бумагу. Ибо если при взимании сего дохода больше рачить будут о пользе казенной, нежели о пользе граждан, тогда доход сей будет пагубной. Во всех великих налогах обязанные их платить внимают чаще пользе настоящей, нежели будущей опасности; и казна себе делает вред, когда налоги возвышает до крайности. Ибо несносной налог есть всегда ущерб казне.

Право собственности на имение движимое тогда законно, когда оно происходит от истинного последнего хозяина.

Кто знает, что право его на собственность не от истинного хозяина происходит, тот не может оного приобрести законно ни каким образом; ибо невозможно дать того, чего не имеешь.

Даже и тот, который свое право утверждая в присудственном месте о недвижимом или оное получая передачею движимого, знает, что такое же право имел другой прежде его, тот не может оправдать своего права тем, что он им прежде другого воспользовался.

Говоря о собственности, можно ее рассматривать с разных сторон:

1) Основание к приобретению права собственности бывает а) или между живыми и происходит из договоров, или б) происходит из распоряжений касательно смертных случаев.

2) Собственность вещи и права можно так же приобрести чрез третьего.

3) Тот, кто имеет право собственности, может оное а) сохранять. Может оное б) преследовать или его отыскивать. Может оное в) уничтожить.

4) Собственность может быть а) общая и б) раздельная.

5) На собственность чужую можно иметь права личные и вещественные.

6) Право можно иметь или на самое существо чужой вещи, или можно иметь право употреблять и пользоваться чужою собственностью.

7) Права могут принадлежать самым вещам во взаимности или правильнее имущества недвижимые могут иметь взаимные повинности.

Даже можно иметь право принуждения. То есть можно ограничить свободу деяния в пользу имеющего на то право.

Собственность—один из предметов, которой человек имел в виду, вступая в общество; собственность стала посредством одного такая гражданина принадлежность, что умалить права его на оную было бы истинное нарушение начального общественного договора. Распоряжаться оною по своему произволению, со властью неограниченною, есть только следствие права, из первоначального договора истекающее. Следует, что гражданин может о собственности своей делать постановления неограниченно. Средства такового распоряжения суть то, что закон именует договорами.

Свобода делать договоры, какие кто пожелает, не должна иначе ограничиваема быть как правосудием, добрыми нравами, общею пользою. Что сему напротивно, то должно быть дозволено.

Теперь вопрос настоять может, что полезнее для общества, чтоб граждане делали о собственности договоры всякого рода или бы они ограничивались на некоторые. Уже мы сказали, что естественно и с целию общества то сходствует, чтобы люди могли делать соглашения и договоры о собственности своей да и вообще о всем, что до них принадлежит, по своему произволу; ибо чем больше они сближаются, тем потребности их становятся разнообразнее и по мере того и договоры их.

Но если во всех гражданских постановлениях нужно, так сказать, ручательство общества, чтобы они имели твердость; чтобы производили обязанность, принуждение законное за собой влекущую; того однако же невозможно сделать, чтобы предварено было всем злоупотреблениям. Хотеть унять злонамерение вовсе и для того размножать формы договоров, не произведешь ничего другого, как доставить разорительное покровительство, и лекарство будет хуже болезни. (а)

(а) Нет возможности, чтобы в законе определены были все различные соглашения и договоры, которые могут быть в обращениях

Довольно того, если граждане, в постановлениях своих не будучи стесняемы излишними формами, будут благонадежны, что постановления их имеют должную твердость, то есть мало могут быть оспариваемы.

Рассмотрим елико то удобно все возможные случаи на приобретение права собственности посредством договоров и означим те роды договоров, которые истекают из существа самой вещи.

Можно принадлежащую нам собственность отдать в собственность другому навсегда и взять ее цену деньгами. Сие продажа.

Можно таким же образом отдать ее навсегда и взять за нее цену вещью. Сие мена.

Можно вещь навсегда отдать, не брав за нее ничего, довольствуясь за то одною признательностию. Сие подарок.

Права могут так же быть предметом продажи, мены и подарков. Сей договор чаще называется уступкою.

Деяния, дела или действия могут так же быть предметом продажи, мены и подарка.

Можно принадлежащую нам собственность отдать в собственность на время другому.

Если вещь такого рода, что она употреблением истребляется, то условие договора будет таково, что бы подобное данному равной цены, качества и количества было возвращено в назначенное время. Сие заем. В займе уступается собственность вещи действительно, хотя с условием возвратить ее: ибо делаемое из нее употребление вещь уничтожает, и аделавший заем распоряжает вещью по своему благорассуждению; но если бы вещь была такова, что она существа своего употреблением не переменяла, как то все недвижимые вещи, то сие будет наем, о котором говорено ниже, и вещь не отдается в собственность, но в употребление.

И так собственность посредством договора приобретается 1-е покупкою, 2-е меною, 3-е подарком и 4-е займом. Больше возможности нет, но разные при том могут быть условия, которые договору дают особой вид.

Могут условия о собственности быть на случай будущия, например: лотарей. Или же на случаи смертныя, как то завещания и духовныя.

Можно условиться о приобретении собственности через другого. Сие есть полномочие, и оно бывает иногда без особого договора.

Можно условиться о сохранении или соблюдении собственности. Например: хранение, управление чужого имения, поручительство, залог.

Можно условиться о владении собственностию совокупно, как то бывает в торговых обществах.

Можно в собственности иметь участие, оставляя собственность нераздельною.

Можно условиться получать только некоторые права личные или вещественные на чужую собственность.

гражданских. Законы Римские определяли оных многие виды; Английское, Французское, Прусское законоположения имеют так же все свои особые договоров виды. Российское из них имеет меньше других. И кажется, что можно бы было, отставя всегда излишние договорам формы, сделать число их весьма ограничено, оставя судить о них по одному существу договора, полагая его правильность скорее в самой вещи, нежели в его форме.

Можно получать право вещественное на самое существо вещи, например: заклад (которой состоит в том, что не сдержав условие теряется собственность), задержание или удержание (род особой заклада) в ы к у п.

Можно условиться о праве на употребление чужой собственности. Например: аренда на время, или наследственно и всякого рода наем.

Можно условиться о праве какой либо повинности на имение на время или навсегда.

Можно даже иногда условиться о запрещении чего либо относительно собственности.

Сии суть только главные роды условий о собственности. Но оттенки их и отрасли могут быть нещетны.

Всякой договор о приобретении собственности есть мена в точном смысле.

Всякое положение договора постановляет: да ю, даешь; да ю, делаешь; или дел а ю, даешь; дел а ю, делаешь. Следует, что всегда мена. Подарок кажется только бывает деяние с одной стороны. Но ужели ни во что вменим благодарность, ни во что вменим удовольствие души благодетельной, произтекающее из сведений, что добро сделал. Следовательно и подарок есть мена.

Покупка и продажа есть мена вещи на деньги.

Мена собственно бывает тогда, когда одну вещь отдаешь, другую возмешь.

Нанять что либо сделать и дать за то деньги есть то же, что покупка.

Сделать что нибудь за то, чтобы другой сделал что либо во взаимность, есть мена.

Заем есть так же мена заемщиком или платит проценты или платит делом или благодарностию.

То же самое можно сказать о уступке какого либо права. Где есть взаимное воздаяние, там есть мена. (а)

Покупка и продажа *)

Договор, которым один отдает вещь в собственность другого (как то уже сказано выше), а другой в замену оной вещи дает деньги, называется торг. Договор сей есть покупка для того, кто вещь приобретает и дает деньги; но он есть продажа для того, кто вещь дает и приобретает деньги. Торг тогда почитать должно совершившимся, когда состоится обоюдное и взаимное действительное соизволение вещь отдать за известную цену точно тому, кому она достается. (а)

(а) Отдать вещь, над которою мы имеем собственность в собственность другого есть вышшее право, которое над вещью иметь можно. Отдать ее без воззрата есть то же, что истребить ее. Для отдающего, кто вещь таким образом отдал, для того она не существует. < Сбоку примечания рукою Радищева: „примечание“. — И. Т. >

*) Заголовок — рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

(а) Бывают случаи принужденной продажи (например имение по наследству доставшееся тому, кто не имеет права оным владеть). Закон их означает все подробно.

Торг или назначение одного может быть таково, что относится к какому либо произшествию или делу или предоставляется на суждение и решение третьего лица. Если то (к чему назначение торга относилось) не воспоследует, то торг недействителен. И так все договоры о торге, то есть всякие покупки и продажи с условием не могут быть действительны, если условие не исполнено.

В покупке и продаже или в мене на деньги закон определит точно отношения: 1-е лица продающего и лица покупающего; 2-е предмет покупки и продажи и 3-е цену договорную.

А. В отношении лица продающего и лица покупающего вопрос можно сделать, все ли правила договоров в отношении способности лиц договаривающихся могут здесь иметь место?

Конечно все; но следующее изъяснение будет здесь не лишнее.

Там, где предположить можно, что собственность вещи принадлежит договаривающимся нераздельно, или от одного к другому может перейти непосредственно без договора, там договору быть нельзя.

И так отец детям или дети отцу продать не могут для того, что имение их состоит в некотором обществе и одни суть во власти другого.

Муж жене и наоборот продавать не должны, для того что имение их или паче употребление одного*) должно быть общее и жена состоит во власти мужа, состоит так сказать под его опекою. (а)

По той же самой причине опекун не может купить имущества у состоящего в его опеке; ни ему продать.

Словом не может продать ни купить вещи тот, кому она поручена, доколе он имеет ее в своем поручении.

Б. Предмет продажи и покупки не должен быть подвержен никакому сомнению.

Если предмет продажи и покупки прежде отдачи истребится или выйдет из обращения, хотя бы договор о том уже был заключен, то он не действителен потому, что предмет договора не существует.

В. Цена продаваемого должна быть означена числом денег; ибо в том состоит существо покупки и продажи, что за вещь продаваемую должно получить деньги.

В предупреждение обмана не худо распоряжение законов Прусских. Если цена, взятая за вещь проданную, наполовину меньше цены истинной, то сие доказывает ошибку продавца, и он может просить о уничтожении договора, но сему нужно назначить срок.

Если в договоре цена вещи поставлена только мнимая, а не настоящая, или цены совсем не было или же она была не та, которая показана; и если можно сие доказать, то в первом случае договор не действителен, а во втором, если договаривающиеся оную подтвердят, то цену вещи должно определить настоящую, но и сему назначить должно срок.

*) „Или паче употребление одного“ — вставка на поле рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

(а) Продажа между мужа и жены может часто быть вынужденная или угрозами или ласкою или лестию и обманом, может быть безденежна. < Последние три слова — рукою А. Н. Радищева, — И. Т. >

Поступая далее в определении договора о покупке и продаже, закон обратит внимание свое 1-е на форму сих договоров, 2-е в чем состоят обязанности продавца и покупателя, 3-е когда продажу можно уничтожить; 4-е какие при покупке и продаже могут быть побочные договоры, оные сопровождающие, и 5-е что должно делать при продажах по приговору судейскому.

А. Форма договору о продаже движимого употребительна в некоторых только случаях, но невозбраняется употреблять ее когда кто захочет. Какова она быть должна, означено будет в образе судопроизводства. О формах договоров продажных по торговле говорено в другом месте.

Форма договоров о продаже имения недвижимым одна и самая та, что называют купчая. Какова она быть должна, будет показано в обряде судопроизводном.

Действие правильного договора о покупке и продаже всегда бывает то, что продавец обязан отдать проданное, а покупатель обязан заплатить договорную цену.

Б. Обязанность продавца состоять должна в отдаче проданного, чтобы вещь отдана была вся со всеми ее принадлежностями, в то время и там, где договорились. Отдача вещи должна быть такова, что[бы] продавец мог купленную вещь распорядить по содержанию договора; мог бы ее иметь в собственность, делать из нее употребление, отдать ее если захочет, и в оном быть охраняем продавцом от всех притязаний, чьи бы они ни были. Продавец в отношении покупателя есть так сказать поручитель, что вещь проданная не иначе будет, как какова она означена в условии, или какова должна быть по существу своему.

И так при обязанности продавца рассматривать должно: 1-е отдачу проданного, 2-е что делать, если произойдет в отдаче остановка, 3-е кому принадлежит польза, от проданной вещи производящая, доколе не отдана, 4-е как производить отдачу проданного, 5-е ручательство, что вещь такова во всем, как она продавалась.

1) При отдаче вещи примечать должно:

а) чтоб она отдана была в том состоянии, как показано в договоре.

б) Если же о том ничего не сказано, то чтобы она была в том состоянии, какова она была в то время, как о ней договор заключали.

в) Что о проданной вещи разумеется, то самое должно разуметь и о принадлежностях к оной.

г) Чтобы отдача вещи произошла в назначенное время.

д) Если о том ничего не сказано, то чтобы отдача произведена была непосредственно по уплате договоренной цены.

2 Относительно произшедшей остановки в отдаче вещи и бывающих от того убытков примечать должно:

а) Если в остановке виною покупатель, то продавец отвечает за повреждение вещи, воспоследовавшее после времени к отдаче назначенного только тогда, если вред вещи случился его умыслом или проступком самым грубым. Если же продавец сделал остановку умышленно и вред вещи воспоследовал, то справедливость требует, чтобы он удовлетворил за весь барыш, которой бы мог иметь покупатель.

б) При всякой добровольной продаже продавец отвечает за проданное до времени отдачи.

в) Если вещь истребится или разрушится каким либо нечаянным случаем в течении времени между заключением договора и действительной отдачи, то договор уничтожается и взятое возвращается назад.

г) Если в истреблении или разрушении вещи виновен продавец, то он не только теряет право требовать цену договорную, но должен удовлетворить покупателя по мере своего проступка.

д) Если же в том виновен покупатель, то продавец освобождается от своей обязанности и от покупателя получает удовлетворение.

е) Если виною остановки в отдаче будет продавец, и вещь между тем истребится или погибнет, то убыток будет его, и сверх того он должен, кажется, удовлетворить покупателя по мере своей вины.

ж) Если же виною остановки покупатель и вещь между тем погибла, то он во всяком случае должен заплатить договорную цену и удовлетворить продавца в убытке от остановки происшедшем.

3) До времени действительной отдачи польза, от проданной вещи происходящая, принадлежит продавцу, по той причине, что он вещью владеет и в иных случаях за нее отвечает. Закон означает разные случаи в отношении пользы, происходящей от вещи проданной.

4) Отдача вещи должна быть такова, чтобы покупатель мог купленною вещью распорядиться по точному содержанию договора. В законе означить должно а) как производить отдачу недвижимого имущества, б) как оной быть должно между отсутствующими в вещах движимых.

5) Ручательство продавца относится, или прямее сказать продавец в отношении проданной вещи отвечает: а) если в вещи недостаток есть в качестве или количестве, как то в договоре означено или как то разуметь можно; б) если вещь всю или часть оной будет присвоить третий или посторонний; в) если собственность больше ограничена, нежели то показано в договоре; если на ней больше показано долгов или налогов, нежели показано в договоре или нежели о том можно было предполагать.

В. Обязанность покупателя состоит 1-е в приеме вещи купленной и 2-е в отдаче денег по договору.

1-е. Относительно приема вещи заметить можно, а) что все то, что извиняет продавца в промедлении отдачи проданного, все то извиняет и покупателя в приеме; б) если промедление было со стороны покупателя, то продавец имеет право прибегнуть к правительству и вещь проданную отдать в его охранение. Что же в таких случаях правительство делать должно, то будет означено в законе.

2-е. Относительно отдачи денег замечанием служит а) чтобы деньги отдавать при совершении договора или при приеме вещи, как то будет постановлено; б) если случатся какие либо в вещи недостатки, то продавец может выдачу денег остановить или внести их в присутственное место; в) что делать, если уплата денег не воспоследует или последует не в договорной срок.

Таким образом договор совершен и вещь проданная и купленная, вышед из собственности и владения продавца, стала собственностью покупателя.

Г. Но заключенной договор о покупке и продаже может быть не действителен: 1-е неисполнением условий, 2-е взаимным согласием, 3-е если цена на половину ниже настоящей, как то употребительно во многих законоположениях.

1) При всяком неисполнении договора должно принести жалобу в присутственном месте о принуждении к исполнению. Если же в договоре постановлено было, что деньги должно отдать при заключении договора или при отдаче вещи, и условие сие не исполнено, то договор продавец может почитать не действительным.

2) Взаимное согласие уничтожает всякой договор, равно уничтожить может и покупку.

3) Если покупатель в узаконенной срок принесет жалобу, что с него взяли за купленную вещь вдвое против той цены, которой вещь стоит, и если ясно он доказать может, что при покупке вещь ценили по ее достоинству и цену ей назначили по существу ее, а не по особым каким обстоятельствам, то вещь такую можно велеть оценить. Если действительно найдется, что цена взята двойная, то и можно предполагать, что при заключении договора было со стороны покупателя заблуждение, отъемлющее договора силу. В Российском законоучении сие неупотребительно, но кажется справедливость того требует, что бы тоже и у нас введено было; уловки, обольдения, обманы многочисленные, бывающие при продажах и покупках, требуют такого законоположения.

Д. Договор о покупке и продаже может сопровождается быть побочными договорами, и все выше упомянутые в законе предписания, налагающие обязанности и производящие права, могут быть отменены условием и побочными договорами, сделанными законным порядком. Ибо договор потоллку есть законной, поколику не отменен каким либо соглашением.

Таковые побочные договоры могут быть: а) условия или отсрочивающие или разрешающие, б) могут относиться к повороту или возвращению проданного, в) могут относиться на случай неустойки к продаже другому; д) может относиться к срочному выкупу; е) может относиться просто к уничтожению продажи и проч.

Продажа собственности может произведена быть иногда и не тем, кому она принадлежит. То есть вещь иногда может продать и не хозяин оная и без его приказу. Сие бывает, когда вещь продается по определению судейскому.

Продажа по определению судейскому может быть добровольная и принужденная. Но та и другая называются продажей с публичного торга.

В законе означено будет все принадлежности продажи с публичного торга, а в обряде судопроизводном—как оную производить.

М е н а *)

Мена в точном смысле есть договор равного существа с продажей, с тою разницею, что вместо денег отдается вещь за вещь.

Все правила, которые наблюдаются при продаже, должны быть наблюдаемы и при мене, ибо тот, которой вещь дает, может почестся продавцом а тот, которой принимает, покупщиком.

Но если мена состоит в деньгах или децгы на децгы, то об оной судить можно по правилам закона о платеже.

*) Заголовок—рукою А. Н. Радищева. И. Т

Если предмет мены бывает право, то сие называют поступиться или уступить.

Уступка права за деньги есть продажа, уступка без денег подарок. Право за право, или право за какую услугу, есть мена в истинном смысле.

Уступка прав *)

Когда дело идет о уступке прав, тогда предполагается, что существует договор, после которого один обязуется уступить право свое другому в собственность. Деяние же или действие самое, чрез которое право одного переносится к другому, назвать можно поступкою.

Когда кто чем либо поступится, то рассмотреть должно а) чем можно поступиться; б) в чем может состоять воздаяние за поступку; в) каким образом поступка производится в действие; г) действие поступки между того, кому право уступлено, и между того, на ком лежит обязанность, произведенная уступленным правом; **) д) действие поступки между уступающего и того, кому уступлено: 1) в отношении правильности оной, 2) в отношении ее благонадежности. е) Закон так же сделает постановление на те случаи, когда кто принужденно поступиться должен своим правом.

а) Все права уступить можно опричь тех, которые принадлежат имеющему право лично. По сей причине нельзя поступиться правом приносить жалобу об оскорблении личном.

Можно уступить право наследия, но наследия настоящего или действительного а не будущего; наследное право к имению, а не право какое либо наследственное личное.

б) За поступку воздаяние или цена того, чем кто поступается, зависит от взаимного соглашения договаривающихся.

в) Когда тот, кто поступается, объявит, что тот, в пользу которого поступка делается, может уступленное право отправлять, как свое собственное, то, соглашаяся на сие объявление, приобретает другой действительную собственность права.

г) Поступкою не усугубляется обязанность должника, ни право займодавца не умаляется. А потому когда кто право свое уступает, тогда не требуется для того согласие должника.

д) Тот, кто правом поступился, обязан отвечать тому, кто оным поступился за верность, правильность или благонадежность уступленного права.

Отважные договоры ***)

Если мена будет состоять в договоре, в следствие которого вещь или цена вещи или деньги будут обещаны или даны в замену надежды будущей прибыли, или в замену уступки будущего прибитка, которые ожидать можно, но про которые еще не известно в чем состоять будут, то таковая мена принадлежит к отважным делам и договорам.

При таковых договорах должность договаривающихся состоит в том,

*) Заголовок рукою А. Н. Радищева.—И. Т.

**) Слова „того, на ком... правом“ вписаны в текст рукою А.Н. Радищева..

***) Заголовок — рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

чтобы объявить все известные (во время договора) обстоятельства, от которых вероятно зависело намерение заключить таковой договор.

1) Застрахование и бодмерея, о них говорено будет в статье о городах.

2) Жеребей бывает о приобретении права и о наложении обязанности; если что должно решиться жеребием, то сколь скоро оной кинули, то вещь достается тому, кто оную выигрывает. Или обязанность получает тот, на кого жеребей падает. Жеребьи сего последнего рода бывают иногда принужденные, производимые по приказанию правительства, как то при рекрутских наборах.

3 - 4. Игра и заклад (paci), хотя не запрещаются, но кажется должно постановить, что они не производят законной обязанности, а потому о долгах, сделанных по игре или закладам, нельзя приносить жалобы.

5) Лотарея. Поселику они часто бывают средством, употребляемым для обмана и оболъщения, то без дозволения правительства их заводить не должно.

6) Продажа вещей будущих. Если я вещь будущую (например овощи в огороде) продам без меры, веса и щета, но сколько их родится, то договор принадлежит к сему роду договоров, если же означу меру, вес или щет, то будет поставка.

7) Если кто заключит договор, которым наложится повинность или платеж, которых продолжение определено жизнью человека, или временем неизвестным, то оной договор принадлежит в число отважных договоров. Например: если кто отдает свое имение и заключит договор, чтобы выдавать по смерть его известной доход, то таковой договор принадлежит в сию статью.

8) Если кто кому даст известную сумму денег с таким условием, чтоб по жизнь свою получать годовой доход, того можно [считать] покупщиком дохода по жизнь. Сии договоры бывают таковы, что доход или проценты, платимые с капитала по смерть, бывают всегда больше обыкновенных; по той причине, что после смерти оной доход получающего капитал остается в руках того, кто платит доход. На случаи таковых договоров закон сделает постановление о праве детей на таковые капиталы, о праве заимодавцов и как поступать, когда таковому доходу не бывает уплаты.

9) Сюда принадлежат все учреждаемые казны на будущие случаи, например казна вдовья, и смертные случаи, на приданое и другие.

Кажется, что таковые учреждения должны быть всегда с дозволения правительства.

10) Откуп винной принадлежит так же частью к сему роду договоров; ибо ожидаемая прибыль неизвестна. Понятие о нем можно определить следующим образом: откуп винной есть покупка права на время продавать вино горячее и прочая исключительно пред другими, платя за оное известную сумму. Со стороны правительства он есть уступка права продавать вино, но временная, а по сей причине принадлежит к роду найма или к праву пользоваться чужою собственностью. Сколь вреден он государству, мы говорили в другом месте.

11) Подряд и поставку можно также отнести к сего рода договорам, ибо с ним всегда сопрягается опасность выиграть и проиграть в точном смысле; они принадлежат к статье наймов.

З а е м *)

Заем есть договор, посредством которого один даст другому что либо цену имеющее и такое, которое от употребления истребляется, с тем условием, чтобы возвратить ему подобное в качестве и количестве.

Итак при возвращении и при уплате занятого не можно требовать больше, как что дано, зане взять больше есть противно самому понятию займа. Проценты не есть прибавка отдаваемого, но воздаяние за употребление: рекамбио, пеня за неуплату в срок. В сем случае заемщик, получив вещь заемную, становится ее хозяином, ибо он распоряжает ею по своему произволу.

Но если кто, скрыв свою неспособность, сделает заем, то и есть обманщик.

Если явно будет, что намерение займа было деяние не дозволенное, то заем должен быть не действителен.

Римские законоучители в число займа включали и взятую вещь на подержание и на употребление. И в самом деле, занять разумеется взять что либо для употребления, дабы оное возвратить так, как она взята или чем другим, но равного существа и содержания. В первом случае называли они (comodatium) на подержание, во втором (mutuum) заем. Оба договора сходствуют в том, что вещь доверяют, полагаясь не только на честность того, кому доверяют, но и на способность его оную возвратить. Различествуют они тем, что в одном случае возвращается самая взятая вещь, в другом ей подобная, но равного достоинства.

В первом случае вещь дается в употребление, в другом в собственность. В первом случае была бы только наем, если бы во взаимность дана была плата. О сем роде договора говорить будем ниже.

При займе рассматривается: а) предмет займа; б) кто может делать заем; в) форма заемного договора или оного доказательство; г) действие займа в отношении 1-е времени, 2-е места, 3-е занятого; д) лихва или проценты: 1-е проценты по договору, 2-е проценты за промедление или просрочку, рекамбио, 3-е как быть платежу процентов, 4-е как определить проценты в займе сделанном вещами, а не деньгами; е) в число займа включается также тот договор, который называют просто давать в долг.

а) Если заем бывает деньгами или обязательствами равного с деньгами достоинства, то его можно назвать настоящим займом. Если же заем бывает вещами, которые истребятся употреблением, то назовем займом **) ненастоящим. Но в обоих случаях тот, кто занимает, становится хозяином занятого.

б) Тот, кто вещь может отчуждать по соизволению, тот может ее отдать и в займы.

Тот, кто может заключать договоры и может иметь право употреблять вещь занятую, тот может и входить в обязательства займа.

Но закон иногда постановляет меру и ограничения праву займа, иногда и тем лицам, которые в прочем имеют способность заключать договоры вообще.

*) Заголовок — рукой А. Н. Радищева. — И. Т.

**) Слова „Если же... назовем займом“ приписаны на поле рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

Таковые ограничения относиться могут:

1) К женам замужним. Сия статья соразмеряется будет с тою статьею закона, в которой постановлено будет о имении жен замужних, и поколику они могут входить в обязательства с ведома мужа или без его ведома.

2) К детям, состоящим под властью отца. Сия статья соразмеряется будет с постановлением об отделенных и неотделенных детях.

3) К обществам узаконенным, как то присудственным местам, к обществам церковным, духовным, городовым, сельским и проч.

4) К находящимся в училищах и воспитательных домах или в учении.

5) К находящимся в военной службе.

6) К крепостным людям.

7) К поселянам.

в) Внешний вид, в каком дается обязательство или форма заемного договора, не усугубляет или не подтверждает само по себе обязанности возвратить то, что взято. Ибо все чужое и непринадлежащее возвратить должно непременно. И так форма нужна для определения времени, для обязанности платить проценты или не платить, когда и где. И так вид внешний обязательства заемного есть только доказательство займа, но не составляет само в себе обязанность, ибо сия истекает из самого деяния займа, а не из внешности обязательства.

Формы, доказывающие сделанной заем, суть разные. Закладная, обязательство, вексель, росписка в принятом, подписанной шет и проч.

Форма займа определяет образ судопроизводства о займе. Форму тогда только можно назвать полною, когда в ней находится: 1) признания взятого в заем; 2) в чем взятое состоит; 3) в чем будет состоять уплата; 4) обещание уплаты; 5) время, когда оную произвести; 6) имя и звание заимодавца; 7) место, где заем сделан; 8) число, в которое сделан; 9) кому платить должно; 10) имя и звание должника. Но форма сия может быть сокращеннее. Если в ней означена вещь в заем взятая, число оной, достоинство и цена и имя и звание должника, то уже довольно все другое подразумевается. Но где форме должно быть по закону, то ее соблюдать должно не минуемо, например: вексель, закладная и проч.

г) Действие заемного договора есть обязанность заплатить или возвратить взятое в срочное время; до наступления срока уплаты требовать нельзя. Но не должен ли закон постановить, что заимодавец должен быть иногда обеспечен в данном в заем, и может требовать в том уверение, например в следующих случаях: 1) когда должник все имение свое отдаст в заклад без остатку; 2) когда должник посажен будет под стражу за долги; 3) когда должник от заимодавцов уйдет или к тому делает приготовления; 4) когда должник намерен переменить место своего пребывания и так далее.

В обязанности платежа закон рассматривает 1) время а) определено ли оно или б) не определено; 2) место платежа. По существу вещи оно должно быть там, где сделан заем. 3) То, чем платить должно, например, деньги золотые, серебряные, медные, ассигнации, что делать, если денег достоинство внутреннее переменяется и проч.

Заем бывает двойкой, заем с лихвою и заем благотворной.

А) Лихва есть все то, что за занятое заемщик платить обязался.

Лихва может быть такая же, как самая вещь займа, или состоять может в каком либо деле или в какой услуге.

Лихва деньгами называется процент.

Мы здесь рассмотрим столь кратко, сколько возможно, важный вопрос о лихве; 1) по колик он дозволен быть может, 2) на чем основывается право лихвы и 3) можно ли ее почитать когда либо преступлением.

Деньги суть знаки всякой цены, следовательно всякой вещи. Подобно всякой другой собственности их можно менять или продать, можно подарить, можно дать в заем; а заем с платежом за них процентов есть истинной наем и в том только от него отличен, что нанятую вещь должно возвратить хозяину в том виде, как ее от него получил, а вместо занятой отдать другую ей подобную, ибо существо вещи занятой таково, что она может истребиться или разойтись употреблением и не существовать в соборном своем виде. Если можно делать постановления произвольные о другой собственности, то для чего не делать и о деньгах; если оставлено на соглашение договаривающихся назначать цену переходящей из рук в руки собственности, то для чего же не оставить на произведение договаривающихся на начать цену деньгам. Кто имеет в чем какую либо нужду и оную нанимает для своего употребления, тот платит по условию за то известную сумму. Для чего же за употребление чужих денег не дозволить платить по договору. Запрещать лихву по добровольному условию договаривающихся есть стеснение свободы, в договорах. Сделаем сравнение. Четыре человека имели равной капитал, например: каждой 10 тысяч рублей; один из них купил дом, другой деревню, третий отдал деньги в торговую компанию, четвертой не купил ничего. Дом отданной в наем приносит (сверх починок и издержек) 2) процентов на употребленной капитал. Деревня отдана на аренду и приносит например 2) процентов с капитала. По разделу прибытков из торга на участок прожившего свой в компанию капитал достается ежегодно двадцать процентов. Для чего же недозволенным почитать, если имеющий деньги отдавать их будет в заем и брать будет за них 20 процентов? Все равно по истинне. И если великая прибыль есть только замена бывающей опасности потерять капитал, положенной например в строение или в торг, или ненадежность произведения жать, то разве не может быть опасности потерять капитал, вверяя его ненадежным займом.

Где лихва запрещена и проценты велено брать указные, там отдающие деньги в заем смеются бессильному законоположению, и договоры о процентах всегда ложные: и лихва тем больше, проценты тем дороже, чем больше может быть опасности в нарушении закона. Исчисление, которое делают преступающие заимодатели, сравнить можно с ведущими торг заповедной. Верной знак: если можно, сохраняя предписанные формы, нарушать закон безвозмездно, то закон тот дурен. Если нарушение закона всегдашнее и обычай презирает закон, то закон дурен. Таков есть тот, который запрещает лихву. Таков есть закон, наказующий поединки.

Чем закон, запрещающий лихву, будет строже, тем она будет больше. Закон лихоимца называет бесчестным, но в обществе таковым их не почтут; но разве жестокосердым и к прибытку алчным. А тот, кто имеет в деньгах нужду, почтет иногда лихоимца благодетелем. Если не бесчестно получать прибыль от своего имени, то для чего же уничтожать и бесчестным в за-

коне делать тех, которые получают прибыль от имущества своего в деньгах состоящего.

Конечно бы лучше было, если бы деньги были дешевы и проценты низки. Но не закон может назначить им цену, где чего много, там то и дешево.

Когда число заемщиков равняется числу залогодателей или сказать правильнее, когда капитал, назначенной для отдачи в заем, равен требованиям взять в заем, то проценты будут умеренны. Если требования превышают капитал, отдаваемый в заем, то проценты будут больше. Если капитал такой превышает требования, то проценты будут низки.

От чего в России, не взирая на запрещение, проценты будут велики? От того, что мало накоплено капиталов наличными деньгами, от того, что накопленные капиталы гораздо прибыльнее и безопасно употреблять на приобретение недвижимых имений. Примеры тому явные видим в откупщиках и подрядчиках и в самых торгующих.

Если бы нужно было поставить меру лихве или означать в законе число процентов, которые за занимаемые деньги брать можно, то политическая причина, требующая такое законоположение, разве будет та, что положить преграду неистовству сребролюбия и необузданной жадности прибытка в залогодателях. Но если чрез то сохранится иное имя и не попадет в руки хищныя, то с другой стороны не должно стеснять свободы в употреблении собственности и (как уже мы сказали) делать то бесчестным законом, что само в себе справедливо и не зазорно.

Давно уже то говорили многие, и мы за ними скажем тоже (повторение истины всегда благо): управлять много, управлять всегда есть то же что не уметь управлять. По сему правилу должно оставлять каждому рачить о своей пользе. Закон нас ограждает от обмана, но не заменит в нас употребление рассудка. Иначе вся жизнь наша протечет в несовершеннолетию в опеке. Закон может поставить некоторые ограждения от человеческих злонамерений, но как можно изобрести формы против всех ухищрений обмана и коварства.

Желать предвидеть всем злоупотреблениям, нужно будет сделать бесчисленные в законах предписания, постановления, нужно будет изобрести формы. Защита от правосудия тогда будет паче разорительна, и ябеда больше найдет уловок сопластать свои коварныя сети.

И так для того, что некоторые люди злы и превратны чрез меру, не должно в законоположениях всегда на них обращать свои взоры. Но для управления множеством благоразумнее предполагать, что наилучшие из граждан лучше, нежели каковы они в самом деле.

Постановление закона — когда проценты сравниются с капиталом, то их уже больше не считать, хорошо и тем лучшее имеет действие, когда кто положит брать проценты большие. Чем они будут больше, тем они скорее возрастут до капитала и его удвоят и тем скорее прекратятся. Следовательно при таком законоположении большие и малые проценты одинаковое в продолжении имеют действие.

Брать проценты на проценты хотя в правиле договоров, но отягчительно для должника, которым закон покровительствует до тех пор, доколе не увидит их злонамерение.

1) Лихва или проценты можно назвать все то, что должник должен давать залогодавцу за употребление его денег. Проценты могут быть по

договору. При разбирательстве, если число оных не упомянуто, то полагаются проценты указанные. Брать проценты вперед, как то везде употребительно даже в казенных местах, весьма несправедливо. Ибо тут берут за употребление денег, которое еще не было. И так проценты заплаченные вперед есть отвлеченной капитал у должника на все время займа.

2) Где нет договора о платеже за неустойку и будет просрочка, тогда должник обязан платить особые проценты за промедление, как то бывает рекамбио в векселях. Сие тем справедливее, что займодавец не должен терять употребления своего капитала.

3) Правилom в платеже процентов послужит следующее: а) если кто роспишется в приеме капитала и о процентах не упомянет, то почитать их должно уплаченными; б) если же проценты присуждено взыскать, то таковая росписка их не уничтожает; в) когда проценты сравниются с капиталом, то больше их не взыскивать; г) проценты на проценты не взыскивать.

4) Проценты на вещи занятые, но на деньги, если о том не постановлено в договоре, должны, кажется, быть таковы, какова занятая вещь, но, кажется, для займодавца будет все равно, чем ему платить будут проценты, деньгами или иным чем.

5) Взятое в долг есть так же заем, и кто не может сделать займа законно, тому давать в заем не должно.

Вещь за дело или дело за дело *)

Договоры, которые, по изречению Римского законоучения, основаны на условии следующем: даю делаешь или не делаешь или делаю делаешь или не делаешь существенно то в себе заключают, что за деяние и действие или за недействие должно быть обещано удовлетворение. Ибо закон не предполагает чтобы кто либо что делал без мзды. И поелику нельзя того сделать, чтобы произведенное деяние не существовало, и нельзя его возратить так, как во вращаются вещи, то необходимо нужно, чтобы о договорах к деяниям относящихся, а особливо к деяниям уже произведенным, сделаны были особые в законе постановления. К сему роду договоров принадлежат 1-е те, которые бывают между хозяина и наемного слуги, работника, поденщика, ремесленника, мастерового или художника, 2-е подряды, 3-е поставка, 4-е обещание награждения за какое либо произведение или предприятие есть род договора дозволенного, принадлежит к сей же статье, 5-е договор о издании чего в печать. Все сии договоры таковы, что заключают в себе взаимность; с одной стороны деяние, с другой воздаяние. При таковых договорах надлежит всегда рассматривать, произведено ли действие или деяние. Если произведено быть должно, а за оное ничего не назначено, то таковой договор не имеет силы.

Подарок **)

Подарок или дар по существу своему должен быть таков, что за него воздаяния не подается. Сей благотворной договор о уступке собственности какого имени или право с одной стороны, с другой предполагает взаимность

*) Заголовок — рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

**) Заголовок — рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

только нравственную, признание, благодарность и не производит обязанности понудительной; ибо со стороны дарующего право или вещь не иначе почитают уступленными, как когда уже они действительно отданы во власть другого. Со стороны же приемлющего воздаяние состоит в вещи без вещественной, понуждению не подлежащей. Но он должен объявить, что подарок принимает, если же он того не может сам (как то дитя), то может то сделать за него другой.

Подарить можно имение движимое и недвижимое. (а) Но намерение подарка не должно быть противузаконно.

*а) И так дать может тот, кто способность имеет заключать договор, а принять,

б) даже еще не родившейся, но только в зачатии; ибо с сего времени закон одарит его правами гражданскими. Закон определит, поколику супруги могут делать взаимные подарки.

в) Если то нужно чтобы ограничено было распоряжение на случай смерти, то равным образом недолжно позволять подарки выше меры тому, кто имеет детей. В сем случае правила означенные для завещания относительно распоряжаемой части могут служить и здесь.

Закон означит, какую часть имения можно подарить, когда 1) кто имеет детей или родственников по нисходящей линии или 2) родственников по восходящей линии, 3-е когда кто их не имеет.

г) Для предъупреждения того, чтоб не мог кто у кого насильно завладеть вещью, сказав: она подарена, нужно, кажется, чтобы договоры о подарении были всегда письменны (о недвижимом имении они необходимы), постановив в законе, что подарок без письменного вида и не объявленного в присутственном месте, не производит обязанности, всем будет предварено злоупотреблениям, дарить будет можно и невозбранно никому, но злоумышление на счет неосторожного обуздается.

д) Действие правильно заключенного договора о подарении имеет тоже действие на дарителя, как всякой другой договор, но ручательства за подаренную вещь не может быть так как за проданную.

е) Подарок бывает двоякой. Если подарок бывает награждение за похвальное деяние или за сделанную услугу, но не был определен заранее, то его назвать можно подарком награждения, ибо если бы за деяние или услугу определен был заранее, то он был бы в роде договоров тягостных. Если же подарок есть плод щедроты, то называют подарком просто.

ж) Поелику сей договор не обоюдную производит обязанность, но с одной только стороны, поелику он всегда имеет предметом благотворение, то не могут ли быть случаи, в которые сила ее умалится и даритель может уничтожить договор и потребовать данное назад.

В точном смысле нельзя, ибо совершенной договор производит совершенную обязанность. Но если бы случилось: 1-е что даритель от подарка

(а) О различии имения наследственного и благоприобретенного мы говорили в другом месте (рукою А. Н. Радищева. — И. Т.)

*) Отсюда до пункта „г“ — рукою А. Н. Радищева на особом вклеенном листе. — И. Т.

своего пришел в скорое разорение или 2-е если бы подарок был выше меры, например: выше положенной в законе части *) или 3-е если бы кто, подарив уже много, подарил бы остальное свое имение, 4-е или если бы кто, подарив имение, сам лишился бы всего и не имел бы пропитания, 5-е или когда даритель имение подарил, а потом откроется неоплатимой долг или начет, 6-е или если кто бездетен будучи подарит имение, а потом приживет детей, которые не могут иметь пропитания, 7-е или если приемлющий или получивший подарок будет явно не благодарен (зане воздаяние за дар не иное быть может как благодарность), то не вправе ли даритель потребовать подаренного?

Если бы точное право то и отрицало, но справедливость требует, чтобы подаренное было возвращено дарителю; ибо подарок или не сходствует с намерением дарителя, или не сходствует с намерением общежития.

Один кажется случай может иметь из того изъятие и подарок должен остаться тому, кто оной получил. Если подарок был воздаяние за похвальное какое либо деяние или за оказанную важную услугу, то тогда возврату оному быть не должно; потому что 1 действие похвальное предшло подарку, 2 что оно само по себе награждения достойно; что услуга 1 предшла подарку, 2 что она сама по себе есть уже род воздаяния за подаренное. А если она такова, что ею спасено например жизнь, честь или тому подобное дарителя, то неблагодарность будет со стороны дарителя если он потребует подаренное. (а)

И так если обязанность дать определена, то она есть долг; если же не определена, то уважение (или подарок в виде уважения), и хотя о ней не может быть ни законного ни судейского постановления (как то приданое), но если уже дано (как то подарки свадебные), то невозможно о том судить по правилам подарков.

Но хотя бы давать и не было обязанности, то сей договор есть договор тягостной или обоюдной, если тот, которой дает, положил условием достижение како либо цели в свою пользу. Если же только часть данного произведет достижение цели, то подарок будет условной.

) Если предполагаемая цель будет в пользу получающего, то хотя сие и есть подарок для назначенной цели, но по существу своему он есть подарок просто. Когда же нет обязанности дать, ниже давая нет предполагаемого намерения, для чего дается, то сие будет истинная щедрота, хотя бы подарок и был награждение за оказанную услугу. Klein *).

*) Строчка „...женной в законе части“ написана по выскобленному рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

(а) Не всякая щедрота с одной стороны есть истинное приобретение с другой, например: если что дается даром, но для того, что дать должно, то сие есть истинной долг, ибо назначено было, что дать должно. < Далее вырезано около половины страницы. — И. Т. >

**) Отсюда до конца абзаца рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

***) Далее в рукописи три листа чистых. — И. Т.

О ПРИОБРЕТЕНИИ ИМЕНИЯ, ПРОИСХОДЯЩЕМ ОТ РАСПОРЯЖЕНИЙ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ

Завещание или духовная *)

Власть, которую человек имеет над вещию, продолжается до того времени, доколе он ею распорядиться может. Скончается его способность распорядиться ею, скончается и его над нею власть. Когда человек лишается ума, тогда лишается он власти делать распоряжение над своим имением. Имение отдается в опеку. Но остается еще надежда, что он может возвратиться к рассудку и способности распорядиться тем, что ему принадлежит. Но кто умер, может ли тот распорядиться чем либо и может ли его право над чем либо продолжаться, когда он сам не существует?

С сей стороны все завещания, все постановления, которые должны иметь силу по смерти распорядяющего, естественного основания не имеют; следовательно начало свое имеют в законе положительном.

И так всяк признается, что власть распорядиться имением своим после своей смерти есть тоже, что пережить самого себя, что продолжать существо свое за пределы самая природы, жить по смерти. И кажется, как будто распоряжением таким нарушается распоряжение законов, постановляющих чин наследия и что завещатель испровергает беспредельно и самопроизвольно здание, законом воздвигнутое.

С другой стороны дозволение, из закона истекающее, — делать завещание, не есть ли самый закон и не должно ли оставить что либо на произвол каждого, дабы он сообразовался с превратностями житейскими. Или то вредно, что умирающий последнюю минуту бытия своего ознаменует благодеянием; и не нарушается ли человечество, отнимая у него такую способность?

Что лучше? Что бы отец распорядил о имении при жизни, как должно ему быть по его смерти, или бояться, что отец забудет свою нежность к одному, будет несправедлив и даст больше другому? Но разве не бывают неистовые дети? Что лучше: чтобы дети старались угождением своим заслужить благоволение отца, нежели чтобы отец видел детей своих не бегущих о нем, надежных в наследии своем. А тот, кто лишен удовольствия иметь милых сердцу его детей, лишенной властью закона распорядиться (в наставший час его кончины) своим имением, распорядиться в пользу того, кто на время дряхлых и немощных дней и текущей его жизни не жалея о нем своих трудов и рачений, не уязвлен ли будет в сердечных своих чувствованиях, ведая, что стяжание его достанется неизвестному какому либо родственнику, которого он не знает даже имени, не будет ли чрез то он лишен всех вспомоществований при кончине своей, когда бы надежда приобретения сделала чужого ему приближенным. Правда, что корыстолюбие будет причина наемного сего удовольствия; но! сколь лестно, сколь приятно терпящему надежду видеть себя ласкаема, видеть хотя образ любви. Гнусность чувствования такового останется тому, кто принимает на себя оною личину, но польза от него произтекающая была вся тому, кто ее ощутил.

*) Заголовок и подзаголовок — рукою А. Н. Радищева. — И. Т.

Вот то короткими словами, что можно сказать в опровержение и в защиту завещаний и договоров на случай смерти.

В постановлении закона, если не будет настоять нужда следовать причинам политическим, то всегда лучше следовать причинам гражданским, которые предъупреждают вражды семейственные, питают дружелюбие и соблюдают благоустройства общества гораздо надежнее, нежели причины политические, зане побуждения к оным суть больше внешны, а не существенны.

И так оставим утешение видящему изнеможение своих сил сделать удовлетворение своим чувствованиям; оставим желающему на случай смерти сделать о имении своем распоряжение; оставим родителям распоряжать так сказать чувствованиями душ детей своих и делить им свою нежность; оставим нежности родителей быть правосудным к детям своим в разделении им своего наследия. Но дадим ограждение злоумышлениям и обманам, которые могут вынудить волю завещателя, направим ее на путь благий, дабы она не могла заблуждать чрез меру. Чрез меру, — зане какой закон мог предохранить все заблуждения разума, все устраниения с пути честности.

а) О чем можно делать завещания? б) Кто может оные делать? в) Кто может иметь по завещанию? г) Как должно делать завещания? д) Какое должно быть оных исполнение? е) Какое их действие? ж) Какое их может быть истолкование? з) Кто может быть их исполнитель? и) Как их можно уничтожить? і) Как их можно подкрепить? Все сии вопросы должны решенные находить в законе.

Если дозволено будет делать завещания, то предмет их может быть все то, на что завещатель имеет право собственности. Российские законоположения в предметах завещаний делают различие, основанное на различии имени, которое закон между ими постановляет.

О имении благоприобретенном завещать можно по своему произволению и делать с ним все, что хозяин оного заблагорассудит. О имении же родовом можно завещать только в пользу тех, которые о ного с завещателем рода; и хотя имение родовое может всяк продать и заложить; но подарить его не можно так как имение благоприобретенное. Наше намерение есть показать несущность сего в законе разного о именах понятия, и что различие таковое более производит в гражданских постановлениях затруднений, нежели пользы частной или общественной.

Одно название имени благоприобретенного и родового есть довольное изъяснение оных существенности. Одно назитое тем, кто имени имеет собственность, другое наследное. Какая в том польза в политическом смысле, или какая польза гражданская, что закон сии два рода имений различает в их прехождениях; и может ли закон сохранить им тот характер или вид которой он им дал своим постановлением.

Когда еще в России существовали учреждения поместные, когда земли давались гражданам для того, чтобы они отправляли за владение ими воинскую службу; тогда сохранение родовых имений имело достаточную причину. Я не войду в розыскание различия бывшего между поместья и вотчины; но оно сюда не принадлежит. Когда узаконено было в России право первоурожения, тогда соблюдение имения в одном роде имело причину политическую, и все распоряжения о имениях должны были ей быть подчиненны. Но ныне, когда нет поместей, когда различие между вотчины и поместья

уничтожено, когда службы военной не отправляют по мере имения, когда право первородства уничтожено, то какая может быть причина политическая, чтобы требовала существования сего в имениях различия и чтобы имения сохранялись всегда в одном роде.

Если кто скажет, что соблюдение имений в одном роде нужно для поддержания родов дворянских, тот конечно не знает табели о рангах, и сколько легко возникнуть может дворянской род, не знает, что всяк имеет право продавать имение родовое. Если закон дает над именем вышшей из всех прав отчуждения оною продажу, то ограничения в других постановлениях о имени будут только мнимые, производят частое закону осмеяние, действие закона сделают тщетным и наведут только напрасной труд желающему располагать своим имением.

Я прошу решить следующие случаи и вопросы, до имений сих касающиеся: А получил имение наследственное, например, 1000 десятин земли в Орловской губернии. Он, не имея детей, желает их укрепить человеку близкому его сердцу — своей супруге. Закон то запрещает. Он землю продает за 30 000 р., на те же деньги купил в Смоленской губернии 2000 десятин земли. Какое имение его — родовое или приобретенное? Может ли он его подарить супруге своей или нет? Может конечно. Закон имению не преследует и не может дале преследовать, как до совершенного отчуждения, до продажи. Продажу земля преобразовалась в деньги, а деньги по существу своему могут отчуждены быть без явки, без всякого того обряда, которой нужен для удовлетворения об отчуждении.

Следовательно, деньги, полученные за продажу, не суть родовые и еще меньше купленное на них имение. Где же различие между имения родового и благоприобретенного? Давать способ делать действия законов тщетными есть поощрение к осмеянию законов — действие всегда опасное, если законы сами в себе имеют корень их тщетности и причину их ненаблюдений. Лучше закон уничтожить вовсе, нежели дать один раз случай утщетить действие его явным образом.

Тот закон о завещаниях будет хорош, которой не будет стеснять делаемые в оных завещателем постановления; тот, которой завещания оградит от подлогов и предупредит будущие о них споры, по возможности удовлетворит всем чувствам природы, соблюдет справедливость и не будет в противность основаниям общества и добрым нравам.

а) Итак о всем том, что есть наша собственность, о том можно делать завещание; (или лучше дадим сему распоряжению закона смысл пространнейший) — о всем том, о чем можем изъявить нашу волю, о том можем делать завещание.

Завещать можно: 1-е кто будет наследник всего завещаемого имения или 2-е кто будет наследник части в соразмерности всего завещаемого (pars quota), 3-е или кто получит из имения назначенную часть или что либо иманно.

б) Тот, кто способность имеет сделать распоряжение о имени своем в живых, тот может завещание сделать о имени своем на случай смерти. Закон означит все случаи, от чего такая неспособность произойти может, относительно несовершеннолетних, безумных, состоящих под опекою, расточителей, или живших в незаконном супружестве или осужденных к наказанию.

в) Тот, кто способен в законе приобретать имение, тому может оно достаться и по завещанию.

В сей статье забыто не будет, могут ли целые общества, а паче духовные наследовать по завещанию.

г) Если закон дозволит делать завещания, то нужно в оном определить, как должно оны: делать: 1) в отношении лиц, 2) в отношении имения, 3) в отношении формы.

В отношении лиц и имения закон постановит, о чем завещать может: а) тот, кто имеет детей, б) тот, кто их не имеет, в) тот, кто имеет супругу брачную или г) жену безгласного супружества или д) сожительницу, е) и в каких случаях можно завещать о всем имении или о части оногo.

Ограничить в завещании свободу беспредельную требует нравственность. Завещания делают обыкновенно или при истечении жизни, в лета старости, в лета слабого рассудка, или в те минуты, когда завещатель видит пред собою разверстую уже дверь гроба. Сколь легко уловить его чувствования! Сколь легко ухищрение может воспользоваться расположением души изнемогающего, и приняв немалое время личину благонравия, лишит дозрительного его достоинства и потом восторжествует нагло. Таковые рассуждения побуждают мыслить, что ограничение в завещаниях нужно и необходимо. Но правила о завещаемом в отношении лиц будут различны. Например: когда завещатель, прожив целой век свой с женою брака благословенного или в супружестве безгласном, но при конце хотя благословенном, имея детей, захочет отдать все имение свое супруге, не должно того возбранять по той причине, что прожив в семейственном обществе всю жизнь свою и пользуясь имением общим, приобретения их были общие и завещание его будет только следствие благих чувствований целой жизни и признательность к той, которая жизнь его делала щастливою. Сверх того положимся на чувствования матери и доверим ей (когда отец то доверяет), что она сохранит имение для детей своих. В уважение в сем случае закон может принять пользу настоящую только тех детей, которые достигли уже тех лет, в которые можно не требовать согласия родителей своих для вступления в супружество, которые уже в супружество вступили и имеют детей, для них закон определит изъятие. И так закон постановит, что муж, живший с женою многие годы имея детей, может все имение отдать жене своей; но по смерть ее. Если же случатся при смерти его дети старше 25-ти лет, или поступившие в супружество и совершенных лет, тогда они получают каждой свою часть.

Что касается до самого ограничения в завещаниях или до какой степени можно дать в законе об оных дозволение, то, кажется, мы в том не ошибемся, если дозволение завещать ограничено будет на пятую или четвертую долю всего имения завещателя. Если у него нет детей, нет родителей, нет супруги, то никому вреда не будет, если он иметь будет волю завещать о всем своем имении. Когда же остаются у него дети, то можно ли что бы закон сообщник был в жестокосердии отца и дозволил бы ему лишать детей своих наследия. Закон, запрещающий завещать о всем имении, не есть стеснение воли отца чадолюбивого, и я на всех тех ссылаюсь отцов, которые имеют сердце любящее. Следовательно преграда в законе будет тому только, которой в детях своих видит или раб в своей власти или льстецов, алкающих имения.

Мы сказали, что можно дозволить завещать о части четвертой, пятой или шестой, но соразмерение сие может быть только тогда, когда у кого остается один наследник, но если их случится двое, трое или больше, то гораздо благоразумнее будет назначить, что завещать можно только о половине того, что достается на часть одного. В такомъ расположении больше будет соразмерности и постепенность выйдет следующая:

Положим, что имение завещателя состоит в 100 000 рублей. При двух детях он завещает только о пятой доле, то есть о 20 000 рублях, при трех детях он завещает о седьмой доле, то есть о 14 285 рублях 71 с пол. ко. При четырех он завещает о 11 111 рублях 11,1 ко. При пятерых он завещает только о 9090 рублях 41 ко. и так далее.

Говорят, что если сын надежен будет в своем наследии, то не будет уважать своих родителей. Мы на это скажем и сошлемся на всех тех, которые видели возрастающих своих детей, не родители ли виною, если дети их мало их уважают, если они к ним не имеют почтения. Совершенно они, и они всегда тому виною, исключая некоторые только случая. Но если бы родители столь были не осторожны или несчастливы, что дети потеряют к ним почтение и уважение, то пускай закон оставит им слабое утешение в их несчастии, оставит им власть лишать их наследства, означая ясно причины, для которых может быть такое лишение, дабы не дать воли пустому сумасбродству поступать самовластно. Но чтобы лишить наследства должны существовать важные причины. (а)

д) Причина, для чего закон определяет быть завещаниям по известной форме, довольно ощутительна. Не только уважения достойно последнее деяние гражданина, но и то случается часто, что никто не поможет удостоверить, чьей рукой завещание подписано. Не должно ли завещания ограждать от обманов и подлогов, ибо известно довольно, сколько легко можно завещание подделать. И так в законе определено будет: а) как завещание писать, б) на какой бумаге, в) может ли быть словесное завещание законно и в каких случаях, г) должны ли быть свидетели при завещании, д) кто может быть свидетелем, е) надлежит ли завещание явить в присутственном месте и именно в каком, ж) в какой срок завещания объявлять после смерти завещателя, з) не нужно ли назначить время, за сколько пред смертию завещание писать должно, ибо то известно, что часто последние дни умирающего человека бывает беспометство, и) особые распоряжения конечно нужны на те случаи, когда завещатель есть военнослужащий. Он может быть 1-е ранен в сражении, 2-е попасться в плен, 3-е заключен в крепость в темницу, 4-е может находиться в осаде, 5-е или на корабле и прочая. И так форма и обряды завещаний означены будут в законе подробно.

е) Закон, предупреждая распри, возникнуть могущие из гражданских завещаний, определит оных действие, как в отношении вступлений в наследство по завещанию, так и в отношении самого завещанного.

(а) О причинах лишать наследства будет говорено в статье о власти родителей. < Последняя фраза и примечание приписаны рукою А. Н. Радищева. — И. Т. >

В отношении условий или намерений и цели при завещании постановленных.

ж) Закон определяет так же, как должно излагать неясности, в завещаниях случающиеся.

з) Что должны делать исполнители завещаний или душеприкащики.

и) Завещание не есть договор; оно состоит в изъявлении соизволения с одной только стороны, восприятие которого должно быть по смерти завещателя; следовательно завещание не может иметь силу закона, как по смерти завещателя. Из сего следует непрекословно, что завещатель доколе жив, то в праве сделанное им завещание отменить и уничтожить, и закон должен ему открыть все возможные к тому пути. Например: если завещатель написанное и утвержденное в присутственном месте завещание возмет к себе, то оно потеряет свою силу. Если он сделает новое завещание, то первое станет ничтожно.

Да и сам закон, угадывая, так сказать, волю завещателя, уничтожает иногда его постановление, хотя бы он о том и не изъяснился. Например: если тот, в пользу кого завещание сделано, причинит завещателю смерть, хотя неумышленно, но от явного небрежения. Если завещатель во время завещания своего не имеет детей, а потом родятся у него дети, и он завещания своего не отменит, то закон предполагает (если завещатель завещания не подтвердит), что намерение его было завещание уничтожить, но что он в том чем либо был воспрепятствован. Но могут быть следующие случаи:

Можно препятствовать в сделании завещания или в законном оного утверждении. Можно утаить завещание. Можно оное вынудить в свою пользу обманом или силою; во всех сих случаях уже ли употребивший ухищрение, обман или насилие должен воспользоваться именем?

Завещание получает обязывающую силу для того, в пользу кого оно сделано только тогда, когда сей завещание признает и объявит желание исполнить оного постановления. Объявив сие один раз, он уже невластен от того отступить, должен исполнить завещание; но против воли и доколе тот, в пользу кого завещание сделано, не объявит, что он хочет быть наследник, то завещание обязанности не налагает.

Вопрос иногда между законоучителями бывал: можно ли сделать взаимное завещание? Но взаимное завещание есть договор, следовательно может произвести обязанность; следует, можно договариваться о наследстве, ко если завещатели каждой особо сделает завещание, хотя со взаимною пользою, тогда только есть простое завещание и должно о нем судить по правилам о завещаниях; о договорах же, постановленных на случай смерти, должно судить по правилам договоров, ибо такового договора не можно уничтожить так, как завещания, односторонним отрешением; но нужно для такого уничтожения соизволение взаимное. Таковые случаи или договоры о наследстве в Российском законоучении неизвестны.

Г. ГУКОВСКИЙ

РАДИЩЕВ КАК ПИСАТЕЛЬ

Г. ГУКОВСКИЙ
РАДИЩЕВ КАК ПИСАТЕЛЬ

1

Александр Николаевич Радищев привлекает наше внимание не только как великий революционный мыслитель, но как один из самых замечательных мастеров слова, один из наиболее выдающихся художников-писателей русской литературы. И в этом отношении Радищев был недооценен критикой и историей словесности как во времена Пушкина, заявившего, что „Путешествие из Петербурга в Москву“ — весьма посредственная книга, нашедшего в нем примесь „лошлого пустословия“ и т. д., так и во времена „либерального“ Незеленова, находившего, что в „Путешествии из Петербурга в Москву“ „есть изумительные противоречия, чрезвычайные странности“. Между тем, именно та пропагандистская сила произведений Радищева, та подлинно-революционная „тенденциозность“ их, та разрушительная и в то же время организующая мощь их политической мысли, смыкающей буржуазную прогрессивность с призывом к крестьянскому восстанию — все то, что отпугивало и Пушкина и Незеленова, все это заставляет нас теперь с особым интересом присмотреться к Радищеву, включить его произведения в число важнейших для нас памятников настоящей классической литературы, учиться у Радищева-бойца и у Радищева-писателя. Изучать Радищева-художника — это значит изучать Радищева-революционера.

В настоящей статье сделана попытка сосредоточить внимание читателя именно на вопросе о художественном методе Радищева.

Литературная деятельность Радищева протекала в последние десятилетия XVIII в., главным образом в 80-е и 90-е годы, в эпоху, непосредственно предшествовавшую французской буржуазной революции, и в то время, когда эта революция совершалась. Для русской литературы эта была эпоха тяжелых потрясений.

Вплоть до конца 1770-х годов в течение двадцати с лишним лет гегемония в русской литературе (если иметь в виду книжную литературу, а не устный фольклор) принадлежала дворянской интеллигенции, в частности поместной аристократии, крепкой и земельными владениями, и родовыми традициями, и культурой, приобретенной поколениями. Этот слой российских помещиков стремился оказывать влияние на идеологию всего среднепоместного „столбового“ дворянства. Сильным оружием в его руках при этом была именно литература. И в литературной пропаганде своих идей, и в политической борьбе передовые представители поместной аристократии стремились не только к окончательному завершению побед своего класса, добытых в течение второй трети XVIII столетия, но и к захвату первенствующего положения внутри дворянства в свои руки, но и к преодолению сопротивления других слоев дворянства, поддерживавших „деспотию“ и бюрократию. Они хотели не только поднять культуру, мораль и политическое самосознание своего класса, но и заявить о своих правах на открытое участие в управлении страной. Ощущая себя феодалами, свободными от подчинения ими же поставленной центральной власти, полновластными господами в своих поместьях, они выступали против посягательств бюрократического аппарата Российской монархии и оказывались фрондерами по отношению к ней. Оправдывая свои собственные права на власть идеей иерархии сословных ценностей, которой должен подчиняться каждый отдельный человек, они объявляли незаконной всякую деспотию, единоличную волю в качестве принципа управления. Они готовы были, подчиняясь необходимости укрепления среднего крепостнического хозяйства и рынка сбыта, подчинить свою власть над крестьянами нормам закона, — впрочем, ими же установленного, — но требовали подчинения центральной власти контролю закона, опять же установленного ими, хозяевами страны, или даже непосредственному контролю представителей российской аристократии. И в своем политическом мировоззрении, и в своей художественной практике — это были анти-индивидуалисты, апологеты власти отвлеченных схем, рационалисты, игнорировавшие идею личности ради идеи сословных прав и привилегий. Они не миновали влияния французских мыслителей XVIII в. — „просветителей“, но их свободолюбие распространялось лишь на

PETER THE GREAT.

From his statue by Stephen Falson at St. Petersburg

Published by the Art Association, 1841.

Памятник Петру I.

С рис. Патерсеа

родовое дворянство и не выходило за рамки крепостничества. Они увлекались Монтескье с его теориями аристократической монархии и видели идеал государственного устройства не только в Англии с ее палатой лордов, но и в Швеции эпохи подчинения монархии аристократической олигархии.

Создателем школы независимых аристократов в русской литературе был Сумароков. Политическим вождем ее был Никита Панин.

В течение первых годов своего царствования Екатерина II заигрывала с партией Панина и, казалось, она станет на путь, указываемый ей этой партией. Потом наступил перелом. Монархия, укрепив свою базу в лице новых жалованных земельных магнатов, опершись на „низы“ дворянства, вступила в борьбу с дворянской фрондой. Эта борьба длилась почти двадцать лет и окончилась полным разгромом фронды.

Отвлеченность, схематизм, видимая отрешенность от практики — основы словесного искусства, созданного Сумароковым. Он выступил в литературе как антагонист Ломоносова, поэта придворного, исполнявшего заказ монархии, дельцов, окружавших трон, и не отвечавшего требованиям дворянского самосознания помещика, который не желал более быть рабом. Пышность стиля Ломоносова, напряженность его пафоса, виртуозная фантастика его образов, повышенность его славянизированного языка — все это внешнее великолепие придворного одеяния, дворцового празднества, прославляющего азиатскую роскошь, мощь, богатство российского деспота, казались Сумарокову мишурой. Он хотел не славословить, а рассуждать, не поклоняться, а требовать своих прав, учить культуре и морали своих собратьев по классу. Он пишет просто, даже сухо. Он избегает смелой неожиданной образности. Он стремится к логичности стиля и изложения. Но он не хочет иметь дело с реальной жизнью, протекающей в потоке единичных фактов, жизнью, тяжелым ярмом лежащей на плечи его „подданного“. Конечно, он борется со своими врагами, он колет их сатирой, он добивается их уничтожения (враги — это чиновники, придворные выскочки, купцы-капиталисты), но он всегда говорит прикровенно, даже намекая на отдельных лиц. Его ученики углубили его позицию. Для них, как и для самого Сумарокова, подлинным

словесным искусством является поэзия, стихотворство; проза, более близкая к практическому языку разговора, в их глазах „ниже“ поэзии. Идеал поэтического языка — гладкий, легкий, вкрадчивый стиль. Все сглажено, причесано. Слова — „средние“, условно отобранные слова поэтического пуристского языка, — укладываются привычным путем в обязательные схемы логически стройной, простой и ясной фразы, и в привычные ямбы, скованные прочно установленными традицией ритмическими и интонационными навыками и формулами. Тема — будь то моральное рассуждение, поучающее дворянина разумно строить свою помещичью жизнь, или лирическое стихотворение религиозного характера, или любовная элегия — дается в плоскости анализа идей и чувств вообще. Даже такие произведения, как трагедии, последовательно борющиеся с произволом деспотии, не уважавшей ни „добродетели“, ни „породы“, ни „закона“, скрывают свои смелые оппозиционные выпады под холодной маской классических „правил“, рационализированной психологии и бесстрастного изображения столкновения общеобязательных идей и общераспространенных страстей вне времени и пространства. Теория искусства требовала от каждого произведения точного соответствия канонам и образцам классицизма, подчинения правилам данного жанра, подчинения тому, что было признано наилучшим для всех времен и народов. Один и тот же закон подчинения наиндивидуальной схеме должного призван был сковать и социальное бунтарство „низов“ и разноголосицу личных вкусов в искусстве. Абсолютное повиновение феодальному ярму, уничтожавшему права личности, не только требовало уничтожения личной воли монарха как принципа власти, не только требовало обоснования прав помещика как прав культуры и морали, а не прав личности, но и требовало в то же время полного подчинения писательской субъективности, писательской психики, вообще обязательному ярму канона и традиции. Писатель мыслился не как создатель и причина своего произведения, а как мастер, сработавший его по данному образцу. Литература стала сложной наукой; писателей учили стихотворству как математике. Литература приобрела кастовый характер. Она была отделена от практики жизни в качестве служения морали и искусству, сферы действия и объекты виде-

ния которых реальнее в своей рациональной отвлеченности, чем индивидуальные факты эмпирической действительности. Конечно, именно своей отделенностью от практики эта литература и служила определенной социальной практике; нежелание считаться с эмпирией было на самом деле выражением определенного отношения к ней: во-первых, нежелания видеть эмпирические факты крепостничества такими, какими они были; во-вторых, недовольства, своим собственным положением.

Главой школы, завершившей эволюцию поэзии, начатой Сумароковым, был Херасков.

К началу 70-х годов эта школа в основном закончила свою эволюцию и остановилась. Именно в это время в литературе появился Радищев. Но время это вовсе не было периодом успокоения и благополучия для дворянской литературы. Группа фрондеров-крепостников, создававшая ее передовой отряд, вступала во все более открытый конфликт с властью. Рухнула комиссия об уложении 1767 г. Екатерина разочаровалась в попытках договориться с непокорными подданными — дворянскими лидерами. В 1769 г. она попыталась уже не сотрудничать с ними, а выступить против них на журнальном поприще, упрекая их недовольством, настаивая на „примирении с действительностью“. Нажим со стороны власти активизировал дворянскую литературную фронду. На ряду с отвлеченной „возвышенной“ поэзией, тоже, впрочем, бывшей по врагу, но только в самых общих выражениях, поднимает голову „презренная проза“, злободневный журнальчик. Литература независимых дворян перестраивается. Она заводит арсенал открытого оружия.

Между тем, правительство находит своих писателей; это — Василий Петров, продолжавший традицию Ломоносова, поэт придворной знати, людей денег и дела, людей чина, а не породы, покорных рабов монархии и хозяев государственного аппарата. Это — с другой стороны, рептильные щелкоперы, писатели и писаки для дворянских „низов“, чиновников и мелкой шляхты, от шинельного поэта Рубана до эротического компилятора Громова или бурлескника Осипова.

Бой между обоими лагерями дворянства разгорается с особой силой в начале 70-х годов. Крепостническое государство вообще переживает трудные дни. Идет тяжелая и разорительная война. Чума проникла в Москву, и вот —

преддверие Пугачевщины — чумный бунт в „первопрестольной“ едва не вылился в подлинное восстание. Фрондеры требуют власти для себя, уступок со стороны „деспотии“. В это же время деспотия переходит от „уещаний“ к действиям. Один из вождей фронды, Петр Панин, только что взявший у турок Бендеры, принужден выйти в отставку, оказывается в опале, под полицейским надзором. Вокруг него в Москве — штаб фронды. Тогда же и тоже в Москве Сумароков вступает в конфликт с главнокомандующим, ставленником власти, и терпит поражение. Екатерина открыто предает осмеянию родоначальника литературной школы независимых дворян. Вслед за этим она выступает со своими комедиями. В первой же из них („О время“¹) она дает памфлет на московских „болтунов“, недовольных, сплетников, дворян, держащихся старины (впоследствии ретроспективизм и традиционализм своей идеологии полемически подчеркнет Фонвизин и объявит своим знаменем имя: Стародум).

Наконец, разразилась Пугачевщина. Отвечая движению консолидации сил всех слоев помещичьего класса, Екатерина согласилась уступить: Петр Панин был сделан диктатором в местах „бунта“; но гражданская война уже кончалась. Роль Панина была более „дипломатическая“, чем военная или даже административная.

Панина назначал уже новый фаворит императрицы Потемкин.

Он-то и повернул круто курс политики монархии. Завладев правительственной властью целиком, он принялся за расправу с фрондой более решительно, чем это могла делать Екатерина. Она была связана с партией независимых уже хотя бы тем, что они значительно способствовали возведению ее на престол; тем, что они захватили ряд командных высот в первые годы ее царствования. Для Потемкина, для тех групп дворянства, от лица которых он действовал, независимые были просто врагами, хотя бы и внутриклассовыми.

Вождь партии, Никита Панин, потерял влияние даже во внешней политике. Петр Панин был возвращен в ничтожество. „Великий человек“ партии, Румянцов, медленно, но верно

¹ Аналогичное толкование комедии „О время“ было предложено Я. Л. Барсковым. „Материалы к изучению путешествия из Петербурга в Москву А. Н. Радищева.“ 1955, стр. 111 и след.

был отодвинут от руководства военным делом, отодвинут в тень. Потемкин и Екатерина все более укрепляли полицейски-бюрократическую цепь, сковывавшую всякие попытки даже помещичьего либерализма, даже помещичьей общественной инициативы.

Сумароковцы обрушиваются на правительство с рядом трагедий, в которых клеймят тиранию и превозносят свободолобие и общественность на помещичий манер, но вполне по правилам классицизма и в самом отвлеченном виде, что не мешало цензуре беспокоиться и чинить препятствия драматургам.

Фронта помещичьей аристократии, уже в то время сливавшейся с среднепоместным слоем дворянства, поставила ее идеологов и, в частности, ее писателей в положение борцов за свободу, угнетенных произволом деспотии, защитников идей законности и ограничения власти — не демократией, конечно, но все же хотя бы аристократической общественностью, наконец, пропагандистов культурных ценностей, чуждых их внутриклассовым противникам.

С другой стороны, основой всей этой борьбы был спор о методе дележа добычи, полученной от эксплуатации крепостного. Именно теперь после первой Турецкой войны, после захвата новых земель, начался ажиотаж товаризации крепостного хозяйства. Подоплекой противоречий между различными группами дворянства оказывалась конкуренция; мелкий шляхтич надеялся выбраться из обнищания только при поддержке аппарата монархии. Барщинное хозяйство боролось против оброка. В то же время подымался и наиболее страшный враг — крестьянин.

Именно в этот острый момент активизации дворянской фронды в связи с надвигающимся решительным боем, накануне восстания Пугачева, в литературе выступил Радищев. Он напечатал очерк о крепостном праве в журнале Новикова „Живописец“.¹ Новиков был как-раз тем писателем, который свел борьбу независимых помещиков с бюрократической властью и поддерживавшими ее слоями с высот шестистопного ямба и „языка богов“ в сферу каждодневной практической

¹ Вопрос о принадлежности Радищеву „Путешествия в ***. И*** Т*** я считаю разрешенным.

журнальной борьбы. Как и другие идеологи его партии, он стремился тогда к внесению начал культуры и законности в крепостнические отношения; эти начала должны были оправдать и укрепить крепостной строй. И вот, в борьбе против грубого рабства и деспотии Новиков нашел союзника в лице молодого Радищева. Пока дело шло об искоренении общих врагов, разница исходных позиций не ощущалась так сильно; по крайней мере, Новиков не только напечатал статью Радищева, но и защищал ее печатно, когда она возбудила опасные для журнала нарекания „наверху“. Он еще не боялся того, что весь пафос очерка Радищева был, в сущности, значительно радикальнее, чем сатира „Трутня“ и „Живописца“. Может быть, не видя еще опасности с этой стороны, Новиков и не заметил революционной сущности Радищевского очерка, обставленного оговорками и умолчаниями для цензуры. Да и Радищев был еще молод и нетверд в своих позициях. Во всяком случае люди „наверху“ были более прозорливы, чем Новиков. Союз между крепостником-фрондером и человеком, задавшимся целью во что бы то ни стало пропагандировать передовые идеи Западной Европы, не удался. Через год началось восстание Пугачева, сразу же обнаружившее пропасть, отделявшую всякого, кто хоть сколько-нибудь сочувствовал ему, от людей партии Сумарокова — Панина. Радищев впоследствии открыто оправдал Пугачевщину. Сумароков написал два стихотворения, наполненные беспримерной злобой и свирепостью по отношению к Пугачеву и повстанцам. Петр Панин свирепо расправился с повстанцами. Между тем собственного идеологического опыта у русских фрондирующих дворян XVIII века было недостаточно; идейные мотивировки пришлось брать извне.

В поисках идеологического и эстетического оружия дворянин-фрондер обратился на Запад. Там он нашел также борьбу. Чувствуя себя угнетенным борцом, он схватился за оружие передового тогда класса Запада — буржуазии. Аристократы-помещики России стали перенимать навыки искусства западных буржуа. Так и случилось, что формы прогрессивного литературного течения Запада стали проникать в Россию через искусство, реакционное в социальном смысле. Начался русский дворянский сентиментализм. Конечно, он приобрел характер, принципиально противоречащий основным

устремлениям западного сентиментализма. Дело началось преимущественно с немецких писателей, связанных с наиболее отсталой буржуазией и наиболее умеренным демократизмом в Западной Европе. Гесснер, швейцарский идиллик, попал в поле зрения группы Хераскова. Его стали переводить в изданиях этой группы.

Сам Херасков одновременно с классическими трагедиями стал писать сентиментальные драмы. В них не было и тени социальной борьбы. Конфликты были перенесены в плоскость моральную. Демократизм вылился в формы проповеди классического мира, разумей — мира в деревне, единства интересов отца-помещика и покорных чад-крепостных и, в лучшем случае, проповеди человеческого обращения с крепостными, вообще культуры, укрепляющей на новой базе крепостничество.

К началу 80-х годов поражение партии фрондеров стало явным. Последние попытки борьбы в литературе не привели ни к чему. Фонвизин был уничтожен „ответами“ Екатерины на его „вопросы“ и ее прямыми выпадами против него. „Недоросль“, его последнее открытое большое выступление, дает характерное соединение элементов буржуазной драмы с классической комедией, причем сентиментальные мотивы внутренне перестроены на пользу активизированной критики современного положения с точки зрения дворянской фронды. Журнал, предположенный Фонвизиним, был запрещен.

Фрондеры уходят в розенкрейцерство, пытаются, с одной стороны, оформить свое мировоззрение, как враждебное революционной идеологии передовой буржуазии (что не мешает им пользоваться формами борьбы буржуазии), с другой стороны, вести политическую борьбу методами тайного общества. Приближается время разгрома масонства. Правительство преследует розенкрейцеров, зажимает их пропагандистско-издательскую деятельность, их общественные начинания. Крушение подпольщины фрондеров приводит многих из них к полному пессимизму, отказу от борьбы, к последнему этапу дворянского сентиментализма, к Карамзину.

С другой стороны, угроза французской революции заставляет сложить оружие перед внутриклассовым врагом. Происходит примирение укрощенных фрондеров с властью. Наступает пора умиления действительностью на основе разочарования в возможности исправить ее.

Между тем, на другом полюсе русской литературы медленно вырастал иной сентиментализм, не пассивный, не умиротворенный по отношению к крепостничеству, не воспевающий природу из окон барского дома, не стремящийся к салонному изяществу, не занимающийся вопросами морали в первую очередь, не создающий „средний“, гладкий, отвлеченно музыкальный стиль, не идеализирующий быт, — словом, не дворянский сентиментализм. Эстетика феодальной иерархии, эстетика высокого искусства и рафинированной культуры, салонной отделки стиля и рефлексированной эмоциональности уступает здесь место эстетике практики жизни и открытого разглядывания ее противоречий.

Творчество дворянской интеллигенции, аристократической и среднепоместной, было ведущим, но вовсе не единственным звеном литературной жизни XVIII в.

„Выше“ его по социальной лестнице располагалась придворная, совершенно официальная и даже репительная литература.

В самом „низу“ общества жило и развивалось искусство крепостных масс, фольклор, лубок, вирши. По середине лежала область, наименее изученная и весьма значительная в отношении количества и исторической выразительности.

В деревнях сидели во множестве мелкие помещики и обладатели ста душ крестьян и меньше. В города они же посылали армейских офицеров, гвардейских солдат, чиновников. Пониже располагался второй разряд „мелких“ людей — подьячие, чиновники, недворяне. Затем шли купцы и мещане, богатые, средние, бедные, пытавшиеся налаживать промышленность, торговавшие с лотков или занимавшиеся ремеслом. Затем была украинская шляхта, не то дворяне, не то просто вольные люди; затем — духовенство, не столичная церковная бюрократия, а сельские священники. Со всем этим „средним людом“ был связан всей своей жизненной позицией Крылов. В пределах всех этих группировок намечались свои основные пути развития, в частности, в применении к литературе. В основном их идеологическая и художественная жизнь текла тремя руслами в соответствии с тремя классовыми путями их: крепостническим, буржуазным и мелкобуржуазным.

С одной стороны, это было рабское, вернее холопское или лакейское присосеживание к культуре, создавшейся на верхах дворянства, даже в придворной среде. Правительство

СОБРАНІЕ
ОСТАВШИХСЯ СОЧИНЕНІЙ
ПОКОЙНАГО
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧА
РАДИЩЕВА.

~~~~~  
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.  
~~~~~

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.
Изданіемъ Издателей.

~~~~~
1806.

Екатерины двинуло против „столбовых“ непокорных помещиков не только мощь искусственно созданных латифундий, но и бюрократическую организацию, втянувшую в орбиту своего влияния дворянские „низы“. В реформированные города из деревни потянулись степные помещики. Коронное ли назначение, или дворянские „выборы“ — все это было одно и то же. Помещик становился чиновником. Он (как и подьячий) принимал участие в дележе крепостнической добычи не только прямо от земли, но и через аппарат монархии. В то же время происходило постоянное выдвижение из рядов этих мелких рабов монархии в высший вельможный круг придворных аферистов.

Холопы деспотии и полицейские крепостничества, подьячие, титулярные советники, исправники или прапорщики армейских полков, также имели свою культуру и свою литературу. Тут были и похабные книжки Громова, и полезный на все случаи жизни свод художественной и филологической образованности — Письмовник Курганова, и многочисленные сборники анекдотов, исторических и неисторических, и кое-какие приключенческие романы, и книжки Матвея Комарова, лакея этих лакеев.

Их культура была примитивна и практична. Они не знали никаких правил и не интересовались сложными проблемами стиля. Они хотели от книги прежде всего пользы, — например, она должна была научить их прилично вести себя в обществе, — или увлекательности, грубой одурманивающей увлекательности, или простейшего фарсового комизма, — словом, всего того, чего чуралась отвлеченная эстетика Хераскова или Карамзина. Они стремились подражать высшим слоям дворянства, но примитивизировали их культуру. Они стремились не к социальным реформам, а к личному преуспеянию в пределах данной системы, и поэтому — реакционеры и монархисты в основах своего бытия — они строили свою культуру не без отпечатка индивидуализма, идеи конкуренции, пафоса сильного человека, борца за свой грубый успех в жизни.

Из среды мелко-шляхетской литературы вышел поэт, решительно изменивший облик современного ему искусства — Державин. Он „сделал карьеру“, „выбился в люди“, хотя навсегда остался белой вороной среди вельможных авантюристов. Как поэт, он стал средоточием всей литературы.

Индивидуалистическое искусство Державина, опирающееся на эмпиризм и грубую волю к овладению жизнью, утилитаризм, прямолинейность, истолкование поэзии как личного дела в то же время допускали выход Державина за пределы узкого кружка литературных интеллигентов. Он бросал свои оды в массу безыменных читателей как воззвания и как газетные сообщения и как бюллетени о себе самом. Он создал основы романтического понимания отношений поэта-вождя и толпы, он разрушил классицизм, заменив принцип общечеловечески прекрасного как критерия ценности в искусстве принципом адекватности отображения индивидуальности человека-творца, принципом выразительности и характерности. Он был другом придворного поэта Львова и карамзиниста Дмитриева. Он печатался в качестве одного из активнейших сотрудников в журнале Карамзина и был одним из основателей „Беседы“. Он проклинал французскую революцию, и его воскрешали декабристы-поэты. Он, необразованный человек, плохо разбиравшийся даже в своем собственном творчестве, был учителем всех современных ему писателей.

Учился у Державина и Радищев. Индивидуализм, преромантизм и агитационная целеустремленность Державина, его роль поэта-вождя, говорящего с гражданами помимо власти, перешли к Радищеву. Элементы антифеодалного мышления Державина, помещика-солдата, чиновника-дельца и реакционера, приобрели новое освещение в творчестве революционера-Радищева. Однако Радищев послал Державину экземпляр своего „Путешествия“. Радищев — или его ученик — прославляет Державина в числе трех борцов за вольность, рядом с буржуазно-революционными Рейналем и Франклином (ода „Древность“), — и это весьма примечательно. Для Радищева и его круга Державин был провозвестником свободы личности человека и поэта.

Второй путь, по которому шла культура „средних“ людей, это — путь купеческого капитала, присосавшегося к крепостничеству и стремящегося воспользоваться плодами крепостной эксплуатации. В политике литература купцов реакционна, истово монархична. В социальных отношениях она борется с монопольными привилегиями дворянства, проповедует умственную и моральную культуру буржуа. Она националистична, не уважает классицизма, готова воспользоваться мето-

дами западного сентиментализма не так, как Карамзин, но со всем пониманием его социальной функции и все же без радикальной политической постановки вопросов. Таким буржуазным писателем был Плавильщиков. Примечательно, что он сотрудничал с дворяноненавистником Крыловым. Крылов примыкал к этому лагерю, в то же время склоняясь к более левому крылу буржуазной, вернее мелкобуржуазной литературы. Завершителем пути этого левого крыла, пути во всех отношениях прогрессивного, и был Радищев. Это был путь „разночинцев“ XVIII в., небольшой группы интеллигентов, отчасти из дворян, захваченных умственным движением передового Запада, отчасти из мелких людишек, из поповичей, мелкой шляхты и т. п. группы, откликавшейся на веяния, шедшие от революционной тогда французской буржуазии, и оказавшейся на другом полюсе русской общественной мысли по сравнению с интеллигенцией аристократической фронды.

В некоторой своей части „разночинцы“ XVIII столетия непосредственно соприкасались с крестьянством (напр., сельское духовенство, однодворцы побогаче, украинская шляхта) и могли находиться под известным воздействием идеологии крестьянства, играть роль как бы интеллигенции, представляющей крестьянские точки зрения в „верхах“ культуры, а иногда и просто образовать крестьянскую интеллигенцию. Так и было во время Пугачевщины, когда в движении крестьянства приняли на себя активную роль такие „разночинцы“: и сельские попы, и шляхтичи, и другие, подобные им, пользующиеся плодами эксплуатации в малой степени и сами бесправные перед лицом „сильных“.

Другое крыло радикального лагеря интеллигенции рекрутировалось из дворянской молодежи, из купечества — из людей, личная судьба которых привела их к убеждениям, зависшим от практики и идеологии как западной мелкой буржуазии, так и русской крестьянской революционной стихии. К этой группе принадлежал Радищев.

Первые выступления идеологов русского революционного „третьего сословия“ в литературе относятся еще к 60-м годам. Правда, эти выступления были еще не очень четки, отчасти под давлением цензуры всех видов. Однако же радикально-разночинская идеология была представлена даже в комиссии 1767 г. Она была представлена и в ответах

на вопрос о правах крестьян, предложенный Вольно-экономическим обществом. Еще ранее, в 1768 г., вышли в свет „Философические предложения“ Я. Козельского, книга, в которой было изложено, правда, достаточно осторожно, философское и в частности этическое учение французских материалистов и сделана была попытка подойти к разрешению социальных проблем в духе идей демократизма, буржуазных свобод и сословного равенства.

В 1769 г. в Московском университете Д. С. Аничков решился выступить с вольнодумным трактатом о происхождении религии. Трактат подвергся цензурным гонениям; возникло целое дело, поднявшее на ноги весь университет. Но факт остался: ученый-разночинец осмелился заявить о своих „вольнодумных“ идеях.

Такие вспышки буржуазно-освободительной мысли появлялись в литературе вплоть до самого конца XVIII века. Они накапливали капитал буржуазно-революционного мировоззрения в среде читателей из разночинной интеллигенции, но не могли образовать ни цельного самостоятельного литературно-идеологического направления, ни прочной традиции словесного искусства как такового. Для этого не было в основе всех таких фактов достаточно мощной и сплоченной социальной силы; не было и внешних возможностей развития в условиях жесточайшего потемкинского полицейского зажима. Ориентация на крестьянство как на класс, как на резервуар революционной энергии еще не могла в это время оформиться в качестве законченной и тем более массовой литературно-идеологической программы. Даже у Радищева, на голову превышавшего всех своих предшественников в области буржуазно-освободительной литературы, эта ориентация не осознана до конца. Так и получилось, что „левое“ крыло русской литературы XVIII в. состояло из одиночек, из отдельных попыток и индивидуальных бунтарских выступлений. И опять-таки даже Радищев, повидимому, сумевший уже окружить себя группой учеников и единомышленников, оставивший заметный след в истории русской общественной мысли, все же выступил со своим революционным манифестом именно как одиночка-индивидуалист; и трагедия покаяний Радищева во время следствия едва ли не происходит от того же ощущения одиночества, единоличной ответственности,

отсутствия социальной среды, способной, если не защитить, то понять подвиг своего идеолога и оценить его по заслугам. Индивидуализм и в Европе отравлял даже первые, еще революционные шаги буржуазной культуры.

С другой стороны, трудно было пробиваться через цензурно-полицейские перегородки. Приходилось прятать свои мысли. В журнале „Собр. новостей“ в 1775 г. (ноябрь) была помещена статья о крепостном праве; в ней доказывалась мысль, что „свободный“ труд крестьянина-арендатора помещичьей земли продуктивнее барщинного труда и что помещикам в собственных интересах следовало бы превратить крестьян в свободных арендаторов. Это смелое выступление было завуалировано, прикрыто как только возможно; статья была напечатана без названия, затиснута в отделе журнала „Черты благоденствий человеческому роду“ между известием о том, что французский король „купил у некоторой вдовы никому неизвестное доселе предписание лекарства от плоских глистов“, и самым рецептом этого лекарства; статья дана в форме скромной переводной информации об интересном опыте некоего голштинского помещика. Во всяком случае с самого зарождения в России литературы буржуазно-революционного толка социально-политическая и философская проблематика играли в ней центральную роль. Демократическое искусство выросло под знаком публицистики; эта открытая настойчивая идеологичность, политико-философская учительность характерна и для всего творчества Радищева. Как и его предшественники, он был всегда тенденциозен; в этом была его сила.

2

Отсталость русской культуры XVIII в., связанная и с отсталостью социально-экономического бытия России по сравнению с Западом, неизменно выражалась в том, что Россия использовала в своем искусстве как официально дворянском, так и оппозиционном опыт искусства и мысли более передовых стран. Однако нет необходимости говорить по этому поводу о „подражательности“ русской литературы XVIII столетия. Она росла более или менее самостоятельно и принимала своеобразные формы, обрабатывая по-своему те материалы, которые ей могли представить писатели стран,

обогнавших Россию по пути социального и культурного движения. Таково же было по существу и отношение Радищева как писателя к его иностранным учителям. Еще сам Радищев во время следствия о „Путешествии“ рассказал о том, что Рейналь и Стерн оказали на него влияние при создании этой книги. Конечно, это показание может и должно быть подвергнуто критике в том смысле, что Радищев стремился смягчить свою „вину“ указанием на литературные источники; „Путешествие“ благодаря таким указаниям становилось в ряд признанных и допущенных книг, оно как бы приобретало характер художественного произведения более, чем политического акта; его автор оказывался лишь литератором, соблазненным дурными примерами (Рейналь), часть ответственности перекадывалась с ученика на учителей. В том же направлении шли усилия Радищева оправдаться и тогда, когда он говорил, что целью его при написании „Путешествия“ было „чтобы прослыть писателем и заслужить в публике гораздо лучшую репутацию, нежели как об нем думали до того“.

Тем не менее и „История обеих Индий“ и Стерн оказали, конечно, известное воздействие на Радищева. Но вовсе не только они. Многие западные писатели XVIII в. дали Радищеву больше, чем они; например Руссо—едва ли не основной учитель Радищева. Не только мысли, но и принципы изложения их Радищев мог почерпнуть и у других идеологов французского освободительного движения XVIII в.— и у Мабли, и у Дидро, и у Гольбаха¹. С другой стороны, и немецкие и даже английские писатели и поэты много дали Радищеву. Он был воспитан как мыслитель и литератор именно в Германии. „Вертер“, над которым он проливал слезы, не мог не повлиять на его мировоззрение. Его взгляды на поэзию развились под непосредственным воздействием Клопштока и его школы. Английские преромантики, и Йонг, и Макферсон со своим „Оссианом“, и может быть Грей— все это учителя Радищева. Как видим, круг его литературных интересов и его учителей достаточно определенный; это— литература „сентиментализма“ или, как его называют иногда

¹ Я имею в виду „Опыт о предрасудках“ (Essai sur les Préjugés 1770), написанный Гольбахом м. б. в содружестве с Нахоном и приписывавшийся в XVIII в. Дюмарсе.

в западной науке, — „преромантизма“. В пределах данного литературного течения, захлестнувшего во второй половине XVIII в. всю передовую Европу, Радищев следит со вниманием и сочувствием не только за корифеями, но и за второстепенными писателями. Ультра-сентиментальная буржуазная трагедия „Беверлей“ глубоко волнует его (он говорит о ней в „Дневнике одной недели“ еще в 70-х годах).

И тем не менее Радищев-писатель, Радищев-сентименталист — вовсе не эпигон западно-европейской буржуазной литературы XVIII в. Огромная эрудиция Радищева в области иностранной литературы не оторвала его от русской почвы. Он крепко связан с традициями русского искусства даже тогда, когда он борется с ними. Он учится не только у Руссо, но и у Ломоносова, хотя у последнего учится только для того, чтобы ниспровергнуть его с помощью оружия, отточенного на его изучении. Он усиленно черпает материал для создания своего языкового стиля из церковной литературы. Псалтырь для него источник так же, как и Ломоносов. Попыты пересадки западного буржуазного стиля на русскую почву известны ему и учтены им. Он знает Гесснера в подлиннике так же, как и в передаче русских дворянских писателей школы Хераскова; он знает поэзию природы не только у Руссо, Макферсона или Гельти, но и у Державина. Самый пафос свободного слова у Радищева не мог сводиться к повторению западных образцов уже хотя бы потому, что Запад со всеми своими бастилиями не мог и представить себе того режима деспотии и рабства, в условиях которого приходилось творить Радищеву.

Поэтому при изучении Радищева как писателя в первую очередь приходится ставить вопрос не столько о том, что и у кого он брал, сколько о том, что он создал из тех материалов, которые он собрал. На первый вопрос суммарно можно ответить ссылкой на широкую образованность Радищева, с одной стороны, и на явную установку его внимания в направлении западного буржуазно-сентиментального или преромантического стиля. Он связан с литературой психологических эпистолярных романов, „мещанских“ или „слезных“ драм, сентиментальных путешествий, публицистических декламаций в духе Руссо или Рейналя, философских повестей, трагических и воинственных поэм Оссиановского типа, патриотической и

освободительной лирики германских народов. Но Радищев не переводчик на русский язык всей этой литературы, даже не перелагатель ее на отечественные нравы. Он самостоятельно вырастает на социально-идеологической почве, более или менее аналогичной той, которая вырастила и Руссо, и Гете, и Клопштока. Он получил образование за границей, и это сблизило его с западными течениями мысли; но он все же русский писатель, руссоизм, сентиментализм, буржуазно-революционное мышление которого складывалось в особых условиях отсталой, крепостнической страны.

Идея индивидуального психического мира, воли и образного творчества единичного человека, лежащих по данной концепции в основе всякого созидания вообще, определяла ряд существенных черт философии искусства Радищева и его практику как писателя. В XVIII в. центральной проблемой эстетики была проблема общеобязательности художественных канонов и их философского обоснования. Русское дворянское искусство базировалось на признании рационально дедуцированной классификации норм прекрасного, выраженных в правилах жанров искусства классицизма. Писатель создавал каждое отдельное произведение, исходя не столько из своего личного замысла, сколько из заданного ему нормативного построения, определенного учебником поэзии и примером признанных мастеров. Против этого гнета схемы над личностью восстал преромантизм, осуществляя тем самым восстание буржуазно-демократического индивидуализма против твердых норм вненационального феодального гнета. Вопрос о свободе писателя от правил Буало или образцов Расина, или правил и образцов Сумарокова был вопросом свободы личности вообще. Цепи правил, навязанные наукообразной эстетикой классицизма, в представлении революционера искусства леднили творчество, как цепи рабства уничтожали инициативу человека. В этом смысле между Вольтером, писавшим хоть и реформированные, но все же „правильные“ классические трагедии, и Руссо, создавшим „Исповедь“, книгу такого рода, „которого примера никогда не было и исполнение которого не будет иметь подражателей“, так же, как между рационально-логическим стилем Вольтера и патетической декламацией Руссо, лежит пропасть. То же различие было между ними и в социально-политическом мировоззрении.

Радищев во всех отношениях порвал с прошлым; он стоит вместе с Руссо по ту сторону перелома.

Радищев вступил в борьбу с классическими правилами, с „томными предписаниями“, начертанными „хладнокровными критиками“. Как истинный предшественник романтизма, он вообще отрицает возможность рецептов в искусстве, в частности, отрицает риторiku, теорию словесности как нормативную дисциплину. Он видит основание эстетических критериев не в закономерности произведения, а в его субъективной характерности. Он протестует против каких-либо предвзятых ограничений индивидуальности в ее творчестве. Достоинство литературного создания — не в адекватности рациональной и надличной схеме, а в адекватности личному заданию. Произведение возникает, с точки зрения Радищева, лишь как проявление единичного характера, и как продукт неповторимого индивидуального момента данной личной творческой энергии оно и интересно. Он говорит о великих ораторах: „Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения в их чувствах, сила доводов в их остроумии“. Природа и личная гениальность творит великих людей и великие произведения, а вовсе не выучка, не холодное размышление или следование образцам.

Радищев, как и другие люди его эпохи, в этом отношении близкие к нему (например, Карамзин), в писателе видят прежде всего человека: за книгой они стремятся увидеть ее автора, его характер, его личность. В трогательной книге они страдают не столько герою, сколько создавшему его поэту; в сатире они не столько возмущены пороками, сколько удивляются смелости сатирика. Если литератор-читатель эпохи классицизма не интересовался личностью даже наиболее чтимых писателей, которые для него были лишь случайными орудиями отвлеченного разума искусства, если он вполне мог воспринимать анонимное произведение, то Радищев заинтересован биографией писателя, без которой ему неинтересно и его творчество. Читая книгу, он как бы общается непосредственно с писателем, заглядывает ему в душу. Литература как механическое общение замкнутых индивидуальностей, как беседа или, может быть, столкновение авторской души с разрозненными душами читателей, — это представление было параллельно образу социального мира,

образованного сложным переплетом единоличных интересов. В основе культуры, как и в основе общественного бытия вообще оказывалась при такой обстановке вопроса личность, претендующая на право жизни, свободы, счастья, творчества и конкуренции. Именно Радищеву принадлежит первая большая критико-биографическая работа о русском писателе („Слово о Ломоносове“); именно он впервые так последовательно разложил творчество поэта и даже ученого на личные мотивы, возвел его к причинам характера и биографии этого ученого. „Слово о Ломоносове“ — этап в истории русской критической мысли. Это первый опыт буржуазно-индивидуалистического и биографического подхода к произведениям искусства, укрепившегося потом почти на сто лет.

Если творчество каждого художника для Радищева-читателя было значительно и осмыслено как картина внутренней жизни этого художника, то эта же точка зрения не могла не выразиться и в практике Радищева как писателя.

Радищев всю жизнь писал только о себе самом. Это несколько не мешало ему быть сильным политическим писателем, политическим бойцом, быть бытописателем своей эпохи, потому что и эпоху и борьбу он показывал читателю как сферы применения творчества своей личности. Он говорит с читателем за свой собственный страх и риск, он — одиночка, — такова установка писательского индивидуализма Радищева; в результате, более ста лет даже ученые, обманутые этой установкой, не видели, что она фальсифицировала факты, и не замечали групп, окружавших Радищева; он хочет убедить читателя только лишь авторитетом убедительности своей собственной мысли и потрясти его, сообщив ему свой пафос, свое настроение. Он не ищет помощи ни от признанных авторитетов, ни от официальных мнений, тем более, от каких бы то ни было властей. Он выступает как человек перед людьми — ничего больше. В этой изумительной по смелости и по наивности вере в силу убеждения непредвзятого человеческого слова, точно и честно выражающего человеческую психику в чистом виде; так часто заметной в действиях людей французской революции, заключалось „безумие“, „сумасшествие“, которым Пушкин неудачно пытался объяснить решимость Радищева издать „Путешествие“. Радищев хотел быть страшно откровенен с читателем, и он надеялся на то, что

откровенность, т. е. сила личного убеждения, сила душевного напряжения, вылившегося в слове, найдет пути к чужим душам читателей-сограждан, хотя бы даже к душе императрицы.

Литература как построение прекрасных, разумных и вполне чуждых автору произведений эпохи классицизма уступала место литературе как систематическому „выворачиванию наизнанку“ авторской человеческой души.

Руссо и здесь был учителем. Все его произведения — в большей или меньшей степени рассказы о себе, о своих переживаниях, мыслях, наконец, о событиях своей жизни. Апогей в этом направлении — его „Исповедь“. И здесь же следует подчеркнуть: неправильно было бы верить формально каждому слову автобиографических признаний Руссо. Он хочет рассказать о своем внутреннем я; факты для него — лишь образы, символы. Он может поклепать на себя для того, чтобы реализовать покаянные эмоции, потрясающие его в чисто психологическом плане. Так же и у других писателей того же направления и близких ему: крайнее развитие автобиографизма не приводит к точности даже прямых рассказов о себе: *Dichtung und Wahrheit* — формула преромантического автобиографизма; надо было выразить невыразимое, неповторимое своего внутреннего я и дать его в руки читателям. Это тайное тайных, выволакиваемое на яркий солнечный свет, могло не соответствовать в точности внешне биографическим фактам; но оно было *real'oga* в творческом смысле, и скромная внешняя реальность уступала ему место.

Молодой Гете написал роман, в герое которого читатель мог угадать его самого, хотя Вертер застрелился, а Гете стал тайным советником. Стерн свои проповеди — потому что Стерн был священником — издавал под именем Йорика, сентиментального путешественника по Франции и Италии; реальный проповедник и литературный путешественник сливались.

Радищев с первых же шагов своей литературной деятельности начинает говорить о себе и сообщать читателю свои собственные мнения даже там, где читатель этого, может быть, и не ожидал. Так, переводя Мабли, он считает необходимым высказать в примечании свои соображения по поводу его работы; переводчик приобщает к переводу свое особое

мнение — к сведению читателя. В „Дневнике одной недели“ дана имитация подлинного человеческого документа. Как будто бы Радищев действительно и по реальному поводу вел в течение одиннадцати дней дневник, описывал в нем все события, мысли и настроения, заполнявшие для него эти дни, а потом взял и приготовил такой дневник — кусок его собственной, глубоко личной жизни — для печати. Читателю должна открыться вся интимная подоплека писательской личности, и писатель не стесняется занимать произведение только собой, потому что в его глазах индивидуальная психика — основа всякого творчества. Автобиографическая иллюзия, созданная в „Дневнике одной недели“, была так сильна, что еще через сто с лишним лет ученые видели в этом психологическом этюде нечто вроде документа для биографии Радищева. Между тем само по себе это его произведение представляет собой историко-литературное событие большого значения (хотя оно и не было напечатано при жизни Радищева). Написанный в ту пору, когда сентиментальные веяния только еще начинали проникать в русскую литературу (1770-е годы), этот очерк осуществил впервые на русском языке попытку дать углубленный анализ психологических состояний; при этом психологизм Радищева имеет весьма характерные очертания; с одной стороны, всякое переживание гипертрофируется; оно как бы рассматривается в микроскоп и предстает в невероятно увеличенных размерах; это и есть та самая „чувствительность“, которая специфична для сентиментализма и которую совершенно напрасно часто понимали как слезливость; „чувствительность“ — самое слово аналогично современному нам слову, применяемому, например, к фотопластинкам: светочувствительность. „Чувствительный“ — это человек, тонко и ярко реагирующий на всякое, хотя бы мимолетное, впечатление жизни. Иначе говоря, это человек, для которого мир замыкается пределами его эмоциональных восприятий, для которого внешние предметы и события субъективируются и только в таком субъективном аспекте представляют интерес. Кроме того, его эмоциональная жизнь прояснена, доведена до сознания и может быть выражена словом; она свидетельствует о высокой культуре его личности. Такова была форма самопонимания буржуазного мышления в эпоху становления

тогда еще прогрессивной и освободительной буржуазной культуры.

С другой стороны, Радищев весьма отчетливо показал хаотичность, противоречивость мгновенно сменяемых впечатлений, настроений, мыслей, весь этот неупорядоченный поток субъективистской эмпирии, который существенно определял метод анализа человеческой психики в течение целого столетия после Радищева в пределах буржуазного искусства. Радищеву, как и другим буржуазным психологам-писателям XVIII века, не нужен сюжет, не нужны внешние коллизии для создания движения в повести. Она движется развитием и столкновениями психических состояний, рождающихся по преимуществу одно из другого. Поток событий заменен потоком психических состояний. При этом, конечно, рушились рационалистические отвлеченные схемы оценки людей, свойственные литературе классицизма так же, как рушился метод показа человека на плоскости одной или двух унифицированных черт его поведения (а не характера, так как его нет у классического героя).

Путь к психологизму и реализму от антипсихологизма дворянской классики лежал через автобиографизм и через перенесение критериев ценности из сферы предустановленных феодальных застывших норм в сферу понятий интенсивности внутренней жизни, психологической силы, индивидуальной характерности и т. д. За плечами сентименталистов стояла идея о праве сильного, о праве борьбы, о культуре индивидуума-победителя, о жизни как войне всех против всех. Это и было „естественное состояние“ Руссо, которое он описывал в прошлом, но прихода которого страстно желал в будущем и которое своеобразно осуществилось при победе капитализма в Европе.

Автобиографизм „Дневника одной недели“ свидетельствует о смене социальных мировоззрений. Радищев был в этом отношении новатором. Дворянская литература последовательно и принципиально прятала автора от взоров читателя. Наоборот — и это показательно — у ранних провозвестников буржуазного искусства появляется тенденция рассказать о себе или правду или ложь, связать своих героев с подлинным или хоть фиктивным обликом писателя. Напомню хотя бы Ф. Эмина („Непостоянная фортуна или похождения Мирамонда“, „Письма Эрнеста и Доравры“).

В более поздних произведениях Радищева автобиографизм торжествует окончательно. Наиболее смелой и последовательной в этом отношении вещью является „Житие Ф. В. Ушакова“, — конечно, вовсе не отрывок мемуаров, а повесть, пропитанная мыслями о политике, о воспитании, о современной культуре, повесть психологическая и нравоописательная; но эта повесть изложена в виде личных воспоминаний и именно о вполне домашних обыденных вещах. При этом воспоминания ни в малой степени не вымышлены; автор называет всех подлинных героев повести (одних — полной фамилией, других, по соображениям такта, инициалами). Разница между мемуарами и художественным произведением стирается. Она была снята и в „Исповеди“ Руссо; в России также отразилось это явление. Фонвизин, и в драматургии попытавшийся применить методы буржуазно-прогрессивной литературы к условиям борьбы дворянской фронды против существовавшего строя, начал было писать „Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях“, но не кончил (1789—1792 гг.). Характерно, что у него не вышли психологические мемуары, хотя вышло блестящее начало книги. И здесь, в псевдо-мемуарах, он — наблюдатель со стороны и сатирик; себя самого изнутри он не показывает. Он остается чужд буржуазно-индивидуалистическому автораскрытию в духе Руссо. Он свободно чувствует себя в бытоописательном, сатирическом письме (традиция таких писем-статей в дворянской литературе Европы была крепка и стара) и таким же в сущности острословом-описателем является и в своем „Признании“; во „Вступлении“ к „Признанию“ он ставит его в связь с книгой Руссо, но он исходит из других позиций, и это видно тут же во „Вступлении“; Фонвизин цитирует: „Я хочу, — говорит Руссо, — показать человека во всей истине природы, изобразив самого себя. Вот какой подвиг (т. е. побуждение — *Гр. Г.*) имел Руссо в своих признаниях“; о себе же Фонвизин пишет: „Да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского“.

Если Фонвизин, задумав литературную исповедь, написал сатирическую повесть (потому что социальное мировоззрение, обусловившее структуру литературной исповеди, было ему чуждо), то какой-нибудь Винский, человек деклассированный и любитель Стерна, написал художественное произведение,

может быть, сам не замечая того и предполагая написать только записки о своей жизни.

В начале „Жития Ушакова“ Радищев говорит, обращаясь к А. М. Кутузову, что, описывая жизнь их общего друга, „я ищу в том собственно моего удовольствия, а тебе, любезнейшему моему другу, *хочу отверзнуть последние излучины моего сердца*. Ибо нередко в изображениях умершего найдешь черты в живых еще сущего“.

„Путешествие из Петербурга в Москву“ также построено как мемуарный отрывок, причем герой-путешественник в глазах читателя должен слиться или хотя бы сопоставиться с автором. Ряд деталей наводит на мысль об их близости, что не дает нам права относить все фактические сообщения о герое-путешественнике за счет реальной биографии Радищева. Нет необходимости упоминать в данной связи о дальнейших литературных работах Радищева. Теперь выяснилось (в работах П. Г. Любомирова и Я. Л. Барскова), что „Филарет Милостивый“ — автобиографическая повесть. Может быть, одно из наиболее ярких проявлений автобиографической установки Радищева — это его стихотворения.

Тема стихов дворянского классицизма обычно была отвлеченна; „я“, герой, от лица которого они писались, был человек вообще, рационализированный субъект. Сумароков писал любовные стихи от лица женщины совсем так же, как от лица мужчины. Никаких реалий мы не можем разглядеть за сотнями его песен; не видали их и современники, справедливо восхищавшиеся ими. Если он написал элегию на смерть своей сестры, то эта элегия все же ничем решительно не отличалась от десятка других элегий, и ее специфическое назначение могло быть установлено лишь по ее названию. Сама же она вполне отвлеченно говорила о грусти вообще, о грусти утери любимого человека в частности. Конкретные факты из реальной жизни писателя не допускались в поэзии, так как они сделали бы ее личным творческим проявлением авторского бытия, а не закономерным проявлением верховной идеи, как ей это полагалось. Исключения из этого правила были редки. Элегия Сумарокова, посвященная его ссоре с московским градоначальником Салтыковым из-за постановки „Синава и Трувора“, не была напечатана при жизни поэта и осталась более фактом его

биографии, чем творчества (ибо тогда эти сферы не смешивались). Стихотворное „Письмо к самому себе“ Хераскова, заключающее некоторые автобиографические указания, было напечатано им анонимно, в журнале, где он напечатал множество вещей, всегда с подписью инициалами („Полезное Увеселение 1762“. Херасков сам был редактором этого журнала); очевидно, допустив автобиографический элемент, он должен был спасти положение, внешним образом сняв возможность прямого прикрепления произведения к лицу автора.

И в этом отношении, как в ряде других, классическую поэтику сломал Державин. Именно он стал говорить в стихах о себе, стал создавать сложный образ поэта-человека; он сообщает читателю сведения о своей жене, своих друзьях, своей служебной карьере, своем мировоззрении, своих настроениях. Опыт Державина подхватил Радищев. Если в поэзии Державина индивидуалистические мотивы, отчасти связанные с влияниями Запада, сочетались с объективизмом, реализмом мировосприятия социальной группы, еще сильной, еще не разлагающейся, владеющей властью (дворянская „шляхетная“ масса), то в поэзии Радищева индивидуалистическая тема строит весь метод творчества, весь материал высказываний поэта.

Радищев в своих стихах всегда или лирик, или учитель, но прежде всего это именно он, живой Радищев, автор „Путешествия из Петербурга в Москву“. Даже в больших произведениях эпического или дидактического характера он остается самим собой. Это — или его, именно его рассказ о событиях мировой истории, его личная точка зрения на них, его выводы; или это сказка, рассказанная им от вынужденной скуки рабства, в которой он поговорит и о своей ссылке в Сибирь, и о смерти своей второй жены, и о себе вообще. В этом отличие „Бовы“ от некоторых других сказочных поэм его эпохи; в них — ложный объективизм сказки или нравоучительной поэмы; у Радищева сказка — лишь форма личного высказывания, формула отношения поэта к данному этапу его жизни. В этом смысле „Бова“ может быть сближен, и то отдаленно, лишь с „Добрыней“ Львова.

Почти лишена автобиографизма только поэма Радищева „Песни Древние“, хотя и она является проповедью его лич-

ных идей, не опирающихся ни на какой авторитет, кроме авторитета творческой индивидуальности поэта.

Даже в оде „Вольность“ Радищев говорит о себе, как о человеке, а не как об отвлеченном „лите“. В мелких же стихотворениях он дает нам иногда как бы подлинные человеческие документы. Тема его поэтического диалога („Почто, — мой друг“...) — вовсе не размышления о добродетели вообще, а страдания и мысли Александра Радищева, сосланного в Илимск за правду в 1790 году, причем он должен был разлучиться с двумя сыновьями и т. д. Вне этих „реалий“ стихотворение не существует. Смысл и пафос „Восемнадцатого столетия“ — в установлении специфического момента идеологической эволюции Радищева; он как бы издает бюллетень своих политических представлений, приуроченный к юбилейной дате и обоснованный философски. „Журавли“ — непосредственное выступление pro domo sua, об „Эпитафии“ и „Ответе“ нет необходимости и говорить.

В автобиографической установке Радищева заключается, с одной стороны, основной нерв творческого метода его как сентименталиста, а с другой, в ней же — принцип глубочайшего противоречия его творчества. Как философ, Радищев приближается к материализму; как художник, он стоит в преддверии подлинно реалистического искусства, связанного с материалистическими устремлениями. И то, и другое, однако, не реализуется до конца ни в его мышлении ни в его творчестве. Весь материальный мир, вся сумма реальных вещей и событий воспринимается им лишь в аспекте впечатлений, производимых на личность, в частности на его собственную личность. Конечно, искусство Радищева не основано на субъективно-идеалистическом методе видения мира и общества; но механистичность его материализма, сенсуализм, принимающий характер индивидуалистической теории художественного познания, — все это приводит к тому, что картина мира и общества пропущена у него через призму отношения к ним личности. Радищев не сомневается в реальности мира, но он видит его лишь в аспекте своей собственной впечатлительности. Отсюда — его метод социальной борьбы с помощью оружия-слова, вполне выражающий ограниченность объективизации мира в его творчестве; он проповедует больше, чем показывает. Читателя должен убедить не только факт,

как таковой, но сила авторского подъема; читатель должен войти в психологию автора и с его позиций взглянуть на события и вещи. „Путешествие“ — это страстный монолог, проповедь, а не сборник очерков. Автор не комплектует материал, а формирует его; наоборот, сюжетные куски, вставные новеллы — это или примеры, введенные в проповедь, или же орнамент.

Знаменитое посвящение „Путешествия“ характерно в данной связи мыслей почти каждым своим выражением. „Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы... Я человеку нашел утешителя в нем самом. Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду“ и т. д. Именно внутри себя увидел Радищев весь мир чувств и мыслей, который он хочет перелить в сознание читателя; именно научить этого читателя правильно мыслить и переживать хочет Радищев, т. е. исправить апперцепцию, а тогда он и сам увидит все, что надо.

Лирика — основная и предельная стихия творчества Радищева. Природа, быт, наблюдения — все это он воспринимает в качестве возбудителей эмоций. Лирика является у него обоснованием идей. Так в вопросах социальной структуры общества, так и в философии. Он вполне уподобляется Руссо (да и другим сентименталистам), излагая идеи о религии, восходя на гору при восходе солнца („Путешествие“, гл. Бронницы). Дело здесь не столько в традиционности мотива, сколько в яркости выражения сентименталистических позиций именно в этом мотиве. Природа воспринимается постольку, поскольку она настраивает душу на определенный лад; эмоция рождает и обосновывает мысль, может быть, неполно выражается в ней. Таково органическое соединение пейзажа (т. е. образа эмоции) и идеи, отчетливо выразившееся в этом отрывке „Путешествия“ и являющееся типическим для радищевского творчества, в принципе которого идея является результатом ряда воздействий и психических процессов. В то же время природа, пейзаж даются в субъективно-лирическом аспекте, и только в таком. Можно привести еще много аналогичных мотивов у Радищева. Так,

столь же традиционен и столь же характерен мотив размышления о жизни, смерти и бренности на кладбище („Дневник одной недели“, „Слово о Ломоносове“ — ср. Йонг, Грей и др.).

У Радищева мало внешней „сентиментальности“, слезливости. Высокий гражданский пафос, а не слезливость — его стихия. Оттенок нарочитой трогательности, хотя все же не без сильных нот боевой проповеди, заметен лишь в главе „Клин“ („Путешествие“), если не считать раннего „Дневника одной недели“.

В свете изложенного специфическую характерность приобретают и те жанровые формации, в которые отливались образы и замыслы художественного творчества Радищева. Это в основном „сентиментальные“ жанры, хорошо известные и широко распространенные в западной буржуазной литературе XVIII столетия. Ричардсон, Мариво, Руссо, Стерн, молодой Гете и их многочисленные современники и ученики установили типические формы романа и повести как признаний о себе автора и героев. *Ich-Erzählung*, мемуарная форма, или же форма писем, была естественным проявлением психологического индивидуализма этой литературы так же, как стремления ее к документальности психологического наблюдения. Романы в письмах, как книги Ричардсона или „Новая Элоиза“, романы-записки или рассказы о себе, как „Жизнь Марианны“ Мариво или „*Memoires d'un homme de qualitté*“ Прево, породили десятки подражаний. И в России чуть только стали появляться ростки буржуазной сентиментальной литературы, появились те же жанры повествования. Федор Эмин написал роман в письмах, подражание „Новой Элоизе“, — „Письма Эрнеста и Доравры“ (1766), его сын Николай издал „Розу“ — также роман в письмах (1788). Чулков издал в 1770 первый том мемуарного романа „Пригожая повариха“ и т. д. Затем идут карамзинские вещи, и „Рыцарь нашего времени“, и „Остров Борнгольм“, и ориентированный на автобиографизм очерк „Чувствительный и холодный“; в 90-х годах появляются и русские Вертеры. В этом же ряду стоят „Дневник одной недели“ в „Житие Ушакова“ Радищева. Вопрос о жанре „Путешествия из Петербурга в Москву“ несколько сложнее.

Сентиментальные путешествия были видом творчества, в высшей степени характерным для буржуазно-сентиментальной

литературы XVIII века. После знаменитой книги Стерна их появилось множество на разных европейских языках. Основная установка их, это показ общества и природы сквозь призму личных переживаний автора-путешественника. Но в пределах этого жанра можно указать разновидности, в значительной мере несходные между собой. С одной стороны, это, например, „Сентиментальное путешествие по Франции и Италии“ Стерна, в котором материал наблюдений и описаний поглощен лирикой, самораскрытием психологии героя-автора. Идеалистический индифферентизм и безразличие к внешнему миру крайнего индивидуалиста-эстета определяют нарочито заносчивую позицию Стерна. С другой стороны, путешественники типа Дюпати (*Lettres sur l'Italie*. 1785) увлечены возможностью свести в одну книгу благодаря удобной композиционной формуле и обильный, фактический, осведомительный материал и передовую идейную пропаганду, конечно, в преломлении сентиментального индивидуализма. В сентиментальных путешествиях боролись противоречивые стихии буржуазного индивидуализма XVIII века; объективный мир вступал в конфликт с замкнутой личностью, — и чем более боевое мировоззрение было свойственно автору книги и его окружению, тем более побеждало объективное начало. В этом смысле характерны и деловитость и идейная заостренность французского типа сентиментального путешествия, создавшегося на подступах к великой буржуазной революции, и гипертрофированная интроспективность Стерна, выросшего в окружении английской буржуазии, давно победившей и более „примиренной“. Радищевское „Путешествие“ примыкает к традиции французов, а не Стерна; но оно вполне самостоятельно. Оно не дает почти вовсе осведомительного, образовательного материала (по географии, истории и т. п.), но целиком построено на внешнем материале. Центр тяжести этого материала — политика, социальные отношения, идеи. Путешествие для Радищева лишь форма объединения разнообразного материала и реализация субъективной обработки его. У Радищева, как ни у кого из его современников и предшественников, противоречивые стихии сентиментализма приведены в равновесие.

Наоборот, от Стерна и традиции, связанной с ним, Радищев взял ряд технических приемов связывания кусков

произведения; мы встретим у него и найденную рукопись, и рассказ встреченного в путешествии человека, и экскурсии в воспоминания самого путешественника в качестве методов включения в книгу ее составных частей. Но механизм использован Радищевым вовсе не по-стерновски и с другими целями.

После радищевского „Путешествия“, первого сентиментального путешествия в России, их стало появляться множество. „Письма русского путешественника“ Карамзина были попыткой перестроить активную и социально-заостренную форму путешествия, построенного на реальном материале, на службу иным социальным задачам. Карамзин дает много фактических сообщений, но освещает их примиренчески, в духе умеренного дворянского культурнического либерализма, по существу антиреволюционного. Тем не менее „Письма“ остаются наиболее прогрессивной его вещью. После Карамзина дворянская литература путешествий целиком переключается на стерновскую традицию. Лирика, остроумие, психологизм без края и удержу, субъективизм, становящийся уже не оружием против феодального гнета, а выражением реакционного примиренчества, характеризует книги таких учеников Карамзина, как Шаликов или Измайлов. Радищевское „Путешествие“ не создало традиции.

Говоря о жанровой структуре произведений Радищева, нельзя обойти молчанием и его стихотворения. Из них ода „Вольность“ вырастает на основе старой, классической жанровой формы — „философической оды“, но наполненной новым содержанием. Повидимому, в области поэзии Радищев отказался от классических традиций позднее, чем в области прозы („Вольность“ относится к сравнительно ранним его произведениям). Однако это не значит, что жанр оды „Вольность“ связан только с опытом дворянской поэзии. От русских дворянских поэтов-классиков Радищев и здесь взял лишь некоторые внешние признаки композиционного, метрического и, может быть, языкового порядка. Общий же характер оды связывает ее с той традицией французской политической декламационной поэзии, которая выросла на основе классических норм перед великой революцией и в начале ее. Это была поэзия од и песен, революционных по содержанию, дублирующих в поэзии художественную установку таких

прозаиков, как Мирабо или даже Камилл Дюмулен, например, поэзия Экушар Лебрена, Мари-Жозеф Шенье; с этой же традицией обновленной в интересах буржуазной революции классики связана и песня-ода Руже де Лилля.

Ода „Вольность“ ни в малой мере не является отказом Радищева от революционных позиций, даже в области стиля и жанра, но она показывает, что еще в начале 80-х годов Радищев как поэт ориентировался скорей на французскую традицию, передовую по существу, но не отказавшуюся от использования в своих целях поэтических форм старого искусства, чем на преромантическую поэзию германских народов. Потом учителями Радищева стали немцы. Он увлекается проблемами метрики, отказывается от канонизированных, застывших в дворянской поэзии форм (в оде „Вольность“ принята еще одна из таких форм). Важнее то, что он работает над созданием интимной лирики настроения; в этом смысле значительны „Сафические строфы“. Стихотворение построено, как музыкальная пьеса, — не по логической схеме, а на основе сочетания эмоционально-аффективных элементов. Лирический пейзаж, данный именно как эмоциональный фон, так как он не имеет никакого осведомительного значения в тематическом составе вещи, переливается в столь же эмоциональный лирический монолог. От рационализированной, надличной, так сказать, межпланетной лирики русских дворянских поэтов до конкретно-личной лирики „Сафических стрóf“ — огромное расстояние. Впрочем, в данном отношении „Сафические строфы“ — не единичное явление в русской поэзии. Они появились в печати тогда, когда уже писал Жуковский, когда Карамзин уже создал наиболее значительные свои произведения и в стихах и в прозе.

К последним годам жизни Радищева относится и его интерес к мотивам сказок и старинной русской (феодальной) поэзии. На заре романтизма сказочные и оссиановские поэмы появились в немалом числе и в русской литературе. „Бова“ в меньшей степени показателен для позиции Радищева как буржуазно-сентиментального (преромантического) писателя. Он зависит более от примера вольтеровской „Девственницы“, чем от фольклористических исканий преромантиков; это не мешает нам признать значение поэмы, и идейное (например, политические экскурсы ее и др.) и художественное. Что

же касается прославления героики былых времен в „Песнях древних“, то оно вовсе не является функцией феодального консерватизма. Радищев проповедует пафос буржуазно-национальный, пафос борьбы народа за свободу, т. е. гражданской демократической героики. Формы же старинной поэзии для него являются проявлением истинного национального, народного духа; к восстановлению в русской поэзии этого народного духа он и стремится, потому что в его глазах такое восстановление равносильно замене космополитической, верхушечной, угнетательской дворянской культуры культурой, выросшей в недрах народа, т. е. демократической и общенациональной.

3

В историческом смысле, по отношению к литературе дворянского классицизма, искусство Радищева было новаторским в качестве реалистического искусства. Радищев видит людей, вещи, отношения и события сквозь призму своего личного восприятия, но он видит весь этот мир и стремится изобразить его так, как он видит его. Дворянская классическая поэзия не отображала действительности прямо, не стремилась увидеть и запечатлеть внешний мир, а сама строила свой мир из элементов отвлеченной мысли. Даже природа дворянской поэзии условна и подчиняется законам жанра (т. е. в конечном счете осуществляет формы дворянской эстетики); это или идиллические ручейки на смеющихся лугах, или же весьма неконкретная эпическая буря на море, восходящая не к образным впечатлениям автора, а к образцу *Виргилиевой бури* в I песне *Энеиды*. Человек, герой классической литературы, не индивидуален; он не имеет специфической внешности; он является лишь продуктом логистического учения о способностях, рассекавшего единство человеческой личности на механически-раздельные и замкнутые элементы. Рядом с таким методом показа героя стоит другой, углубляющий его, — социально-типологический. Теория способностей дифференцирует лишь героев „высшего“ социального слоя и то не всегда. Для всех остальных пригодны маски социального типа; купец — обирала, обжора, плут; подьячий — сутяга, взяточник, начетчик, грязный пьяница; мужик — дурак, растяпа, смешной, но не злобный и т. д., — таковы ходячие маски дворянской поэзии.

Совершенно другими предстали люди у Радищева, как другой предстала и природа и весь мир вещей и событий. Он описывает единичные, неповторимые события, конкретные наблюдения, данные реальные факты. Все то, что он описывает, типично, но не как условное выражение предвзятой концепции, а как характерное проявление общественной структуры, самой по себе специфичной, исторически данной и конкретной. Если политические романисты типа Фенелона, а в России Хераскова разбирали в своих произведениях вопросы бытия государства вообще, то Радищев в „Путешествии“ ставит вопрос именно о данном государстве, о России, со всеми конкретными ее особенностями, с исторически сложившимся общественно-политическим укладом. Совершенно так же, например, Мабли в *Considerations sur les droits et les devoirs du citoyen* разбирает конкретное положение Франции середины XVIII века.

Изображая людей, Радищев старается наделить их индивидуальной характеристикой, иногда описывает внешность. При этом опять он дает черты типические в его представлении для социального типа, но самый тип понимается по-новому и степень характерности облика этого типа строится на новом основании. Портрет асессора из главы „Зайцево“ или губернатора в „Спасской Полести“ в „Путешествии“, или яркий психологический рисунок в изображении крепостного интеллигента в главе „Городня“ и др. могут служить примером характерологической установки Радищева. Показательны черты внешнего портрета купеческой семьи в гл. „Новгород“ (не случайно здесь же упомянут Радищевым идеолог буржуазной характерологии Лафатер): „Карп Дементьич — седая борода в восемь вершков от нижней губы. Нос кляпом, глаза ввалились, брови, как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает: „благодетель мой“, и другие описания всех членов семьи. Характеристика купеческой семьи социально-типична и весьма несочувственна. Характеристики крестьян столь же социально-обусловлены, столь же индивидуальны и конкретны, но в высшей степени сочувственны. Идеальные радищевские крестьяне являются в общей идейной композиции „Путешествия“ одним из существенных элементов большого агитационного значения. В смысле же реформы литературного изображения человека они сыграли не

меньшую роль. Радищевская Анюта (гл. „Едрово“) и раньше бедной Лизы Карамзина и гораздо принципиальнее ее. Урезанный лозунг Карамзина „и крестьянки любить умеют“, воплощенный в условном образе героини, звучит дворянской насмешкой рядом с сильной и сравнительно ультрареалистической рисовкой „Едровской девки“ и ее семьи, посрамившей дворянскую „снисходительность“ героя-путешественника. Вполне органичен народнический пафос Радищева, который призывает Анюту стать учительницей жизни, видит в ней недостижимый идеал. Радищев практически, в пределах своего произведения, произвел демократическую революцию; он заявил образами, что ценность не в породе, а в личности, и прибавил к этому, что ценные личности находятся в „народе“, в крестьянстве, а не в „высшем свете“ и даже не в купечестве.

Реалистическим новаторством явились и зарисовки быта, подлинного конкретного быта в „Путешествии“ Радищева. Поэзия Державина отчасти подготовила интерес к быту так же, как творчество Фонвизина. Но принципиально новый характер приобретает показ быта у Радищева, который подошел к обыденщине как обличитель с намерением сорвать с нее последние покровы. Именно эта установка социального протеста отрицания и борьбы в условиях крепостничества дала возможность Радищеву показать быт конкретно и реалистично до конца. Напомню описание крестьянской избы в гл. „Пешки“, историю с устрицами в „Спасской Полести“, трагедию, описанную в гл. „Зайцево“, и др. Еще в „Дневнике одной недели“ такие детали, как два апельсина и крендель, купленные в лавочке, регистрация обедов, учет хорошего и дурного сна и т. п., были проявлениями смелого новаторского реалистического интереса Радищева к быту. Но с особой яркостью сказалась реалистическая тенденция его творчества в „Жизни Ушакова“.

В основном замысле и в самом названии этого произведения явственна новаторская, можно сказать революционная установка Радищева. Не говоря даже о прямом выражении его революционно-демократических взглядов в содержании повести, они формулировались и во внешнем ее облике. Радищев пишет „Житие“; „житием“ называлось жизнеописание святого. Вообще же, кроме церковных „житий“ в дворянской

литературе могло появиться жизнеописание знаменитого человека, какого-нибудь вождя дворянской государственности;¹ таково, например, идеализированное и совершенно лишенное черт индивидуальной характеристики произведение Фонвизина „Жизнь графа Никиты Ивановича Панина“ (перевод с французского). В журнале оно было даже названо „Сокращенное описание *жития* графа Никиты Ивановича Панина“ (Зерк. Света, 1786, № 4). Самая жизнь Панина описана Фонвизиним не как жизнь, развитие и эволюция личности, а как карьера государственного деятеля. Все человеческое, личное вытравлено из биографии, оставлено лишь внешнее, официальное; человек взят не сам по себе, а как орудие политической мысли. Само собой разумеется, что никаких сведений бытового характера в очерке о Панине, написанном Фонвизиним, нет. „Житие Ушакова“ — полемически заострено и против настоящих житий святых, и против панегириков вельможам. Это — „житие“ на новый лад. Его герой никак не святой, он и умер-то от „дурной“ болезни. Он и не знаменитый вельможа или военачальник. Он незаметный юноша, чиновник, а потом студент. Но он — человек будущего века, юноша, преданный науке и идеям свободы,* и он ценнее для Радищева всех генералов и сановников. Кроме того — он друг Радищева. Тема экзальтированной дружбы, общая почти всем буржуазно-сентиментальным писателям Европы XVIII века, в частности сильно разрослась в творчестве немецких поэтов (Клопшток и его школа), у которых учился и Радищев. Жизнеописание друга Радищева — это вызов феодальной литературе „житий“.

Радищев подчеркивает полемичность своего „жития“; он начинает изложение жизни своего друга абзацем, намекающим, но почти пародийно, на обычный тип казенных панегириков-биографий: „Первые годы жизни Федора Васильевича мало мне известны; и хотя бы охотно и с удовольствием их я начертал, находя в первейших детских и отроческих деяниях начальное образование души его, находя в пятилетнем Ушакове семена твердости, душу его возвы-

1) См. напр. такие книги, как „Житие Ф. Я. Лефорта, первого любимца Петра Великого“ пер. с франц. И. Виноградова. 1802, или „Житие Ф. Я. Лефорта, российского генерала“... [Н. Ильинского]. 1799, или „Житие святейшего патриарха Никона“ [И. Шушерина] 1784.

шавшей в возмужалых летах: но лучше признаюсь в неведении моем, нежели поставлю что либо гадательное вместо истины и единственного да не отыму побуждения ко чтению сего повествования — во истине“. В конце биографии Ушакова Радищев прямо заявляет о своей позиции: „Сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто наскучит чтением сего, не нашед в повествовании моем ни одного происшествия, достойного памятника и ради мерзости своя или изящности ради равно блистающего. Ибо равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий, Калигула и Тит, Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин...“ Затем идет смелая филиппика против прославленных героев, разоблачающая их как общественных злодеев. И далее: „Сказав сие, может быть, некстати, я возвращусь к умершему нашему другу и постараюсь отыскать в его деяниях то, что привлекательно, быть может, не для ищущих блестящих подвигов в повествованиях и с равным вкусом читающих Квинта Курция и Серванта, но для тех, коих души отверзты на любление юности“.

И вот, жизнеописание человека, не „героя“, а простого хотя и превосходного человека, раскрывается совершенно по-новому. Дается характеристика его как личности, описываются его склонности, жизненные интересы; дается представление о среде, влиявшей на него, о его пристрастиях и недостатках. Затем автор подробно останавливается на характеристике убеждений своего героя, рассказывает обо всех этапах его идейного роста, о противоречиях этого роста, о книгах и людях, оказавших на него интеллектуальное влияние. Внешние события жизни излагаются подробно, со всеми бытовыми деталями, причем в центре именно личная жизнь, а не официальные успехи. В результате „Житие Ушакова“ — это манифест нового буржуазного понимания человека и общества. Сентиментально-индивидуалистический реализм торжествует в этой брошюре первую победу в русской литературе.

Прогрессивная в XVIII веке западная буржуазия (в особенности же ее революционный авангард) внесла в искусство принцип активности, пропагандистской динамичности, открытой идейной направленности. Соответствующую позицию в русской литературе занял Радищев.

Конечно, и дворянская поэзия середины XVIII века боролась за цели своего класса; но художественные средства борьбы были иные в связи с позицией, занятой этим классом. Дворянское искусство настаивало на своей отрешенности, на высшей эстетической (и через нее моральной) функции как основной. Искусство, с точки зрения дворянской эстетики, — это язык богов, высшая отвлеченная деятельность интеллекта, не смешиваемая с практикой жизни. Читатель должен быть вовлечен художественным произведением в эту высшую отвлеченную сферу чистой разумности. Из искусства должно быть изгнано все, что могло бы внести в него внеэстетические эмоции. Так, читатель не имеет права увлекаться сюжетом произведения, так как сюжет — так сказать внесловесный элемент и может быть вообразен вне своей эстетической функции. Читатель, поглощенный сюжетом, не задерживает внимания на формальном покрове; он переживает, волнуется, теряет спокойствие застывших форм искусства, видит, хотя бы только мысленно, конкретный, как бы житейский факт. В связи с этим осуждалась сюжетная проза, роман. Недопустимо было и образование характера в произведении между прочим и потому, что характеристика героя делала его как бы живым человеком, таким, какого можно встретить в жизни. Поэзия и жизнь номинально противоплагались как сферы разнородного качества: с одной стороны, сфера единичных фактов, конкретных вещей и практических целей — жизнь; с другой стороны, сфера, подчиненная дедуктивной чистой логичности — поэзия. Это была эстетика аристократии, эстетика феодальной интеллигенции.

Подъем к относительной культурности дворянских „низов“ и образование новой российской буржуазии в конце XVIII века с двух концов пробивали брешь в крепости феодально-аристократического искусства. Злободневное, заостренное, жизненное искусство Державина действовало в этом направлении так же, как увлекательные романы Эмина и как литература сборников анекдотов, учебников хорошего тона и т. п., ни в малой мере не отрешенная от жизни.

Но все это были не прямые, компромиссные и не идущие до конца идеологических выводов пути. Вполне принципиально и в то же время по-новому поставил дело литературы именно Радищев. Представитель идеологии прогрессивной,

революционной, он не только хочет увидеть и сказать правду, но он хочет в то же время открыто ввести литературу в круг активных факторов социальной борьбы. Его книги — это подлинные поступки революционера, и Екатерина правильно оценила опасность „Путешествия“. Слово стало в руках Радищева действием, т. е. оно открыто выступило как таковое. Перед художественным произведением были поставлены цели внеположные с точки зрения дворянской эстетики. Не только жизнь отразилась в искусстве, но и искусство ринулось в жизнь. Рамки того, что разумелось под понятием художественной литературы, раздвинулись, и самое понятие видоизменилось. Достаточно будет указать здесь на „Путешествие“. Эта книга, несомненно, задумана и исполнена как художественное произведение так же, как и „Велизарий“ Мармонтеля или поэма о счастье Гельвеция. Тем не менее „Путешествие“ заключает, например, проект постепенного освобождения крестьян с землей, имеющий характер вполне практического предложения правительству. Нет необходимости напоминать ряд других мест книги. Вся она пропитана публицистикой, политикой, идеями о воспитании, философией. При этом весь этот пропагандистский материал не сочетается с элементами словесного искусства в порядке педагогического облегчения серьезного чтения. Наоборот, он органически и изнутри строит свое словесно-художественное оформление, он является художественным материалом по преимуществу. Для Радищева сущность искусства заключается в его активности; пропагандистский характер материала есть для него один из основных признаков эстетического факта. Радищев осуществил на русской почве тот момент в развитии художественной идеологии буржуазии, который, может быть, наиболее четко был реализован в революционной Франции, где словесное искусство дало едва ли не высшие свои достижения в речах Мирабо или Дантона, в революционных приказах по армии, в политических статьях Марата.

Эта идеологическая пропагандистская установка творчества Радищева создавала и новые эстетические критерии, характеризующие все элементы его художественного мировоззрения и писательской практики. Дворянское искусство исходило при отборе, а затем и оценке художественно-стилистических средств выражения из принципов соответствия

данного стилистического элемента общему жанровому типу произведения. При этом различие высокого и низкого, так же как функциональное различие эпоса, драмы, лирики, дидактики, описания, — все эти и ряд других классификаций закономерно определяли пригодность или непригодность каждого слова, каждого стилистического хода, каждого мотива для того или иного произведения. Все такие классификационные категории ни в малой мере не были проявлением только лишь формалистических предрассудков дворянских писателей. Наоборот, они глубочайшим образом соотносились со всей структурой социально-реакционного феодального мышления.

Вот от этой именно системы оценок, приводившей в поэтической практике к сглаженности, скованности, механистичности дворянской поэзии 70-х годов, системы, надломленной уже Державиным, окончательно отказался Радищев. Он исходил из других эстетических позиций. Он стремился не к внутренней соотнесенности всех стилистико-композиционных элементов произведения, а к выразительности каждого из этих элементов. Выразительность стиля, мотива, произведения в целом была новым пределом, к которому были направлены усилия художника. Это значило, что если в понимании дворянского искусства каждый элемент художественной структуры был направлен по преимуществу на другие элементы той же структуры и к ним приравливался, то теперь у Радищева каждый элемент художественной структуры непосредственно и самостоятельно должен был выражать свою тематическую, идеологическую, пропагандистскую зарядку. С одной стороны, тематизм становился законом эстетики, которая не могла уже давать никаких предписаний художнику, поскольку не предписания, а тема, жизнь, идея указывали метод своего оформления. С другой стороны, поскольку все составные части произведения расходились стилистически в разные стороны согласно тематическому заданию каждого из них, постольку в произведении воцарялся хаос внутренних стилистических противоречий, оно распадалось в стилистическом плане на индивидуально тематические отрывки, создавалась механистическая атомистика кусков, в целом образующих пеструю картину мира. Раннее буржуазное мышление вообще любило эту пестроту, иногда воплощавшуюся в культе шекспировской

драматургии, воскрешенной в новом ее понимании. Во всяком случае, если принцип выразительности как критерий оценки в искусстве был проявлением прогрессивности радищевского искусства, его активности и идеологической смелости, то связанная с ним внутренняя хаотичность, несмотря на превосходные эстетические результаты ее, например, в „Путешествии“, была связана с ограниченным буржуазным индивидуалистическим представлением о мире и обществе, как о конгломерате самоценных единиц. Поиски выразительности заставляют Радищева нарушать не только классические правила, но и обычные нормы легкой или даже ясной речи. В этом смысле замечательно принципиальное оправдание Радищевым своего собственного стиха из оды „Вольность“: „во свет рабства тьму претвори“. В „Путешествии“, в гл. „Тверь“, Радищев пишет по поводу строфы, заключающей этот стих: „Сию строфу обвинили для двух причин: за стих „во свет рабства тьму претвори“ — он очень туг и труден на изречение, ради частого повторения буквы т и ради соития частого согласных букв — бства тьму претв. — на десять согласных три гласных, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на италианском   Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия“... Трудно ярче противопоставить две точки зрения на стиль: с одной стороны, априорные нормы дворянской эстетики, с другой — отказ от понятий „художественного“ или „нехудожественного“ как независимых категорий в творческом мышлении самого Радищева. Отсюда проистекает языковая смелость Радищева. Он не новаторствует во что бы то ни стало; установки на новизну стиля как таковую у него нет. Но он ищет неиспробованных форм для нового содержания, для реалистического изображения быта, для психологического анализа, для революционных идей и революционного пафоса. Его язык иногда очень сложен, синтаксис запутан, слова необычны, речь ритмична. И все же он ни в малой мере не орнаменталист, так как в его стиле нет ни сколько эстетизации языка как самостоятельной художественной сферы.

Впервые возникшая в России философская мысль требует для выражения сложных связей идей и понятий сложного

построения фразы. Новизна самих понятий и новое освещение старых требует словаря необычного, соответствующего новизне этих понятий. Эмоциональный подъем требует ритма, и пропагандистская установка — ораторской интонации. Язык Радищева бывает темен, потому что он выковывает орудие выражения неслыханных в России идей. Смелость Радищева — не столько смелость экспериментатора-художника, сколько смелость революционера. Пушкинское осуждение надутого „пухлого“ слога Радищева в этом смысле было проявлением политической и социальной неприязни, так же как проявлением литературных разногласий.

Поиски индивидуально-выразительных формул стиля привели Радищева и к исканиям в области новых ритмических возможностей стиха. Нивеллировка размеров (засилье ямба) в поэзии была так же враждебна ему, как сглаживание стилистической характерности в прозе. Он предлагает ввести в русскую поэзию все богатство античной метрики, использованное уже современными ему немецкими поэтами; тогда ритмическое построение стихотворения сможет отвечать его содержанию, а не будет заданным, как механический метрический импульс. Радищев защищал свою точку зрения теоретически и в то же время пропагандировал ее своими поэтическими опытами. В частности, он предлагал узаконить соединение разнообразных размеров в пределах одного произведения.

В свете той же проблемы смысловой выразительности приобретает интерес и его замечательное исследование звуковой инструментровки стихов „Тилемахиды“ Третьяковского (в статье „Памятник Дактилохорейческому Витязю“).

Естественно, что язык Радищева весьма разнообразен. Каждое из его произведений пестро по своему стилистическому составу, каждая тема приносит с собою свой стилистический рисунок. У Радищева нет единого, общего для всех его произведений или даже единого для целого произведения стиля. Так, „Путешествие“ включает различные куски и в отношении языка. Бытовые сцены написаны разговорным, живым, легким языком. Они вполне реалистичны и в стилистическом отношении. Другие отрывки (например, рассказ о сестрорецких путешественниках в гл. „Чудово“) написаны более „высоким“, более литературно условным языком.

Наконец, там, где Радищев говорит о политике, о философии, о правах человека и гражданина и т. п., он говорит славянским, напряженно-торжественным, библейским и в то же время ораторски-страстным языком. Он умеет и дифференцировать язык персонажей. Купец, семинарист, поэт, помещик, крестьянин говорят у него разными языками. Здесь — существенное отличие Радищева, например, от Карамзина, у которого повесть, роман, Письма русского путешественника, личные частные письма, объявления о журнале, речи бедной Лизы и речи западного философа построены по единому стилистическому типу „средней“, сглаженной, салонной речи. „Надутость“, приподнятость радищевского языка в тех местах, где он проповедует свои идеи, вызывала недоумение и осуждение критиков, начиная с Пушкина. Их смущало обилие славянизмов, славянских оборотов; в самом деле, Радищев нередко пишет почти сплошь по „словено-росски“, а не по-русски; это значит, что он до предела насыщает свою речь элементами, связанными в его представлении и в представлении читателя с идеей церковного славянского языка. На самом деле, Радищев мог ошибаться, пользоваться славянскими словами не в том смысле, какой они имели исторически, и т. д. Это несколько не дискредитирует его славянизмы; ведь дело шло не о воскрешении подлинного старого языка, а о создании нового.

Ораторские страницы „Путешествия“ Радищева славянизированы гуще, чем это было даже в „высоком штиле“ у Ломоносова. При этом они славянизированы нарочито, подчеркнута. Тем не менее славянизмы Радищева не должны считаться признаком его принадлежности к „архаистам“, тем более принадлежности его стиля к сфере идеологического влияния дворянства.

Славянизация речи у Ломоносова была методом создания придворной речи, отрешенной от „подлой“ стихии жизни и быта. Времена Ломоносовской языковой политики уже давно отошли в прошлое, когда работал Радищев. В его время торжествовал в литературе феодальный космополитизм рациональной, сглаженной речи. Карамзинский „средний“ язык был в этой линии ближе к сумароковскому языку, чем к радищевскому. Связывающим звеном между Сумароковым и Карамзиным был Херасков с его медитативной лирикой, его

трагедиями, его прозой. Тенденция дворянского литературного языка была внеациональна и по-своему пуристична. Этот язык формировало влияние французской классической литературы. Официальный же язык указов, реляций и т. п. постепенно выковывался как особый бюрократический стиль, все более приближавшийся к тому же условному дворянскому стилю. Элементы славящины и ораторского пафоса были в нем пережитками. Суворов писал официальные бумаги языком сатирических статей Сумарокова; Державин — деловой прозой частного письма; Екатерина строчила свои рескрипты также в тоне частной переписки; Фонвизин обработал „завещание“ Н. И. Панина в духе „рассуждений“ дворянской литературы; дипломаты и чиновники канцелярии Безбородко подготавливали слияние карамзинского стиля с бюрократическим, произведенное позднее Сперанским, Вяземским, Блудовым и др. И только подпольный публицист реликтовой олигархии, последний „верховник“ — Щербатов культивировал остатки ломоносовской славящины в политической прозе.

„Предисловие о пользе книг церковных“ Ломоносова было полемически направлено против сумароковцев, черпавших свои стилистические навыки не из псалтыри, а у Расина, учившихся не у монахов в духовных академиях, а у иностранных профессоров и писателей в Московском университете, или еще раньше в кадетском корпусе. Светское дворянское воспитание вытеснило еще в 60-х годах навыки церковного чтения в „высшем обществе“, так же как осторожное вольнодумство дворянских салонов оттеснило церковное влияние. Масоны в молодости были деистами, и Херасков, масонский поэт в 80-х годах, в 60-х годах издал политический роман „Нума Помпилий“, в котором ополчился против церкви.

Наоборот, псалтырь оставалась чтением „низов“ — купечества, людей „третьего чина“, подьячих. Подьячий, с ненавистью опорочиваемый дворянской литературой, в ее изображении обязательно славянизирует свою речь; он начитан от священного писания, так же как и купец. Церковная речь — не как придворный „высший штиль“ Ломоносова, а как язык старинной литературы, формировала словесное мышление недворянских слоев культуры. При этом дело здесь было не в религиозном мировоззрении, а в традициях национальной

культуры, противопоставляемых интернационализму дворянской идеологической практики. Славянизм явился носителем одновременно двух функций: с одной стороны, он был проявлением проповеднической функции, связанной с традиционным значением церкви как агитатора и центра филологической культуры, с другой стороны, он был признаком национальным, поскольку славянская речь едва ли отличалась в сознании, ее культивировавшем, от древнерусской. Дворянской идеологии славянщина была враждебна не только как символ национальной языковой стихии, но и в качестве агитатора, поскольку это была агитация низов, сохранивших псалтырь.

Карамзину славянщина была ненавистна как проявление варварства российского купца, носящего длинный кафтан, бороду и волосы в кружок. Он боролся с нею во имя салона и европейского изящества. Шишков появился позднее и воскресил славянщину на новом основании уже в XIX столетии. В XVIII веке будущие шишковцы переводили сентиментальные романы ни в малой мере не славянским слогом, и сам Шишков конкурировал с другом Карамзина Петровым и самим Карамзиным в детской литературе — переводах с немецкого, также не „архаичных“. В „Беседе“ же Шишков блокировался с Крыловым, когда-то союзником Радищева.

Радищевская „славянщина“ была протестом против дворянской условной речи. Радищев сознательно изгоняет интернациональные элементы из русского языка. Он пишет „бесстопная речь“ вместо французского — „проза“, „вития“ — вместо „оратор“, „времяточие“ вместо „эпоха“, „столп“ вместо „колонна“, „позорище“ — вместо „спектакль“ и т. д.

Стремясь избавиться от варваризмов, он не заменяет их кальками французских слов, как Карамзин, а пользуется архаическими аналогами их или же составляет новые слова взамен их. Таким же образом М. Попов, один из ранних провозвестников буржуазной литературы в России, переводя часть поэмы Дора „На феатральное возгласание“ (*Sur La Declamation*), в „предъизвещении“ указывает на свое решение заменить иностранные термины русскими — „любя природный свой язык“; он переводит слово актер — как действитель; аллегория — иносказание; буффон — кощун; характер — свойство; химера (*chimère*) — нелепость; компас — окрулец; инстинкт — естественность, природное стремление; партер —

помост; суфлер — поправлятель, напоминатель; симпатия — сострастие и т. д. („Досуги“ М. Попова, 1772, ч. 1).

В журнале М. Чулкова „И то и сіо“ (1769 г. неделя 26 и 27) помещен также словарь, предлагающий русские слова взамен иностранных; напр: арсенал — оружейной дом или оружейная палата; астроном — звездочет; аппетит — побуждение, желание, хотение; азарт — отвага; багаж — имение, пожитки; банкет — пирушка; герой — древний или языческий полубог, а по нашему богатырь; деликатно — нежно, высокомерно; директор — правитель; инженер — искусной строитель крепостей; коммерция — купечество; пиит — стихотворец; характер — сложение, свойство, достоинство (ср. у Попова) и т. д.

Так же, например, и Курганов в своем знаменитом „Письмовнике“ дает словарь, в котором предлагает ряд замен варваризмов русскими словами (Курганов при этом, может быть, более экспериментирует и архаизирует, чем его современники); например, авторитет — власть, сила; аппетит — желание, охота; библиотека — книговник; биржа — торжище; лейб-гвардия — царестража; гримасы — лицеблязнь; грамматика — письмовник (это объясняет и название самой книги, в первом издании так и озаглавленной: „Российская грамматика“ и т. д.) и др.

Целям национализации речи служили у Радищева и славянизмы. Но они несли у него и другую функцию. Дворянская литература нивелировала во времена Радищева „высокое“ и простое: все, входящее в искусство, подчинялось единому закону эстетической условности. Радищеву нужно было создать словесный принцип „важной“, идейно значительной речи. Он хотел передать на русском языке в условиях национальной речи ораторский подъем, эмоциональное напряжение декламаций Руссо и Рейналя, языка Мирабо. Та самая тенденция прямого воздействия на слушателя-читателя, понимание литературы не как „служения чистым музам“, а как выступления вдохновенного трибуна перед своими согражданами, которая оформилась в ораторском искусстве французской революции, толкала и Радищева на создание форм идеологически-ответственной и приподнятой речи. Для создания ее он использовал славянскую стихию, подобранную им в языковой практике антидворянской культуры. Славянина здесь была признаком высоких, значительных идей, авторитетности кардинальных вопросов бытия. Радищев

пользуется языком, традиционно окруженным ореолом проповеднического пафоса и высших сфер мышления. О великих идеях, которые он хочет возвестить своему отечеству, он не может говорить языком быта, тем более языком дворянского салона.

Радищев заботится не об изяществе языка, а о силе. Проповедуя людям самые важные для них истины, он облекает свои мысли в формы проповеди социальных переворотов и свобод. Он не боится перегрузить свою речь не только славянскими словами, но и славянскими формами и оборотами. Так, он нередко использует славянскую форму деепричастия (надеяйся, приносяй, носяй, вещаяй, имей, соболезуяй, творяй, сеяй и др.) или причастия (возмнивый, приспевый и т. д.) Он пользуется также формой т. наз. „дательного самостоятельного“. Например:

Мне спящу — вместо: когда (пока) я спал.

Представшим пред него — вм.: когда они предстали...

Если идущу мне нападет на меня злодей — вм.: если, когда я иду, нападет...

Но если, младенцам вам сущим,... вм.: но если, когда вы были во младенчестве....

Едущу мне из Едрова — вм.: когда я ехал из Едрова... У Радищева мы найдем и славянскую форму родительного падежа прилагательных, — например, он говорит о людях „коих окружность мысленныя области не далее их ремесла простирается“.

Радищев применяет и другие славянские обороты, напр.: „Не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся“, т. е. „Ибо не мни (не думай), что можно любить того, кого принуждены бояться“.

„В сей день, в он же сокрушаются оковы“..., т. е. „в этот день, в который сокрушаются“...

„Многие государи возмнили, что они суть боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло“, т. е. „Многие государи возмнили, что они боги и все, до чего они коснутся, они делают блаженным и прекрасным“.

„Воспряни... от одра твоего, на нем же лелеешь чувства твои“, т. е. „Воспрянь... со своей постели, на которой лелеешь...“

Множественное число — „крылие“ — вм. крылья.

„Достойно бы, да вкусит трудившийся плода труда своих“, т. е. „Ибо следует, чтобы вкусил трудившийся“...

„Какия же ради вины обуздывает он свои хотения!“, т. е. „По какой же причине (или с какой же целью) он обуздывает свои желания“.

„Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского... буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели“, т. е. „Не соблюдай обычаи и нравы, не соблюдай гражданский закон... если их исполнение“ и др. Так, славянизмы у Радищева служат цели создания революционного языка.

П. Г. ЛЮБОМИРОВ

**„ОПИСАНИЕ
МОЕГО ВЛАДЕНИЯ“**

П. Г. ЛЮБОМИРОВ

„ОПИСАНИЕ МОЕГО ВЛАДЕНИЯ“

Среди посмертных произведений Александра Николаевича Радищева, напечатанных еще в первом собрании его сочинений 1806—1811 гг. есть одно, на которое до сих пор обращено очень мало внимания. Я имею в виду работу с длинным и несколько странным заглавием: „Вот описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или назови как хочешь“. Авторы, писавшие об Александре Николаевиче, нередко совсем не упоминали об этом сочинении (оба сына биографа, Незеленов, Сухомлинов). Используя его очень часто ограничивались только цитатами относительно положения крестьян в руках помещика (В. А. Мякотин) или брали еще некоторые данные „Описания“ для характеристики Немцова, к которому, по их мнению, это произведение относится (Н. П. Павлов-Сильванский, В. В. Мияковский). Содержание произведения, кроме цитат о крепостном праве, передавалось иногда в двух словах: работа „посвящена по преимуществу обсуждению агрономических и экономических вопросов“ (В. А. Мякотин). Немного больше сказал и Павлов-Сильванский, видевший в книге „результаты... наблюдений и изучений“ Радищевым сельского хозяйства: „Рассуждения его о свойствах почвы, об удобрении, о „капитале“ крестьянского хозяйства, о размерах наделов, о рукодельных работах и проч. обнаруживают разностороннюю научную подготовку, замечательную для того времени“.¹

Казалось бы, что произведение, в котором Радищев „обсуждал экономические вопросы“ и излагал, „обнаруживая разностороннюю научную подготовку“, свои „наблюдения и изучения“ сельского хозяйства, должно было привлечь внимание и биографов Радищева вообще и историков и экономистов в особенности. Но, сколько знаю, до сих пор никто не дал анализа изложенных в этом „Описании“ взглядов Радищева. В этом оправдание предлагаемого читателю этюда.

„Описание моего владения“ — будем для удобства так

¹ В. А. Мякотин. На заре русской общественности, Сборник статей „Из истории русского общества“, 2-е изд., СПб., 1906, стр. 219; Павлов-Сильванский. Жизнь Радищева, при изд. „Путешествие из Петербурга в Москву“, 1905 г., стр. VI и в „Очерках по русской истории XVIII—XIX вв.“, СПб., 1910, стр. 139—140.

называть это произведение — осталось, очевидно, незаконченным. Ряд обещаний, данных автором в начале и в конце работы, оказываются невыполненными. Так, на первых страницах, излагая своему корреспонденту (очевидно, предполагаемому) план сочинения, Радищев пишет: „Прежде всего я тебе скажу что нибудь о земле и о всем, до того (?) принадлежащем; потом (о) крестьянах, на оной живущих, далее доме моем и о себе и всем ко двору моему принадлежащем; а наконец о способах к лучшему хозяйству“.¹ Но в тексте, как он дошел до нас, нет ничего ни о доме, ни о дворе со всем к нему принадлежащем помещика этого „владения“.

Или в конце мы читаем фразу: „О удобрении лугов будем говорить после“,² но, хотя работа еще продолжается, до лугов речь не доходит.

Можно сказать, что и то, что было Александром Николаевичем написано, не было еще окончательно обработано. Встречаются как-будто недописанные фразы, вроде следующей вводной, помещенной в скобках после слова „параллелограм“ — „в математике сие выражение есть, может быть, невежды, варвары“.³ Попадают и незавершенные мысли. Так, говоря об „облегчениях“ „жителей низовых стран перед здешними“ (описываемыми) в пахоте и севе, автор под цифрой 1 указывает, что „вместо двукратной и тоекратной пашни низовой земледелец сеет яровой хлеб прямо по жнитву и редкий запахивает семена два раза, а чаще всего один раз вспашет и заборонит. Искусство его состоять должно только избирать лучшую для посева погоду. Но о благопоспешной или противной погоде будем говорить после“.⁴ Что же хотел Радищев сказать под цифрой 2, остается неясным. Есть ряд неисправленных описок.⁵

Наконец, попадают повторы; например, дважды указано, что в лесах описываемого владения „много“ или „очень много родится“ орехов и грибов;⁶ дважды написаны отдельные слова;⁷ не сведены к одному месту однородные данные и т. д.

Получается такое впечатление, как-будто автор неожиданно для него самого был оторван от этой работы.

Навстречу этому идет, как кажется, и хронология написания этого сочинения. Автор говорит о крестьянском хо-

¹ Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, изд. М. П. Акинфиева, т. II, стр. 246; в изд. под ред. Калаша, т. II, стр. 351. Далее эти издания цитируются сокращенно: Ак. — первое и К. — второе.

² Там же, Ак. 278, К. 387.

³ Там же, Ак. 248.

⁴ Ак. 252; К. 358.

⁵ Они указаны в изд. Калаша в редакц. примечаниях или в тексте, см. стр. 350, 352, 355 и др.

⁶ Ак. 248 и 254. К. 353 и 359.

⁷ В изд. Калаша это показано в примеч. редактора, стр. 352, 382.

зяйстве в своей вотчине в таком тоне, что заставляет предполагать некоторый более или менее продолжительный период наблюдения, напр. такая фраза: „Огородная работа совсем предоставлена женскому полу; разве когда мужчина вспашет огород, дабы тем работа была поспешнее“¹ и т. п. С другой стороны, он неоднократно указывает на свои „опыты“, которые он „делал над черноземом Тютнарским“². Это название переносит нас в Верхнее Аблязово, стоявшее в черноземном районе на речке Тютняр. А известно, что, вернувшись из Сибири в Немцово в июне 1797 г., к отцу Радищев отправился со всеми детьми „в начале 1798 г.“ и пробыл в Аблязове „целый год“.³ Очевидно, в это время он и изучал здесь состав почвы и присматривался снова, если бывал здесь раньше,⁴ к крестьянскому хозяйству. Отметим кстати любопытную черту характера Радищева. Даже приехав в семью отца после долгой разлуки, после ссылки, он не теряет даром времени и ведет хозяйственные наблюдения и научные химические анализы, к которым после Лейпцига вернулся особенно энергично в Илимске.

Наиболее естественным представляется относить работу над „описанием“ к 1800 г., а скорее всего даже к 1801 г.,⁵ когда по смерти Павла можно было так критически отнестись к его манифесту о трехдневной барщине, как это сделал в данной работе Радищев.⁶ И тогда недоработанность сочинения нужно объяснять тем, что амнистия 1801 г., прекращавшая подневольную жизнь Радищева в Немцово, позволила ему возвратиться в столицу, где он оказался вовлеченным в другие, государственного характера, занятия.⁷ Как-раз ко времени после возвращения из Аблязова и биограф-сын относит занятия „экономией“, которые чувствуются в „Описании

¹ Ак. 254, К. 359.

² Ак. 249, 267 примеч., 271—272; К. 353—354, 374 прим., 385—386.

³ „Русский вестник“, стр. 420, 421. В. Аблязово — село отца Радищева на р. Тютняр в б. Кузнецком уезде Саратовской губ.

⁴ Мы собственно не знаем, живал ли и если живал, то долго ли в Аблязове Радищев раньше. Фраза В. А. Мякотина: „Первые годы детства А. Н. Радищева прошли в Саратовской деревне его отца“ (стр. 169) не имеет под собой свидетельства источников. Наоборот, сам Радищев говорит о „березах-современниках моего детства“ в применении к Немцову — „Описание моего владения“, Ак. 246, К. 350. По официальному формулярному списку в деле Радищева он с пожалования ему чина коллежского советника, с 24 ноября 1783 г., „в отпуску не был“. („Полное собрание сочинений“ Радищева под ред. В. В. Калаша, т. II, 1907, стр. 607), т. е. с 1783 по 1798 гг. Александр Николаевич не бывал в Аблязове.

⁵ К 1797 или к 1798 г. не думал относить „Описание“ и В. В. Калаш на том основании, что упоминаемый в сочинении 1797 г. не назван ни настоящим, ни прошедшим. Полн. собр. соч., т. II, стр. 374, прим. I.

⁶ Об этом ниже.

⁷ В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, 1923 г., стр. 112—113.

моего владения“.¹ На то же намекает и указание самим автором „первого въезда“ своего в деревню;² т. е. он знает и другой — по возвращении из Аблязова.

Что же представляет собою это произведение?

Уже данное заглавие намеренным перечнем разных возможных названий объекта „Описания“ и еще более прибавкой „или назови как хочешь“ заставляет думать, что замысел автора имел в виду не индивидуальное описание „своего“ имения, а типическую картину помещицкой деревни. К этому же идет и то, что Радищев не захотел назвать „бывшего окружного городка“, а приведя — и не в начале, так что неосведомленный хорошо читатель и не отнесет этого обязательно к описанной ранее деревне — имя ее, он намеренно, думаю, прикрыл ее прозрачным псевдонимом „Земцово“ вместо „Немцово“.³

Но к типическому автор шел от конкретного. „Описание“ прежде всего имеет в виду Немцово. Об этом говорит и приведенное имя деревни, и упоминание „нашего бывшего окружного городка“ — Малоярославца, ставшего в административную реформу Павла безуездным, и общий ландшафт, и разбросанность и чресполосность земли, и качество почвы, и костюмы баб и проч. Однако то, что обычно брали из этого „Описания“ для характеристики Немцова, как-раз не соответствует этой деревне индивидуально.

Давая отдельные географические и этнографические конкретности изображаемой деревни, Радищев, однако, имел в виду не географическое описание такого-то пункта со всеми в точности присущими ему чертами. Он хотел дать картину хозяйства помещицкой деревни определенного района, и индивидуальные особенности Немцова должны были прикрыться округленными для удобства расчетов цифрами, причем автор не стеснялся и отходить, иногда довольно далеко, от конкретного материала, предлагаемого его вотчиной.

Покажем это на примерах.

Описывая свои впечатления „при первом въезде“ в деревню, автор о ней самой замечает: „В правую сторону от дороги за речкою построена деревня, из 36 дворов состоящая“.⁴ Однако уже сопоставление с цифрой населения — „крестьян мужска и женска пола, т. е. всех поселян, на земле

¹ Русский вестник, стр. 422.

² Ак. 246, К. 350.

³ Такие псевдонимы были в моде в XVIII веке. Ими широко пользовался, например, Щербатов в своем утопическом романе „Путешествие в землю Офирскую“. Раскрытие их — в статье Н. Д. Чечулина „Русский социальный роман XVIII века“, 2 изд., 1908, стр. 16—20, ранее в Журн. Мин. Нар. Пр. св. 1908 г., январь, стр. 115—166.

⁴ Ак. 246, К. 350; эти 36 дворов берет как реальные для Немцова В. В. Мияковский, стр. 88.

моей живущих... 360¹ — заставляет с осторожностью брать материал из „Описания“ для восстановления конкретного Немцова в конце XVIII века. И цифры очень уж круглы, и среднее население двора слишком высоко. И если мы сопоставим цифры Радищева с документальными данными о Немцове этой поры, то увидим, что и число дворов и количество населения были в деревне иные. В конце 1770-х годов, в период генерального межевания, в сельде Немцове было у Федора Афанасьевича и Николая Афанасьевича Радищевых, Александра Даниловича Тютчева и Луки Ивановича Засецкого 49 дворов и 189 душ мужского пола и 163 женского по III ревизии, т. е. наличных, вероятно, более. По пятой ревизии в доле Николая Афанасьевича показано в Немцове 20 мужского и 29 женского пола дворовых и 127 мужского и 127 женского полу крестьян.² А так как в конце 1790-х годов Николай Афанасьевич, уже слепой, хозяйничать не мог, а его сыновья юридически владельцами еще не были, то трудно предполагать какие-нибудь значительные изменения в численности населения за два года до приезда из Сибири Александра Николаевича, которому и выделено было Немцово в собственность. Итак количество дворов, нужно думать, было больше в Немцове, чем указывает Радищев в „Описании моего владения“; число душ, наоборот, им сильно преувеличено. Если же думать, что Радищев в числе 360 душ хотел показать все население Малоарославской вотчины, т. е. включал с. Локонское, д. Куклеиху и д. Верховье, то в них вместе с Немцовым по пятой ревизии состояло за Николаем Афанасьевичем 440 душ мужского и женского полу, т. е. в таком случае цифра „Описания“ слишком низка. Иными словами, цифровые показатели „Описания“ чисто условные.

Это можно показать и другими сопоставлениями. Например, лошадей в описываемом имении Радищев полагает 150. При 36 дворах это дает 4 лошади на двор. Средняя очень высокая. Едва ли можно согласиться с автором и в том, что в отношении людей это даст „по лошади на работника“.³ Если оставить его цифру населения, то в ней никак нельзя считать 150 мужчин-работников, а максимально 100, отбрасывая нерабочие возрасты хотя бы в пределах до 15 и свыше 60 лет и деля остальное поровну на мужчин и женщин, т. е. при цифрах Радищева будем иметь 1½ лошади на работника. Если же исходить из реальной величины

¹ Ак. 247, К. 351. Этой цифрой душ для характеристики Немцова воспользовался Павлов-Сильванский, стр. IV.

² Печатный „Атлас“ с описаниями Калужской губ. Малоарославского у. № 3 и ревиз. сказки в Калужском архиве — по Малоарославскому у., ч. I, № 209—155.

³ Ак. 255, К. 361.

населения Немцова, то при 150 лошадях мы получили бы почти две лошади на работника (в 1795 г. всех лиц мужского пола, т. е. вместе с детьми и стариками, было всего 147 человек). И та и другая средняя обеспеченность лошадьми оказывается опять высокой при той общей картине положения населения, которую рисует автор. А отсюда опять-таки следует, что и цифра лошадей взята Радищевым не из инвентарных ведомостей, которые бывали у особенно хозяйственных помещиков и которых, очевидно, не велось в Немцове, а совершенно условно, для удобства исчислений.

При таком характере цифр может возникнуть вопрос, какой же интерес, какую же цену имеет „Описание моего владения“. Интерес его в том, что оно дает для характеристики экономических взглядов Радищева. Значение его не в приводимых данных самих по себе, а в постановке темы и в приемах исследования.

Под нейтральным заглавием „Описание моего владения“ Радищев задумал, как мы уже отчасти видели, серьезную экономическую работу. Он не просто хотел дать изображение хозяйства деревни перечнем всех его элементов. Его задачей был анализ хозяйственных данных с тем, чтобы получить обоснованные результаты по части современного состояния этого хозяйства, которое заранее признается неблагополучным и, уяснив причины этого, предложить „способы к лучшему хозяйству“.

Хорошо сознавая разницу условий хозяйства в разных районах России и в разных системах помещичьего хозяйствования, Радищев берет определенный район и, очевидно, для большей простоты исследования и большей убедительности конечных выводов оброчную деревню. Район — ближе ему знакомая южная часть нечерноземной полосы, причем в изображении хозяйства неоднократно подчеркиваются разные особенности этого района в отношении почвы, порядка удобрения, приемов пашни и прочее путем сравнения с другими местами — низовыми (т. е. нижней Волгой), ярославскими и костромскими, тамбовскими и симбирскими, т. е. географический момент принят во внимание достаточно.

Хозяйство он берет земледельческое, главенствующее в России и преобладающее в этой полосе. Потому естественно анализ начинается с земли.

Описав состав землевладения, указав качество почвы в разных местах и перечислив разные угодья, автор дает и краткий количественный итог. Нужно отметить, что тут же уже подчеркнуты два момента не географического происхождения: разбросанность и удаленность (для некоторых участков 5—12 верст) от селения дач и чересполосность с другими владениями. И то и другое является „преградой на устройство порядочного земледелия“. Впрочем, последняя черта — черес-

полосность — осталась неучтенной в дальнейшей характеристике; быть может, трактовка этого вопроса предполагалась в части „способов к лучшему хозяйству“. Но роль расположения угодий отмечена, когда, например, говорится, что на пашни отдаленные „навоза не кладут никогда по причине их отдаленности“.¹

Общее количество земли на 360 душ населения Радищев берет в круглой цифре 1400 десятин, половину которых занимают „лес, кустарник, луга и земля неудобная“.² На душу получается всего 4 десятины земли и около 2 десятин пашни. Но автор тут же подчеркивает относительный характер малоземелья. Взяв отношение населения к площади — „на квадратной версте 25 человек“, — он восклицает: „Какая пустыня в сравнении населения (с населенностью? — П. Л.) не токмо Мальты, но и других государств“, и продолжает: „Совсем тем мы говорим, земли у нас очень мало и ныне правилом полагается, что на ревизскую душу надобно 15³ (десятин — П. Л.)“.

Эта мысль осталась, однако, неразвитой и несвязанной с другими моментами в хозяйстве.

Далее идет довольно обстоятельное описание техники полеводства с учетом особенностей отдельных культур и краткие замечания об огородничестве. Плохие урожаи хлебов Радищев определенно ставит в зависимость от техники хозяйства: „Способы возделывания у нас не весьма обильны, а потому и хлеба родится у нас мало“.

И в этом же отделе, в отступлении от плана, уже выдвигает „способ к улучшению“: „Если меньшее количество земли дает больше плода, нежели пространнейшее, то прокормляет большее число людей, следственно, предпочтется может другой работе, которая меньшее число людей прокормить в состоянии. В сем то разуме огородное земледелие заслуживает внимание не только сельского жителя, но и самого правительства“.⁴ Мысль, как опять видим, только брошена и притом мимоходом, с разрывом изложения.

В следующем отделе идет обсуждение крестьянского скотоводства с учетом полезности лошади и стоимости всего скота — Радищев говорит о „капитале в скоте“, к которому кстати прибавлена и „малозначащая“ отрасль — пчеловодство (всего в 4 дворах). И сейчас же добавлен учет стоимости

¹ Ак. 347—250, К. 351—355.

² Опять цифры и соотношения, не воспроизводящие немцовской действительности. В дачах самого Немцова по генеральному межеванию 770 десятин, из которых 590 пашни; во всех дачах Малоярославского у., в которых единственным владельцем или одним из них был Николай Афанасьевич, насчитывалось около 2720 десятин, а пашни 1920, т. е. там и тут пашня составляла значительно больше половины всей площади.

³ Ак. 247, К. 351. Стоит отметить, что в квадратной миле Радищев считает 7 квадратных верст.

⁴ Ак. 250—255, К. 355—361.

орудий земледельческих, „земледельческих строений“ и семян. Стоят внимания и здесь два замечания Радищева. Считая орудия труда в описываемой деревне „бесхитростными“, он отсутствие улучшенных, употребляемых в других районах, ставит в связь не только с косностью крестьян, но и с „малыми крестьянскими капиталами“. Впрочем, автор считает нужным отметить и приспособленность употребляемых здесь орудий к местным условиям: так соха здесь снабжена „гораздо тупыми“ сошниками, но острые и не нужны, „ибо земля столь тоща, что мало травы производит“, а „коса с пальцами“ при уборке хлеба оказывается „гораздо поспешнее и выгоднее“. Как видим, учет технических моментов ведется в применении к данной природной обстановке, причем не забыт и момент экономический.

Интересно, что, определяя капитал в „земледельческих строениях“, автор „не кладет в счет избу и баню, которые нужны всякому состоянию“, ¹ т. е. он хочет, очевидно, учесть один постоянный капитал, обращающийся, говоря тогдашним языком, в земледелии, или средства, вкладываемые крестьянством в земледелие и с ним специально связанные. Мысль, заслуживающая внимания, хотя Радищевым и не выдержанная до конца: ведь так же, как избы и бани, „всякому состоянию“ нужны и коровы и другой продовольственный скот, стоимость которого введена, однако, автором в состав „капитала“, очевидно, потому, что навоз идет на удобрение полей.

Непосредственно за этим подсчетом „капиталов“ Радищев дает и общий баланс крестьянского хозяйства. Но тут он опять забежал вперед, учитывая еще не описанные „рукоделия“. К ним и перейдем.

Точка зрения Радищева на значение и ценность разных отраслей народного хозяйства более или менее ясна из его „Путешествия“. В „Описании моего владения“ он высказывается на эту тему определеннее, но все же односторонне. Не дает он специальной оценки земледелию в общей системе хозяйства, но она ясна из его отношения к „рукоделиям“.

„Рукоделие крестьянское всякое, если оно его не отлучает от земледелия, есть весьма полезно. Следует, что самые мануфактуры, фабрики, заводы, звериные промыслы, извозы, поелику совершаются в зимнее время, суть весьма полезны, ибо долговременная наша зима, оставляя много праздного времени, не может лучше употреблена быть как на что-либо полезное или нужное“.

Таким образом, вопрос о промышленности обрабатывающей, как и о разного рода отхожих промыслах, обсуждается и здесь, как и в „Путешествии“, только с точки зрения участия в них земледельческого населения и воздействия этого

¹ Ак. 253—255, К. 361—365.

участия на земледелие. Общей постановки вопроса нет. Она, пожалуй, и излишня в описании именно деревни, а не России вообще, и при том деревни земледельческой прежде всего. Но ясно, что земледелию придается главенствующее значение вообще.

Женские рукоделья имеют целью обеспечение собственных потребностей в одежде; только часть пеньки „продают купцам для отвоза на Гжатскую пристань“, да холст идет „частию на продажу“.

Переходя к мужским рукоделиям и дав перечень их в описываемой вотчине, Радищев делает еще одну интересную оговорку: „В других землях такое исчисление рукоделий имеет место между городскими жителями, но в России долгая зима, малое плодородие некоторых губерний и худое хлебопашество преобразуют множество деревень в города“, — с точки зрения занятий жителей, надобно прибавить. Иначе говоря, природа создает только благоприятную обстановку, а экономика дает движущие силы. Но в деревне, описываемой здесь, и в отношении природы дело обстоит несколько иначе. В другом месте, говоря об уборке хлеба, Радищев отмечает, что „молотьбу производят почти через всю зиму“.¹ Есть дома и другие зимние работы. Очевидно, дело не в пустоте зимнего периода, а в избытке рабочих рук, причем он должен быть и летом: ведь на душу приходится всего 2 десятины пашни вместо полагающихся по положению — 9.² Но этот вопрос остался вне разработки автора.

Среди рукодельцев-мужчин автор различает две категории. Одна — это те, которые работают дома, как лапотники, ломщики и обжигальщики извести, серебрянники, или отходят на короткие сроки по зимам — кожевники, овчинники, портные, плотники и извозчики. Другую группу составляют пильщики, каменщики и кирпичники, а также канительщик, постоянно живущий в Москве, которые „суть худые земледельцы потому, что не живут дома“. Но как можно сделать их усидчивыми работниками на земле, когда в изображаемом владении ее не хватает на всех в нужном количестве, автор не показывает.

Всех уходящих на работы „Описание“ полагает 50 человек и чистый заработок их, за вычетом проездов и прокора, считает в 750 руб. в год.³

Тут же затронута и другая тема, на которой несколько остановимся попутно. Уходящие на долгие сроки, по указаниям автора, составляют четвертую часть работников (разумеется — мужчин). Они „земли не возделывают и не только от того вред земледелию, но и вред населению, ибо отлучен

¹ Ак. 253, К. 351.

² Ак. 42, К. 351—352.

³ Ак. 261—264 и 260; К. 367—371.

от семейства вдается в пороки, приносит болезни в дом. Баб с двадцать молодых бездетны и удивляться не должно, что они (не вставлено издателем) соблюдают верность брачного ложа, живут одни без мужей, а сии им в распутной жизни дают пример". Словом, автор уходит в тему, которую развивал и в „Путешествии“ („Едрово“). Однако упрек в односторонности освещения вопроса (не говоря уже о том, насколько основательно он поставлен и насколько прав автор в своих заключениях) в „Описании моего владения“ не может быть поставлен автору. Указав в отхожих промыслах одну причину „паче многолетние войны опустошению“, он сейчас же выдвигает и другую: „всеобщее почти у нас обыкновение женить малолетних ребят на взрослых девках“, которое ведет также к обоим отмеченным выше явлениям — уменьшению населения и внедрению „распутства“. Здесь не сказано определенно, у кого это „у нас“ такое „обыкновение“, но несколькими строками ниже в обсуждении темы о взаимоотношениях крестьян с помещиком прямо отмечено в числе прав барина: „5) Располагает браками и спаряет как хочет“.¹ Опять и в анализе моральных явлений в деревне видим понимание и экономических и социальных корней.

Но этой темой Радищев увел нас в сторону. Вернемся к экономике.

Нам остается вслед за автором пересмотреть цифровые итоги хозяйства его гипотетической деревни.

Основной капитал, вложенный в земледелие, достигает 8 200 руб. и состоит из следующих частей: „капитал скота“ — 4 000 руб., орудия — 200 руб., строение — 1 000 руб., семян — 3 000 руб.

Стоимость „работы земледельческой“ „в лето“ автор полагает в 2 500 руб.

Так как семена введены в состав постоянного фонда в земледелии, то в доходе, естественно, фигурирует только сбор за исключением семян. Засев определяется в 250 четвертей озимого и 500 четвертей яровых хлебов. „Урожай“ полагается „третичный“, т. е. за вычетом семян будем иметь озимого хлеба 500 четвертей стоимостью „по средней цене“ 3 руб. четверть и яровых 1 000 четвертей по 2 руб. четверть (здесь пшеницы совсем нет в посеве). Таким образом сбор хлеба оценивается в 3 500 руб.

Другие доходные статьи Радищев определяет так: „С коров доходу в каждый год, считая молоко, масло и продажных телят — 600 руб.; с овец — шерсть, битые бараны и овчины — 250 руб., со свиней, считая битых поросят и боровов, — 70 руб., с пеньки, поскони и льна — 580 руб.“

„Всего крестьянского дохода с хлебом вместе 5 000 руб.,

¹ Ак. 364—265; К. 371 и 372.

„что и составит, — прибавляет Радищев, — более 50%“. К чему? Очевидно, к одному капиталу; стоимость рабочей силы совсем не принята во внимание. Мы определяли бы теперь соотношение валового дохода, основного и переменного капитала, конечно, иначе.

Доход от „рукоделий“, который выведен по учете издержек, автор присчитывает сразу к чистому остатку от дохода с земледелия, после вычета всех крестьянских расходов.

Эти последние определяются Радищевым в таком составе (мы изменим порядок их). 1) Собственное потребление хлеба — на 2000 руб., „доход с коров почти весь“ — 500 руб., „доход с овец“ весь полностью для себя — 250 руб., со свиней, наоборот, только 40 руб.; поскони и льну для собственного потребления на 280 руб. т. е. из своего хозяйства на обеспечение потребностей населения деревни уходит продуктов на 3070 руб. (из 5000 руб., стоимости всего добываемого, не считая семян). 2) Расходы, связанные с выполнением государственных и общественных податей и повинностей, берут 400 руб.: 230 руб. подушных и прочих платежей, 100 руб. в год рекрутских расходов и 70 руб. „прочих и общественных“. 3) „Господского оброка“, т. е. в данной системе аренды за землю 800 руб. в год. Интересно при этом отметить, что Радищев считает, таким образом, оброк в размере почти 4 р. 50 к. с души (мужского пола), т. е. меньше того, сколько в качестве средней величины для Великороссии (5 руб.) указывает для конца царствования Екатерины II специалист-исследователь.¹

Наконец, очевидно, только для округления цифры „издержек“ внесено еще 30 руб. „на мелочи всякие“. Тридцать рублей на 36 дворов, т. е. меньше 85 к. на его гипотетический очень населенный (10 человек с детьми) двор в год! Величина, конечно, ничтожная, закрывающая возможность обеспечить население солью, убогою утварью (в деревне Радищева нет горшечников), минимальным количеством железа и проч.

Совершенно вне учета оказались расходы на амортизацию и ежегодный ремонт инвентаря, на пополнение убыли рабочего скота (ибо Радищев подчеркивает: „жеребцов в нашем селении нет и кобыл очень мало“, а потому и жеребят и „лошадей на убылые места покупают), на амортизацию и ремонт „строений“.

При таком преуменьшенном счете расходов общий итог хозяйства деревни получается положительный: 5000 руб. дохода — 4300 руб. всех „издержек“ дают остаток в 700 руб., т. е., заключает Радищев, „почти по 2 руб. (на человека), что каждый год от земледелия приобретается“. Но эти 700 руб. надо бы сопоставить с 2500 руб., в которых выражается ежегодная трата рабочей силы в земледелии, т. е. избыток получается только

¹ В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е, СПб, 1903 г., стр. 53.

потому, что труд крестьянский оставлен без оплаты, очевидно, на основании того, что эта работа в собственном хозяйстве. Но, может быть, Радищев сознательно, уступая суждениям среды, оставил в стороне затрату труда, ограничившись указанием ее высокой рыночной стоимости. В другом месте „Описания“ он говорит: „о задачах, даваемых земледельцами, из расчета капитала с доходом, от возделывания земли получаемым, сказать будет нужно что-нибудь, хотя в России (редко где исключая) разве одни семена почитаются задатки, орудие и здания кое-когда, а работа ни за что“.¹

К 700 руб., „приобретаемым от земледелия“, Радищев причисляет 750 руб., добываемых „рукоделием“, и делает общий вывод: „И так можно считать, что каждый год селяне мои около 1 500 руб. приобретали капитала, из коего оточтя 500 рублей на праздники, выйдет по 25 рублей (на двор — собственно несколько более. — П. Л.) каждый год в клад“.

Радищев утверждает, что „сие исчисление, конечно, не увеличено“. Мы сказали бы обратное, не входя в проверку вычисления каждой отдельной статьи прихода и расхода. Но и сам автор сейчас же дает существенную поправку к своим выводам: „Если найдутся (в изображаемой деревне) дворов десять, которые имеют капитала от 25 до 200 руб., то у других нет в кладу ни копейки, по причине или распутной жизни, или несчастных приключений, как-то: скотский падеж, совершенный неурожай и прочее тому подобное“.²

Итак, в благополучный вывод о возможности, о необходимости накопления средств в крестьянской среде вторгаются уже со стороны „несчастные приключения“. А кроме того вывод, даваемый здесь, оказывается несогласованным с замечаниями, брошенными в других местах. Вот одно из них: „Употребляя зимнее время в работу или промысел, состояние земледельца трудолюбивого может быть сносно, но только сносно, без избытка“. Это касается, по мнению автора, „крестьян ярославских, костромских и некоторых других“.³ Но мало отличается и положение крестьян рисуемого имения. В другом месте уже прямо о них говорится: „Они не знают, каким образом оное (земледелие) обогащать может, и вместо того, чтобы прилежать к оному, прилежат к торгу, и когда богатеют, то богатеют оным“.⁴ И так источник положенных в „клады“ денег есть совершенно иной, совсем не учтенный в общих подсчетах доходов и расходов деревни.

Словом, можно было бы высказать немало сомнений и возражений по поводу суждений и выводов автора. Но не за-

¹ Ак. 250; К. 354.

² Ак. 259; К. 365—367.

³ Ак. 256—257 и К. 362.

⁴ Ак. 255; К. 361.

будем, что перед нами только черновой недоработанный эскиз. Мы не знаем, во что обратился бы он в окончательно отделанном виде.

Деревня, которую изображает Радищев, как мы уже видели, помещичья оброчная. В „Описании“ упоминается бывшая „господская пашня“, существовавшее ранее „господское хозяйство“. Естественно поэтому, что в анализе хозяйства деревни нельзя было обойти роли самого помещика. Но пока он фигурировал только как получатель с деревни оброка. В заключение своего изображения современного состояния деревни Радищев и останавливается на „важнейших отношениях и обязанностях“ крестьянина „против его господина“. Эта именно страничка „Описания“ более всего и использовалась исследователями.

Излагает Радищев эти „обязанности“ крестьянина в форме прав помещика, который: 1) „может продать его (крестьянина) оптом или подробно“, т. е. в розницу с разлучением даже семьи, 2) „может его заставить работать, сколько хочет“, 3) „может его наказывать по своему рассмотрению“, 4) является „господином его имени и детей его, дает и отъемлет по своей воле“ и 5) „распоряжается браками и спаряет, как хочет“. Общий вывод формулируется одной сильной фразой: „земледелец есть раб в сем отношении совершенно“.

Эту краткую, но яркую и выразительную формулу полноты помещичьей власти Радищев сделал еще выпуклее, дополнив ее саркастической отрицательной характеристикой — указанием — чего помещик не может делать с крестьянином. „И так не может господин уволить селянина своего от государственных податей, от наказания за преступления, заставить жениться на родне и в посты есть мясо“. Иначе говоря, господин не имеет права только требовать от крестьянина нарушения государственных узаконений и церковных постановлений.

Кроме обязанностей в отношении помещика, Радищев считал необходимым отметить повинности и обязанности крестьянства по отношению к государству, поскольку и они имели значение в хозяйственной деятельности деревни.

„В отношении государства селянин обязан жить на одном месте, но и то доколе господин его хочет; отдавать рекрут всякого рода, какие бы ни были; платить подати; судиму быть за общественные преступления в судебных местах“.

¹ По этому поводу Радищев дает верную и меткую характеристику Павлова указа о трехдневной барщине: „Ныне только запрещено работать по воскресеньям, и советом сказано (именно в форме совета, а не законодательного установления с санкцией за нарушение — П. Л.), что довольно трех дней на господскую работу“, и сейчас же правильно Радищев прибавляет, что такой манифест „не великое будет иметь действие, ибо состояние ни земледельца, ни дворового не определено“.

Анализа всех этих моментов не дано, но что они в данной связи появились в „Описании моего владения“ не просто для того, чтобы показать тяжелое положение крепостных, а с целями определить их роль в хозяйстве этих последних, говорит заключительная и вместе программная для развития в целый отдел фраза: „итак, селянин, если имеет употребление чего-либо, то делается только из благосердия господина“.

Следующая фраза в незаконченной форме своей намечает и план „способов к лучшему хозяйству“ в этом отношении. „Кажется, поелику поселянин платит подать, то он, дая (для?) удовлетворения тому, должен иметь собственность, и проч.“¹ Очень характерно именно для наброска это упоминание одной подати из большой совокупности обязанностей крестьянина перед государством и добавление „и проч.“ к указанию на необходимость обеспечения его собственности.

Таково основное содержание первой части „Описания моего владения“, которой внешне придан характер вступления.

Далее две главы, пронумерованные как первая и вторая, чем и придается предыдущему вид вступления, посвящены „способам к лучшему хозяйству“ и именно агрономическим. Первая глава трактует о приемах исследования состава почв и об опытах в этом направлении самого Радищева над тютнарским черноземом. Вторая глава менее цельна по содержанию. Сначала речь идет об удобрении и вместе о пахоте, как они проводятся в России и как это делается в Англии, или рекомендуется „известными земледельцами.“ Затем особый отдел посвящен различным вопросам, связанным с севом. И в небольшом последнем, можно сказать, параграфе, не связанном непосредственно с предыдущим, дан перечень разных орудий, употребляемых в России „для возделывания земли“.

Очевидно, вопросам агротехническим предполагалось посвятить немало места, но изложение оборвано, так сказать, на полуслове.²

Для меня слишком далеки вопросы агрономии XVIII века, чтобы я мог заняться анализом этих данных. Но нужно пожелать, чтобы на трактат Радищева с этой стороны обратили внимание специалисты. Они могли бы, думается, показать и степень широты и характер подготовки Радищева в этих, по всему видно, очень интересовавших его вопросах, и, так как он не раз высказывает свои соображения, степень самостоятельности его суждений. Мы можем только подчеркнуть, что Радищев проявляет здесь и широкое знание России, и знакомство с большой специальной литературой.

¹ Ак. 265; К. 371—372.

² Ак. 265—379; К. 373—388.

Но чувствуется, что эти агрономические темы были подготовительными к разрешению основной. Автор, в сущности, имел в виду написать отдел из экономии сельского хозяйства России XVIII века, а именно о хозяйстве помещичьих крестьян. В подходе к разрешению своей задачи Радищев обнаруживает большую широту и хорошую зоркость. Начав с физико-географических условий, он изучает затем агротехнический процесс, все время не упуская из вида экономики его. Переходя к экономическому анализу и подготавливая конечные выводы, он стремится охватить всю совокупность воздействий социально-экономической среды. Правда, последняя тема, как впрочем и целый ряд других вопросов, поставлена неполно и только намечена. Но важна именно постановка вопроса, указание путей к его решению.

Не менее интересно то, что в отличие от многих других экономистов XVIII века Радищев в „Описании моего владения“ идет не от интересов помещика, а берет крестьянское хозяйство как таковое. Именно крестьянское, а не помещичье, в котором участвуют крестьяне, хозяйство хочет он изучить.

И совершенно ясно, что во втором отделе „о способах к лучшему хозяйству“, который мы в его широкой постановке можем назвать отделом о сельскохозяйственной политике в России, если бы он был дописан до конца, мы прочли бы подробно разработанный проект того, как можно обеспечить крестьянину „собственность и проч.“, т. е. проект освобождения крепостных.

Таким образом, возвратившись из Сибири, Радищев опять вернулся к разработке того же вопроса, который ставился в знаменитом „Путешествии“. Только в „Путешествии“, книге возмущения и гнева, писатель-борец всеми бывшими в его распоряжении средствами прежде всего хотел действовать на чувство. Теперь, занявшись исследованием, он сковывает свое горячее сердце, изредка лишь прорывающееся в спокойном течении методического, иногда несколько подробного изложения, и стремится доводами научного характера подчинить себе разум читателя.

Но когда открылись перспективы участия в законодательной работе в обстановке, казалось в начале, благоприятного доброжелательства либеральных „друзей“ либерального императора, научный трактат был оставлен. Казалось, что главный вопрос жизни Радищева можно было поставить с надеждой на скорое и положительное разрешение в законодательном порядке. И увлеченный новою, скоро оказавшеюся несбыточной, мечтою Радищев методу убеждения без уверенности в успехе предпочел действие законодательным приказом, обязательным и для нежелающих слушать доводов чувства и убеждений разума.

В. П. СЕМЕННИКОВ

**ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ КРУГ
РАДИЩЕВА**

В. П. СЕМЕННИКОВ

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ КРУГ РАДИЩЕВА

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ „ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ“ И ЕГО СВЯЗЬ С МОСКОВСКИМИ МАСОНАМИ. — КРУЖОК „УТРЕННИХ ЧАСОВ“.

Литературно-общественная жизнь Петербурга, в котором протекала деятельность Радищева, в восьмидесятые годы XVIII в. отличалась, несомненно, значительно меньшей активностью, чем в Москве. Там в эти годы развивалась широкая деятельность Новикова и группировавшихся вокруг него масонов — деятельность, влияние которой сказывалось и в области литературной. Роль масонства в этом последнем отношении была связана с широким развитием новиковского издательства и с ростом той литературной общественности, которая формировалась в различных литературных предприятиях, созданных московским масонским кружком.

При этом если масонство развивалось у нас исключительно в дворянско-помещичьем кругу (кроме единичных случаев), то нельзя сказать, чтобы влияние масонской идеологии проявлялось только в этой среде. Масонство имело ряд средств воздействия и на другие социальные группы; среди этих средств видное место занимала издательская деятельность, так широко развитая в Москве Новиковым. При этом интересно отметить мало кому известный факт, что собственно в отношении издательства Москва играла роль не только для России, но отчасти даже и для некоторых европейских государств; в Москве печатались масонско-мистические книги и на французском и на немецком языках, предназначавшиеся, несомненно, и для распространения за границей.

Другим средством воздействия масонов на разные социальные слои была школа и, прежде всего, Московский университет, где руководящую роль в восьмидесятых годах XVIII в. играли масоны. Так обеспечивалось воздействие масонской идеологии на воспитание „разночинцев“, из которых в значительной степени и состояли студенты Москов-

ского университета. В Петербурге же, где, до своего переезда в 1779 г. в Москву, действовал Новиков, возглавлявшийся им масонский кружок, помимо издания своего журнала „Утренний свет“, организовал два народных училища, содержавшихся на средства этого кружка.

Однако по самой своей сущности масонство в его руководящем течении (новиковском, московском) отнюдь нельзя рассматривать как явление прогрессивного порядка: с мистико-религиозным содержанием масонства соединялась и политическая реакционность, соответствовавшая классовым позициям того крупно-помещичьего круга, который руководил русским масонством.

Это не мешало, конечно, тому, что в масонском кругу могли существовать и отдельные лица и отдельные ложи прогрессивного направления.

Радищев был связан с Новиковым еще на первых порах петербургской деятельности последнего: организованное в 1773 г. Новиковым в Петербурге „Общество, старающееся о напечатании книг“ издало в том же году переведенное Радищевым сочинение французского революционного писателя Мабли „Размышления о греческой истории“. Девиз этого общества — „Согласием и трудами“ дает возможность предполагать, что переводчики и авторы издававшихся этим обществом книг, а значит и Радищев, сами и являлись его участниками.

Замечательная сама по себе книга Мабли в русском переводе представляла явление совершенно исключительное, благодаря сделанному Радищевым к одной из страниц текста „примечанию“, в котором была высказана мысль, что „самодержавство есть наипротивнейшее естеству человеческому состояние“.

Помимо связи с Новиковым по названному издательскому обществу, Радищев, как это можно считать бесспорно доказанным, принимал участие в новиковском журнале „Живописец“ 1772 г. Помещенный здесь „Отрывок путешествия в *** И*** Т****“ можно рассматривать, как первоначальный набросок одной из глав уже тогда задуманного Радищевым „Путешествия“.

Новиков, прекратив в 1774 г. издание сатирических журналов, вступил в масоны и, сгруппировав вокруг себя кру-

жок единомышленников, начал в 1777 г. издание уже упомянутого журнала „Утренний свет“. Есть основание думать, что Радищев, в 1773 г. посещавший масонскую ложу „Урания“, также в той или иной мере был близок к этому кружку. В пользу этого говорит, между прочим, тот факт, что в перечне подписчиков „Утреннего света“ значится имя Радищева, а в такие перечни обычно попадали близкие издателям лица и знакомые их. Кроме этого, вероятность такого предположения подтверждается и тем, что в новиковском кружке „Утреннего света“ самое деятельное участие принимал ближайший друг Радищева и его сотоварищ по лейпцигскому университету А. М. Кутузов, и едва ли бы Радищев не пожелал примкнуть к тому кружку, в котором играл видную роль этот любимый им и в некоторых отношениях идейно близкий человек, которому было посвящено „Путешествие из Петербурга в Москву“. В частности, отмечу, что в „Утреннем свете“ был напечатан А. М. Кутузовым перевод „Федона“ Мендельсона — того самого сочинения, которым широко воспользовался Радищев в своем позднейшем трактате „О человеке“. Это дает основание думать, что обоих друзей уже тогда объединил, между прочим, и общий интерес к тем метафизическим вопросам, которые рассматривались Мендельсоном в его „Федоне, или разговоре о бессмертии души“.

В число различных общественных предприятий, возникших в Москве под влиянием масонов, входило и так называемое „Собрание университетских питомцев“, возникшее в 1781 г. Это было литературное общество, состоявшее из студентов университета, а также из некоторых лиц, уже его окончивших, но не порывавших с ним связи. Кроме того, принимали в нем участие и некоторые из профессоров и, в частности, один из масонских главарей И. Е. Шварц, игравший здесь руководящую роль. Председателем общества состоял студент М. И. Антоновский.

Студенты университета, группировавшиеся в этом „Собрании“, принимали самое активное участие в литературно-издательских предприятиях масонского кружка: многие из них выступали переводчиками издававшихся тогда Новиковым книг, и трудами этих же студентов в значительной мере наполнялись издававшиеся тогда им журналы, особенно „Вечерняя за-

ря" (1782) и „Покоящийся трудолюбец" (1784—1785). При этом, так как студентам, видимо, была предоставлена в этом отношении значительная доля самостоятельности, то в журналы эти, несмотря на преобладающее их религиозно-мистическое направление, вторгались иногда статьи и иного характера; так, здесь печатались переводы из Вольтера, из Локка и др.

Молодые люди, окончившие Московский университет, рассеивались по всей России, где поступали на разные чиновничьи должности. Но более всего бывших московских студентов, понятно, оседало в Петербурге. Сюда же обычно направлялись, преимущественно для отбывания службы в гвардии, представители дворянской молодежи, оканчивавшие при Московском университете благородный пансион, в котором также культивировались литературные интересы. Так это было и в 1783 г. когда университет окончил председатель „Собрания питомцев" упомянутый М. И. Антоновский; он и некоторые из его товарищей вскоре после этого перебрались в Петербург.

После переезда группы бывших московских студентов, возглавлявшихся Антоновским, в Петербург среди них возникла мысль организовать здесь нечто подобное тому литературному обществу, которое существовало в Москве. Так возникло в Петербурге „Общество друзей словесных наук". К этому обществу примкнул и Радищев, и именно этому литературно-общественному кругу посвящена настоящая работа.

Антоновский оставил Московский университет в сентябре 1783 г. и если не в этом, то в 1784 г. петербургское „Общество друзей" было уже организовано. Это видно и из упоминания об этом обществе в „Записках" писателя С. А. Тучкова, упоминания, которое нужно отнести именно к этому последнему году. Слова Тучкова подтверждают, между прочим, и ту связь, которая существовала между основанным в Петербурге обществом и московской литературной средой.

Тучков рассказывает, как, находясь в Москве, он вошел в состав членов существовавшего при университете „Вольного российского собрания, пекущегося о распространении словесных наук"; когда же затем он собрался переезжать в Петербург и побывал в университете, чтобы проститься

со своими сочленами, то получил от них письма в другое такого же рода общество, основанное в Петербурге под названием „Друзей словесных наук“. К этому обществу и приобщился Тучков.

Мы имеем только два-три печатных известия относительно „Общества друзей“. Одно из них сохранилось в переписке Державина. В 1786 г. поэт, бывший тогда губернатором в Тамбове, обращался к М. И. Антоновскому с письмом от 11 марта, в котором просил относительно одного дела в Адмиралтейств-коллегии, где тогда служил Антоновский. В этом же письме Державин интересовался узнать, не принимает ли Антоновский участия в появившемся тогда журнале „Зеркало света“

„По искусству и охоте вашей к литературе, — писал Державин, — подозреваю я быть участником и вас в сем полезном деле, желаю вам в том успеха, славы, благополучия, какое может быть у нас от авторства“

Антоновский ответил:

„Зеркало света не есть издание Общества, коего я член, но господ Туманского и Богдановича (не сочинителя Душеньки, а другого какого-то). Впрочем, позвольте мне открыться в моей радости, видя из письма вашего толь благое в пользу нашу о Обществе нашем мнение, и принести за то искреннейшую от имени Общества Друзей Словесных Наук признательность. Пустились бы, может быть, и мы в свет со своими изданиями, ежели бы сумятица, в целом Государстве о цензуровании книг, от монахов происшедшая, по случаю напечатания некоторых у г. Новикова высочайше замеченных вредными и раскольническими книг, если бы, говорю, сия сумятица, поудержав нас, между тем не лишила ревностного споспешествователя в рассуждении отпечатания г-на Тейлса, который ныне выбыл из Сената и Петербурга в новгородское, как я слышал, наместничество. Однако же мы уже изыскиваем другие к тому средства и надеемся вскоре пуститься в море“.

Упоминаемый здесь И. А. Тейльс — видный петербургский масон, сам писатель и переводчик. Он давно уже выступал в литературе и еще в 1769 г. издавал журнал „Полезное с приятным“. Позднее он примкнул к петербургскому мистическому кружку Новикова, выпускавшему журнал „Утренний свет“ (1777—1779 гг.), доход от издания которого шел на содержание организованных этим кружком народных училищ. С этой же последней целью И. А. Тейльс выпустил в 1783 г. (анонимно) книгу своих сочинений и переводов, под названием „Собрание трудов одного россиянина, изданное в пользу училищ, заведенных издателями „Утреннего света““. Конечно, именно на основании этих близких отношений, Н. И. Новиков,

когда в 1783 г. организовался петербургский масонский капитул (управление), рекомендовал И. А. Тейльса в письме к одному из главарей петербургского масонства А. А. Ржевскому (женатому, кстати сказать, на ближайшей подруге жены Радищева):

„Я имею честь, — писал Новиков, — рекомендовать вам в капитель ваш Игнатия Антоновича де Тейльса, коего вы можете через Степана Васильевича Перфильева ввести. Он человек по всему заслуживающий наисправедливейшим образом эту честь“.

В приведенной цитате из письма Антоновского особенное внимание обращает на себя указание на то, что „Общество друзей словесных наук“ замышляло начать собственную издательскую деятельность, но что этому воспрепятствовала „сумятица“, происшедшая вследствие произведенного тогда освидетельствования печатавшихся Новиковым книг, причем некоторые из них были запрещены и отобраны из всех книжных лавок. Из этих слов Антоновского можно заключить, что Общество друзей, рассчитывая начать издательскую деятельность, думало вести ее в том же мистическом направлении, которое составляло основу новиковского издательства. При таких условиях едва ли можно сомневаться в том, что в своих издательских планах Общество друзей действовало не столько по собственной инициативе, как по директивам главарей московского масонства, пользовавшихся всяким случаем, чтобы расширить свою издательско-пропагандистскую деятельность. Они и в Москве, кроме трех находившихся открыто в их распоряжении типографий (университетская, Типографической компании и типография, как бы лично Новикову принадлежащая), имели в своем негласном ведении еще одну частную типографию (Мейера) и, вероятно, искали возможности развернуть издательскую деятельность и в Петербурге. Таким образом, в смысле издания книг, Общество друзей должно было, повидимому, стать как бы петербургским филиалом центрального московского масонского издательства. Однако предположениям в этом направлении не пришлось осуществиться, и именно потому, что на издававшиеся в Москве мистические книги было обращено внимание правительства.

Относительно Общества друзей упоминает также и сам Антоновский в написанном им своем „Жизнеописании“.

Говоря о ближайших, после переезда в Петербург, годах своей жизни, он пишет:

„В течение сих четырех лет Антоновский, всегда ревнуя к упражнению в науках и к раскрытию дарований в молодых людях на пользу общую и славу отечества, согласил некоторых из своих соучеников, находившихся уже в службе государственной, и других благовоспитанных юношей благородных составить в С.-Петербурге под его руководством ученое общество для упражнения в сочинениях и переводах и для издания оных в печать, которые и напечатаны в ежемесячном издании под заглавием „Беседующий гражданин“ 1788 года“.

То, что Антоновский играл руководящую роль в организации Общества друзей, представляется вполне вероятным, принимая во внимание, что и в Москве он состоял председателем университетского литературного общества.

Роль, которую играл в этом деле Антоновский, побуждает несколько подробнее остановиться на его характеристике, тем более, что он представляет явление довольно типичное для той мистико-масонской среды, в которой он воспитался.

В лице М. И. Антоновского московские масонские главари имели вполне преданного их „учению“ человека: это был мистик крайнего типа, ожесточенный противник всякого проявления свободной мысли, всякого „вольтерианства“.

М. И. Антоновский (род. в 1759 г.) до поступления в Московский университет учился в Киевской духовной академии, а по окончании университета, где он, как мы видели, был председателем студенческого литературного общества, он, по рекомендации московских масонских главарей, был устроен в Петербурге секретарем при вице-президенте Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеве (также бывшем масоном) и успел приобрести такое расположение последнего, что даже стал жить у него в доме, „яко сущий его семьянин“. При этом Антоновский имел возможность завести знакомство с такими людьми, как гр. А. С. Строганов, архитектор В. И. Баженов, С. Н. Плещеев. Все это лица, хорошо известные в истории масонства.

В 1787 г., во время путешествия Екатерины на юг, Антоновский сопровождал находившегося в ее свите Чернышева; когда же Чернышев отправился затем за границу для лечения, то взял с собой Антоновского. Из-за границы Антоновский вернулся в мае 1788 г., но, вследствие „размолвки“ с Чер-

нышевым, — как он говорит в своем жизнеописании, — уволился от службы при нем, отчислившись от Адмиралтейств-коллегии (где он состоял в должности старшего секретаря). Во время шведской войны 1789 г. Антоновский был назначен правителем канцелярии при командовавшем тогда флотом адмирале В. Я. Чичагове, а по окончании войны ушел из морской службы. Но в том же 1790 г. Антоновский опять попал за границу в составе посольства, отправленного с кн. Голицыным во главе для поздравления со вступлением на престол римско-германского императора Леопольда II. О дальнейшей судьбе Антоновского, по возвращении из-за границы, будет сказано ниже.

Для характеристики тех воззрений, которые вырабатывались у студентов под влиянием масонов, интересно собственное свидетельство Антоновского (в „Жизнеописании“), что он более всего „выделился“ в университете решением предложенной студентам задачи „Больше ли вреда или пользы принесли Европе крестовые походы“, причем Антоновский, — как он сам подчеркивает, — оспаривает

„невежество (так и сказано. — В. С.) тогда боготворимого Европою, а особливо в России, г. Вольтера, решившего, что больше вреда Европе оные походы принесли“.

Реакционно-мистический характер носит и вся позднейшая деятельность Антоновского, в том числе и большая часть его печатных переводных работ.

Мистикой проникнуты и „исторические“ работы Антоновского. Так, задумывая позднее, уже в 1806 г., издание какого-то нового „Беседующего гражданина“, автор собирался сообщить в нем

„повествование о богопочтении, законах и правлении Российских, от Магога, Мосоха, Тобола и Оираса, сынов Иафетовых, внуков Ноевых, яко праотцов народов населяющих Российскую Империю до настоящего времени“¹.

Все это „повествование“ предполагалось разделить на восемь частей:

„по числу главнейших эпох Российской истории с 1800 года от сотворения мира по 1806 год по Р. Х.“

¹ Все цитаты из записок и заметок Антоновского — из его бумаг, хранящихся в Архиве ИРЛИ.

Чудовищные даже для того времени мистико-исторические построения сказались и в такой, повидимому, чуждой всякой мистике работе, как организация Публичной библиотеки, к чему был привлечен позднее Антоновский. Выработывая здесь план распределения книг, Антоновский делит все знания человеческие на семь отделов, и основанием для этого является не что иное, как слова Книги премудрости Соломоновой:

„Премудрость созда себе храм и тверди столпов седмь“.

Вся эта мистика—одно из проявлений идеологии той реакционной дворянско-помещичьей (скорее даже аристократической) среды, с которой приходилось соприкасаться Антоновскому. Немудрено поэтому, что он, сын чиновника и семинарист, не прочь почваниться своим будто бы древним дворянским происхождением и пишет в этом отношении нелепые вещи (правда, это было уже значительно позже интересующего нас периода жизни Антоновского).

Однако Антоновский иногда высказывал и такие мысли, которые являются вовсе неожиданными. В своих изданиях Антоновский восхваляет царей, посвящая им книги. Но там, где Антоновский пишет для себя, в его личных, интимных бумагах открывается иная сторона. Он мечтает о каком-то выборном царе и даже высказывает мысль об истреблении недостойных властителей. Вот текст одной записки, набросанной Антоновским, конечно, для себя (без даты, но начала XIX в.).

„Когда толь подлая, нязкая, злоковарная, гнусная, вредная человечеству всему и разрушившая все его благоденствие порода занимает в Европе престолы, так скажите, грех ли истребить оную? Посадить вместо оных прямо достойных быть старейшинами, князьями, повелителями, царями? — Отвергнем самолюбие, адскую кичливость, попечемся о миллионах собратий наших — человек! Посадим на престол достойнейших из нас, не по их самолюбию о себе, но по единому духу, беспрепятственному, ничем не стесняемому выбору нашему! Иначе страдания наши — всего рода человеческого — не кончатся, — и будем ожидать пришествия царствия небесного и к нам на землю... туне!“

И что такие настроения связывались иногда Антоновским непосредственно с мыслью о России, видно из сохранившейся его любопытной записки, под названием „Начертание“, где вкратце, в слегка зашифрованной форме сообщаются сведения о нецарском происхождении Екатерины, Петра III, Павла и Константина Павловича. Павла Антоновский называет здесь

„судомойкиным сыном“ и этим происхождением объясняет ненависть к нему Екатерины. Сообщая сведения о тех обстоятельствах, при которых происходило рождение великих князей, Антоновский заключает свою заметку так:

„Из сего явствует, какая это плюгавая семейка, и как недостойна она быть тем, чем есть, и желает еще быть. Доказательство тому есть вред О(течеству), какой наделаала сия плюгавая семейка!“

После таких отзывов о Романовых немудрено, что в своих записывавшихся им „Снах“ Антоновский не обнаруживает ни малейшего почтения к царствующим особам и обычно представляет их себе в весьма нецарских и комических положениях. В общем, в сознании Антоновского „мистическое величие“ русского царизма как-будто совсем поблекло.

Из переводных литературных работ Антоновского нужно назвать наиболее значительные: „Нурзагад, неумирающий человек“, соч. Шеридана (перевод с польского) — 1792 г.; „Верное лекарство от пробуждения умов“, соч. Экартсгаузена — 1798 г.; „Переписка Екатерины II с Вольтером“ — 1802 г. Кроме того, Антоновским была издана в 1798 г. книга под названием „Библиотека духовная“, где заключается напечатанный без указания автора трактат Г. С. Сковороды „Наркиз, или познай себя“. Обе последние книги послужили поводом для преследований Антоновского.

Приведенные примеры из личных бумаг Антоновского показывают между прочим, как метко позднее Пушкин в своей статье о Радищеве характеризовал тех „мартинистов“, среди которых, по словам поэта, вращался Радищев.

„Мы еще застали, — пишет Пушкин, — несколько стариков, принадлежавших этому полу-политическому, полу-религиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличала их от поколения, которому они принадлежали. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкмасонских ужинах.“

Но „Общество друзей словесных наук“, хотя и было устроено учечиками масонов и даже, может быть, по инициативе московских учителей, само по себе не было специфически-масонской организацией, тем более, что и цели его, как видно и из его названия, были не какие-либо специально-масонские, а общелитературные. Первое время Общество ограничивалось,

очевидно, только внутренней работой (чтения, доклады и т. п.); и только позднее создались те литературно-издательские планы, о которых было сообщено выше.

Доступ в Общество не был закрыт для разных групп „друзей словесных наук“, независимо от их общественных воззрений. Поэтому, хотя организаторы Общества, несомненно, и хотели использовать его для масонско-мистической агитации, в нем уживались люди с различными убеждениями.

К тому же, в масонстве как в европейском, так и в русском были различные течения. И хотя главную роль в России играли московские масоны, которые принадлежали к так называемому ордену розенкрейцеров, погруженному в самую крайнюю мистику, в Петербурге, повидимому, были распространены более свободные от мистики формы масонства.

Это между прочим видно из того, что в 1783 г. один из главных петербургских масонов А. А. Нартов обращался к московскому масонскому управлению с целым рядом вопросов, в которых с серьезным видом явно высмеивал „тайны“ того масонского течения, которое главенствовало в Москве. Среди этих вопросов были, например, такие:

„могут ли (главари московских масонов) квадратуру циркуля доказать в творении? Знают ли найти троицу в квадрате,— и в мреце единицу, и как из единицы произошли числа? Могут ли все числа от единицы до десяти истолковать, что есть число 1-е и 10-е и что значит 5?“

Отвечая на это письмо с плохо скрываемым раздражением, руководители московского масонства (собственно И. Е. Шварц) в отношении последнего из приведенных вопросов писали:

„Что же принадлежит от одиннадцатого вопроса, то мы от искренней любви просим бога, да не принадлежит делаящий его к некоторому тайному обществу, который имеет оный в катехизисе первого градуса своего, которое происходит из ада, хотя великолепным именем света одевает себя: трепещем мы о нем и для него и для любезного отечества нашего“.

Такое же подозрение относительно Нартова высказывал один из главных московских масонов кн. Н. Н. Трубецкой в письме упоминавшемуся петербургскому масону Ржевскому; при этом в качестве наиболее серьезного повода для подозрений, он ссылался на особый знак Нартова, который соответствовал и знаку того тайного общества, которое „происходит из ада“.

В этих словах имеется, вероятно, в виду орден иллюминатов — прогрессивное масонское течение, существовавшее в Пруссии.

Что касается Радищева, то, согласно неоднократным свидетельствам современников, он был масоном; по одному из таких современных указаний (кн. Голицына) масонская ложа, в которую он входил, помещалась даже в его доме. Во всяком случае довольно устойчивая религиозность Радищева, в духе деизма, роднит его с масонами. В его фразеологии также порой встречаются отпечатки масонского воздействия. В виду этого вполне вероятно, что Радищев действительно принадлежал к числу масонов, но если так, то он входил в какую-либо строго законспирированную ложу, существование которой осталось неизвестным екатерининскому правительству, как неизвестно оно и нам.

Московские масоны после выпуска Радищевым „Путешествия“ высказывали подозрения, что он принадлежал к иллюминатам:

„ Не знаю, — писал 7 октября 1790 г. масон Лопухин Кутузову, — есть ли здесь иллюминаты. Если он имел несчастье между них попасть, то поступок его мог отсюда произойти“.

Во всяком случае, хотя у нас и нет данных для подтверждения этих предположений, несомненно, что, если Радищев принадлежал к масонству, то, значит, у нас существовали ложи соответствовавшего его взглядам прогрессивного характера.

Возвращаясь непосредственно к Обществу друзей, надо заметить, что данных о том, когда именно к нему присоединился Радищев, не имеется. Самый же факт участия в Обществе Радищева, связанный с сотрудничеством его в журнале Общества „Беседующий гражданин“, стал известен только из напечатанных в 1906 г. „Записок“ С. А. Тучкова. Автор „Записок“, состоявший также членом Общества, служил на военной службе и участвовал в 1789—90 гг. в шведской войне. Рассказывая о своем прибытии из Финляндии в Петербург, Тучков, между прочим, сообщает и о посещении им общества.

„После столь трудного похода, прибыл я в дом отца моего и, отдохнув несколько дней в моем семействе, вздумал посетить собрание наше любителей словесности. Но приехав в дом, где собиравлись моя сочлены, нашел оный пуст, и дворник объявил мне, что он не знает почему, однако давно уже, как запрещено от полиции этим господам собираться.

Во Франции началась уже тогда революция, и дух вольности начал проникать в Россию, а потому не только все илюминатские, мартинистские и масонские собрания, но даже и собрания любителей словесности были строго запрещены, потому что некоторые члены первых находились членами и в последних, чего никак не можно было избежать.

Некто, г. Радищев, член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием „Беседа о том, что есть сын отечества, или истинный патриот“, и хотел поместить в нашем журнале. Члены, хотя и одобрили оное, но не надеялись, чтобы цензура пропустила сочинение, писанное такой вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания. В то же время издал он и напечатал без цензуры в собственной типографии небольшую книгу его сочинения под названием „Езда из Петербурга в Москву“, в которой с великою вольностью в сильных выражениях писал он противу деспотизма. Книга сия написана была прозою, но заключала в себе оду на вольность, сочиненную им стихами. Она начиналась сими словами:

О вольность! Вольность дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел...

и далее:

Да Брут и Телль еще проснутся,
Седя во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

Полиция скоро открыла сочинителя оной. Он был взят и отвезен в тайную канцелярию, которая в царствование Екатерины II самыми жестокими порками действовала во всей силе. Некто Шешковский, человек облеченный в генеральское достоинство, самый хладнокровный мучитель, был начальником оной. Радищев, выдержав там многие пристрастные допросы, сослан был наконец в Сибирь“.

Далее Тучков сообщает относительно участи, постигшей в связи с этим членов Общества.

По поводу приведенного сообщения надо заметить, что С. А. Тучков допускает в нем некоторую хронологическую неточность. Из хода рассказа Тучкова вытекает, что описанные им события произошли еще до марта 1790 г. Но это неверно: сам Радищев, выпустивший „Путешествие“ в мае, был арестован 30 июня 1790 г. Таким образом, описанное Тучковым может относиться только к позднему времени и, в частности, может быть связано с временем позднейшего пребывания его в Петербурге „осенью 1790 г.“

Сообщение Тучкова об участии Радищева в Обществе друзей относится, таким образом, к 1790 г., но возможно, конечно, что Радищев примкнул к Обществу вскоре же после его организации. При этом, если Радищев счел нужным войти в это Общество, несмотря на то, что во главе его стояли лица, идейно ему враждебные, то это объясняется отчасти личными связями Радищева с масонами, но главное, конечно, тем, что он искал для себя ли ературно-общественной среды, где бы мог пропагандировать свои взгляды. Других литературных организаций, кроме возникшей в 1783 г. официальной Российской Академии, тогда в Петербурге не было и естественно, что к Обществу друзей кроме Радищева пожелали примкнуть и другие интересовавшиеся литературой лица. Притом это были, повидимому, не столько профессиональные писатели, как именно „друзья словесных наук“. Самого Радищева — по крайней мере до издания им „Путешествия“ — нельзя, в сущности, считать квалифицированным писателем: правда, у него было и до этого времени несколько, хотя и небольших, но ярких выступлений, но прочной связи с литературой у Радищева не было.

Тот факт, что в Общество друзей словесных наук могли входить не только масоны, но и лица разных общественных настроений (к тому же, как я отметил, и среди масонов были разные течения) может служить предварительной основой для предположения относительно прикосновенности к этому Обществу выходившего в 1788 г. журнала „Утренние часы“. Этот вопрос имеет немаловажное значение, между прочим, потому, что на основе его создается почва для выяснения крупной историко-литературной задачи: литературных взаимоотношений А. Н. Радищева и юного тогда И. А. Крылова.

Главное затруднение, которое встречается при постановке вопроса о связи „Утренних часов“ с Обществом друзей, заключается в том, что об отношении этого журнала к Обществу друзей ничего не упоминает в своем жизнеописании организатор Общества М. И. Антоновский, между тем как относительно „Беседующего гражданина“ он прямо говорит, что этот журнал издавался Обществом.

Однако, я и не думаю считать „Утренние часы“ таким же официальным органом Общества, каким являлся „Беседующий гражданин“: я только считаю, что „Утренние часы“ издава-

лись группой лиц, близких к Обществу друзей, причем начато было это издание во время отсутствия Антоновского и помимо него (он находился тогда за границей), чем и объясняется тот факт, что Антоновский ничего не упоминает об этом журнале в своей автобиографии.

Другое внешнее препятствие, которое, на первый взгляд, могут встретить мои соображения, заключается в том, что издателем „Утренних часов“ обычно считается „вольтерьянец“ И. Г. Рахманинов. Но это препятствие устраняется легко: в самом тексте журнала не раз подчеркивается, что журнал выпускается не одним лицом, а несколькими, а „вольтерьянский“ образ мыслей Рахманинова не препятствует, по приведенным мной ранее соображениям, тому, что он мог входить в ту же литературную организацию, где руководящую роль играли люди, близкие по убеждениям Антоновскому.

Те основания, по которым я связываю журнал „Утренние часы“ с деятельностью группы членов Общества друзей, заключаются в следующем:

1) в организации „Беседующего гражданина“ деятельное участие принимал некто „майор Озеров“; это лицо (Петр Александрович Озеров) является одним из самых видных участников и „Утренних часов“;

2) в петербургских „Утренних часах“ приняли, между прочим, участие два московских сотрудника — А. Ф. Лабзин и В. С. Подшивалов — товарищи по университету Антоновского, энергичные участники того московского „Собрания университетских питомцев“, с которым, как мы видели, было связано Общество друзей;

3) среди сотрудников или подписчиков „Утренних часов“ имеется ряд лиц, которые, несомненно, были близки Обществу друзей, в частности, среди подписчиков журнала находится имя А. Н. Радищева.

Эти соображения подтверждаются и сопоставлением обоих журналов.

Прежде всего обращает на себя внимание совершенно одинаковый взгляд участников того и другого издания на журнальную работу.

По словам участников „Утренних часов“, к изданию журнала они приступали, исходя из той истины, что „человек сотворен для пользы человека“ и вследствие стремления

осуществить эту истину на практике; потому-то, — как говорят они, — „вознамерились мы остающееся от должностей наших время с пользою употреблять и соразмерно силам своим служить обществу“. Точно такую же цель ставили себе издатели „Беседующего гражданина“, причем излагали это буквально в тех же словах, говоря, что в „свободное от должностей наших время“ решили они заниматься сочинениями и переводами.

Затем и в том и в другом журнале издатели подчеркивают, и не раз, отсутствие у них материальных целей.

Надо заметить, что понятие „издатель“ в то время не соответствовало нынешнему значению этого слова, — тогда оно значило составитель, редактор (в отношении журналов), а иногда соответствовало и понятию автор.

В предисловиях к тому и другому журналу подчеркиваются одинаково их нравоучительные цели (впрочем, в „Беседующем гражданине“ делается упор на служение именно „гражданским добродетелям“).

Между обоими журналами есть общее и в тематике статей, и даже иногда в отдельных мыслях. Так, в частности, некоторые выражения из помещенной в „Утренних часах“, переведенной П. А. Озеровым, статьи „О пользе и необходимости нравственной науки“ повторяются почти дословно в статье „Беседующего гражданина“ — „Рассуждение о человеке и его способностях“.

Совокупность всех приведенных данных позволяет, я думаю, сделать бесспорное заключение, что оба названных журнала вышли из одного литературного круга.

И. Г. Рахманинов, которого обычно считали единоличным „издателем“ (редактором) „Утренних часов“, был, в сущности, лишь одним из участников выпускавшего журнал кружка: он поместил в „Утренних часах“ несколько своих переводов; кроме этого, роль Рахманинова в журнале выражалась в том, что на нем, несомненно, лежала вся материальная часть издания: Рахманинов имел собственную типографию, где журнал печатался, и после его прекращения за Рахманиновым осталось право собственности на издание.

Рахманинов был состоятельный помещик Тамбовской губернии, родовитый дворянин, служивший в одном из видных полков, в конногвардейском (имел в это время чин ротмистра),

и вместе с тем он занимался таким неофицерским делом как издательство книг, причем книги эти представляли почти исключительно переводы из Вольтера и других французских писателей.

И. А. Крылов, сотрудничавший также в „Утренних часах“ и в следующем, 1789 г., игравший главную роль в печатавшемся на счет Рахманинова журнале „Почта духов“, отзывался о нем так:

„Он был очень начитан, сам много переводил и мог назваться по своему времени очень хорошим литератором. Рахманинов был гораздо старше нас, и однако ж мы были с ним друзьями... Мы очень любили его, хотя, правду сказать, он и не имел большой привлекательности в обращении: был угрюм, упрям и настойчив в своих мыслях. Вольтер и современные ему философы были его божествами“.

Державин, с которым Рахманинов также был хорошо знаком, отзывался о нем так:

„Человек был умный и трудолюбивый, но большой вольтерианец“.

Впрочем, несмотря на отзывы Державина и самого Крылова об увлечениях Рахманинова Вольтером, самое его „вольтерианство“ имело особый характер, не вполне соответствующий традиционному представлению о вольтерианстве. „Вольтерианство“ у нас понимается, как свободомыслие прежде всего в вопросах религиозных, но в собственной литературно-переводческой деятельности Рахманинова проявляются противоположные в этом смысле черты: так, в нескольких его переводах на страницах „Утренних часов“ не только не обнаруживается какого-либо религиозного скептицизма, но видно даже стремление возвеличивать идею о боге. В этом смысле характерен, в частности, напечатанный в журнале перевод статьи „О величестве божием“ (лист XIV), где развиваются мысли о ничтожестве человека. Быть может, „вольтерианство“ Рахманинова сказалось собственно в области отношения к православной вере, но об этом можно только догадываться.

Повидимому, Рахманинов не играл руководящей роли в выпускавшихся при ближайшем его участии журналах; об этом свидетельствует отсутствие в них идейной выдержанности. Это проявляется и в „Утренних часах“, где „вольтерианства“ очень мало, и журнал носит преимущественно нравоучительный характер с примесью сатирического элемента.

Вероятно, в „Утренних часах“ фактическая редакция принадлежала не Рахманинову, а другому лицу. Большая часть статей журнала — переводные, и притом без подписей. Только благодаря случайной находке Ф. А. Витбергом двух частей редакционного экземпляра журнала (всех частей было четыре), где под статьями имелись буквенные подписи, удалось обнаружить, что, кроме Рахманинова, главными сотрудниками были лица, подписывавшиеся инициалами П. О. и А. Н. Могу здесь впервые обнаружить, что это были: Петр Александрович Озеров и, вероятно, Андрей Андреевич Нартов. П. А. Озеров и был, видимо, фактическим редактором журнала. На это указывает тот факт, что имеющиеся в журнале редакционные ответы на статьи написаны именно им, да и по общему характеру журнала он, видимо, был ближе к умственному складу Озерова, чем Рахманинова.

П. А. Озеров (старший брат драматурга В. А. Озерова) — фигура в литературном отношении почти ничем себя не проявившая. Он служил на военной службе, а позднее во флоте на штабной должности. Близость к „Утренним часам“ именно этого П. А. Озерова (а не другого, П. Е. Озерова, как предполагал по инициалам Ф. А. Витберг) устанавливается мною на основании напечатанного в XIII номере этого журнала „Наставления отца к сыну“, сообщенного последним для помещения в „Утренних часах“. Наставление подписано „Ал. Оз.“, препроводительное письмо „П. О.“; при этом наставление имеет дату „1773 года августа 14 числа“. Можно бы думать, что и письмо и „Наставление“ являются только формой для статьи, сочиненной в самой редакции. Но, оказывается, „Наставление“ — подлинный документ: биографические данные о П. А. Озерове показывают, что 2 августа 1773 г. он был определен в Измайловский полк унтер-офицером и, в связи с этим, очевидно, и дал ему отец напечатанное в журнале „Наставление“.

Озеров, кроме нескольких переводов, поместил в „Утренних часах“ замечательное сатирическое стихотворение „Наставление молодому Светону, вступающему в свет“ (оно было помещено ранее в московском журнале „Вечерние часы“).

Указывая, что третий наиболее деятельный сотрудник „Утренних часов“, обозначивший себя инициалами „А. Н.“, был А. А. Нартов, я основываюсь на том, что среди напе-

чатанных в журнале и подписанных „А. Н.“ статей было несколько переводов из „Картины Парижа“ Мерсье, между тем изданная тогда по-русски 1-я часть этого сочинения вошла как раз в переводе А. А. Нартова. Это был деятельный петербургский переводчик; о нем уже приходилось упоминать как о видном петербургском масоне, который московскими „братьями“ подозревался в принадлежности к иллюминатам.

Особый интерес представляет сотрудничество в „Утренних часах“ юного И. А. Крылова, который поместил здесь несколько своих ранних басен; ему же, вероятно, принадлежат и некоторые сатирические статейки в прозе.

Из числа других лиц, интересных в литературном отношении, нужно отметить сотрудничество в журнале Г. Р. Державина (он поместил здесь анонимно свою оду „К Евтерпе“) и И. И. Дмитриева. Последний, тогда еще совсем юный, только что начинал в то время литературную работу; он служил тогда в Семеновском полку, где ранее находился его близкий приятель Н. М. Карамзин, где были и другие лица, интересовавшиеся и занимавшиеся литературой, в том числе и такие, которые имели отношение к кружку „Утренних часов“.

Установив состав лиц, близких к „Утренним часам“, а следовательно, и к Обществу друзей словесных наук, я не буду, однако, давать подробной характеристики журнала, так как нет данных для того, чтобы ставить вопрос о непосредственном отношении к нему самого Радищева.

Кроме указанных мною мотивов, характеризующих „Утренние часы“, отмечу еще тот особый интерес, который проявляли отдельные участники этого кружка к французскому революционному писателю Мерсье. Помимо того, что на страницах журнала помещен ряд переводов из его сочинений, участники кружка А. А. Нартов и И. И. Дмитриев выпустили тогда переводы из этого автора отдельными книгами.

Но в общем „Утренние часы“ — журнал бледный: он представляет просто литературные упражнения любителей, никакого сколько-нибудь заметного отклика на борьбу тогдашних умственных и литературных течений в нем не обнаруживается.

На общем фоне журнала выделяются по своей живости только некоторые сатирические статейки, в которых, вероятно, пробовал свои силы И. А. Крылов. Одна из этих статей

носит странное название „Роднябар“. Это название на первый взгляд вызывает недоумение, но оно рассеивается, если это собственное имя разделить на два слова: родня бар.

Тогда становится ясным, что эта сатирическая статейка имеет особый социальный смысл.

„Роднябар звонит в колокольчик, поспешно два человека входят в его спальню, открывают тихонько занавес у его кровати и надевают на него верхнюю рубашку, так что он совсем того не чувствует. Он подымается мощными их руками очень осторожно и сажается в шелковом халате на широкие кресла. Каждый из сих двух прислужников берет по одной его ноге и надевает на них чулки, исподнее платье и сапоги, а между тем сзади парикмахер принимается за его голову, как за главнейший лен сего редкого создания. Все это исполняется с такой поспешностью, с такой нежностью и с таким искусством, что в одну минуту он совсем уже причесан; тогда подносят ему зеркало, и он, открывая глаза, взирает сам на себя с приятною усмешкою. Потом опять его поднимают и надевают на него платье; ему остается только протянуть собственную свою руку для взятия шпаги, которую он надевает на себя сам. Наконец, он смотрится еще в зеркало и выходит сам из своих комнат, на лестницы сводят его под руки и сажают в карету, а за десять перед тем минут лежал он в постели. Без сомнения меня спросят, не принц ли это какой, которого таким образом одевали, ибо принцы имеют преимущество никогда ничего не делать своими руками?.. Нет, это молодой полковник, который поехал учить свой полк“. (Гл. III, неделя XXX, стр. 61).

Эта сатира на „светских“ офицеров — „Роднябар“ — была новым элементом в развитии русской сатиры.

Журнал „Утренние часы“ интересен, однако, не столько сам по себе, а по тому отношению, которое он имел к возникновению в следующем, 1789 г., двух замечательных журналов — „Беседующего гражданина“ и „Почты духов“.

Для уяснения отношения „Утренних часов“ к этим журналам важно обратить внимание на следующие даты. „Утренние часы“ издавались с 20 апреля 1788 г. по 20 апреля 1789 г.

О предполагаемом издании „Беседующего гражданина“ было объявлено 31 октября 1788 г. Журнал должен был выходить с января 1789 г.

О предполагаемом выходе „Почты духов“ объявлялось 28 ноября 1788 г. Журнал также должен был выпускаться с января 1789 г.

Теперь надо вспомнить, что когда началось издание „Утренних часов“, М. И. Антоновского, который был организатором „Общества друзей“, в Петербурге не было, он нахо-

дился за границей, сопровождая графа И. Г. Чернышева. Гр. И. Г. Чернышев возвратился в мае 1788 г., когда, очевидно, вернулся и Антоновский.

Стараясь играть первую роль в интересующем нас кружке писателей, Антоновский едва ли мог особенно сочувствовать осуществленному помимо него изданию, к которому были близки и члены „Общества друзей“. Отсюда, вероятно, возникли мотивы для критики „Утренних часов“, журнала который был уязвим во многих отношениях: он не имел определенной программы, подбор статей носил случайный характер и, главное, он не обращал должного внимания на те религиозные вопросы, которые должны были представляться особенно важными молодежи, воспитанной под масонским влиянием. Таким путем могла зародиться мысль об издании нового журнала — „Беседующего гражданина“, который привлек бы к себе часть читателей и сотрудников „Утренних часов“.

С другой стороны, печатавший на свой счет „Утренние часы“ И. Г. Рахманинов не мог не чувствовать недостатков этого издания.

Однако при данном составе сотрудников и при установившейся программе менять его программу среди года было трудно. Отвлеченной морали Рахманинов не особенно сочувствовал; кроме того, он, как предприниматель, понимал что такое исправление не будет иметь большого успеха и у читателей. Как опытный литератор, Рахманинов, уже по сотрудничеству Крылова в „Утренних часах“, мог угадать истинное призвание молодого писателя и силу его таланта. Так могла возникнуть мысль об издании „Почты духов“, где в сатирических письмах духов талант Крылова нашел блестящее выражение.

Так „Утренние часы“ послужили почвой, на которой выросли два замечательных журнала: „Почта духов“ и „Беседующий гражданин“.

II. СОСТАВ „ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ“ И СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА. — „БЕСЕДУЮЩИЙ ГРАЖДАНИН“

„Общество друзей словесных наук“, как это видно и по его названию, было собственно не обществом писателей, а именно любителей литературы, ее друзей. Больше того, если судить по журналу „Беседующий гражданин“, объединение

это имело не столько литературные, сколько чисто-общественные, философские и моральные цели, которым посвящена значительная часть основных статей этого журнала. Не только одни литературные интересы привлекали сюда участников: для некоторых, несомненно, было ценно уже то, что общество это давало связь с определенной средой, в которой можно было обменяться мнениями и по вопросам, далеко выходящим за пределы литературных тем. На это указывает и название журнала Общества — „Беседующий гражданин“. Самое слово „гражданин“ имело тогда несколько подозрительный в политическом смысле характер. Недаром, позднее, Павлом I это слово вместе с другими крамольными словами было „запрещено“ к употреблению.

Общество это — по крайней мере, в период издания „Беседующего гражданина“ — отнюдь не являлось каким-либо маленьким кружком: количество членов его было, несомненно, значительно и измерялось, можно думать, несколькими десятками, если не сотней человек.¹

Как видно из цитированных ранее „Записок“ С. А. Тучкова, члены Общества имели особый дом для своих собраний, и это также может указывать на значительность состава Общества.

Присутствие среди участников общества значительного количества военных (офицеров) видно из заключительных слов в декабрьской книжке, где издатели объясняли причину неаккуратного выхода последних номеров журнала и его прекращения. Этой причиной были „военные обстоятельства“: шедшая тогда война со Швецией создавала такое положение, что Петербургу, в связи с действиями шведского флота, угрожала не раз непосредственная опасность. По словам издателей, именно „нечаянное отбытие, по нынешним военным обстоятельствам, членов к занимаемому ими званию, да и оставшихся необычайное, по тем же обстоятельствам, обременение делами по гражданскому их званию“ создали такое положение, что „почти не оставалось и мало времени на занятие попечением об исправном выходе издания“.

В общем социальный состав членов Общества друзей и

¹ Антоновский в своем „Жизнеописании“ говорит так: „Многие из членов через то (т. е. через участие в обществе — В. С.) приобрели отличные способности к государственной службе“.

БЕСѢДУЮЩІЙ ГРАЖДАНИНЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ,

заключающее въ себѣ

Разсужденія вольнымъ слогомъ и на стихахъ, какъ
на природномъ Россійскомъ языкѣ сочиненныя, такъ
и заимствованныя переводомъ у самыхъ лучшихъ
Иностранныхъ Писателей, чрезъ разныя роды
Твореній открывающія путь къ ясному познанію
главнѣйшихъ обязанностей человека въ особености,
а наипаче Гражданина.

Ч А С Т Ъ 1

Печатано съ дозволенія указнаго

ВО ГРАДѢ СВЯТАГО ПЕТРА 1789. ГОДА.

лиц, с ним соприкасавшихся, основываясь на всех имеющихся данных, представляется в таком виде.

Руководящее ядро, которое положило начало „Обществу друзей“, составляют бывшие студенты Московского университета, перебравшиеся после его окончания для службы в Петербург. Большею частью это были или небогатые дворяне, или поповичи и другие выходцы из „третьего сословия“; они служили в Петербурге на разных мелких чиновничьих должностях и принадлежали к той категории людей, которая называлась (уже и тогда) „разночинцами“. Выйдя из атмосферы московского масонского круга, эти люди обычно навсегда оставались в плену тех мистических настроений, которые в этом кругу культивировались. Кроме бывших московских студентов, входили в Общество и некоторые другие чиновники, занимавшиеся или интересовавшиеся литературой.

Другую часть членов Общества составляли флотские офицеры. Сопоставление перечней подписчиков с „Общим морским списком“ обнаруживает, что флотские офицеры составляли почти половину всех читателей журнала, а это доказывает, что к этой среде принадлежало немало и членов Общества. Этот факт легко объясняется тем, что организатор Общества М. И. Антоновский служил в это время во флоте в качестве правителя канцелярии командующего флотом адмирала Чичагова и, конечно, принимал меры к распространению журнала среди офицеров флота.

Однако одним этим фактом невозможно объяснить распространенность журнала среди офицеров флота.

Несомненно, что вообще представителям этой среды были близки те идеи, которые пропагандировал „Беседующий гражданин“. Среда моряков отличалась относительно высоким культурным уровнем; многие из них бывали за границей, многие состояли в масонских ложах, чему пример показывал сам бывший (до Чичагова) командующий Балтийским флотом адмирал С. К. Грейг, состоявший руководителем масонской ложи „Нептун“ в Кронштадте. Смерть Грейга в 1788 г. была, кстати сказать, почтена особым траурным собранием этой ложи, за которое она была закрыта. Помимо этого, смерть Грейга была отмечена и в Обществе друзей: в „Беседующем гражданине“ напечатано посвященное его памяти стихотворение С. С. Боброва. Другим непосредственным откликом флотской

среды является помещенное в журнале „Саморазглагольствие о смерти, писанное мичманом Сабуровым накануне кончины своей 1788 года“ (он был убит в бою). Из числа моряков, значившихся в перечне подписчиков журнала, особенно обращают на себя внимание два лица. Это — А. С. Шишков и П. В. Чичагов, бывший морским министром при Александре I, известный также своей ролью в войне 1812 г. (он был сыном командующего флотом адмирала В. Я. Чичагова, при котором состоял Антоновский). Кроме Павла Васильевича Чичагова, в списке читателей значится и его младший брат, Петр Васильевич Чичагов, также служивший во флоте. Эта привязанность братьев к „Беседующему гражданину“ укрепляет и связи Чичаговых с Обществом. Надо заметить, что оба брата были любителями литературы: старший прекрасно владел слогом, как видно из его позднейших „Записок“, а младший известен как переводчик изданного в 1801 г. сочинения „Нравоучительные мысли и некоторые нравственные мнения Лаврентия Стерна“. Это „стернианство“ роднит Петра Васильевича Чичагова и с Радищевым.

Что касается А. С. Шишкова, то можно как-будто уловить какие-то личные его связи с Радищевым: по крайней мере, любимый сын последнего, Павел Александрович, отданный отцом во флот, был по окончании корпуса определен на службу в ученый комитет морского министерства, состоявший под начальством Шишкова; следует указать, что такие назначения обычно делались не случайно.

К флотским офицерам примыкали и те сухопутные, которые во время войны служили в особых морских батальонах и в так называемом галерном гребном флоте. В этом флоте служил, например, упомянутый уже член Общества С. А. Тучков.

Было в составе Общества друзей и некоторое количество собственно сухопутных офицеров из гвардейских полков или лиц, раньше в них служивших. В частности, к Обществу друзей имело отношение несколько лиц, служивших в Семёновском полку.

Весьма характерна эта близость к Обществу друзей значительного количества представителей офицерско-дворянской среды. Стремление к умственным интересам служит, несомненно, одним из свидетельств того, что в то время гвардейско-офицерская среда была много культурнее, чем при позд-

нейших преемниках Екатерины, начиная с Николая I, когда ликвидация декабристского движения вытравила из этой среды не только какие-либо либерально-политические стремления, но даже и просто всякие умственные и литературные интересы. В XVIII в. существовал целый слой, который можно бы назвать дворянско-офицерской интеллигенцией: многие лица из этого слоя занимались литературой, переводили и сочиняли книги, состояли в масонских ложах, увлекались „вольтерианством“.

От этих общих наблюдений над той средой, из которой формировались участники Общества друзей, перейду к персональному перечислению имен отдельных его членов. Но так как списка членов Общества нигде не обнаружено, приходится и здесь довольствоваться одними соображениями. Ряд имен членов может быть, прежде всего, установлен из подписей авторов под статьями „Беседующего гражданина“: можно считать несомненным, что разве за какими-нибудь ничтожными исключениями авторы и переводчики статей состояли и членами того общества, которое журнал издавало. Правда, далеко не все статьи подписаны, и, в частности, наиболее ценное имя — А. Н. Радищева — совсем не встречается в журнале, хотя он писал в „Беседующем гражданине“ и был членом Общества. Что касается подписанных статей, то они принадлежат следующим лицам: М. И. Антоновский, С. А. Тучков, С. С. Бобров, М. Доброгорский, А. М. Вындомский, С. С. Завалиевский, П. П. Икосов, К. А. Лубянович, С. Пестов, И. Ф. Софонович, И. П. Степанов, В. Шереметев.

Этот небольшой перечень можно дополнить еще именами из многочисленного перечня читателей, в котором нескольких лиц, по некоторым чисто-формальным соображениям, можно считать бесспорными членами Общества друзей. Это: С. И. Спешницкий, М. С. Степанов, Н. Н. Языков, П. И. Радкевич, П. Ю. Львов, С. Д. Печенов (учитель Академии Художеств).

Вот, собственно, и все лица, которых по данным, находящимся в нашем распоряжении, можно считать членами Общества друзей. Но это, безусловно, только небольшая часть всего состава членов. Притом в перечнях подписчиков „Беседующего гражданина“ несомненно нет тех малосостоятельных участников, которые не могли даже подписаться на журнал.

Из числа названных лиц настоящими писателями были, в сущности, только трое: С. С. Бобров, С. А. Тучков и П. Ю. Львов.

С. С. Бобров, поэт, известный своими литературными исканиями, воспитывался в духовной семинарии, а потом в Московском университете. Здесь, в масонском кружке, он и воспринял тот мистицизм, который отразился и в его сочинениях. С 1785 г. он служил в Петербурге в канцелярии Сената, а в 1792 г. перешел в морское ведомство, причем через некоторое время был переведен в Черное море, где служил под начальством адмирала Н. С. Мордвинова, известного не только своим либерализмом, но и любовью к литературе и литераторам. После перевода Мордвинова в Петербург в 1801 г., Бобров продолжал служить под его начальством в качестве переводчика в Адмиралтейств-коллегии; в то же время он состоял в комиссии составления законов. Бобров умер в 1810 г.

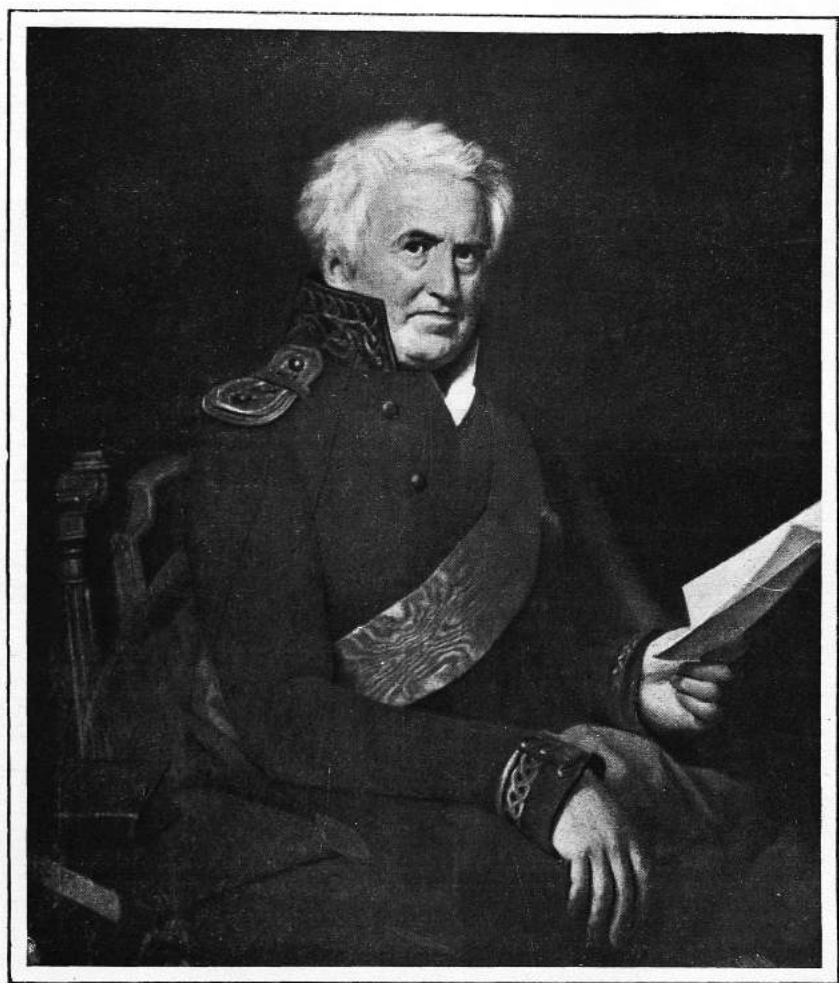
До издания „Беседующего гражданина“ Бобров писал очень мало; но в журнале он поместил ряд стихотворений. У Боброва, основные произведения которого (поэма „Таврида“ и др.) относятся к позднейшим годам, были в свое время усердные почитатели, к числу которых принадлежал и Радищев. В частности, почитателями этими очень ценились стихотворения Боброва, напечатанные в „Беседующем гражданине“. Так, в 1804 г. в журнале „Северный вестник“, издававшемся И. И. Мартыновым, была помещена статья о сборнике Боброва „Рассвет полночи“, причем здесь, между прочим, говорилось:

„Ежемесячное издание под названием „Беседующий гражданин“ украшается несколькими его стихотворениями, которые имеют на себе печать истинного гения и не умерли, как то нередко случается, вместе с периодическим изданием“ (часть II, стр. 31—34).

П. Ю. Львов был в это время начинающим писателем-прозаиком: он был ярким сентименталистом и только что в 1789 г. выдвинулся своим романом „Российская Памела, или история Марии, добродетельной поселянки“ (посвящена другу автора И. И. Дмитриеву).

С. А. Тучков был плодовитым стихотворцем (сочинения его позднее были изданы отдельно), однако творчество его лишено было индивидуального своеобразия; позднее он состоял в одной масонской ложе с Пушкиным (в Кишиневе).

Некоторые из других перечисленных лиц имели также

А. С. Шишков.

С портрета работы О. Кипренского. 1825 г.

отдельные литературные труды, но эти труды носили случайный характер.

Чтобы пополнить этот перечень членов Общества друзей более крупными именами, укажу на то место „Жизнеописания“ Антоновского, где говорится, что некоторые из бывших членов Общества достигли должностей министров и сенаторов. Но кто из бывших членов общества занимал позднее такие высокие должности? Сопоставление имен лиц, которых я, по разным причинам, считаю прикосновенными к Обществу друзей, с составом высших членов административного управления того времени показывает, что Антоновский мог иметь в виду следующих лиц: А. С. Шишкова, П. В. Чичагова, И. И. Дмитриева, а отчасти, может быть, и Г. Р. Державина. Из них первые двое, моряки, значатся, как уже отмечено, в перечнях подписчиков „Беседующего гражданина“, а двое последних участвовали в „Утренних часах“.

Далее, кроме бывших московских студентов, которые не только составили первоначальное ядро Общества, но, конечно, пополняли его состав и в последующие годы, к Обществу, несомненно, присоединялись, как я уже и отмечал, и некоторые из бывших воспитанников существовавшего при университете „благородного пансиона“, которые обычно приезжали в Петербург для службы в гвардии. Таков, в частности, был упоминавшийся уже писатель П. Ю. Львов; таков же, вероятно, был кн. Трубецкой (повидимому, сын видного московского масона кн. Трубецкого), значащийся среди подписчиков „Беседующего гражданина“ и „Утренних часов“. Более чем вероятно, при таких условиях, что к обществу примыкал и ревностный почитатель и последователь Радищева (что известно, правда, лишь по позднейшим фактам) писатель И. П. Пнин, также бывший воспитанник московского благородного пансиона. Пнин (побочный сын кн. Репнина, которого считают главным представителем иллюминатов в России) по окончании благородного пансиона в Москве, где он был своим человеком среди руководящей масонской группы, воспитывался в Петербурге в артиллерийском и инженерном корпусе, откуда был выпущен в 1789 г. штык-юнкером, причем во время шведской войны он плавал на военных судах. Таким образом, и по этой службе он вращался в той самой среде, которая была близка к Обществу друзей и едва ли

не состоял в числе его членов. Не сомневаюсь, что именно через это общество началось знакомство Пнина с Радищевым, который, согласно уже высказанным мной раньше соображениям, сотрудничал в издававшемся Пниним и А. Ф. Бестужевым в 1798 г. „С.-Петербургском журнале“. А. Ф. Бестужев (отец декабристов) был офицером в том самом артиллерийском корпусе, где учился раньше Пнин, и также плавал во время войны на военных судах. Весьма вероятно, что и он примыкал к Обществу друзей.

При возникновении журнала „Беседующий гражданин“ произошел маленький издательский эпизод, о котором я нахожу нужным сказать, так как это имеет значение для выяснения редакционной стороны издания.

О предполагаемом выходе с начала 1789 г. „Беседующего гражданина“ было объявлено в „Санкт-петербургских ведомостях“ (от 31 октября 1788 г.), причем было указано, что подписка принимается у книгопродавца Мейснера, который, кстати сказать, служил в таможне под начальством А. Н. Радищева и, по поручению его, носил в цензуру „Путешествие“. Но выпуск журнала задержался, и тогда Мейснер сделал в „Санкт-петербургских ведомостях“ такого рода объявление.

„Господам, подписавшимся на ежемесячное сочинение „Беседующий гражданин“ в книжной лавке № 283 у Мейснера, сим объявляется, что он не обязывается более ходить к г. майору Озерову, издателю сего сочинения, и не принимает более от него за его подписанием и печатью ежемесячных билетов“.

Однако, немного спустя в этой же газете (номер от 6 марта 1790 г.) появилось возражение на это объявление (неизвестно от чьего лица), в котором говорилось, между прочим, что:

„никакой майор Озеров издателем ежемесячного издания, называемого „Беседующий гражданин“, никогда не был, Мейснер к Озерову никогда не хаживал и тетрадей никаких не получал, а получал он издания сего первый месяц переплетенный в обыкновенную бумажку, второго же дано ему не было, для того, что в упомянутом месте лавка несколько уже недель заперта и отворяется ли когда — неизвестно, но известно только, что она, как принадлежащая г. Шнору, от Мейснера взята и перемещена против Зеркальной линии под № 22“.

Далее указывалось новое место, где можно было подписываться на журнал.

Как бы ни смотреть на эту небольшую полемику в объявлениях, но кажется несомненным, что „майор Озеров“ имел какое-то отношение к организации „Беседующего гражданина“. Однако, он по каким-то соображениям остался недоволен тем, что книгопродавец обнаружил в печати его имя как „издателя“. Мотивы этого недовольства легко могут быть объяснены, если вспомнить, что издатели журналов, а также и авторы книг в то время вообще обычно скрывали свои имена. Напомню, что так поступил и Радищев, который просил того же Мейснера, когда тот носил в цензуру рукопись „Путешествия“, не указывать имени автора.

Имя Озерова как „издателя“ называется только в приведенных объявлениях, вообще же в наших библиографиях редактором „Беседующего гражданина“ считается Антоновский. Однако, роль его в журнале в действительности надо весьма ограничить. Это видно из того, что в мае 1789 г. (4-го числа) он был назначен правителем канцелярии к командовавшему флотом адмиралу Чичагову и находился в этой должности вплоть до февраля 1790 г., причем флот в это время не раз принимал участие в боях со шведами, и Антоновскому приходилось быть на корабле и во время этих боев. При таких условиях Антоновский, естественно, не мог принимать участия в редактировании журнала, кроме, может быть, самых первых и последних книжек, которые, как и первые, запоздали выходом в свет.

„Майор Озеров“ был, конечно, тот самый Петр Александрович Озеров, который принимал деятельное участие в „Утренних часах“. Близость именно этого (а не какого-либо другого) Озерова к Антоновскому видна уже из того, что после отставки Антоновского от должности правителя канцелярии при Чичагове место это (вероятно, по рекомендации Антоновского) занял как раз он, П. А. Озеров. Весьма возможно, что, согласно указанному объявлению, он на периоды отсутствия Антоновского бывал фактическим редактором журнала.

Впрочем, судя по тому, как описывает С. А. Тучков историю появления в журнале статьи Радищева, можно думать, что не только эта статья, но и другие помещались в журнале с общего согласия членов; другими словами, здесь, вероятно, был не единоличный редактор, а то, что теперь

называется редакционной коллегией. Возможно, что в ней иногда принимал участие и Радищев, о чем я скажу далее.

Остановлюсь теперь на вопросе о том, как сами члены Общества смотрели на задачи „Беседующего гражданина“.

В „предуведомлении к читателям“ издатели объясняли, между прочим, почему журнал получил такое название:

„Беседующим гражданином“ назвали мы (его) потому, что, представляя в сем издании благосклонным читателям рассуждения в различных видах, старались мы в оных везде, посредством ли собственных или заимствованных переводом изобретений, разливать чувствования любви к гражданским добродетелям и, сим образом, как бы беседовали с читателем гражданином, почитая и себя такими же по месторождению, воспитанию и служению Отечеству гражданами“.

Издатели ссылаются далее на слова екатерининского „Наказа“:

„Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно и следуя природной нашей склонности“, и заявляют, что именно на этом основании решились они „вольно и непринужденно, — без всякого опасения могущих легко встретиться неблагоприятных об нас мнений и заключений тех людей, которые имеют несчастную привычку все хулить и пересмежать, — приступить в свободное от должностей наших время к упражнению... в сочинениях и переводах, открывающих через разные роды творений путь к ясному познанию главнейших обязанностей человека в особенности, а наипаче Гражданина“.

Так формулировали издатели задачи журнала. Однако содержание журнала, в действительности, показывает, что и название „Беседующий гражданин“, и заявление издателей о том, что главной их целью является

„разливать чувствования любви к гражданским добродетелям“,

если и оправдывается текстом журнала, то в очень небольшой степени. В действительности, основная часть журнала состоит вовсе не из статей такого характера, а из разных морально-религиозных рассуждений, имеющих далеко не тот прогрессивный характер, которого естественно было бы ждать от журнала с таким названием. Направление большинства статей — реакционно-охранительное. Это, впрочем, подчеркивается и самими издателями в заключительном их обращении „к просвещеннейшей публике“. Здесь говорится:

„Но желающим знать цель и связь сего издания, сверх объяснения о том, сделанного в предуведомлении к сему изданию, еще кратко повто-

ряется здесь, что цель одного единственно заключалась во всевозможном показании, что главное дело правительств есть и быть долженствует воспитание народа в благочестии, кротости, трудолюбии, послушании, домостроительстве, тако ж в предохранении его от фанатизма или суеверия, в утверждении на правилах Закона, в показании, что есть сын Отечества и каковы его обязанности, при том введение и покровительство Наук и Художеств, ободрение и поддержание торговли и рукоделий, научение людей быть мужественными в защищении своего Отечества, искусными и честными законниками, сведующими учреждениями своей и прочих держав, знающими выгоды и обороты торговли внутренней и внешней, собственной и чужестранной, а наипаче вкоренение благонравия и сбережение от вольнодумства и неуважения к закону“.

Итак, благочестие, кротость, трудолюбие, послушание — вот то главное, что стремились укреплять издатели, задававшие целью „сбережения“ народа „от вольнодумства и неуважения к закону“. Правда, ими названы и некоторые другие пункты, однако они или только случайно затронуты в журнале, или даже и совсем в нем не развиты.

Основное содержание журнала составляют, в связи с этим, статьи религиозно-морального характера, и именно этот культ религии, а вовсе не „гражданские добродетели“, стоит в журнале на первом месте.

Нет никакой надобности пересказывать, хотя бы кратко, содержание всех этих рассуждений. Достаточно указать их темы. Вот о чем трактуют эти рассуждения:

„о первой и единственной обязанности человека к высочайшему существу“ (№ 3); „об отношении человека к высочайшему существу, к другим людям и собственно к себе“ (№ 3); „о вечности души человеческой“ (№ 4); „о предрассудках против правоверия“ (№ 4); „об естественном состоянии человека (№ 7); „о естественном конце человека“ (№ 8); „о союзе естественного права с естественным богословием“ (№ 9). Есть даже рассуждения на церковные изречения, как, например: „Рассуждение на слово: несть мира нечестивым“ (№ 5).

Все эти статьи (даже и о связи естественного права с естественным богословием) стоят всецело на почве верований христианской церкви и порой напоминают церковные проповеди. Вероятно, эти „рассуждения“ не всегда сочинялись членами общества, а иногда просто переводились или переделывались с иностранных подлинников, на что указывают и имеющиеся в тексте ссылки на мало у нас известных западно-европейских богословов.

Правда, есть в журнале три-четыре статьи, не похожие на эти религиозные рассуждения, но они стоят в журнале особняком, и о них я буду говорить отдельно.

Для характеристики же той религиозно-охранительной идеологии, которая обнаруживается в большинстве „рассуждений“ журнала, наиболее показательной является одна из статей — „Рассуждение о предрассудках противу правоверия“.

Все это рассуждение посвящено возвеличению веры и защите ее от нападений неверующих. Повидимому, рассуждение это является переводом с какого-либо французского подлинника, так как автор вспоминает здесь католических богословов и проповедников: „бессмертного витию Боссюета“, Пето, Бурдалу. Последний, например, по мнению автора, изъясняет правоверие без примеси постороннего многоречия, представляет оное (правоверие) прекрасным в священнотаинствах его, ... премудрым в положениях, божественным в наставлениях“.

Восставая против неверия, статья касается, между прочим, и вопроса о том, в каком отношении вера находится к разуму. Автор умаляет его значение: им восхваляется „счастливая свобода разума, которая, будучи покорена единому правоверию, под начальством оного пользуется правом мыслить, никогда не употребляя оного во зло по слепому своевольству“. Итак, идеал автора — это разум „под начальством веры“.

Сообразно с этим, автор, полемизируя с неверующими, говорит и о „святых пророчествах“, о великолепии обрядов, о святых угодниках, о чудесах, о священных книгах, которые столько же важны, как и святое учение, и т. п.

Стоит отметить, что самому автору вполне ясна реакционная, охранительная роль веры.

„Разве вы, ученые любомудры, — обращается автор к своим сочленам (повидимому, это „рассуждение“, как и другие, читалось в Обществе), — не знаете, что язвою в народе есть все то, что старается отнять у него узду спасительную и дать ему чувствовать приваду пагубной вольности? Разве вы позабыли, что могут сделать стремительные страсти в народе, когда они не боятся ни бога — мстителя, ни будущности вечной? Десописание (т. е. история. — В. С.) научает нас в том довольно: падение правоверия почти всегда за собою влечет падение государства...“

Итак, вера нужна хотя бы для сохранения этой „узды спасительной“, закрепляющей всякое рабство — политическое и экономическое, закрепляющей крепостное право.

В общем, это рассуждение выявляет ту основную позицию, на которой стояли руководители журнала. Соответствующие этой позиции религиозно-моральные мотивы развиты и в большинстве других статей журнала. Несомненно, что весь этот культ религии, которым проникнуто содержание журнала, идет от масонства, которое как на Западе, так и у нас, укрепление веры ставило главной целью, не без основания видя в этом одно из средств для борьбы с развившимся тогда во Франции революционным движением. Непосредственно в Обществе друзей проводником этого реакционного мирозерцания являлись, прежде всего, те бывшие московские студенты, которые воспитались в мистической атмосфере новиковского круга.

Руководители „Беседующего гражданина“, в заключительных к нему строках, указывали, как мы видели, на логическую связанность всех статей журнала, написанных якобы так, что „истины последующих рассуждений или примеров всегда объясняют предыдущее“.

Это утверждение если и справедливо, то только отчасти — в отношении преобладающей группы статей религиозно-морального характера. Но, как уже отмечено, в журнале есть небольшое количество статей, которые, несмотря на уверения издателей, не только не связываются идейно с этим основным содержанием журнала, но просто вторгаются в него каким-то чужеродным клином, явно противореча руководящим позициям журнала. Эти статьи являются отражением совсем другого общественно-политического мирозерцания, и это подтверждает, что в Обществе друзей словесных наук не было единства общественно-политических убеждений. Наоборот, в нем шла борьба, которая сказалась и в невыдержанности характера журнала.

III. РОЛЬ РАДИЩЕВА „В ОБЩЕСТВЕ ДРУЗЕЙ“ И В ЖУРНАЛЕ ОБЩЕСТВА

Радищев в „Обществе друзей словесных наук“ был, конечно, не единомышленником, а непримиримым противником руководящей группы членов — мистически настроенных учеников

московских масонов. По всем основным пунктам мировоззрения расходился Радищев как с самими масонскими учителями, так, конечно, и с их учениками. Что же, при таких условиях, сближало его с этим кругом? Это было, во-первых, то, что Радищев, как и масоны, выступал последовательным противником официальной бюрократической церкви, и в своих деистических взглядах защищал свободу морально-философских исканий. Руководители московских масонов склонялись при этом к крайней мистике, враждебной Радищеву, который свою веру пытался оправдать разумными основаниями.

Из тех настроений, которые культивировались в масонской среде, для Радищева характерен гуманизм, но, конечно, никогда у масонов-помещиков этот гуманизм не мог выйти за те рамки, которые определялись их классовыми интересами: исходя из принципов христианской морали, дворяне-масоны стремились нередко к гуманному обращению с крестьянами (хотя и здесь бывали исключения), но до отрицания самого крепостнического порядка масонская мораль довести, понятно, не могла.

Другим характерным настроением масонской среды был патриотизм.

„Любовь к Отечеству,— говорил на одном из масонских собраний друг Радищева А. М. Кутузов,— есть источник всех прочих гражданских добродетелей“.

Издававшийся масонским кружком в Москве в 1784 г. журнал „Покоящийся трудолюбец“ был посвящен „любезному Отечеству“ и, надо заметить, подобное же посвящение находится и в „Беседующем гражданине“, которого издатели „приносили“

„Вседражайшему, возлюбленнейшему Отечеству России.“

В Радищеве также был силен этот культ отечества (но не государства), и это сказалось, между прочим, в произнесенной им в Обществе друзей „Беседе о том, что есть сын отечества“ (напечатано в „Беседующем гражданине“).

В этой „Беседе“, на которой, кстати сказать, заметно влияние масонского устава, Радищев говорит, например, так:

„Тот есть прямо благороден, которого сердце не может не трепетать от вожной радости при одном имени Отечества“.

Такие гуманно-патриотические настроения сближали Радищева с Обществом друзей.

Радищев, несомненно, занимал в этой среде особое положение. Оно определялось исключительной его образованностью, относительно крупным общественным положением и возрастом: он был много старше большинства членов Общества, значительная часть которых принадлежала молодежи. Это и создавало Радищеву возможность играть в „Обществе друзей“ крупную роль, хотя, собственно, как писатель он к тому времени зарекомендовал себя лишь небольшими, но, правда, весьма яркими выступлениями.

Радищев сделал попытку внести в Общество прогрессивно-политическую струю: самые первые слова своей упомянутой „Беседы“ Радищев посвящает крепостным крестьянам.

„Не все рожденные в Отечестве, — так начинает Радищев эту „Беседу“, — достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем. — Пощадись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при праге. — Вступи и виждь!

„Кому неизвестно, что имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю, или скоту, или другому бессловесному животному? Известно, что человек существо свободное, поскольку одарено умом, разумом, и свободною волею, что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому... Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына Отечества? Он не человек, но что? Он ниже скота, ибо и скот следует своим законам, и не примечено еще в нем удаления от оных.

„Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, кои коварство или насилие лишили сего величественного преимущества человека, кои соделаны через то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тягловому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя, кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары, — не о тех, кои не видят конца своему игу кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, обняв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляя их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца“.

„Не о сих здесь слово, — риторически далее подтверждает Радищев, целью которого как раз и является сказать именно об этих людях, — они не суть члены государства, они не люди, когда суть не что иное как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот!“

В дальнейшем Радищев развивает мысли о тех принципах, которым должен удовлетворять человек, чтобы называться „сыном отечества“.

Из цитированных ранее „Записок“ С. А. Тучкова мы уже видели, как отнеслись члены Общества к этой необычайной радищевской „беседе“: они ее одобрили для печати, „но не надеялись, чтобы цензура пропустила сочинение, писанное с такою вольностию духа“. Это не значит, однако, чтобы руководящие участники Общества, каков Антоновский, признавали необходимость уничтожения крестьянского рабства, что было основным пунктом программы Радищева. Наоборот, они не только стояли за необходимость сохранения крепостнического порядка, но даже находили, что крестьянам при нем живется вовсе не плохо. Это ярко проявилось, между прочим, через несколько лет, в 1796 г., когда группа бывших членов, во главе с Антоновским, выпустила коллективный труд, под названием „Новейшее повествовательное землеописание“.— Вот что говорят здесь составители, рассуждая о собственности крестьян.

„По разуму неограниченной власти господ над крестьянами можно бы заключить, что все приобретаемое есть собственность господ, но в самой вещи есть иное. Крестьянин каждый имеет свою собственность,¹ не законом утвержденную, но всеобщим обычаем, который имеет силу не меньше закона. Помещик не требует от них больше положенного, по мере возможности их, выключая некоторых, которых, за редкостью, в пример приводить не следует; затем, что крестьянин вырабатывает или ремеслом своим достает, остается точно ему принадлежащим. Тем владеет он во всю жизнь свою спокойно, отдает в приданое за дочерьми, оставляет в наследие своим сыновьям и родственникам, по воле своей, невозбранно. Без такой свободы и безопасности² не могли б крестьяне наживать по сту тысяч рублей и более капитала, чему есть много примеров в России“.

Расхваливая особенно положение государственных крестьян, автор в заключение говорит:

„Такое состояние можно ли назвать невольническим,³ как думают иностранные и домашние невежды? Чего не достает к совершенной независимости такого крестьянина? Чтoб государственных податей не платить и быть тунеядцем, бесполезным членом Отечества? Такого рода свободные в России не терпимы“.

¹ Подчеркнуто автором „Землеописания“.

² Подчеркнуто мной.

³ Подчеркнуто автором „Землеописания“.

Легко видеть в каком коренном противоречии находились эти суждения группы членов Общества друзей, во главе с Антоновским, со взглядами их сочлена Радищева.

Выходит, что взгляды Радищева были для этих крепостников только взглядами „невежд“...

По другим пунктам политического мировоззрения между Радищевым и людьми типа Антоновского была такая же глубокая пропасть.

Впрочем, надо заметить, что хотя Антоновский и был руководящим лицом среди группы бывших московских студентов и вообще возглавлял Общество, его политические настроения, быть может, не всегда разделялись его товарищами, принадлежавшими к мелким, „разночинским“ элементам: Антоновский заметно ориентировался на свои влиятельные связи (гр. Чернышев и др.), пытался быть „светским“ человеком, — тогда как его „третьесословные“ коллеги могли, конечно, иметь иные политические настроения.

Но, впрочем, в Обществе друзей словесных наук, по самой его сущности, вопросы актуально-политические, если и затрагивались, то между прочим; интересам руководящей группы членов — что видно и из „Беседующего гражданина“ — гораздо больше соответствовали отвлеченные вопросы религиозно-философского порядка, как это и было свойственно ученикам масонов. Однако, несмотря на кажущуюся отвлеченность некоторых из таких вопросов, вокруг них тоже шла борьба. В конечном итоге и в этих вопросах обнаруживался политический смысл. Такова, например, была проблема, о соотношении разума и веры. То или иное решение этого вопроса определяло обычно и политическую идеологию: для многих уже тогда была ясна связь слепой, церковной веры с политической реакционностью, равно как всеми признавалось, что философский рационализм соединяется с идеалами политической свободы. Потому-то вопрос о соотношении разума и веры приобретал тогда актуальное значение.

Этот вопрос о соотношении веры и разума был затронут в „Беседующем гражданине“ в двух рассуждениях (они, вероятно, были читаны в Обществе), из которых одно, выдвигавшее принцип подчинения разума вере, что соответствовало взглядам руководившей журналом религиозно-мистической группы членов, было мною уже цитировано (оно помещено

в апрельской книжке журнала), а о другом, отстаивавшем противоположную точку зрения — „Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия“ (помещено в мартовской книжке) необходимо также сказать несколько слов.

Рассуждение это — не простая рядовая статья: это статья крупного, принципиального значения, это — своего рода программа, определяющая всё мирозозерцание. Помимо этого, статья замечательна еще в двух отношениях: во-первых, потому, что есть основания, которые я изложу ниже, считать, что эта статья принадлежит Радищеву, а затем вследствие того, что статья эта послужила одним из поводов для нападок на „Беседующего гражданина“ крыловского журнала „Почта духов“.

Статья эта по существу пропагандирует философию французских просветителей и приобретает особый смысл, если вспомнить, что в момент, когда она была напечатана, во Франции уже гремели громы революции.

В начале статьи автор дает краткое определение „разума любомудрия“.

„Рассудок свободный, торжествующий над предрассудками, провидящий начала вещей, судящий обо всем по мере своего просвещения, но всегда наблюдающий предписанные ему неизменные границы — вот разум любомудрия! Мы находим в нем два существенные качества: первое — силу рассудка, которая, для достижения каких только может человеческий ум вместить, совершеннейших познаний преодолевает предрассудки; и второе мудрость, если можно так сказать, рассудка, которая, для избежания пагубных падений, держится в предписанных человеческим познанием границах. Сила и деятельная и проникающая во изыскании Истины, мудрость скромная, остерегающаяся впасть в заблуждение. Довольно рассмотреть эти два свойства, и тогда может быть получим справедливое о разуме любомудрия понятие“.

Дальше указывается, что порой „мрачные пары угашают сей толико необходимый для рода человеческого светильник“.

Автор показывает проявления этого, и в числе них:

„Та ужасная ночь, которая целые веки покрывала лицо всея земли (говорится о средних веках — В. С.): науки презренны, полраны ногами и вменены в преступление, по крайней мере превращены в новый род невежества; темные сочинения под именем философских рассевают мрак на остатки Истины, почти угашенной. Природа забыта, художества погребены, человек едва осмеливается мыслить, и к довершению злосчастия, пустосвятство часто отражает и самое безумие. — Бездна зол! Но какое произв оных вращество? Нет другого, кроме разума любомудрия!“

Далее говорится о том, как рождаются сильные и смелые люди, которые низвергают иго предрассуждений. Рисуется та перемена, которую они вызывают, и ее последствия.

„Тогда-то дух человеческий, вознегодовав на свое уничижение, восчувствует, что он сотворен для испытания рассуждения, а не для того, чтобы пресмыкаться под тиранством мнений, тогда он познает, что Вселенная некоторым образом покорена его владычеству, и что все бытия, составляющие оную, суть для него источник неисчетных богатств“.

Говоря затем об успехах знания, автор пишет:

„Вскоре тот невидимый воздух, который толико нужно было познать, будет взвешен на одних весах стелами более осязательными“.

Это место очень важно для понимания нападок „Почты духов“. Затем следуют слова:

„Да не упорствует рассудок в движении обитаемого шара, обращающегося в небесах, которые кажутся обращающимися около него. И тогда откроется порядок Вселенной столь удивительный своею простотою, толь достойный десницы своего строителя, толь искусно сопряженный с происшествиями, опытами и умозаключениями“.

После этого автор посвящает несколько строк Декарту как „бессмертному восстановителю разума любомудрия“. Затем говорится:

„Итак, открыт нам путь к достижению источников истинного познания, мы хотим сказать — к тем началам, кои определяют природу вещей, и без коих мы всегда будем иметь сбивчивые и непостоянные умоначертания, понятия, неизвестные, тьму вместо света, задачи и весьма мало истин. Все в свете обращается по правилам постоянным и единообразным: естество и его явления, художества, нравоучение, общество — все имеет свои законы не зависящие от своенравия мнений! К сим-то основательным законам, к сим неизменяемым началам должно восходить! Оттуда бесчисленными проводами истина разливается на беспредельное множество предметов, привлекающих наши взоры! К сему светозарному средоточию достигши, можно углубляться в лабиринт знаний, не опасаясь в оном никакого заблуждения в погибели!“

И так изыскание, познание и употребление начал есть должность и одно из главнейших свойств разума любомудрия! И здесь-то потребные все силы рассудка!“

Затем автор говорит о том расцвете наук, который следует за торжеством „разума любомудрия“.

„Политическое знание утверждено будет на основаниях почти столь же твердых, сколько умы, коими оно управляет, легкомысленны и беспокойны; запутанность законов развязана и, по подобию древнего Хаоса, приведена

в надлежащий порядок, коего отношения внимательный глаз без затруднения обозревает; художества, которые через долгое время не имели ничего положительного, подлежат теперь не изменяемым правилам и удивляются сами наилучшему своему произведению; торговля обращена в науку; рудники становятся обильнее со дня на день, по мере трудов над оными при светильнике любомудрия; земля учеными руками возделывается удачнее, нежели прежде руками ироев; в кратце сказать, тысячи удивительных изобретений, тысячи глубоких умозрений, бессмертные творения, предпринятые для человеческого блага, где открываются те злоупотребления, кои корыстолюбие старается укрыть, и где раскрываются толикие важные истины, кои оно старается привести в презрение.— Таковы то памятники разума любомудрого!“

В последующем тексте автор рассуждает преимущественно о тех границах, в которых должен держаться разум любомудрия, чтобы идти по верному пути,— для этого необходимо прежде всего измерять силы рассудка. Если бы человек всегда так поступал, он мог бы избежать всех „бедственных преткновений и пагубных заблуждений“.

„Познать самого себя! — говорит автор.— Сие главное правило Сократов всех веков! Познай силы своего ума!“

В связи с этим, далее говорится об отношении „разума любомудрия к божьему закону“:

„И так разум любомудрия никак не исключается из его святилища: он достоин в оном вблизи созерцать закон божий; он может, и даже должен, оному служить, хотя тот ни мало не имеет нужды в помощи; он должен объяснить бесчисленные доказательства, которые поддерживают оный; обличать гварство, отразить удары безбожника, вооруженного противу оного; он должен осторожно и искусною рукою очистить (закон божий) от того скверного примесу, которым невежество и суеверие обезображивают его и оскверняют; обнаружить то ложное и беснующеся рвение, которое, угнетая разум под видом благочестия, навлекает на самый закон порок ненавистного своего буйства. Он сорвет личину с глупости идолопоклонной, преклоняющей колена перед мечтами, кои она смешивает с Истиною, дает средства нечестивому в его богохулениях смешивать Истину с мечтою. Итак, он покажет веру тем божественное, чем поклонение оной будет разумнее!“

Статья заканчивается такими, резюмирующими основными ее мысли, строками:

„Равно деятелен и тверд в своих изысканиях, умножит и усовершит (он) со дня на день наши познания: будучи не меньше осторожен, как и скромен, он будет держаться в своих пределах и не устремится безрассудно к своей гибели! — Редкое и неоцененное соединение силы и мудрости, дерзновения и воздержания, науки и скромности!“

Статью о „Разуме любомудрия“ можно, на мой взгляд считать принадлежащей Радищеву.

Главные основания для этого следующие.

Статья эта, имеющая большое принципиальное значение, идет явно в разрез с общей позицией журнала и, в частности, противоречит тому характерному для руководившей журналом группы взгляду на соотношения веры и разума, который был высказан в статье „Рассуждение о предрассудках противу правоверия“ (в этой статье утверждался, как мы видели, тот взгляд, что разум должен находиться „под начальством веры“). Помещение такой, враждебной взглядам редакции, статьи на страницах журнала, может быть, при стремлении руководителей журнала сохранять его выдержанное религиозное направление, объяснено только тем, что в данном случае эти руководители вынуждены были считаться с личностью автора статьи. Именно Радищев занимал в Обществе друзей такое положение, что с ним не могли не считаться рядовые члены общества.

Статья совершенно соответствует мировоззрению Радищева и, в частности, по основному ее взгляду, что пределы познавательной способности человеческого разума ограничены высшей силой. В статье это особенно ярко выражается в словах,

„что есть преграда, воздвигнутая всевышнего премудростию, что все превращается в бедствие и пропасть для испытателя беспредельности и что при первом звании гласа божия человеку остается пасть и молчать“, и что потому разум „должен держаться в своих пределах“ и не пытаться „углубляться в тайны провидения“.

У Радищева эта мысль проводится не раз и, между прочим, в „Путешествии“, в главе „Бронницы“, где описывается посещение того места, где стоял языческий храм, автор рассказывает, как ему послышался глас божий:

„Почто желаешь познати тайну, которую я сокрыл от смертных непроницаемым покровом неизвестности? Почто, о дерзновенный! познати жаждешь то, что едина мысль предвечная постигнуть может?“

Затем отмечу, что „разум любомудрия“ вообще не раз восхваляется, или вспоминается в сочинениях Радищева. Так, даже в официальной записке „О законоположении“ (относящейся к началу XIX в.) Радищев, характеризуя свое время, говорит, что тогда:

„разум любомудрия, сопровождаемый светильниками наук, действие свое благотворное простер посреди народного общества“.

У Радищева вообще понятие о разуме ассоциируется с представлением о „светильнике наук“, как это, кроме приведенной фразы, видно, например, и в „Путешествии“ (в „Проекте в будущем“). В приписываемой мной Радищеву статье разум также именуется „светильником“, что и вызвало, между прочим, иронические против этого выпады Эмпедокла в „Почте духов“. В связи с этим, следует еще отметить, что в статье тщательно разграничиваются понятия „разум“ и „рассудок“: автор говорит, например, про „силу рассудка“, от которой разум любомудрый полную получает „силу и успехи“. Такое же характерное разграничение всегда встречаем у Радищева: в „Путешествии“, например, упоминается, как „разум цепенеет, рассудок без действия ослабевает“, или в трактате „О человеке“ автор говорит про „величественность его (человека) разума и рассудка“.

Подчеркну еще характерную приподнятость тона статьи „О разуме любомудрия“, совершенно соответствующую тому чисто радищевскому пафосу, который сказывается и в „Беседе“ Радищева и в некоторых местах других его сочинений.

Изложенные соображения представляют те главные основания, по которым эту программную статью я приписываю Радищеву. По связи с этими соображениями, для подкрепления их (но отнюдь не самостоятельно), могут иметь значение также некоторые соответствия между отдельными мыслями этой статьи и сочинениями Радищева. Сделаю в этом отношении только два сопоставления.

Как мной уже было упомянуто, статья эта вспоминает, между прочим, Декарта. Это выражено в таких словах.

„Во Франции родился человек, одаренный необычайным остроумием для обладания умами, или лучше — для основания вечного царства разума любомудрия. Картезий видит себя окруженным предрассуждениями, видит истукан сомнений, раболепно смертными поклоняемый, и, не могши ему жертвовать, уклоняется от многолюдства, течет к обретению Истины, и пред единою ею благоговеет. Но как оную открыть и познать? Сомнение мудрое и кучно смелое опровергает препятствие, и сим самым рушатся предрассуждения: рассудок возвышается к тем ясным понятиям, и тем первобытным Истинам, кои рождют подлинности и ясности! Картезий сомневался, и сделался сведущ. Счастливы бы он был, если б не полагался излишно на свое знание, если б, будучи разрушителем толь многих грубых мнений, сам не надеялся более обманчивых и прельщающих. Он мог обмануться, ибо был человек; но отдадим справедливость его памяти! Мы обязаны ему, яко бессмертному восстановителю разума любомудрия...“

К этому месту статьи можно привести параллели из „Слова о Ломоносове“ (в „Путешествии“). Как автор статьи о „разуме любомудрия“ говорит про Декарта, что он течет к обретению истины, так и Радищев пользуется тем же чрезвычайно характерным образом, говоря про Ломоносова, что он, для приобретения знаний, „течет в престольный град“. В том же „Слове о Ломоносове“ Радищев и прямо вспоминает Декарта (в рукописном тексте).

„Забудем ли Декарта, что мог токмо усумнит'ся! Он усумнился — и сокрушился оплот предрассуждений, и разум устремился к истине быстротечно“.

В обоих случаях, как видим, указывается это значение сомнений Декарта, в результате которого „рушатся предрассуждения“. В самом тоне отзыва о Декарте в статье чувствуется то же, как и в суждении Радищева о Ломоносове, сожаление об ошибках великого человека:

„Отдавая справедливость великому мужу, — говорится в „Путешествии“, — не возомним быти ему богом всезидущим, не посвятим его истуканам на поклонение обществу и не будем пособниками в укоренении какого-либо предрассуждения, или ложного заключения“.

Приведем к этому параллели в подборе слов из цитированного отрывка статьи о Декарте: он „видит себя окруженным предрассуждениями, видит истукан сомнений...“

В обеих статьях одинаковый ход ассоциаций: истукан — предрассуждения.

В качестве другого примера возьму уже цитированное мною место из конца статьи, где говорится об отношении „разума любомудрия“ к закону божьему и упоминается при этом, как рассудок сорвал святую личину и пр. (выше эта цитата начинается словами:

„Итак, разум любомудрия никак не исключается из своего святилища“.

Указанному месту из статьи близко соответствует по мысли одна из строф оды „Вольность“. Здесь говорится:

„Ниспослав призрак, мглу густую
Светильник истины попрад,
Личину, что зовут свягую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж Бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действии распростерт своэм.
Не спасшему от бед нас мнимых, —
Отду предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем“.

Мысль сопоставляемых мест совершенно одинакова, именно: „разум любомудрия“ (в оде — это „светильник истины“) освобождает поклонение богу от „скверного примесу“ (в оде — „мглы густой“), срывает личину, — и тогда вера будет „тем божественнее, чем поклонение оной будет разумнее“.

(Бог не будет зрим „в чуждом виде“, но ему будут поклоняться как „отцу предвечному всех зримых“.)

Надо заметить также, что и это выражение „светильник истины“ находит себе соответствие в статье. Например, „Но какие мрачные пары потемняют и угашают сей толико необходимый для рода человеческого светильник?“ („разум любомудрия“).

Таких сопоставлений статьи о „разуме любомудрия“ с сочинениями Радищева можно было бы сделать гораздо больше. Много можно было бы указать и отдельных соответствий в словоупотреблении, но я не буду этого делать, так как непререкаемых доказательств для признания автором статьи Радищева это все равно не даст, а для убедительной постановки такого вопроса достаточно, я думаю, и приведенных мной соображений.

Упомяну кстати, что главари московских масонов, когда Радищев выпустил „Путешествие“, находили, что его поступок является „следствием быстрого разума, не основанного на христианских правилах“, и это определение вполне применимо к данной статье, которая восхваляет разум и подчиняет ему веру, разумея при этом ее явно в деистическом, а не в христианском собственно смысле.

Статья эта имела весьма характерные отклики в крыловском журнале „Почта духов“, но о них я скажу в главе, посвященной этому журналу; теперь же нужно рассмотреть другие статьи „радищевского“ типа в „Беседующем гражданине“. В этом отношении обращают на себя внимание еще только две статьи „Рассуждение о связи естественного права с правом гражданским“ (часть III, стр. 193—202) и „Рассуждение о человеке и его способностях“ (гл. III, стр. 121—137). Основная мысль первой статьи, что законы гражданские должны быть основаны на естественном праве, соответствует взглядам Радищева, но теоретическое утверждение этой мысли было приемлемо и для людей с противоположной Радищеву идеологией, а потому я не буду останавливаться на этой статье, тем более, что и в стиле ее не вижу ничего специфически радищевского.

Гораздо своеобразнее, гораздо ближе к индивидуальным взглядам Радищева статья „О человеке и его способностях“. В вопросе о природе человека автор статьи (как и Радищев в трактате „О человеке“) обнаруживает влияние на него материалистических воззрений. Это видно, например, в таком размышлении автора, находящемся почти в самом начале статьи:

„Человек... не обязан ли наипаче преимущественным своих членов строением превосходству его рода над всеми другими? — Не потому он есть царем животных, что зрит горе, подобно как все птицы, но потому, что вооружен гибкою, скорою, рачительною, ужасною и вспомогательною рукою, — рука его есть скипетр“.

Последняя фраза представляет собой изложение известной мысли Гельвеция.

Материалистический взгляд высказывает автор статьи и в вопросе о происхождении нравственности.

„Человек, — говорится в статье, — рождается с семенем добродетели, хотя он не рождается добродетельным. Он достигает до сего возвышенного состояния не иначе, как по получении навыка исполнять оное. Наука, доводящая до сей высокой степени совершенства, называется Нравственностью. Она есть правило деяний и, смело можно так сказать, наука добродетели. Потребны поощрения, потребны похвалы тем трудам, которые предприняты для удаления зол нас угнетающих, для украшения сна нашей жизни, для возвышения, совершенствования, прославления нашего рода. Блаженны стоюкратно те, которых неуспешностию или дарованиями доставлены роду человеческому некоторые из сих преимуществ! Но первый венец назначается мудрому, которого трогательные и ясные сочинения имели цель гораздо благороднейшую, т. е. создавать нас лучшими; не взирая на различность набожных систем и почитаний, все народы чувствовали, что должно быть справедливым; все народы почитали добродетелями: благость, сострадание, дружбу, верность, искренность, признательность, любовь к Отечеству, отеческую горячность, сыновнее почтение, все на последок чувствования, которые суть толикие же союзы, способные соединить человек. И так происхождение сего единодушия суждений, толь постоянного и толь всеобщего, не должно искать среди противоречащих и переходящих мнений“.

„В судилище любознания и рассудка Нравственность есть наука, имеющая предметом сохранение и общественное рода человеческого благо. К сему-то сугубому предмету должны клониться ее правила; естественное их начало постоянно и неизменяемо есть в самом человеке, и в подобии членостроения людей, которое влечет те же самые нужды, те же заботы, те бедствия, ту силу, слабость, источник необходимости общественной, или общия борьбы противу опасностей общих, исходящих из недр самаго Природы и угрожающих человеку со всех сторон. Вот происхождение частных союзов и частных добродетелей, происхождение общих союзов и общественных добродетелей, — вот источник всех частных договоров и всех законов“.

Относительно происхождения этой статьи „О человеке“ надо заметить, что она по некоторым своим мыслям и даже выражениям, как это мной уже было отмечено, имеет много общего с помещенной в предшествующем году в „Утренних часах“ переводной статьей П. А. Озерова „О пользе и необходимости нравственной науки“.

Не решаюсь ставить вопрос о принадлежности статьи „О человеке“ Радищеву, хотя это и возможно тем более, что Радищев интересовался этими вопросами и посвятил им позднее свой трактат „О человеке“; во всяком случае я могу утверждать, что статья эта близка к взглядам Радищева.

Перечисленные мною статьи составляют ту часть „рассуждений“ „Беседующего гражданина“, которые носят „радищевский“ характер.

Является вопрос, не принимал ли Радищев участия в самом редактировании журнала.

В связи с этим отмечу еще раз необычность самого названия журнала „Беседующий гражданин“; но мало того, что оно необычно: оно напоминает первоначальное, в раннем рукописном тексте, название радищевской книги „Проницающий гражданин, или путешествие из Петербурга в Москву“.

Это название „Проницающий гражданин“, кстати сказать, соответствовало мысли автора, выраженной в самом тексте книги. Здесь, приводя речь Истины к царю, автор влагает в ее уста такие слова:

„Если из среды народных возникнет муж, проницающий дела твои, ведай, что той есть твой друг искренный!... (это „проницающий“ было в ранней, рукописной редакции, в печатной вместо этого „проницающий“ стояло „прорицающий“).

Когда задумывалось издание „Беседующий гражданин“, „Путешествие“, хотя и не было издано, но было уже написано, и можно думать, что самое название журналу было дано не без воздействия Радищева.

Но руководящего, регулярного участия в редактировании журнала он, конечно, не принимал. Это видно уже из того, что в основной своей части журнал не соответствует его взглядам. Но так как статьи, как видно из слов Тучкова, принимались в журнал с общего согласия членов (или, может быть, группы их, редакционной коллегии, как теперь называется), то, видимо, Радищев иногда принимал в этом участие

и добивался напечатания своих статей или статей, близких ему по духу. Как видно из слов того же Тучкова, при выпуске последней книжки, где напечатана была „Беседа“ Радищева, он проявил даже очень активную роль: сам отвез эту книжку в цензуру и добился того, что все статьи были пропущены.

Возможно вообще, что в этой последней книжке, а также и в предпоследней Радищев принимал более близкое редакционное участие; это было в то время, когда главные участники журнала выехали из Петербурга в виду военных обстоятельств, как упоминается об этом в журнале. Радищев же оставался в городе и мог заняться этим делом.

При той роли, которую сыграл Радищев в выпуске последней книжки, весьма вероятно, что он принял участие и в составлении помещенного в ней „Заключения к просвещеннейшей публике“. Не могу считать, чтобы оно целиком было написано Радищевым, так как оно в общем не вяжется с его взглядами, но некоторые места были сюда, видимо, вставлены или им, или по его желанию. Так, в этом „заключении“ среди причин, затруднявших выход журнала, указывались на третьем месте „заботы, сопряженные с многотрудным главным званием блюстителя благочиния, мешавшие ему отцензуровать сие издание яко дело частное“. Это явная и довольно злая выходка против ведавшего цензурой обер-полицмейстера Рылеева. Но кто же имел наибольшие основания реагировать так на эту цензурную задержку? Конечно, именно Радищев, непосредственно имевший по этой книжке дело с цензурой. Кроме того, цензура была вообще большим местом Радищева: вспомним страницы, ей посвященные, в „Путешествии из Петербурга в Москву“. Есть и другое соображение, позволяющее в этом „заключении“ видеть отражение некоторых мыслей Радищева, о чем, однако, я предпочитаю сказать в другом месте.

Заканчивая теперь рассмотрение роли Радищева в журнале, я должен подчеркнуть присутствие в нем статей двух направлений: религиозно-морального и общественно-философского. Собственно-политическая их окраска в большинстве случаев в журнале четко не обнаруживается. Но она резко выявится, если мы от произведений перейдем к личностям их авторов. Радищев и Антоновский — это величины, политически противоположные.

Мы знаем, что у Антоновского были сторонники, которые

считали этого мистика-реакционера „другом человечества“ и своим руководителем. Но были ли в Обществе друзей у Радищева политические единомышленники и последователи? В том, что они были, сомневаться невозможно, но доказать это трудно.

Все же можно указать, например, на П. В. Чичагова, как на человека, повидимому, близкого к радищевским политическим настроениям. Павел I считал, что он придерживается „якобинских правил“, и, видимо, считал не зря. В своих позднейших „Записках“, писанных в эмиграции (после войны 1812 г., когда он, будучи главнокомандующим дунайской армией, был обвинен в том, что выпустил Наполеона из России), он сам вспоминает про те свои годы, когда у него были „пресувеличенные идеи“ — „плоды молодости, неопытности и новых теорий“. Но и в этих „Записках“, написанных уже с „охлажденным умом“, порой обнаруживаются взгляды, близкие Радищеву. Приведу, например, один из его отзывов относительно дворянства:

„До Петра III, как и поныне, — говорит Чичагов, — единственное отличительное преимущество этого класса состояло в предоставленном ему праве покупать и продавать себе подобных. Чтобы заниматься этой отвратительной торговлей, достаточно иметь майорский чин, получаемый всего чаще интригами и низкопоклонничеством. Известно, что лаксы, повара, камердинеры были таким образом возводимы в дворянское достоинство, благодаря покровительству своих господ. Вышедшие из подонков черни, эти темные люди тотчас же вступали в пользование правами торговать своими вчерашними собратьями. Они ведут их на торжище, переселяют, обменивают, одним словом производят торг белыми рабами, который еще гнуснее торга неграми“.

Правда, тут проявляется обычный для дворянина мотив, что дворянское „право“ торговать людьми дается часто лицам неподходящего происхождения, но из других мест „записок“ Чичагова видно, что он вообще был сторонником освобождения крестьян и резко восставал против дворянства.

Кроме П. В. Чичагова, у Радищева были, несомненно, и другие единомышленники из входившей в Общество дворянско-офицерской молодежи. Среди этих лиц наиболее проявил себя позднее совсем еще юный тогда И. П. Пнин, которого я считаю прикосновенным и к Обществу друзей.

Больше оснований для восприимчивости к радищевским идеям было, казалось бы, у тех молодых разночинцев-чиновников, которые входили в Общество. Но те из них, которые вышли из Московского университета, обычно сохраняли на всю жизнь религиозно-мистическое влияние московских масо-

нов — влияние, по самой своей сущности, политически-реакционное. Впрочем, иногда у таких „третьесословных“ элементов религиозная основа мировоззрения не препятствовала тому, что их политические убеждения были окрашены в тона вольнолюбивого радикализма.

Укажу, например, на члена Общества К. А. Лубяновича (близкого друга Антоновского). В одной из помещенных им в „Беседующем гражданине“ статей „Завещание уездного дворянина своим детям“ встречаются такие, например, строки:

„Крестьяне все равны нам, равно рождаются, равно как и мы умереть должны... Многие ныне из дворян, грабя своих крестьян, пресыщают собак... Не мучьте сих несчастных людей, прошу вас ради имени человека, почитайте в них образ божий. О, жестокость! я видел примеры жестокости и теперь содрагаюсь. И ты, сын мой, когда-то мне говорил, что один из наших соседей почти до смерти засек своего бедного повара за то, что ненарочно обварил немного любимую его гончую собаку. Я помню, ты тогда вздохнул и сказал, как не жалко было молодому дворянину за один визг собаки заставить человека стонать целые два часа под ужасными ударами. Ты говорил, что ежели б ты на сей случай не подоспел и не умилосердил его жестокого подарком тех двух собак, которых он у тебя прежде просил за хорошую цену, то бы он, конечно, несчастного страдальца до смерти замучил, — в чем он после за обедом пред тобою и сам клялся“.

Как ни выразительны эти строки, они представляют собою, в сущности, довольно обычное и в дворянской литературе осуждение жестокостей, творимых помещиками над крестьянами: ничего специфически „третьесословного“ в этих строках нет. И вместе с тем эти мысли придется расценивать как проявление третьесословной идеологии, если мы сопоставим их с одним документом, сообщенным в журнале тем же лицом, — о документе этом я буду говорить далее.

В общем же настроения, которые проявились в цитированном „завещании“, могли легко приводить (но прежде всего, конечно, не дворян) к таким политическим позициям, на каких стоял Радищев.

•Надо еще заметить, что большинство членов Общества принадлежало к людям молодым, у которых тогда общественные взгляды еще только формировались, и, вероятно, на этот процесс известное влияние мог оказывать Радищев.

Радищев был в этом кругу пропагандистом и агитатором в борьбе против дворянско-помещичьей реакции и мистики за буржуазные прогрессивно-демократические идеалы.

IV. „БЕСЕДУЮЩИЙ ГРАЖДАНИН“ И „ПОЧТА ДУХОВ“. — РАДИЦЕВ И КРЫЛОВ

„Почта Духов“, как было мной показано, вышла из того же литературного круга, что и „Беседующий гражданин“. Зарождение двух этих разнохарактерных журналов произошло, вероятно, не без споров в этом кругу; разногласия вышли и непосредственно вокруг „Почты духов“. Крылов, в старости, в разговоре с сослуживцем Быстровым как-то обмолвился такими словами насчет этого журнала:

„Помнится, мой милый, что раз мы поссорились с Рахманиновым за то, какое название дать журналу... Пельский, кажется, помирил нас“...

Упоминаемый здесь П. А. Пельский, позднее проявивший себя как писатель-сентименталист, товарищ Антоновского (по университету и по литературной работе в московских журналах) и других бывших студентов, организаторов „Общества друзей“. Это лишний раз подтверждает догадку о том, что „Почта духов“ и „Беседующий гражданин“ возникли в одной литературной среде.

Несмотря на то, что оба журнала могли бы сожительствовать мирно, „Почта духов“ проявила явно враждебное отношение к „Беседующему гражданину“, а последний, кажется, еще до выпадов против него крыловского журнала, в отдельных статьях высказал резко отрицательное отношение к сатире вообще, повидимому имея при этом в виду „Почту духов“. Это высказано было еще в первой части журнала, в статьях: „Бредни праздного педанта“, „Рассуждение о том, сколько здоровое рассуждение (критика) споспешествует природным дарованиям и сколько осмеивание (сатира) вредит оным“, „Отрывок повести школьного педанта о себе самом“. В первой из этих статей относительно сатиры имеются такие, например, строки:

„Похвалить-то мудрено: тут страдает собственное наше самолюбие, — а разругать — что ступишь, то случай. Летит, например, кто-нибудь в карете — ты и думаешь, что он без ума, не стоит этой почести, и говоришь, что скота везут скоты, а я же как ни учен, как ни полезен типографиям, — однако ж, со всей философской важностью иду пешком, уткнув нос в землю и рассуждая о суете мирской, а что всего досаднее — забрызган грязью от дурака!“

Но помимо этого враждебного отношения к сатире вообще, у руководящей группы „Беседующего гражданина“ была

и другая причина для неприязни к „Почте духов“. „Почта духов“, по самому своему названию и по характеру журнала, представляла собою нечто чуждое, нечто неприемлемое для религиозно-настроенных руководителей „Беседующего гражданина“; ведь, существование духов, входило в верования церкви, согласно взглядам которой „духи“ хороших людей покоились в „селениях праведных“. А тут, в журнале Крылова, эти „духи“ — и праведников и грешников — фигурировали порой в самых комических положениях! Это не могло не коробить религиозно-настроенных руководителей „Беседующего гражданина“, и один из главных участников его С. С. Бобров, как бы возражая на это ироническое отношение к духам и к самому их существованию, высказал свои мысли по этому поводу в особой (переводной) статье под названием „Пустые бредни о духах“ (часть III, стр. 178—186).

Несмотря на неприязненные взаимоотношения этих двух журналов, Крылов и вообще лица, прикосновенные к „Почте духов“, могли поддерживать связи с „Обществом друзей“ и бывать на его собраниях. Именно этим, надо думать, объясняется то близкое взаимодействие, которое в нескольких случаях обнаруживается между „Почтой духов“ и отдельными страницами „Беседующего гражданина“, равно как и некоторыми мыслями Радищева.

Вообще же, говоря о „Почте духов“, необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что она, как и „Беседующий гражданин“, не представляет собой ни литературно, ни идейно однородного целого. Правда, в отличие от журналов обычного типа, она составляет нечто целое по своей форме, по общему ее композиционному плану: в центре этого плана стоит волшебник Маликульмульк, письма к которому разных „духов“ и составляют содержание „Почты духов“ (в двух случаях имеются ответы на эти письма самого Маликульмулька). Всего писем в „Почте духов“ было помещено XLVIII; „духов“, от лица которых они написаны, — девять.

Главную роль в „Почте духов“, как известно, играл Крылов, но был ли он единоличным автором всех писем или у него были сотрудники, этот вопрос до сих пор не разрешен, и я не буду пытаться выяснять его в данной работе, ограничившись некоторыми только соображениями.

Надо, прежде всего, заметить, что в журнале этом намечается два типа писем: 1) письма сатирически повествовательного характера, 2) письма характера „рассуждений“ морально-философского содержания. К последней группе принадлежат письма Дальновида (их 11) и Эмпедокла (всего одно письмо), сюда надо также отнести и два письма самого Маликульмулька. Письма всех остальных духов носят сатирический характер (иногда, но очень редко, встречаются письма смешанного типа).

Основная серия сатирических писем, то-есть письма „духов“ Зора, Буристома и Вестодава написаны, несомненно, Крыловым; безусловно ему принадлежат и письма Бореида. Что касается других сатирических же писем, то возможно, что кое-что здесь написано и Крыловым, но часть, вероятно, другим лицом.

Письма Дальновида, Эмпедокла и самого Маликульмулька совсем не похожи ни по мысли, ни по стилю на указанные безусловно крыловские письма, ни на другие немногие его прозаические сочинения вообще; но это, однако, не исключает того положения, что Крылов мог быть их автором. Просто не имеется никаких серьезных данных для выяснения этого вопроса, между тем для характеристики взаимоотношений „Почты духов“ и „Беседующего гражданина“ эти именно письма Дальновида и Эмпедокла представляют наибольшую ценность.

Вообще письма Дальновида очень важны для журнала. Пред нами в фигуре Дальновида вырисовывается определенный тип „философа“, как он и сам себя именуется во многих письмах. Это человек с независимыми взглядами в духе просветительной философии XVIII в., человек, серьезно и скептически смотрящий на людей и жизнь. Он порицает темные ее стороны, и его серьезный тон никогда не нарушается юмором. В нем много тех черт, которые характерны для „вольтерианца“, но главное, что отличает его от людей последнего типа, это — отрицательное отношение к культу разума. В этом отношении Дальновид больше подходит к „руссоистскому“ типу.

В личности и в высказываниях Дальновида есть вместе с тем черты, сближающие его с Радищевым, и я отмечу здесь некоторые черты сходства между ними.

Дальновид довольно резко говорит о царях, обращая внимание на то, что некоторые из них получают имя „великих“, и тем не менее причиняют большой вред подданным. В связи с этим он восстает против несправедливых войн и завоеваний. Нет надобности говорить, что все это соответствует взглядам Радищева, что подобные отзывы можно найти и в его сочинениях.

Дальновид вооружается против дворянства: почтение к привилегиям, происходящим от древнего происхождения, он приравнивает по отношению некоторых людей к старой посуде. Радищев в „Путешествии“ восставал, в сущности, против всего дворянско-помещичьего строя; в частности, относительно грамот на дворянство Радищев просто высказывал мысль, что их следовало бы продать „разносчикам для обертки“.

В области религии у Дальновида не замечается никакого скептицизма; он не рассуждает о религиозных вопросах, но молчаливо признает бога. Подобно Дальновиду и у Радищева нет религиозного отрицания, и „вольтерьянство“ его не связано, собственно говоря, с религиозным вольнодумством в атеистических формах.

В человеке Дальновид более всего ценит добродетель, а ее руководителем считает совесть. Радищев подобно Дальновиду признавал, что „добродетель есть вершина деяний человеческих“ и считал совесть тем судьей, который рано или поздно подаст голос в каждом человеке.

Но, признавая врожденным нравственное начало в человеке, Дальновид вместе с тем считает, что обычно в своих действиях человек руководится эгоистическими мотивами (тщеславие, самолюбие); Радищев, как известно, также разделял этот взгляд.

Дальновид расхваливает „мизантропов“ и сам стремится подражать им: в его рассуждениях есть много тех черт, которыми он сам характеризует людей этого типа. Мизантроп у Дальновида „суров, уныл, задумчив“, но „сердце его наполнено справедливостью, чистосердечием, добродетелью“. В личности Радищева, есть, несомненно, много общего с этими „мизантропическими“ чертами.

Все это показывает довольно значительную идейную близость между Радищевым и Дальновидом, но все это в области

отвлеченной: нигде конкретно Дальновид не касается русской жизни и актуальных ее вопросов. Письма Дальновиде не раз, и с большой убежденностью, приписывали Радищеву. Но это не верно, и, прежде всего, потому, что, несмотря на некоторую близость в общих отвлеченных взглядах, Дальновид высказывает и такие суждения, которые решительно не соответствуют мировоззрению Радищева. Приведу примеры таких несоответствий.

В самом первом письме Дальновиде (IV), посвященном теме о краткости жизни человеческой, этой мысли противопоставлено утверждение бесконечности будущей жизни.

Без всяких подтверждающих цитат совершенно ясно, что подобные мысли совершенно не соответствуют взглядам Радищева, который никогда не высказывал уверенности в существовании бесконечной будущей жизни.

Затем обращу внимание на взгляды, высказываемые Дальновидом в письме XXXII: здесь автор принижает значение человеческого разума и доходит до того, что говорит о бесполезности наук.

Опять без всяких примеров и подтверждений можно сказать, что это совершенно не соответствует мыслям Радищева, который всегда в своих сочинениях (не говоря даже о приписываемом мною „Рассуждении о разуме любомудрия“) возвышал значение человеческого разума и никогда, понятно, не мог бы даже обмолвиться выражением о бесполезности наук. Радищев не противопоставлял значения разума величию добродетели, как это делает Дальновид.

Думаю, что и этих примеров достаточно, чтобы совершенно снять долгое время обсуждавшийся вопрос о принадлежности писем Дальновиде Радищеву.

В связи с заданием настоящей главы, особый интерес представляет упомянутое XXXIII письмо Дальновиде, где он делает некоторые полемические выпады против напечатанного в этом журнале и приписываемого мною Радищеву „Рассуждения о том, в чем состоит разум любомудрия“. В общем, это письмо Дальновиде показывает, что шедший в Обществе друзей и проявлявшийся в „Беседующем гражданине“ спор о границах веры и разума перекинулся и на страницы „Почты духов“. Но свои выпады против статьи „Беседующего гражданина“ о „разуме любомудрия“ Дальновид делает, не назыв-

вая ни журнала ни самой статьи. Однако соответственная направленность письма Дальновида совершенно ясна из приводимой мной ниже цитаты, которая прямо имеет в виду отдельные мысли и выражения этой статьи.

Письмо XXXIII, где находятся эти выпады, посвящено собственно рассуждению о том, что счастливыми бывают большею частью и вовсе глупые люди. В связи с этим, размышляя об ученых, Дальновид пишет:

„Если бы все различных родов ученые ничего более не имели своим предметом, как научиться нравственным добродетелям и усовершенствовать себя в мудрости, то все их попечения ограничивались бы познанием самих себя. Они не старались бы измерять небеса, не исследовали бы течение планет, не углублялись бы в рассмотрение различных произведений природы, не вникали бы в раздробление их внутренних частей и не тщились бы проникать даже до познания тягости воздуха“.

„Все сие, сказали бы они, не нужно к нашему предмету, ибо к какому предмету стремимся мы нашим познанием. Не к тому ли, чтоб искать способов учиниться благополучными и быть полезными для блаженства других человек. Итак, будем обучаться только тому, что может послужить к соделанию нас добродетельнейшими, и сообщим нашим собратиям и согражданам наши мудрые рассуждения. Какую пользу приобретут они от познания того, что в природе нет пустоты, и что земля обращается около солнца. Сие не учинит их ни кротчее, ни снисходительнее, ни добродетельнее, ни блаженнее. И самые невежды, совсем не знающие, чему научает их природа, будучи вспомоществуемы некоторыми токмо слабыми и всеобщими понятиями, часто бывают гораздо благополучнее людей, в науки углубляющихся.“

Итак, наука не делает людей благополучными, а честность и добрая совесть“.

Дальновид согласен с тем, что если бы ученые руководились одною только любовью к мудрости, а не тщеславием, то они должны были бы рассуждать именно таким образом, и он находит, что ученые, поняв это, должны бы были говорить людям просто:

„Воспользуйтесь настоящими минутами вашей жизни, будьте добродетельны, исполняйте с рачением возложенные на вас должности и не теряйте бесполезно сих драгоценных минут, которых вы никогда возвратить не можете. Время протекает, и, если сердце ваше не возмущается внутренними угрызениями от учинения каких-либо злодеяний и если следуете вы закону честности, то имеете в жизни вашей все, что потребно для приятнейшего услаждения. Упражнение в бесполезных науках ни к чему более вам не послужит, как похитит у вас настоящее благо, питая вас тщетною надеждою о приобретении будущего мечтательного блаженства“...

Но на самом деле ученые так не рассуждают, и это потому, что не любовь к истинной мудрости, а тщеславие и че-

столюбие являются главнейшим побуждением к их трудам. Далее Дальновид, в качестве примера тех ученых, которые совершали безумные дела для приобретения себе бессмертной славы, приводит Аристотеля и Эмпедокла, а затем упоминает про тех многих ученых, которые хотя и не простирали столь далеко, как эти, своего тщеславия, но

„не менее сего старались возмущать свое спокойствие в надежде учинить имена свои бессмертными“. „Сколько было, — восклицает Дальновид, — таких, которые ссылаемы были в ссылку, заключались в темницы и лишались всего своего имения, чего могли бы они легко избежать, отрекшись от пагубных своих сочинений, но они лучше хотели лишиться всего и стенать под тягостными оковами, или быть изгнанными из своего отечества, нежели истребить о себе память“.

К изложенным отрицательным взглядам Дальновида на значение наук и на ученых в конце письма делается оговорка, показывающая, что автор письма не имел, в сущности, в виду возражать против абсолютной ценности всякой науки независимо от того, какие бы побуждения ни руководили учеными.

В общем, в письме Дальновида относительно дебатированного в Обществе друзей вопроса о „разуме любомудрия“ занята третья позиция: автор не касается взаимоотношений разума и веры, как это делали выразители двух изложенных ранее точек зрения, а просто переносит вопрос в другую плоскость, стремясь показать, что важнее всего в человеке не разум и не научные знания, а „честность и добрая совесть“.

Кто был автором писем Дальновида — это остается невыясненным. Могут только отметить, что письма эти носят, на мой взгляд, в отдельных своих местах заметные следы пользования какими-то иностранными (французскими) источниками. Это обнаруживается в проявляющихся в них порою несоответствиях русской жизни. Вместе с тем компилятивный характер писем проявляется и в том, что в мнениях Дальновида иногда обнаруживаются противоречия. Так, высказывая в только что цитированном письме мысль о том, что люди более всего должны бы стараться о приобретении „вечного блаженства“ в будущей жизни, Дальновид вместе с тем в письме XXXIII говорит, что людям следует пользоваться минутами настоящей жизни, а не питать себя „тщетною надеждой о приобретении будущего мечтательного блаженства“.

Наиболее вероятным автором этих писем я считаю Крылова с той оговоркой, что в выборе тем и пользовании теми или иными источниками он руководился, вероятно, указаниями Рахманинова; Крылов сам говорил, что последний „давал материалы“ для журнала, и только в этих письмах Дальновидо возможно допустить такое пользование „матерьялами“, то-есть иностранными источниками.

В общем, категорически отрицая авторство Радищева, я тем не менее подчеркиваю некоторую идейную близость к нему Дальновидо. Помимо этого, в письмах этих имеется ряд близких соответствий с сочинениями Радищева в отдельных выражениях. Эти совпадения, действительно, интересны, но Г. З. Чучмарев, обнаруживший их, сделал из этого неверный вывод: не обратив внимания на несоответствие отдельных взглядов Дальновидо взглядам Радищева, он прямо, на основании только общности отдельных мыслей и выражений, заключил, что Радищев и является автором писем Дальновидо. Этим необоснованным выводом он уже успел, кстати сказать, ввести в заблуждение некоторых лиц, позднее писавших о Крылове (см., например, статью В. Саянова в однотомном издании ГИЗ Собрания сочинений Крылова). Между тем, если итти путем Чучмарева, то это может довести даже до такого абсурда, как приписывание Радищеву статей Екатерины II, что он и делает.

Но чем же в действительности вызываются все эти соответствия между Радищевым и Дальновидом — соответствия как в некоторых мнениях, так и в отдельных мыслях и выражениях? Я считаю, что это, в основном, может быть объяснено тремя причинами: во-первых, тем, что Радищев и автор писем Дальновидо воспринимали общие „ходячие“ тогда философские мысли и понятия, равно как и общий языковой штамп для таких понятий; во-вторых, тем, что они испытывали влияние общих иностранных источников, и, в-третьих, тем, что они вращались в одном литературном кругу, каким было Общество друзей словесных наук.

В связи с последним следует еще отметить, что, помимо всех указанных соответствий между Радищевым и Дальновидом, в письме последнего за № XXIV обнаруживается тематическая близость к радищевской „Беседе о том, что есть сын отечества“, напечатанной в последней книжке „Беседующего

гражданина", а до этого, вероятно, читанной в Обществе друзей. Это письмо посвящено рассуждению о том, что „в гражданском обществе часто называют честным человеком того, который нисколько сего названия не заслуживает, и какие нужно приобрести достоинства, чтоб приобрести название истинно-честного человека“. Радищев в своей „Беседе“ указывает, что „истинный человек и сын отечества есть одно и то же“, и, таким образом, получается почти полное совпадение в теме. В самом построении этого письма Дальновида, равно как и „Беседы“ Радищева, есть общее, именно два основных элемента: во-первых, это отрицательная характеристика тех людей, которым напрасно дается название честного человека, и, во-вторых, указание тех положительных качеств, которые присущи честному (или истинному) человеку. Есть сходство и в отдельных мотивах обеих этих статей.

От Дальновиды перейду теперь к Эмпедоклу, который, впрочем, выступает в журнале только случайным гостем: ему, как отмечено, принадлежит здесь только одно письмо (XL).

Эмпедокл представляет собою, поскольку его личность обрисовывается в этом письме, тип, противоположный Дальновиду: в то время как последний является „философом“ вольтерианско-руссоистского типа, Эмпедокл выступает как фигура религиозно-мистического склада.

Письмо Эмпедокла для нас интересно тем, что, как и одно из отмеченных ранее писем Дальновиды, оно дает отклик на ту же статью о „разуме любомудрия“, которую я приписываю Радищеву, только отклик более решительный, чем у Дальновиды, причем в своих взглядах Эмпедокл явно смыкается с взглядами руководящей религиозно-мистической группы „Беседующего гражданина“, которые были по данному вопросу высказаны в статье „Рассуждение о предрассудках противу правоверия“.

Надо заметить, что Эмпедокл в своем письме иронически называет „Беседующего гражданина“ „Бредящим мещанином“. Такое именование встречается и в письмах безусловно крыловских; так, в письме Зора № XXX „Бредящий мещанин“ упоминается среди изданий, приносящих стыд „ученому свету“; даже позднее в журнале „Зритель“ Крылова он опять упомянул про „Бредящего мещанина“. Эта ирония над „мещанином“ имеет, конечно, некоторый социальный смысл, но нельзя его

преувеличивать. Слово „мещанин“ противопоставляется здесь, видимо, не дворянину, а понятию „гражданин“. „Почта духов“ этой своей иронией хотела показать, что враждебный журнал вовсе не заслуживает возвышенного названия „гражданин“, а может быть назван лишь мещанином. Впрочем, как бы ни смотреть на эту ироническую кличку, в ней есть оттенок дворянского высокомерия. Рахманинов, издатель „Почты духов“, был родовитый дворянин, а Крылов хотя не имел, в сущности, никаких данных для того, чтобы ощущать себя дворянином, порой пытался тянуться за дворянами, как это можно заключить из некоторых мест „Почты духов“.

Вообще же „Почта духов“, по своему общему характеру и, в частности, по языку была гораздо более „мещанским“ журналом, чем „Беседующий гражданин“. Это не исключает, однако, того, что у редакции этого последнего журнала имелась тенденция ориентироваться на третьесословные, „мещанские“ читательские слои.

Следует также отметить, что ироническая кличка „Бредящий мещанин“ применялась не только Крыловым; введенная Рахманиновым, она, вероятно, была в употреблении у всех примыкавших к „Почте духов“ противников „Беседующего гражданина“.

Эмпедокл размышляет в своем письме о „странности разума человеческого“ и находит, что нет на свете ни одного истинно мудрого человека, потому что

„каждый, считающийся мудрым, являл в себе нечто такое, что можно назвать глупостью“.

Желая доказать, как далеко простирается „слабость человеческого разума“, Эмпедокл для подтверждения своей мысли рассматривает некоторые странные действия Аристотеля и Лейбница, причем, исходя из того, что и эти великие люди были подвержены различным слабостям, автор приходит к выводу, что нельзя не почувствовать

„некоторого презрения к человеческому разуму, толико прославленному полученными“.

После этого автор письма говорит следующее:

„Можно ли распространить далее сего надменное о себе самом мнение? Может ли модный петиметр безумнее сего о себе мыслить, или полученный превозносить себя похвалами? После сего кто будет удивляться, что

Пустоврал поставляет себя в числе лучших писателей, что Любокрас прельщается своею красотою, и что сочинители бредящего мещанина почитают прекраснейшими творениями глупые свои бредни, хотя многим довольно известно, что нет почти ни одного из их читателей, кто мог бы с удовольствием прочитать сначала до конца хотя одну их книжку. Все сии люди, рожденные с разумом в тесных пределах заключенным, могут ли воспротивиться погрешностям, сродным вообще всем смертным, когда не мог оных избежать Лейбниц, будучи из числа величайших и славнейших философов в Европе? Ежели он по природному своему свойству принужден был впасть в столь смешное безумие, и если в то самое время, когда осуждал человеческое высокомерие, предавался сам до чрезвычайности сему гнусному пороку, то таким образом люди простые могли бы возвыситься выше пределов своего состояния и исправить свои несовершенства, присоединенные крепчайшими узлами к существу их?“.

В дальнейшем тексте автор переходит непосредственно к нападкам на статью „Беседующего гражданина“ о разуме любомудрия, не указывая, однако, что он выступает именно против этой статьи (приписываемой мною Радищеву).

„Ежели бы люди прилежно рассматривали — почтенный Маликульмульк, — пишет Эмпедокл, — сколь бывает в них посредствен превозносимый ими столь великими похвалами их разум, и сколь способен он принимать в себя различные впечатления предрассудков, самолюбия, гордости, тщеславия, а, наконец, и всех страстей вообще, то гораздо менее полагались бы они на сей, по их мнению, природный светильник, который почитают они надежнейшим себе путеводителем, ибо ежели бы он был нечто действительно существующее и совершенно твердое и основательное, то надлежало бы, чтоб во всех людях был он одинаков, производил бы в них одинакие действия и показывал бы им все вещи в равном положении. Но от чего же происходит сие различие в чувствах? По какой причине один народ почитает какую-либо вещь правильной, а другой точно бывает уверен в ее неправильности? И для чего то, что называют добродетелью в Азии, почитается пороком в Европе? Который из сих двух есть истинный рассудок, европейский или азиатский? Если европейцы совершенно уверены в своих мнениях, то какую пользу приносит природный светильник большей части земных жителей? Тогда непременно надлежит признаться, что сей мнимый светильник, данный от природы людям для их путевождения, не более им полезен как и самогустейший мрак. Почто думают европейцы, что рассудок азиатцев несправедлив? И для чего бы таким не назвать рассудок европейцев? Каким образом можно решить столь трудную задачу?“.

Приводя далее взгляд на роль разума Августина, автор статьи говорит:

„Итак, следуя оному, какую надежду можно полагать на сей разум, толико превозносимый похвалами от философов и от многих ученых? Должно ли называть природным светильником такую вещь, которая не способна

подать нам ни малейшего просвещения? И какое действие может произвести философия, которая ничем другим не поддерживается, как властью сего обманчивого и мечтательного разума, который чаще приносит нам вред нежели пользу?"

Кончается письмо Эмпедокла такими словами:

„Гораздо полезнее, почтенный Маликульмульк, усмирить сих разумников, превозносящихся столь много своим разумом, показав им всю его слабость и несовершенство. Таким способом можно научить надменных любомудров покорять их рассуждения под власть веры, и никогда не спорить о некоторых вещах, в понятие их не вмещающихся, ибо сколько есть между ними таких, о коих можно сказать с святым Бернардом, что в то самое время, когда стараются они достигать до познания вещей, им непостижимых, сами о себе не имеют ни малого познания“.

Все эти ссылки Эмпедокла на блаженного Августина и св. Бернарда крайне характерны именно для какого-либо питомца московских масонов, ибо в этом кругу они пользовались особым авторитетом, и разные сочинения их неоднократно издавались Новиковым.

Относительно Эмпедокла, надо сказать, что появление его писем предусматривалось как бы в самом композиционном плане „Почты духов“. Уже в сатирическом „вступлении“ к журналу (написанном, несомненно, Крыловым) упоминается про Эмпедокла, который, бросившись в кратер Этны, стал потом управителем увеселительного дома волшебника Маликульмулька и, живя в этом доме, смотрел также за его библиотекой, делая при этом критические замечания на всех древних и новых авторов, которые „может быть скоро выйдут в свет“. Затем про Эмпедокла говорит Дальновид в XXXIII своем письме, где идет речь о том, как некоторые ученые для приобретения себе бессмертной славы совершали безумные дела.

Кроме этого, между письмом Эмпедокла и одним из писем Дальновида есть еще одно интересное соотношение.

Дальновид в XXV письме, говоря об истинных любомудрах, между прочим, замечает следующее:

„Они и в самых обыкновенных человеческих действиях поступают совсем иначе, нежели как это делают простые люди, и потому-то невежды ввели в пословицу о таких людях говорить, что нет никакого высокого разума, который бы не имел в себе какой-нибудь глупости. Но, — замечает Дальновид, — можно ли безумцам судить о мудрецах!“.

Эмпедокла в своем письме высказывает мнение, что нет на свете почти ни одного истинно мудрого человека, и при этом поясняет:

„Когда я говорю истинно мудрого, то под сим словом разумею, что каждый почитающийся мудрым являет в себе нечто такое, что можно назвать глупостью“.

Сопоставляя приведенные цитаты из писем Дальновида и Эмпедокла, легко видеть, что оба они высказывают одну и ту же мысль, но в то время как первый приводит ее в качестве мнения невежд, второй изрекает ее с полным убеждением и прилагает все усилия для доказательства именно этой мысли.

Такую логическую несообразность можно бы объяснить тем, что для этих писем был использован какой-то одинаковый иностранный источник, где остовы писем Дальновида и Эмпедокла находились в какой-то композиционной связи. При переводе или переделке на русский эта композиционная связь могла быть разрушена, в результате чего и могло получиться это грубое логическое противоречие.

В общем, некоторая связь письма Эмпедокла как с письмами Дальновида, так и с „вступлением“ к журналу самого Крылова дает, как будто бы, указание в пользу того, что письма Дальновида и Эмпедокла могли быть написаны одним лицом (Крыловым) и что в лице Дальновида и Эмпедокла мы имеем не проявление двух авторских личностей, а попытку создания двух разных общественных типов. Но резкая полемичность письма Эмпедокла в нападках на „Беседующего гражданина“ заставляет меня склоняться к мнению, что в данном случае выступает определенное авторское лицо, и это лицо не тождественно с автором писем Дальновида. Если это так, то автором письма Эмпедокла можно бы считать кого-либо из мистиков круга Антоновского, который был возмущен тем, что в „Беседующем гражданине“ была напечатана рационалистическая статья о „разумелюбомудрии“: не имея возможности возразить на нее в самом „Беседующем гражданине“, он сделал это в крыловской „Почте духов“, пользуясь тем, что в ней, в сущности, вовсе не было направляющей редакционной руки (наиболее ярким доказательством этого является то, что одно из писем было по ошибке напечатано в журнале дважды.)

В общем, при оценке „философских“ писем „Почты духов“ надо иметь в виду, что в них, в письмах Дальновида и Эмпедокла, обнаруживаются два разных общественных типа, и если Дальновид в некоторых высказываниях на отвлеченные темы напоминает Радищева, то Эмпедокл примыкает к мистикам в духе Антоновского. При этом в „Почте духов“ Эмпедокл ведет такую же борьбу за порабощение разума вере, какую в Обществе друзей (и в „Беседующем гражданине“) вели люди этого типа с радищевскими взглядами.

Надо сказать еще о тех письмах „Почты духов“, которые безусловно принадлежат Крылову. Обыкновенно принято говорить об идейной близости в эти годы Крылова к Радищеву, но те письма, которые бесспорно ему принадлежат, не дают, в сущности, оснований для такого заключения. Если бы была доказана принадлежность Крылову писем Дальновида, то это мнение было бы, конечно, более обоснованным. Впрочем, надо отметить, что к французской философии, которая имела такое влияние на Радищева и воздействие которой сказалось на Дальновиде, Крылов относился, как видно из его позиции в „Почте духов“, отрицательно. Правда, он не был близко знаком с этой философией и не интересовался ею преимущественно потому, что она, по его мнению, была направлена против религии, что, однако, не мешало Крылову воспринять некоторые скептические взгляды просветителей по отношению к религии.

Во всяком случае, несмотря на отсутствие в безусловно крыловских письмах идейной связи с Радищевым, Крылов как сатирик, касавшийся разных сторон русской действительности, не мог не иметь известных точек соприкосновения с Радищевым, который своей книгой ударил по всему крепостническому строю.

Но более углубленное определение общественного настроения Крылова в это время выходит за пределы моей темы, а потому я перейду теперь к вопросу о прекращении „Почты духов“, где опять придется встретиться и с именем Радищева.

„Почта духов“ прекратилась ранее окончания года и, конечно, не добровольно. Это видно из того, что в последней книжке журнала, вопреки общему его характеру, было в тексте одного из крыловских писем (от Зора, № XLIV)

помещено стихотворение, где восхвалялась Екатерина и русские порядки. Про Россию здесь говорилось, между прочим, так:

В счастливой этой стороне
Суды воюют с преступленьем.

И это после того, как рядом во многих местах журнала указывалось на продажность и отсутствие справедливости в этих судах!

Далее указывалось, что в России „цветут Законы“ и пр. В общем целью стихотворения было показать, что все сатирические стрелы журнала ни в каком случае не относятся к России, как думал, конечно, каждый читатель.

Это было сделано Крыловым, конечно, не зря: вероятно, и раньше ходили какие-нибудь слухи относительно смысла крыловских аллегорий, но, несмотря на такие слухи, Крылов рискнул теперь поместить в журнале многозначительное описание появления Истины перед царем. Чтобы застраховать себя от всяких осложнений, Крылов, очевидно, и решил включить в журнал перед этой статьей указанное льстивое стихотворение. Однако это не помогло: журнал, как легко догадаться, был закрыт. Вследствие этого остался незавершенным и композиционный план Крылова: „духи“ Зор и Буристон, посланные из ада на разные поиски, не вернулись в ад, как это должно было быть по смыслу сюжета, и их похождения неожиданно прервались.

Что касается того письма, которое послужило непосредственным поводом к закрытию журнала, то оно замечательно и, прежде всего, по тому близкому соответствию, которое в нем обнаруживается — и по общему сюжету и по отдельным частностям — со „сном сидящего на престоле“, описанным Радищевым в главе „Путешествия“, названной „Спаская Полесь“, и составляющим одно из самых сильных мест радищевской книги.

Письмо „Почты духов“, где обнаруживается это соответствие с Радищевым, написано от лица „духа“ Выспрепара, и хотя письма этого „духа“ не принадлежат к тем сериям писем, которые я считаю безусловно написанными Крыловым, настоящее письмо, наверное, надо причислить к числу его писем: в пользу этого говорит бойкость слога и чисто крыловское остроумие этого письма.

Близость этого рассказа к радищевскому „сну“ обнаруживается, прежде всего, в общем сюжете: и в том и в другом случае описывается торжество во дворце и появление перед государем Истины. При этом, хотя Радищев облек свой рассказ в форму сна, читатель только в начале и конце рассказа видит эту внешнюю рамку; у Крылова тоже только в начале и в заключительной части письма видно, что речь идет от лица сильфа. В общем эта внешняя рамка и в том и в другом случае не существенна, важна близость содержания.

В обоих случаях содержание может быть разбито на четыре главных части: 1) изображение государя, окруженного придворными, и речи их к государю, 2) появление Истины, 3) речь Истины к государю, 4) впечатление, произведенное на него этой речью.

Помимо этого обнаруживается сходство в целом ряде отдельных мотивов. Отмечу из них только главные.

Придворные в обоих случаях пытаются воспрепятствовать силою приближению Истины к царю; есть сходство в отзывах о ней придворных, и тут и там указывается, что носитель ее — человек „опаснейший“; в обоих случаях Истина допускается к царю непосредственно по его побуждению; и у Радищева и у Крылова Истина выступает в качестве странствующего бедняка, только в первом случае это — женщина, во втором — мужчина; в обоих случаях Истина советует царю привлечь к себе правдивого человека из народной среды.

У Радищева говорится так:

„Если из среды народной возникнет муж, пронизающий дела твои, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Будьись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя, призови и угости его, яко странника“...

У Крылова олицетворяющий истину странник говорит:

„Ежели ты найдешь такого мудреца между многочисленными обитателями обширного твоего владения, прилепись к нему и преклони его к себе своими милостями, удостой его твоей доверенности и позволь ему с тобой беседовать; чти его как отца и люби как друга“.

В речи странника к царю в обоих случаях указывается, что царь не может узнать истины от лиц, его окружающих. У Радищева это выражено так:

„Изжени сию гордую чернь тебе предстоящую и прикрывающую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и вход мне (Истине) в твои чертоги воспреещающие“.

Странник, олицетворяющий Истину у Крылова, говорит царю:

„Ты не обрядешь ее (Истины) в устах тех льстецов, которые без сомнения, находятся между окружающими тебя вельможами“.

Отмечу также, что в обоих случаях речь Истины вызывает у царя сочувственное отношение. Но смысл этого „сочувствия“ в том, что у Радищева его высказывал царь не в действительности, а во сне, у Крылова — в каком-то фантастическом царстве.

Упомяну также, что оба сочинения заканчиваются скептическими фразами относительно возможности приближения Истины к царю. Радищев это высказывает так (в сущности, прямо обращаясь к Екатерине):

„Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою, или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается“.

У Крылова сифф, от которого адресовано это письмо к волшебнику Маликульмульку, говорит последнему:

„Пожелай со мною, лобезный Маликульмульк, чтобы сей молодой венценосец не подпал участи многих государей, которые слушают ласкательства для своего удовольствия, а наставления мудрецов для того, чтобы по вечерам засыпать от их нравоучения“.

Укажу еще одно особо интересное соответствие письма Крылова, но уже не со сном царя, изображенным Радищевым, а с его „Путешествием“ в целом.

Как мы видели, книга Радищева первоначально называлась „Проницающий гражданин“, и появление этого Проницающего гражданина, как глашатая Истины, предусматривалось упоминанием об этом в цитированном сне. Можно думать поэтому, что Радищев, давая книге такое название, именно себя, автора этой книги, разумел как вещателя Истины. Значит, этим лицом являлся писатель.

Но у Крылова как-раз и рисуется, как в качестве провозвестника Истины выступает именно писатель. Это объясняет один из знавших этого человека царских чиновников,

который в ответ на вопросы, кто такой этот человек, дрожа от страха, говорит:

„Он... это бедняк... это один... из тех... которые пишут“.

Придворные спросили: „Так это писатель?“

„Да, — отвечал тот, — он... пишет книги“.

Таким образом Крылов, в сущности, прямо описывает, как появляется перед царем намеченный Радищевым и им самим отчасти олицетворяемый провозвестник Истины.

Но в это время „Путешествие“ еще не появлялось в печати, хотя и было уже разрешено цензурой. Крылов как бы предусматривает появление этой книги и то, как царь должен был отнести к ее автору.

Сделав эти сопоставления, я отметил только наиболее существенные общие черты; всех совпадающих мотивов гораздо больше. Все это не может быть, конечно, объяснено случайностью. Возможно, что один из писателей оказал влияние на другого. Но Крылов ли на Радищева, или наоборот?

Если судить только по времени появления в печати „Путешествия“ Радищева и того номера „Почты духов“, где напечатана рассматриваемая статья, то пришлось бы остановиться на первом предположении, так как радищевская книга вышла в 1790 г, а „Почта духов“ издавалась в предшествующем году. Но тут надо принять во внимание, что текст „Путешествия“ был готов в рукописи много раньше, чем книга была напечатана, и рукопись, долго пролежавшая в цензуре, была все же одобрена к печати еще 22 июля 1789 г. При этом, несмотря на то, что Радищев произвел позднее в цензурированной рукописи некоторые вставки, „Сон сидящего на престоле“ не принадлежит к их числу: он весь находился уже в том тексте, который был сдан в цензуру. Но то письмо „Почты духов“, о котором я говорю, помещено в 8-ой книжке журнала, которая, несомненно, вышла в августе — сентябре 1789 г. Из всего этого видно, что напечатанное в „Почте духов“ письмо не могло воздействовать на Радищева.

Чем же тогда объяснить эту близость страниц Радищева и Крылова? Это может быть объяснено или личным общением этих двух писателей, или, и помимо этого, тем, что „Путешествие“ Радищева, известное некоторым лицам в рукописи еще до появления своего в печати, было тогда и в руках Крылова

и именно в это время оказало на него влияние. Практическая возможность для этого открывалась уже тем, что Радищев и Крылов вращались в одном литературном кругу, связанном с „Обществом друзей словесных наук“.

Независимо от весьма любопытного факта непосредственного влияния Радищева на Крылова, сравнение радищевского „Сна“ с близким к нему письмом Крылова важно и в другом отношении. Два крупных писателя разработали почти один и тот же сюжет, и именно на самом характере этой разработки чрезвычайно отчетливо обрисовывается различие их литературных индивидуальностей. У Радищева преобладает какой-то горький сарказм, слышно негодование, и лишь изредка, в исключительных случаях, проявляется юмор. Письмо Крылова полно юмора. Силы общественного негодования у него не видно. Он даже возвышенную Истину представляет в немного комическом и унижительном положении: странник, ее олицетворяющий, „девять раз повергался к ногам его (царя) и три раза лобызал ноготь у второго пальца у левой ноги императорской в знак всеуниженной благодарности“.

В заключение этой главы я еще раз подчеркну, что ни в „Почте духов“, ни в „Беседующем гражданине“ нет единого, цельного общественно-философского мировоззрения. Идейные расслоения идут здесь не соответственно разграничению данного писательского круга по линии персонального распределения сотрудников журналов, а сообразно отражению в каждом из них двух разных общественных течений. „Дальновид“ из „Почты духов“ ближе к Радищеву, чем Антоновский и другие мистики-реакционеры из „Беседующего гражданина“. Да и вообще „Почта духов“ в целом, пожалуй, более идейно родственна Радищеву, чем тот журнал, где он сам участвовал.

V. „ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ“ И ГОРОДСКАЯ ДУМА.

Радищев и его единомышленники не ограничивали своей общественной работы кругом членов „Общества друзей словесных наук“: они, видимо, искали более широкой арены, и у них установилась некоторая связь с существовавшей тогда в Петербурге городской думой.

Городские думы возникли на новых началах незадолго до того на основании изданного в 1785 г. „Городового положения“, которое, в сущности, было попыткой устройства рус-

ского городского управления по принципам буржуазной западно-европейской системы. Это проявилось, прежде всего, в том, что „городовое положение“ заменяло существовавшее до этого сословное (купеческое) управление выборными органами, основанными на принципе сословности.

Организованные таким путем городские думы являлись органами преимущественно „третьего сословия“, так как элементы дворянско-помещичьи хотя сюда и входили, но на общем основании с другими городскими обывателями, и были в решительном меньшинстве. Что касается разных слоев буржуазии, то практика показала, что система выборов не вполне соответствовала интересам той крупной буржуазии, преобладающая роль которой, при данном экономическом положении, могла быть терпима для дворянского правительства. Это проявилось в том, что по числу членов думы главную роль в ней могли играть представители не крупной, а средней и мелкой буржуазии. Так из имеющихся скудных, случайных сведений относительно петербургской думы того времени видно, что большую часть ее составляли так называемые городские обыватели, посадские и цеховые, купцы же и „именитые граждане“ оказывались в меньшинстве.

Во всяком случае, думы в пределах предоставленных им вопросов городского самоуправления могли, в известной мере, отражать классовые интересы третьего сословия. Впрочем, видимо, это проявлялось недостаточно определенно, и правительство Екатерины с существованием таких дум мирилось. Однако, в 1797 г., при Павле, правительством было найдено, что „состав с.-петербургской думы слишком велик“, в виду чего было решено уменьшить количество членов в расчете на то, что этим путем достигнуто будет „уравнение в голосах разного состояния мецан“. Необходимость этого „уравнения“, по мнению власти, вызывалась именно тем, что „слишком большое число голосов было предоставлено цеховым, посадским и обывателям, излишнее коих множество всегда препятствовало успешному производству дел“. Ясно, конечно, что тут дело не в неуспешности производства дел, а в том, что дума пыталась вести такую политику, которая не могла быть терпимой дворянской властью. Произведенное „уравнение голосов“, видимо, все же цели не достигло и, конечно, потому в следующем 1798 г. думы были совершенно упразднены.

К сожалению, о том, в каких формах выражалась классовая линия думы, как и вообще о характере ее работы, приходится только догадываться: печатного материала по этому вопросу нет, и составитель официальной истории петербургской думы не мог сообщить об этом за данный период никаких сведений. Тем более интересным представляется услышать забытый голос петербургской думы, который сохранен в приводимом нами документе, напечатанном в „Беседующем гражданине“.

Документ этот, носящий резко выраженный антидворянский характер, представляет „Список с дневной записки городской думы града святого Петра“. Привожу полностью текст этой „записки“ (резолуции).

„Городская дума с первого вступления своего в настоящее исправление должностей, к предмету ее относящихся, главнейшею почла обязанностью обратить первоначальное внимание свое на рукомерленную часть, на состояние ремесленников и на все те способы, посредством которых можно в дальнейшее совершенство привести рукомерленное искусство и явще утвердить благосостояние ремесленников. Здесь рассматривая собрание последних годов рукомерла, перемены оных и вкус народа, входили также в настоящее положение самих ремесленников, в хозяйские их обстоятельства, не менее того, как и в самое поведение оных. По вшедшим в Думу сведениям и по собрании надлежащих выправок и уверений, от всякого сомнения чуждых, открывается при первом виде та печальная и трогательная картина, что многие из лучших ремесленников, провождавших всемерно воздержную и трудолюбивую жизнь, наконец, когда старость привела до изнеможения неутомимую и едва человеческим силам соразмерную бодрость их и терпение и когда окружены стали домочадством, требующим от чадолюбивых отцов и преданных в пользу отечества граждан на доброе воспитание знатных издержек, — наконец, в вознаграждение долговременного и постоянного трудолюбия и беспорочной жизни, или питаются подаванием человеколюбцев, или, что еще больше производит жалость и сострадание, от строгих и корыстолюбивых заимодавцев содержатся под стражею, а тем самым, лишены будучи способов продолжать свое рукомерло, доводят совершенно невинным и жалким образом домашних своих до крайней бедности.

„Сим самым случаем ближайший открылся повод рассмотреть истребованные от ремесленников счеты и сообразить количество долгов, считаемых оными из давних времен на дворянстве и прочих людях разного состояния, равно как и на тех, под бременем которых стонут ремесленники. При таком слячении предстали взору нижеследующие истины:

Первое: долги, считаемые ремесленниками на дворянстве вообще и частно, превосходят пред теми, которые состоят на ремесленниках, и, следовательно,

Второе — ежели бы оные им выплачены были исправно, то бы не токмо нашлись они в состоянии удовлетворить своих заимодавцев, но еще бы

Третье — могли расправить домашние свои расстройки и

Четвертое — некоторую часть обратить на распространение и приведение в лучшее совершенство рукомерленной части и заведений, к оной принадлежащих.

Пятое — большею частью долги ремесленников состоят на дворянстве, ибо прочие разного состояния люди, или отчасти и по временам выплачивают, или не так в знатном количестве накапливают, чтоб могли причинить ощутительную расстройку,

Шестое — хотя ремесленное всякого рода общество состоит из разных народов, однако наиболее не возвращаются долги к Россиянам. В прочем, и чужестранцы остаются без удовлетворения по мере делаемого им доверия.

„Городская Дума, обзрев в прямой точности все сии воедино стекающиеся обстоятельства, с благоговейною внимательностью слушала статью из Всемиловнейшего манифеста, изданного в 1786 году, изъявляющую дворянству Высочайшее и человеколюбивое благоволение, дабы оно, взаимствуя щедрое и благонамеренное пособие от займа из Государственного Банка, выплатило ремесленникам долги, на нем накопившиеся. На конец положено.

1-е Поелику городской Думе не безызвестно, что определенная в заем для дворянства сумма вся уже роздана, а напротив того долги ремесленникам остаются неуплоченными, занятая же сумма большею частью дворянами обращена на тщеславную пышность и на удовлетворение прихотям гордой роскоши, запрещаемой высочайше изданными узаконениями и постановлениями, то и заготовить от Ремесленной Думы на Высочайшее милосердной Монархини имя, яко благопрмышленницы о подвластных скипетру ее народах, всеподданнейшее прошение с подробным донесением и описанием долгов, равно как состояния и имен тех дворян, которые наименее исполнили вышеупомянутое предписание, — а между тем

2-е Сию дневную записку обнародовать, посредством „Беседующего гражданина“, дабы уважающие собственную честь и мыслящие благоснисходительно о чести народа, труждающегося в пользу отечества, чрез то возбуждены были исполнить неупустительно и в скорейшем времени долг благородного сына того отечества, которое мудрым царствованием богоподобной Монархини превознесено на толикую степень славы и чести, дабы исполнили долг обязательства к самим себе и ближним, и тем бы вспомоществовали ремесленникам в приведении в видящее совершенство рукомерленной части, яко знатной отрасли цветущего Государства, и дабы на конец по долгу Христианства человечества и общежителства восчувствовали сострадательность к тем, несчастным, которые, провождавши трудолюбивую жизнь, нередко для удовлетворения прихотей роскоши и тщеславия других, лишили себя удовольствия и покоя, а на конец страждут под бременем тягостной нищеты“.

Таково это замечательное постановление. Ясно, конечно, что неизбежная при обращении к императрице специфическая фразеология не играет никакого значения для оценки этого документа. Он крайне интересен вообще как яркое проявление той классовой борьбы, которая шла между дворянством и третьим сословием, но для нас его ценность

сосредоточивается в том, что в этом замечательном постановлении прямо предусмотрена необходимость его опубликования в „Беседующем гражданине“. Надо подчеркнуть, что это постановление сделано не так называемой „шестигласной думой“ (т. е. исполнительным органом думы, позднее названным управой), а самой думой в полном ее составе (насчитывавшем тогда 120 человек).

Это, кстати сказать, наверное, первый случай, когда орган, городского самоуправления, решил обратиться к посредству печати для опубликования своих решений. Сделать это в тогдашней газете (в Петербурге существовали только официальные „С.-Петербургские ведомости“) было, конечно, нельзя, и потому понятно напечатание этого постановления в журнале. Но самый факт этого обращения думы к журналу настолько нов, настолько исключителен, что нуждается прежде всего в объяснении, каким путем это произошло.

Постановление это „сообщено“ в журнал „К. Л.“; это, несомненно, тот самый К. Л. Лубянович, в статье которого, помещенной в „Беседующем гражданине“, были мной отмечены близкие Радищеву мотивы. Лубянович был членом „Общества друзей“, и его отношение к этому документу, очевидно, не ограничивается тем, что он „сообщил“ (то-есть, в сущности, передал) это постановление в „Беседующий гражданин“: может быть, проект этого постановления и написан был Лубяновичем, а еще вернее, что он был составлен с общего одобрения активных членов Общества друзей.

Самый текст этого постановления думы, вся его фразеология, явно носит на себе отпечаток того характера „гражданственности“, которая культивировалась в Обществе друзей: тут видим и упоминание про долг „благородного сына отечества“ (характеристике которого была посвящена „Беседа“ Радищева), и о „преданных в пользу отечества гражданах“, и об „обязательствах к самим себе и ближним“. Все это указывает, как я думаю, на то, что постановление это вышло, как проект, из круга членов Общества друзей и было написано, вероятно, по просьбе кого-либо из членов думы или группы их. Когда я говорю, что это постановление было, вероятно, предварительно обсуждено и одобрено в Обществе друзей, то основываюсь на том, что это был слишком ответственный по тому времени акт, с которым было связано

не только его опубликование, но и подача соответствующего заявления на имя Екатерины.

Таким образом, я не сомневаюсь в том, что, помимо думы, в издании такого постановления сыграла роль и группа членов Общества друзей, в числе коих мог быть и Радищев. Лубянович же, маленький чиновник-разночинец, был, вероятно, лишь посредником в этих сношениях между Обществом и думой.

Как именно установилась у Общества эта связь с думой, определить, конечно, нельзя. Но я обращаю внимание вот на какую возможность. В думу посылали своих представителей также и лица интеллигентских профессий — ученые, которые могли предъявить академические или университетские аттестаты, художники „трех художеств“ (то-есть архитекторы, живописцы, скульпторы), а также „музыкочинители“ (замечу кстати, что писатели входили тогда в категорию тех же „ученых“, но, впрочем, писателей-профессионалов тогда, за незначительными исключениями, еще не было) — вот при таких условиях лица этих профессий, среди которых, возможно, были и члены Общества, могли в самой думе иметь связь с выборными представителями третьего сословия.

Следует отметить также, что сам Радищев по своей службе близко соприкасался с купечеством и с представителями третьего сословия вообще: когда он служил в Коммерц-коллегии, то постоянно присутствовал (например, в 1779 г.) в магистратском департаменте, где разбирались различные судебные дела торгово-промышленного класса, а во время его службы в таможене у него, конечно, было постоянное деловое общение с представителями „третьего сословия“.

Установленный факт, выявляющий связь „Общества друзей“ с городской думой, позволяет сделать еще одно интересное сближение.

В биографии А. Н. Радищева, написанной его сыном Павлом Александровичем, приведено, между прочим, сообщение, что во время шведской войны, когда над Петербургом не раз нависала опасность,

„Радищев имел намерение собрать охотников и наскоро вооружить их для защиты города. Но, — прибавляет Павел Александрович, — так как горе-богатырь (шведский король Густав) оказался слишком слаб для своих гигантских предприятий, то и план Радищева оставлен им без последствий“.

Однако, как оказывается, организация добровольцев для защиты Петербурга, действительно, тогда производилась, причем это делалось по решению петербургской городской думы. Это происходило в мае 1790 г. и было, конечно, связано с действиями шведского флота: 4 мая у Фридрихсгама шведские гребные суда (в числе 155) атаковали русскую флотилию, причем русские были оттеснены к Выборгу. В связи с дальнейшими наступательными действиями шведов создавалась непосредственная угроза Петербургу, и вот именно тогда, в мае 1790 г., петербургская дума вынесла постановление о желании своем для облегчения войскам составить „городовую команду“ из двухсот человек, снабдить её всей потребной амуницией и содержать на общественном жалованьи. Об этом своем пожелании дума сделала представление Екатерине, и она, в связи с этим, писала 28 мая петербургскому губернатору Коновницыну, что рассматривает это, „яко довод истинного усердия градского общества к благу и пользе отечества“ и позволяет осуществить это намерение под руководством петербургского губернатора.

Повидимому, в данном случае речь идет об осуществлении того самого плана, который намечался А. Н. Радищевым. Понятно, что, если у Общества друзей была какая-то связь с думой, как это теперь обнаружено в вопросе о положении ремесленников, то такая связь с Обществом и, в частности, с видным его участником Радищевым могла проявиться и по вопросу об организации добровольцев для защиты города.

Формирование отряда для защиты города сразу стало производиться, причем в него стали принимать и беглых помещичьих крестьян. Об этом можно судить по следующему, видимо, сюда же относящемуся письму Екатерины к главнокомандующему в Петербурге генерал-аншефу Брюсу.

„Граф Яков Александрович! По препорученному генерал-майору санкт-петербургскому обер-полицмейстеру Рылаеву набору людей в батальон здешней столицы нашей формируемый, повелеваем из принятых в оный беглых помещичьих людей, коих сами помещики пожелают оставить на службе, удержать, сообщая Военной коллегии о даче им квитанций, в замену при рекрутском наборе по окончании войны, — о которых возвращения помещики просить будут, тех им отдать, да и впредь по сему-ж поступать“.

Это было писано 10 июля 1790 г., а 13 числа того же месяца Екатерина писала тому же Брюсу относительно „известной зловредной книги „Путешествия из Петербурга в Москву“, которая „в благопристойном государстве отнюдь терпима быть не может“... (Радищев был арестован 6 июня 1790 г.). Возможно, в связи с этим, что именно книга Радищева, которого Екатерина сочла за „бунтовщика хуже Пугачева“, побудила ее, с перепугу, обратить внимание и на прием беглых крестьян в батальон, формировавшийся для защиты города.

Впрочем, вскоре это формирование, очевидно, было прекращено. 3 августа был подписан договор о мире России со Швецией.

Приведенные данные, хотя и весьма скромные, намечая связь Общества друзей и, в частности, Радищева с таким органом буржуазии, как городская дума, могут дать и почву для мнения, что именно на „третье сословие“ была, прежде всего, направлена социальная ориентация „Путешествия из Петербурга в Москву“.

От „Общества друзей словесных наук“, как от литературной организации, непосредственно связанной с Радищевым, протягиваются живые нити к „Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств“, организованному в Петербурге в 1801 г. Это общество, к которому несколько позднее примкнул и И. П. Пнин, избранный его председателем, представляло в первые годы своего существования группу начинающих писателей преимущественно третьесословного происхождения, в разных произведениях которых заметно сказывалась их демократическая природа. В этом кругу высоко чтили Радищева, и если в „Обществе друзей словесных наук“ он был лишь агитатором и пропагандистом, то здесь, в „Вольном обществе любителей словесности“, самое имя его являлось тем лозунгом, который определял общую демократическую настроенность этой среды.

П. Г. ЛЮБОМИРОВ

РОД РАДИЩЕВА

П. Г. ЛЮБОМИРОВ

РОД РАДИЩЕВА

I. ПРЕДКИ

Один из сыновей Александра Николаевича Радищева начал биографию отца родословной справкой:

„Родона начальники Радищевых были два татарские князька, Кунай и Нагай, родные братья. После покорения Казани царем Иоанном Васильевичем Кунай и Нагай заперлись с своей дружиной в Арском городке, в 30 верстах от Казани, с тем чтобы защищаться до последней капли крови. Царь послал им сказать, что так как Казань взята и царство их пало, то сопротивление их будет бесполезно, а если они захотят окреститься, он их примет в свое подданство и даст им земли. Мурзы согласились. Кунай при крещении назван Константином, а Нагай — Василием. Царь пожаловал им по сорока пяти тысяч четвертей земли в нынешних Боровском, Малоярославском и других уездах. Александр Николаевич Радищев произошел от Куная“.¹

Это предание оставалось до сих пор единственным показателем происхождения Радищевых, но и оно ничего не давало для истории рода. Из позднейших биографов осторожный Павлов-Сильванский, приведя эту справку, считал, что „достоверные сведения о предках Радищевых не идут дальше его деда, Афанасия Прокофьевича“.²

Между тем есть некоторые данные, чтобы проверить рассказ Павла Ал. Радищева о происхождении их фамилии, и есть материалы, позволяющие представить историю рода Радищевых с довольно большими и не безынтересными подробностями.

Но прежде всего, откуда взял свои сведения о начале рода Павел Александрович? Едва ли об этом рассказывал ему отец, иронически относившийся к родословным разысканиям и считавший общественно-вредным „возрождение истребленного в России зла — хвастовства древние породы“.³

¹ „Русский вестник“ 1858, т. XVIII, декабрь, часть первая, статья Павла Алекс. Радищева „Александр Николаевич Радищев“, стр. 397—98; цитирую с поправкой из позднейшего текста того же автора, опубликованного Н. Кашиним в Чтениях Общ. Ист. и Древн. Рос., 1912, кн. II, Смесь, стр. 1—26. Боровский уезд — соседний с Малоярославским, вместо Борисоглебского, названного, очевидно, ошибочно в тексте „Русского вестника“.

² Жизнь Радищева, введение при издании текста „Путешествия“ 1905, стр. XV.

³ Путешествие из Петербурга в Москву, глава „Тосна“, стр. в изд. 1905 г. 8—10, резюме автора в конце главы.

Вероятнее всего, что сын писателя-демократа слышал рассказы о прошлом в имении деда, в с. Аблязове, где жил с отцом по возвращении из Сибири около года. Здесь как раз интерес к прошлому семьи Радищевых был подновлен начатым в 1790-х годах от имени Николая Афанасьевича, отца писателя, делом о записи в дворянскую книгу, причем была получена обстоятельная „справка Разрядного архива о службах фамилии Радищевой“ и была составлена силами семьи „поколенная роспись господ Радищевых“. Но Павлу Александровичу в период жизни в Аблязове было всего 15—16 лет, писал же он биографию отца уже в старости, лет 50 спустя. Вполне естественны поэтому и ошибки памяти в его рассказе. Их и нужно исправить в начальных же пунктах его сообщения.

Татарские князьки Кунай и Нагай выставляются родоначальниками фамилии Радищевых. Действительно, „поколенная роспись“, „справка Разрядного архива“ и другие материалы, собранные мною, дают в начальной истории рода Радищевых имена—Кунай, Нагай, Айдар, которые позволяют думать о татарском происхождении их носителей или их предков. Но сомнительна история братьев—мурз Куная и Нагая, записанная в середине XIX века их потомком. Мы довольно хорошо знаем по Курбскому, „Казанскому летописцу“ и другим летописям историю завоевания Казанского царства и в частности обстоятельства занятия Арска. Известно, что Арск был занят московскими войсками раньше, чем взята была Казань, и никакой сдачи руководителей последней обороны Арска история не рассказывает. Известна присылка арскими людьми представителей уже по взятии Казани бить челом победителю, чтобы он „черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари“, но челобитчиками летопись называет казаков (не князей) Шемая да Кубыша и опять-таки ничего не говорит о переходе их на службу к московскому государю. Известны, наконец, восстания, связанные с Арском, в 1553 и 1554 годах, но и там не встречаем родоначальников фамилии Радищевых. Занесены на страницы летописей и имена некоторых перебежчиков на сторону Москвы; знаем и одного, который был „пожалован великим жалованьем“,—это „Камай-мурза, князь Усейнов сын“, выехавший к царю Ивану из Казани в августе 1552 г. и употреблявшийся затем для разных казанских дел, но дальнейшая биография Камая нам неизвестна и связи его с Радищевыми не поддаются установлению.¹

Большие сомнения в рассказе П. А. Радищева возбуждает и размер земельного пожалования, полученного братья-

¹ Сочинения князя Курбского, т. I (Русск. истор. библ., т. XXXI), стр. 173—204; Полное собр. русских летописей, т. XIX („Казанский летописец“), стр. 396—433, т. XIII, ч. I. („Никонов. летопись“), стр. 177—222; т. XIII, ч. 2 („Царственная книга“), стр. 476—516 и др.

ми-мурзами от царя Ивана. Допустим, что в предании переведены четверти, считавшиеся в XVI и XVII веках в трех полях, на обычный язык земельных отношений XVIII века, т. е. положим, что 45 000 четвертей земли (в переводе на десятины 22 500) каждому означает по московски: 15 000 четей в поле, а в дву по тому-ж. Но и тогда это будут громадные для служилых людей владения во второй половине XVI века. Чтобы оценить значение названной в предании цифры, воспользуемся некоторыми сопоставлениями. Видный татарин, ногайский князь Иль-мурза, превратившийся на русской службе в князя Юсупова, владел в конце XVI века всего 2 266 четвертями пашины (3 400 десятин), а с покосом и лесом, может-быть, около 4 000 десятин.¹

Если взять виднейших представителей московской знати, то в 1613 г. только первенствующий член Думы князь Федор Иванович Мстиславский имел большие, чем Кунай и Нагай, земельные владения (32 606 четей), а представители таких старых боярских фамилий, как Федор Иванович Шереметьев или Василий Петрович Морозов, имели значительно менее (9214 четей первый и 5649—второй); о других и говорить не приходится.² Наконец, колоссальное земельное богатство начинателей рода Радищевых в середине XVI века совсем не согласуется с очень скромным обеспечением землей их ближайших и отнюдь не многочисленных потомков в самом начале XVII века, о чем имеются, как увидим ниже, достоверные данные.

Самые имена—Кунай и Нагай—попали в рассказ о предках, повидимому, из „поколенной росписи“, причем память писавшего биографию А. Н. Радищева несколько изменила их взаимоотношение и положение в истории рода. В „поколенной росписи“ Кунай является дядей Нагая, и оба они не начинают рода, а упоминаются уже в третьем (Кунай) и четвертом (Нагай) поколениях, притом же по „поколенной росписи“ Александр Николаевич Радищев происходил не от Куная, у которого совсем не показано потомства, а от Нагая.

Таким образом, сын писателя сохранил нам довольно мутное предание о начале рода Радищевых. Мы можем взять из этого источника только то, что род Радищевых пошел от какого-то татарского мурзы, перешедшего на русскую службу при Грозном в эпоху завоевания Казани. Но и это можно принять только в виде предположения и лишь потому, что

¹ Труд в России, 1925, кн. 2—3; В. Кашин. Триста лет накопления земельных богатств родом князей Юсуповых, стр. 237. В переводе автора четвертей на десятины вкралась досадная обмолвка: четверть в одном поле он приравнял к 1½ дес. вместо ½ дес.

² Докладная записка 121(1613) года о вотчинах и поместьях, в Чтениях Общ. Ист. и Древн. Рос., 1895, кн. 1, стр. 1—24; цитируемые примеры на стр. 1—2.

это не встречает противоречий в других документальных данных. Историю рода нужно строить, идя непосредственно от источников.

Родоначальником фамилии „поколенная роспись“ указывает Григория, у которого был сын Елизарий. Существование последнего удостоверяется документально известным Кунаем Елизарьевым сыном Радищевым.

У Куная Елизарьевича „поколенная роспись“ указывает брата старшего, судя по месту в росписи, — Дружину. О нем мне не удалось найти документальных данных, но знаем сына его Нагая, Дружинина сына. Один из документов, цитируемых справкой Разрядного архива, при Кунае упоминает „большого (т. е. старшего) брата“ его Гришку,¹ о котором больше ничего не известно. При обычае московских людей иметь два имени—христианское, крестное, и житейское, очень может быть, что Дружина и Гришка—одно лицо. А так как у Куная потомства не показано в росписи и детей Кунаевых и мне не удалось сыскать в документах, то предком писателя был Дружина, отец Нагая; последнему роспись дает и христианское имя Ивана. Современником Куная и Дружины был еще Айдар Радищев, не упоминаемый в „поколенной росписи“. Установить его отношение к другим мне не удалось,—во всяком случае это не Елизарий, ибо об Айдаре знаем, что у него детей к моменту его смерти не было.² Наконец, надобно признать существование еще одного Ивана Радищева, кроме Ивана-Нагая и более старшего, чем последний, поколения, повидимому, брата Елизария. В документах встречаем сначала Любима Иванова сына в такие годы, когда Нагай, видимо, еще не начал служить, потом одновременно с Нагаем, но выше его по служебному положению, Якима (Акима) Ивановича Радищевых, причем последний в одном документе назвал Нагай Радищева своим племянником;³ очевидно, он был двоюродным дядей Нагая, так как не мог быть родным братом его отца. Ни Любима и Якима, ни их отца в „поколенной росписи“ не указано.

¹ „Поколенная роспись“ и Справка Разрядного архива в Деле о потомственном дворянском достоинстве гг. Радищевых Саратовского дворян. депутат. собрания № 1, ныне в Радищевском музее Саратова. Воспользоваться этим делом я мог только благодаря содействию В. А. Сушицкого, которого и прошу принять мою благодарность.

Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг., изд. А. М. Сухотиным в Чтениях Общ. Ист. и Древн., 1910 г., кн. 4 и отдельно, стр. 10.

³ О Любиме—Четвертчики Смутного времени (1604—1617), изд. А. М. Сухотиным в тех же Чтениях 1912, кн. II и отдельно, стр. 67 и Дворц. разряды, т. I, стр. 1048—1049; об Якиме—Русск. Ист. Библ., т. XXVIII, ст. 736. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах; 1853, стр. 349; Книги Разрядные 11, стр. 175; Материалы для истории русск. дворянства, собр. Сторожевым, Чтения Общ. Ист. и Древн. Рос., 1909, III,

Старшие Радищевы встречаются нам в эпоху „Смуты“, и те, о которых мы располагаем данными, в разгар социальной борьбы служили царю Василью, т. е. защищали установившийся уклад. Об Айдаре прямо знаем, что он был убит „ворами“ в Пафнутьевом монастыре; Кунаю „за службы и за раны“ придано при царе Василье к 7 рублям 8 рублей; у Любима знаем денежный оклад, „что было при царе Василье“ — 13 рублей. Раньше других начал служить Айдар: перед смертью он имел уже поместный оклад 550 четей — предел служебных достижений для многих городовых (т. е. провинциальных) дворян. Кунай, как новик, был поверстан денежным жалованьем только в 7112 (1604) г., хотя служил он с отцовского поместья уже пятый год: поместья за ним в этом 7112 году были вместе „с большим братом с Гришкою 375 чети“, но из них брат был „верстан на 200 на 50 чети“, т. е. Кунай в начале своей карьеры располагал всего 125 четями. Закончил он свое служебное поприще что-нибудь около 1632 г. (в десятне и боярской книге 7142—1634 года он уже не упоминается) в звании „выборного“ дворянина с окладом денежного жалованья в 5 рублей, поместного в 600 четей. Реально в 1626 г. он имел поместья 190 чети и вотчины 240 чети, причем поместье было пусто, а в вотчине проживало 6 человек крестьян и 7 бобылей.¹ Любим в 1614 г. добился „справы“ за ним „старого его оклада, что было при царе Василье, 13 рублей“, и после этого в наших материалах не упоминается. Яким, видимо, начал службу позже других: в первый раз встречаем его в 7127 (1618 г., в конце) с указанием, что „за колужскую службу и за литовской полон 126-го году“, т. е. в приход Владислава, ему „придано государева жалованья к 10 рублям 5 рублей“. В десятне 7142—1634 года он указан в „выборе“ с поместным окладом в 600 четей и денежным в 21 рубль. Последнее упоминанье его в его „закладной“ 14 янв. 7147 (1639) году.

Таким образом, первые Радищевы выступают перед нами на грани XVI и XVII веков очень скромными служилыми людьми. Все они рядовые, „обышные“, говоря тогдашним языком, городовые дворяне, достигающие лишь звания „выборного“

стр. 119, и указ. справка Разр. архива. Хотя эти два лица нигде не встречены мною в одном документе и даже в одном и том же году, но их нельзя слить воедино: Любиму уже при царе Василии был денежный оклад в 13 руб., а Яким еще в 1618 г. имел жалованье в 10 руб. С. Шумаков. Столбцы Поместного приказа в Журнале Министерства Народного Просвещения, 1908, IV, стр. 371—372.

¹ О Кунае, кроме данных „дела Радищевых“, Четвертички Смутного времени, стр. 325; Алфавитный указатель к боярским книгам, стр. 349; в Материалах Сторожева, стр. 122. Сохранились и жалованные грамоты ему на вотчины 1619 и 1623 годов, изданные А. А. Гераклитовым в Трудах Саратов. Уч. Арх. Ком., XXVI, 1910 г., стр. 36—44; в настоящее время грамоты эти хранятся в Саратовском госуд. университете.

и денежного жалованья из чети, т. е. с ежегодным получением.¹ Земельные их владения очень далеки от сказочного пожалования их предков по родословному преданию. Максимальный оклад их достигал всего 600 четей, т. е. 900 десятин во всех трех полях, но и это был лишь оклад, лишь возможность. Реальная „дача“, как видим на примере Куная Елизарьевича, далеко отставала от оклада. При том же сыскивать землю для реализации оклада было не легко. Приходилось брать в „дачу“ клочки в разных местах. Так у Якима Радищева случайно знаем „выслуженную вотчину“ в Оболенском уезде — половину села Горнева с пустошами, всего размером 90 четей. Но и эту вотчину Яким укрепил в приданое своей внучке, обеспечив прочность владения зятя от возможных выкупов родни (племянников) фиктивной закладной на громадную сумму в 600 рублей.²

Экономическая слабость землевладения Радищевых для начала XVII века усугублялась районом, где оно было сосредоточено. Все перечисленные выше документально известные Радищевы называются „ерославцами“, все служили с Ярославца Малого, в уезде которого и имели, главным образом, земли: в этом пункте родословное предание оправдывается частично (только в отношении Малояросл. у.) документами. Малоярославецкий уезд, как и соседний Оболенский, в числе других районов южной Руси в начале XVII века были долго местом военных и карательных операций, были сильно разорены и очень медленно восстанавливали свое хозяйство. И картина, вскрываемая скупыми словами источника в отношении земли Куная Елизарьевича, — запустошенность поместья и слабая заселенность вотчины с преобладанием маломощных бобылей — должна быть признана типической и для других землевладельцев этих уездов. Таким образом Радищевых нужно считать в начале XVII века не только „обышными“ провинциальными дворянами, но и слабыми экономически или даже бедными землевладельцами.

В среде городского дворянства достижение отцами звания „выборного“ и жалованья из чети было для детей ступенью к более блестящим успехам, к переходу в столичное дворянство с лучшим земельным обеспечением, с более высоким денежным жалованьем. Но роду Радищевых не повезло. Айдар, как мы видели, погиб бездетным. О сыновьях Любима и Якима мы также не имеем никаких прямых данных,³

¹ Об этом в предисловии А. М. Сухотина к изданным им материалам о Четвертиках Смутного времени, стр. XII—XVI.

² Цитир. документ напечатан в названной ранее статье Шумакова.

³ У Якима знаем дочь, бывшую в замужестве за Дементьем Унковским; внучку от этой четы Евдокию Яким выдал замуж за Ив. Петр. Гурьева и в приданое ей дал свою выслуженную вотчину в Оболенском у.; цитированный документ напечатан Шумаковым.

а все встречающиеся в документах XVII века имена (кроме одного) могут найти себе место в родословной таблице в связи с другими Радищевыми. Очевидно, не осталось линии и от Куная. Выше было уже указано, что в „поколенной росписи“ у него детей не обозначено. В пользу того, что прямого потомства по мужской линии от Куная не было во всяком случае в конце XVII века, можно привести и другие соображения. Кунай получил в 1618—19 году место дворовое в Малоярославце, но дело об этом дворе в конце XVII века вел „Кунаев сродник Радищева (не сын или внук¹) Афанасий Радищев“, правнук его брата Дружины. С другой стороны, жалованная грамота 1623 г. называет в составе данной Кунаю вотчины „из старого его поместья в Малояросл. у. в Городищевской волости сельцо Немцовское“ будущее Немцово — место жизни Александра Николаевича по возвращении из Сибири. И это сельцо оказалось во владении линии его родного брата. Вот эта линия единственно и известна нам во второй половине XVII века. Но ее родоначальник Дружина Радищев, видимо, не поднялся даже до звания выборного дворянина.

В следующем поколении Радищевых родословная роспись знает одно лицо — Нагая-Ивана. Яким Иванович в известной уже нам „закладной“ 1639 г. называет двух своих племянников: Нагая и Ивана. В каком родстве были между собою эти два представителя следующего поколения Радищевых, сказать точно невозможно.² Но закладная Якима дает понять, что в 1639 г., кроме него самого и двух его племянников, не было в живых каких-либо других Радищевых, ибо, заботясь о невыходе вотчины из рук своего зятя Гурьева, Яким или мог говорить в документе вообще о родственниках своих, или, начав их поименный перечень, должен был указать всех, кто имел право „похотеть тое вотчину выкупать“, как родовую.

Каково было служебное и экономическое положение Ивана Радищева, не знаем. Нагай, известный по Малоярославецким десятням 7134 и 7142 (т. е. 1625—26 и 1633—34) годов, числился в группе городских с поместным окладом в 300, потом в 400 четей и с 8-рублевым жалованьем, получаемым

¹ Калужская старина, вып. 5, 1910, Боровская десятина, отдел третий, стр. 179—180.

Если они и оба были Иваны, это не мешало бы им быть родными братьями; примеры одноименства братьев, правда, в больших семьях, не редки. Но, повидимому, их родство было более отдаленным, судя по родословной росписи, знающей лишь одного сына у Дружины, и по одному документу, упом. в 7162, т. е. 1653—54 году, Ивана Маркелова сына Радищева; „Калужская старина“, т. IV. 1907, Материалы для истории церквей Калужской епарх., вып. 2, свщ. Г. Холмогоров, стр. 118, § 90. Имя Маркела неизвестно росписи, не встречено мною и в других материалах.

с городом, т. е. не регулярно. До „выбора“ он, очевидно, не дослужился и позже, так как в боярских книгах совсем не значится.¹

Его действительное землевладение выразилось в 7134 (1625—26) г. 120 запустевшими четями, на которых он жил „однодворкою“, т. е. совсем без крестьян.

Таков исходный пункт истории рода тех Радищевых, которые известны затем в XVII и XVIII веках. Среди родни, совсем не блиставшей служебным положением и экономическим благополучием, Нагай Дружинин был ниже и беднее других.

У Нагая-Ивана „поколенная роспись“ показывает только одного сына — Константина.² Но из других материалов знаем еще троих Ивановичей Радищевых, современников Константина, и так же, как и он, связанных с Малоярославцем — Леонтья, Алексея и Ивана. В каком отношении стоят трое последних между собою и с Константином, наши данные не позволяют установить. Но это и не так важно: сведения о следующем поколении дают нам только детей Константина и одного сына Леонтьева.

Поколение Ивановичей интересно тем, что с ним впервые с 1670-х годов фамилия Радищевых проникает в ряды столичного дворянства. История службы и предел служебной карьеры Ивана и Леонтья Ивановичей для нас остаются неизвестными; их упоминание вместе с двумя другими встречается лишь раз в 1702 г. в числе подписавших челобитье об учреждении в Малоярославце особого духовного правления.³ Не знаем подробностей о ходе службы Алексея Ивановича, но он и в 7187 (1678—79) и в 7200 (1691—92) годах значится уже дворянином московским.⁴ Более близко знакома нам карьера Константина Ивановича, прямого предка, прапрадеда писателя.

Константин Иванович Радищев начал служить в середине XVII века с окладом 350 четей земли и 9 рублей денежного жалованья. Но походы, начиная с Быховского 1659 г. и кончая Крымским 1686—87 гг., такие придворные торжества, как „объявления царевичей“ 1668 и 1675 гг., и такие события, как „вечный мир с польским королем“ 1686 г.,

¹ Кроме названных уже документов, Нагай упоминается еще в цитированных материалах Холмогорова, стр. 108, § 69, в 7146 г.

² Им начинается родословная Радищевых в „Списке о дворянах Саратовской г. бернии, коих роизы... в дворянскую... родословную книгу... с 1804 по 1807 год занесены“ в архиве Нижне-Волжского Научного об-ва краеведения, № 1026, листы 87—88 (передано в облархив). Женат он был на Елене Воиновне, урожденной Мариной. С. Шумаков. Сотницы... 4, стр. 108.

³ Калужская Старина, V, 1910; Материалы для истории, археологии и статистики церкви Калужской епархии, Малояросл. десятина, стр. 65.

⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, 1853, стр. 349; последнее упоминание его в цитир. документе 1702 г.

сопровождавшиеся широкими милостями, увеличивали оклад Константина Ивановича. Очевидно, усердная служба выдвинула его: в 1672—73 г. он числился уже в жилецком списке, в 1685—86 г. встречаем его в числе дворян московских. Выше он не продвинулся. Официальный оклад его после придачи за участие в первом Крымском походе достигал 1000 четей земли и 110 рублей с полтиною.

Труден был лишь первый шаг. Долгие годы ушли, большие усилия потребовались, чтобы добраться до столичного дворянства. Удержаться и даже подниматься в иерархии чинов было уже легче. Сыновей Константина Ивановича — Афанасия, Прокопья и Василья¹ с самого начала встречаем: Афанасья в конце 1660-х, двух других в середине 1670-х гг. в жилецком списке Служба в жильцах для молодежи неродословного столичного дворянства была общим правилом того времени. Но теперь для Радищевых это был уже отправной пункт для дальнейшего продвижения. Правда, старший, Афанасий, быть-может начавший служить, когда отец его был еще городовым дворянином, записан „по московскому списку“ (т. е. стал дворянином московским) только в середине 1680-х годов, но среднего брата Прокопия еще „во 189-м (т. е. в 1680—81) году великий государь пожаловал велел написать по московскому списку“, а младший — Василий шел вперед особенно быстро и поднялся выше братьев: „во 191-м (1682—83) году великие государи пожаловали“ его в стряпчие, а во 198-м (1689—90)—уже в стольники.

Параллельно с улучшением служебного положения должно было расти и экономическое благополучие. Официальные оклады братьев действительно поднимались с большою быстротою. Уже в 1685—86 г. старшие Афанасий и Прокопий достигли предельной тогда для московских дворян нормы земельного оклада — 1000 четей (в поле, а в дву по тому ж), а в отношении денежного превзошли отца: Афанасию с придачами полагалось 165 рублей, Прокопию даже 189 рублей. Младший — Василий, бывший тогда уже стряпчим и вскоре пожалованный стольником, должен был иметь еще более значительные земельный и денежный оклады. Однако реальное обеспечение землею — „дачи“, как это было общим правилом

¹ В поколенной росписи имена расставлены слева направо в ином порядке: Василий, Прокопий, Афанасий. Однако, по справке Разряда раньше всех служить начал Афанасий; раньше других в следующем поколении упоминается его сын Тит и в одном документе (Шумаков, Сотницы, грамоты и выписи, вып. 4, Чтения Общ. Ист. и Древн. Рос., 1908, кн. 4 и отдельно, стр. 54) Константиновичи названы в порядке, принятом мною в тексте. Из других Радищевых упоминаются в документах Андрей (без отчества), подполковник в 7196 г. (Шумаков, Сотницы..., вып. 4, стр. 97) и Гаврила Леонтьевич, отставной премьер-майор, потом воевода в Боровске, умерший в 1748 г., Сенат. архив, т. VII, в Списке военным чином первой половины XVIII в., стр. 798, и т. III, стр. 470—471.

того времени, сильно отставало от окладов. Мы не имеем прямых данных о земельном обеспечении интересующих нас Радищевых, но далеко не блестящее положение дела рисуется по косвенным указаниям. Сыскать пустую землю и добиться ее в поместье было не легко в XVII веке, во всяком случае не легко в родных Радищевым местах. И Радищевы по мелочам собирали землю. Вот Константин Иванович в 1670-х годах добыл пустошь Дыдевскую в Малоярослав. у. Вот сын его Афанасий в 7187 (т. е. 1678—79) г. добился „отказа“ себе также пустоши Зининской в том же уезде площадью всего 21 четь в поле и при том „худые земли“, да и ту в 7193 (1684—85) г. „по ложному челобитью“ получил Федор Жемчужников и только в 7204 (1695—96) г. Радищеву удалось восстановить свои права. Знаем случай, когда Прокопий выменял у Ел. Бакаева (неизвестно на что) пустошь же Дедешину в „три чети с осминою“. Все, как видно, крохотные и при том пустые, незаселенные участки. И понятно, что вспомнили, достигнув положения столичных дворян, об уплывшей из рода вотчине Якима Радищева и затеяли дело о возврате ее, утаив, по уверению заинтересованного противника, „мену и заклад“, проведенные в свое время Якимом.¹

С другой стороны, ни один Радищев, в том числе и стольник Василий Константинович, не упоминаются в списке складников, строивших „кумпанствами“ корабли для Азовского флота в 1690-х годах, а обязанность строительства была возложена на всех светских землевладельцев, имевших не менее 100 дворов крестьян,² т. е. благосостояние Радищевых не достигало таких размеров. В среде столичного дворянства Радищевы принадлежали к менее обеспеченным группам.

Они, видимо, и не очень кичились своим происхождением. Очевидно, сознание неблестящего происхождения и отсутствие каких-либо особых заслуг у предков поставило Радищевых в эпоху формальной ликвидации местничества в стороне от потока родословий, поступающих тогда в Разряд от представителей верхних рядов дворянства.³ Радищевы, как и многие другие поднявшиеся из низов фамилии, только выигрывали с уничтожением местничества. Шире открывалась дорога

¹ О Константине Радищеве и его сыновьях, кроме справки Разрядного архива, Алфавитный указатель к бояр. книгам, стр. 349; С. Шумаков, Заметки по истории Рязанского стола Поместн. приказа, 1903 (отгиск из Трудов Ряз. Уч. Арх. Комиссии, 1902, вып. 2 и 3), стр. 1.; его же, Сотницы, вып. 5, стр. 87—88, и вып. 4, стр. 54, 73, 85—86, 147, 148, 106; Переписные книги г. Москвы 1665—1676 гг., № 1886, стр. 110. Стоит отметить, что Константин имел также прозвище Нагай, последн. изд., стр. 103, 104 и др.

² Складная роспись напечатана С. Елагиным в Приложениях к Истории русского флота. Азовский период, часть 2, 1864, стр. 181—201.

³ Родословные эти изданы Н. И. Новиковым в 1787 г. под названием Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга)

строить карьеру личной выслугой. Они и используют эту возможность.

Если раньше, в первой половине XVII века, мы знаем Радищевых только как военнотружителей людей, если с 1670-х годов они приобщаются к придворной службе, то в самом исходе XVII столетия еще поколение Константиновичей дает своего представителя в среду правящей группы, в состав администрации. Это был прадед писателя Прокопий Константинович. Сколько можно разобратся в не очень четких показаниях наших материалов, он начал с воеводства в родном Малоярославце, потом был в Серпейске и, очевидно, позже всего в более крупном и важном тогда по близости к польской границе городе, в Вязьме. В последнем пункте службы он, видимо, сумел приобрести симпатии руководящих слоев населения: в архиве хранится „челобитье всего города о продлении срока воеводства Прокопия Радищева.“¹

Константиновичи сходят со сцены, повидимому, в самом начале XVIII века. Об Афанасье мы определенно знаем, что он умер в 1700—01 году,² Василий не упоминается позже 1692 г., а в карьере Прокопия последнее известие, это — неопределенно датированное воеводство в Вязьме, протекавшее во всяком случае не позднее 1709 г. Но еще с конца XVII века на арене истории появляются дети Константиновичей, деятельность которых в основном падает на первую половину XVIII столетия.

И в этот период, кроме лиц, принадлежащих к линии Константина, можно назвать только двух Радищевых: представителя более старшего поколения из боковой для линии писателя ветви — премьер-майора и боровского воеводу Гаврилу Леонтьевича, которого знаем только в последние годы его жизни в 1739—48 гг.,³ и капитана Ив. Карповича, упоминаемого в списке отставных в 1733 г.,⁴ которого отношение к другим Радищевым установить за отсутствием связующих звеньев невозможно.

Внуки Константина Ивановича вступали в службу в годы бурной ломки Петра, поэтому и служить им пришлось поинному и на более разнообразных поприщах, чем их отцам. Еще Тит Афанасьевич, один из старших в этом поколении,

¹ Разыскные дела о Федоре Шаковитом, т. I, стр. 449—450; так как здесь Малоярославцкое воеводство Прокопия упоминается в столбце, взятом у Шаковитого, то само воеводство датируется не позднее 1689 г. О Серпейском воеводстве 7199—7202 годов в Описании документов и бумаг Моск. Арх. Мин. Юстиции, т. XVIII, стр. 54, 90, т. XIX, стр. 188 и 190; о Вяземском — в этом же издании, т. XI, стр. 404; столбец, в котором сохранилось челобитье, датирован описателем „7186—1709 г.“

² Описание докум. и бумаг Моск. Арх. Мин. Юст., т. XIX, стр. 260; упом. здесь Тит, его сын.

³ См. выше, стр. 302, прим. У него был сын Иван.

⁴ Сборник Русск. Историч. Общества, т. CVI, стр. 171.

успел начать по-старому: в списке 1696 г. встречаем его в числе стольников царицы Евдокии Федоровны (первой супруги Петра) и 2 марта 1700 г. по челобитной „учинен оклад ему вновь поместной 600 чети, денег 30 рублей“. Но другие рано попали в новую обстановку. В „списке жильцов полковые службы и которые служат в начальных людях, и в гусарах, и в копейщиках, и в рейтарах, и в иных чинах значит в 205 (т. е. 1696—97) году Терентей Прокофьев сын Радищев, Глеб Прокофьев сын Радищев, Афанасей Прокофьев сын Радищев, Данило Афанасьев сын Радищев, в 207 году Абрам Васильев сын Радищев“. К этому нужно прибавить, что и Авдей Васильевич в 1723 г. был драгунским поручиком, т. е. начал службу, вероятнее всего, простым драгуном,¹ и что солдатом Преображенского полка с 1703 г. начал служить второй Афанасий Прокофьевич.² Только Емельян Прокофьевич упорно еще в 1725 г. титуловал себя жильцом, и совсем без звания упоминается в наших материалах Юрий Афанасьевич, но сын его Евтихий был солдатом в 1718 г.³

Таким образом, большая часть молодых Радищевых во всяком случае прошла через полки иноземного строя, а затем, конечно, чрез регулярную армию Петра. Но из рядовых многие выслужились до командных чинов военных или гражданских.

Выше уже отмечено, что Авдей Васильевич был драгунским поручиком, другие документы петровской поры называют его капитаном в Казани; в 1723 г. он был назначен в Смоленский надворный суд прокурором. Брат его родной, Абрам, в 1726 г. был в том же Смоленске майором в гарнизонном полку.⁴ Тит Афанасьевич был в 1701—02 г. Мещовским воеводой, в 1713 г. — Одоевским комендантом, в 1716 г. называется Рижской губ. комиссаром.⁵ Терентий Прокофьевич в 1728 г. получил назначение воеводой в Боровск.⁶

Наиболее интересными фигурами в этом поколении были братья Терентия Прокофьевича — Глеб и Афанасий (младший).

¹ Сборник Русск. Ист. Общ., т. XCIV, стр. 758.

² В семье Прокория Константиновича, имевшего по поколенной росписи пять сыновей, были два Афанасия — большой и меньшей.

³ Кроме разрядной справки и поколенной росписи, Материалы для ист. церквей Калуж. губ. в „Калуж. Старине“, т. V, стр. 48—49; Кашкин Н., Родо-ловные разведки, т. II, 1912, стр. 73 и 77.

⁴ С. Шумаков Материалы для истории Нижегород. края, вып. 1, Н.-Новгород, 1898, стр. 14; Сборник Русск. Историч. Об-ва, т. XCIV, стр. 758, т. LVI, стр. 401; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правит. сенате в царствование Петра Великого, т. V, ч. 1, стр. 11, 132—133, т. V, ч. 2, стр. 801.

⁵ Известия Калуж. Уч. Арх. Ком., вып. 1, стр. 16 и 39; вып. 5, стр. 80—82; Описание докум. и бумаг Моск. Арх. Мин. Юст., т. XIX, стр. 249; Сборник Русск. Историч. об-ва, т. XI, стр. 333 и 335; Доклады и приговоры Сената, т. III, ч. 12, стр. 707, 1173, 1176.

⁶ Сборник Русск. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 430; Описание докумен. и дел архива Св. правит. синода, т. VII, прилож. V, стр. XVIII.

Последнему — деду писателя — ниже будет посвящен отдельный этюд. С Глебом Прокофьевичем познакомимся, сколько можно, сейчас.

Мы уже видели Глеба в списке жильцов, служивших в гусарах, копейщиках и рейтарах в 1695—96 г. Но скоро, весной 1697 г., в свите знаменитого „великого посольства“ Фр. Лефорта и Ф. А. Головина он отправился в Европу. Как известно, посольство посетило ряд европейских стран. Не знаем, работал ли Глеб Радищев с царем на голландских верфях, бывал ли с ним в кабинетах ученых и на промышленных предприятиях, но Европа произвела, очевидно, на молодого москвича сильное впечатление. Возвращаясь домой, он, как и некоторые другие дворяне свиты, вывез для себя челядина „иноземца Яганку“. И, кажется, не одна внешность европейская увлекала обзаводившегося европейским слугою Глеба Прокофьевича. По крайней мере, при временном всплеске увлечений конституционными затеями и проектами, в 1730 г. Глеб Радищев оказался в числе тех 326 дворян, которые подписали так называемый Секиотовский компромиссный проект конституции.

Мы не знаем подробностей службы Глеба Прокофьевича, но вперед он двигался быстрее многих своих сверстников-родственников. В 1723 г. он был уже полковым квартирмейстером. В 1732—33 г., перейдя под старость на гражданскую службу, он занимал место воеводы в Клину под Москвою.¹

Служба во времена Петра не только брала человека целиком, но и бросала его из края в край по громадной и тогда России. „Выволоченные“, как и другие дворяне, из своих поместий и вотчин на службу и Радищевы пустились в широкий мир. И некоторые из них скоро начали оседать в других районах Руси. Так братья Авдей и Абрам Васильевичи, попав на службу в Смоленск в 1720-х годах, очевидно, скоро обзавелись там землею, или, может-быть, наоборот, получив или приобретя землю в Смоленском крае, сюда, поближе к хозяйству, старались устроиться и на службу. Во всяком случае скоро, в начале 1730-х годов, встречаем в числе смоленских помещиков детей Авдея—Михаила да Николая. У Николая „поколенная роспись“ показывает сына Андрея, единственного из этой ветви здравствовавшего в конце XVIII века.²

¹ Кроме разрядной справки — Памятники дипломат. сношений России с державами иностранными, т. VIII, ст. 536-37, 543 и т. д., о службе иностранце, т. IX, ст. 21—22; Корсаков Д. А. Воздариение Анны Иоанновны, 1830, прилож. 40; С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 4, 1917, стр. 364 и 574; Дневник генерального хорунжия И. Ханенка 1727—1753 г., 1834, Киев, стр. 46, 94 и 97.

² Архив селата, т. II, стр. 615—616. „По поколенной росписи у Михаила сыновей не показано; у Абрама Вас. был сын Василий, уже умерший ко времени составления росписи.“

В параллель смоленской группе в эпоху Петра наметилось еще пензенско-саратовское ядро, пока только в лице Афанасья Прокофьевича. Об этой линии, прямо идущей к Александру Николаевичу, речь будет впереди.

Что касается материальной базы фамилии Радищевых в первой половине XVIII века, то о ней можно судить также лишь по частным примерам, впрочем, касающимся разных ветвей. Тит Афанасьевич, стольник, уже побывавший на воеводстве в Мещовске, имел 100 дворов крестьян. Премьер-майор Гаврила Леонтьевич в 1739 г. имел только 30 душ, а полковник Афанасий Прокофьевич при отставке в 1731 г. владел всего 63 душами.¹ И это наиболее выслужившиеся. Очевидно, остальные были обеспечены не лучше.

Смоленская ветвь в отношении землевладения совсем обособилась от родных мест: в 1770-х годах в Калужской губ. у представителей этой линии не было ни клочка земли. Сколь велики были ее земельные владения в Смоленском крае — не имею данных.

Главные богатства саратовской линии во второй половине XVIII века, как увидим, были сосредоточены в этом крае, но и в старом родовом гнезде, в Малоярославецком уезде и соседних с ним, глава саратовской линии имел владения.

Собственно калужское ядро Радищевых во второй половине XVIII века было невелико по количеству мужских представителей. „Поколенная роспись“ 1795 г., т. е. достаточно хорошо, конечно, осведомленная в совсем недавнем прошлом и своем современном, не указывает мужского потомства у Терентия и Глеба Прокофьевичей и Тита и Данилы Афанасьевичей. У Юрия (Урея в росписи) показан, притом без мужского потомства, один сын, уже умерший ко времени составления росписи, известный нам Евтихий; его не встречаем в числе калужских землевладельцев 1770-х годов. У Емельяна Прокофьевича по росписи был сын Григорий; его детей Петра и Ивана (они показаны и в росписи), наоборот, видим землевладельцами в Калужском крае в эпоху генерального межевания. Тогда, т. е. в 1776—78 годах, им принадлежало всего в Калужском и Мещовском уездах 153 дес. земли без крестьян. Служебное положение братьев также было скромное. Иван Григорьевич умер в 1790 г. подпоручиком; здравствовавший еще в конце XVIII века Петр Григорьевич имел чин надворного советника. Во время пятой ревизии он совместно со вдовой брата Катериной Семеновной в Малоярославецком

¹ Владение Тита Афанасьевича указывает без цитации источника Павлов-Сильванский в биографии Радищева при издании „Путешествие из Петербурга в Москву“, СПб, 1905, Примечание в конце книги, № 1, стр. 285. Биография перепечатана в Очерках по русск. истории XVIII XIX вв. П. Сильванского, СПб, 1910. О других — в Сенат. архиве, т. VII, стр. 798 и 659.

уезде имел всего 36 душ крестьян, но и те достались им по наследству от дяди — Федора Афанасьевича.

Кроме Григорьевичей землевладелицей Калужской губ. в эпоху генерального межевания была Анна Ивановна Радищева, наверное вдова кого-нибудь из внуков Константина Ивановича или правнука Евтихия Юрьевича.¹ Сколько было у нее земли, точно сказать нельзя, так как во всех четырех местах ее владений в Перемышльском уезде с нею вместе показаны и другие владельцы (три разные группы), имевшие земли, очевидно, за общею межою. Но у всех этих трех групп в составе 7 человек было всего круглым счетом 450 десятин земли и 132 души крестьян. Так что и Анна Ивановна была очень мелкопоместной владелицей.

Одновременно с названными владел землею в Калужской губ. Иван Гаврилович Радищев, очевидно, сын известного уже нам Боровского воеводы 1740-х годов.² Умер Иван Гаврилович скоропостижно 26 октября 1785 г. в чине прапорщика и в очень скромной должности второго заседателя Малоярослав. нижн. земского суда. Земля и у него, как у Анны Ивановны, находилась в чересполосном владении с соседями в 8 местах Малояросл. у., а потому определить точную величину его владений также невозможно. Но что они были невелики, ясно и из суммарных показаний. На 15 владельцев, встречающихся в разных комбинациях с ним, приходилось всего около 800 десятин земли и 145 душ крестьян. По пятой ревизии за наследниками Ивана Гавриловича, двумя сыновьями и дочерью, показано в ревизских сказках всего 16 душ крестьян; часть доставшихся от отца крестьян наследники успели к этому времени продать (указано 6 проданных душ).

Наконец, из потомства Прокофья Константиновича в период генерального межевания помещиками Калужской губ. были двоюродные братья — Николай Афанасьевич (сын Афанасья младшего), отец писателя, и Федор Афанасьевич (сын Афанасья старшего). О Николае Афанасьевиче речь будет идти особо, а здесь нужно коснуться только Федора Афанасьевича. Его владения были не разделены с братом и, кроме того, были сосчитаны в общей меже с другими помещиками, так что выделить их невозможно. Но наследники его — племянники (не родные) Петр и Иван Григорьевичи получили после дяди в 1786 г. „на указную часть“ всего 26 душ по четвертой

¹ Среди детей, внуков и правнуков Константина ни в росписи, ни в документах Иван не значится. С другой стороны, совладельцами Анны Ив. по земле были, между прочим, Петр. Ив. Унковский и Дарья Ив. Киреевская. Не были ли это ее родные брат и сестра? Тогда она из рода Унковских.

² „Поколенная роспись“ совсем не указывает этой линии от Леонтия Ивановича.

ревизии в дер. Куклеихе, сельце Куклеихе и сельце Немцове Малоярослав. у. (к пятой ревизии число душ возросло до 36). Не знаем, сколько получили другие наследники Федора Афанасьевича, но ясно, что и он крупным, даже средним помещиком не был.¹

Данные об имущественном положении Радищевых второй половины XVIII века очень хорошо согласуются и убедительно подтверждают отрывочные показания и намеки первой половины того же столетия и конца XVII. В общем, картина получается цельная и законченная.

Мы просмотрели, сколько позволяют наши материалы, историю рода Радищевых на пространстве 200 лет, а если начинать ее с указанных преданием татарских мурз, то и за 250 почти лет.

Перед нами прошли не очень многочисленные для такого срока представители рода. Материал наш слишком скуп и сух, насквозь официален, не расцвечен почти никакими бытовыми чертами, не оживлен никакими индивидуальными документами в роде духовных, переписки, мемуаров, чтобы рисовались на основании его живые люди с их личными обликами, с индивидуальными чертами характера. Но с известной стороны это и лучше; картина получается типичнее, не заслоняется личным, ярким.

Как безликие тени, проходят пред историком все эти Айдары и Нагаи, Константины, Василии, Афанасии. Все дают одно общее впечатление, дорисовывают один синтетический, условный и схематический, но типичный образ.

Все материалы рисуют нам типическую картину мелкопоместного служилого дворянства. Все Радищевы плохо обеспечены, все служат, неся обычные, ипические для каждого времени обязанности, служат даже и после права на отставку, в период 25-летней службы и после того, как Петр III сделал дворян вольными. И не могут не служить, ибо без жалованья и связанных со службою доходов не прожить: именье свое плохо кормит.

Такова же и окружающая их среда. Таковы же и те немногие, которых мы знаем, их свойственники. Кому известны, чем знамениты эти Гурьевы, Марины, Унковские XVII и XVIII века? Это все та же серая, безвестная масса, что и сами Радищевы.

И на этом фоне только-только мелькают черточки живого лица Глеба Прокофьевича, „западника“ первой половины

¹ Материал взят из экономич. примечаний к генеральн. межеванию по Калуж. губ., напечатанных еще в XVIII в. под заглавием „Атлас Калуж. губ., состоящий из 13 карт с присовокуплением двух томов описаний“. Сказки пятой ревизии — в Калуж. архиве, в фонде Казенной палаты; о смерти Ив. Гавр. там же в фонде Губерн. правл., № 578, 10, 528.

XVIII века. Несколько яснее рисуется фигура деда писателя — Афанасия Прокофьевича, которому уже уделали некоторое внимание и биографы Александра Николаевича.

II. АФАНАСИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ РАДИЩЕВ.

Послушаем и здесь для начала самих Радищевых.

Первые биографы писателя-революционера — его дети — начинали жизнеописание отца сведениями о его деде. Они чувствовали необходимость этого и могли кое-что сказать об Афанасье Прокофьевиче. Одному из них эта фигура нужна была, чтобы объяснить то „стечение благоприятных обстоятельств“, в результате которых Александр Николаевич „получил хорошее воспитание“. Другой — с дедом писателя связывал начало материального благополучия саратовской ветви Радищевых.

Какие же данные сохранили нам правнуки о своем прадеде?

Более старший и ранее писавший Николай Александрович оградился короткой и деловой справкой:

„Дед его (Александра Николаевича), бедный калуж. дворянин, был в потешных Петра Великого, был его дедашником, служил в гвардии и наконец, женившись в сорок лет на богатой и весьма молодой девушке, в царствование императрицы Анны сделался полковником и командиром одного из малороссийских драгунских полков, почему и прожил долго в Глухове. От своему сыну, отцу Александра Николаевича, судя по тогдашнему времени, когда просвещение едва проникало в Россию, дал хорошее воспитание..“¹

Младший, и, видимо, более экспансивный, Павел Александрович, сохранивший нам родовую легенду о происхождении Радищевых, и в отношении прадеда дает более оживленный рассказ и вносит здесь уже романтическую историю.

„Дед Радищева, Афанасий Прокофьевич, начал службу солдатом и дослужился до бригадирского чина. В чине полковника он был послан в Стародубские волости для усмирения раскольников. Мать его была так бедна, что, отправляя его на службу, дала ему только шесть копеек на дорогу и кафтан шерсти своих овец. В чине полковника Афанасий Прокофьевич, находясь в Саратовской губернии, поехал с своим полком через имение богатого помещика Григория Облязова, у которого была единственная дочь. За эту-то дочь Афанасий Прокофьевич принял одну хорошенькую дворовую девушку, и она так ему понравилась, что Облязов предложил ему на ней жениться. Полковник согласился. Невеста, Настасья Григорьевна, была очень мала ростом и так дурна, что ее не решились показать жениху до самого венца. На девичнике вместо нее посадили подле полковника эту хорошенькую дворовую девушку, разряженную, и когда стали пить водку, и гости начали ломаться, жених и невеста должны были целоваться, чтоб ее подсластить. Вышедши замуж, Настасья Григорьевна не могла простить своей девушке

¹ Русская Старина, 1872, т. VI, стр. 573—574. Дальше в ссылке просто — Русская Старина и страница.

того, что она целовалась с ее женихом, часто ей попрекала этим и даже была ее. Афанасий Прокофьевич построил в Малоярославце соборную церковь и в ней похоронен.“¹

При позднейшей обработке этой биографии Павел Александрович внес в нее, очевидно из ставшего ему известным рассказа брата, что Афанасий Прокофьевич „был денщиком у Петра I“ и прибавил любопытные подробности о последних годах жизни своего прадеда:

„Скулил у своих родственников имения около Малоярославца и жил в двух верстах от этого города в своем сельце Немцове, где он родился и где жила его мать, которую он уже не застал в живых по возвращении из службы; построил себе там большой каменный дом, а в городе Малоярославце — соборную церковь“.²

Эти не во всем согласованные друг с другом сведения братьев и легли в основу большей части тех коротеньких справок об Афанасии Прокофьевиче, которые считали нужным давать позднейшие биографы Александра Николаевича Радищева. Меж тем колоритная фигура деда писателя заслуживает более подробной биографии, и материалов для этого имеется больше, чем для кого-либо другого из Радищевых первой половины XVIII века.

Афанасий Прокофьевич — один из типичных людей петровской эпохи, к которой, можно сказать, целиком принадлежал. Он был младший из пяти сыновей московского дворянина Прокофия Константиновича. Относительно даты его рождения мы имеем два противоречивые показания. В одной официальной справке Афанасию Прокофьевичу в момент отставки с военной службы в 1731 г. показано 47 лет, т. е. годом его рождения нужно считать 1683—84-й. Но могильная плита его свидетельствует, что умер он 8 августа 1746 г. 68 лет и 8 месяцев от рождения, иначе говоря, относит его рождение к концу 1677 г.³

Нужно сказать, что первая дата гораздо лучше согласуется и с данными о службе и старших братьев Афанасия Прокофьевича и его самого. Мы уже видели ранее,⁴ что стар-

¹ Русский Вестник, 1853, декабрь, книга первая, стр. 398. В дальнейших ссылках просто — Русский Вестник и страница.

² Чтения в Общ. Истории и Древностей Росс., 1912, кн. 2 Смесь, стр. 2.

³ Список военным чинам первой половины XVIII столетия, напеч. в VII т. Сенат. архива; об Аф. Прок. — стр. 653. Надпись на могильной плите издана в статье протоиерея М. Никольского и священника Н. Кременского „Г. Малоярославца, Калуж. губ. и Казанский в нем собор“, в „Калуж. Старине“, т. VI, 1911, стр. 6. В этом издании дата смерти на плите прочтена „18 августа“; при проверке, налаженной по моей просьбе Д. И. Малининым, И. И. Бессонов прочел „августа 8 числа“, на каковом и падает „память Еммиана исповедника“, также отмеченная на плите. Прошу Дм. Ив. Малинина и Ив. Ив. Бессонова принять мою благодарность за содействие.

⁴ См. стр. 305.

шие сыновья Прокофия Константиновича, кроме самого старшего Емельяна, Афанасий старший, Терентий и Глеб значатся в службе „с 205-го“, т. е. 1696—97-го года, а начало службы Афанасия Прокофьевича, нас занимающего, специалист военный историк, имевший в руках, видимо, послужной список Радищева, датирует 1703 г. При рождении в 1677 г. такое позднее привлечение в солдаты мало понятно. Наконец, и в отношении отца этой большой семьи, которого послужной список открывается для нас 183-м, т. е. 1674—75-м годом, более приемлемой датой рождения младшего сына будет, конечно, 1683—84-й, а не 1677-ой год. Повидимому, в цифре лет жизни Афанасия Прокофьевича на могильной плите имеется ошибка; не следует ли вместо „68“ лет читать „63“?, тогда мы имели бы ту же дату рождения—1683 год.

Но все равно, примем ли мы годом рождения Афанасия Прокофьевича 1683—84-й или 1677-й, сообщение его правнука о том, что он был в „потешных Петра Великого“, не может быть принято. Если даже взять наиболее позднюю дату формирования потешных—1687 г., и тогда Афанасию Прокофьевичу могло быть 10 лет по одному варианту и 3—4 года по второму. Но даже 10-летний мальчик едва ли годился в товарищи игр не по летам взрослого, чувствовавшего себя юношей 15-летнего Петра.¹ Может быть „потешные“ в поздних припоминаниях Николая Александровича явились как невольное истолкование в рассказе их деда об его отце того места, где речь шла о службе последнего при Петре и в одном из бывших „потешных“ полков.

И действительно, военный биограф Афанасия Прокофьевича, широко пользовавшийся архивными материалами и между ними, очевидно, послужным списком, указывает, что служба прадеда писателя началась только в 1703 г. в Преображенском полку.²

Таким образом, Афанасий Прокофьевич стал солдатом в очень трудный для России момент военных действий. И первые 10 лет его службы идут в бурном потоке тогдашних событий. Он сражался на разных фронтах, действовал в различных полках и, очевидно, будучи хорошим служакой, довольно быстро поднимался в чинах. Солдат-пехотинец при вступлении в службу, он в том же году переводится драгуном в Астраханский полк, где произведен в вахмистры. Далее видим его офицером в чине прапорщика опять в пехотном Киевском полку, а потом прапорщиком „швадрона фельдмаршала Шереметева“,

¹ Аф. Прок., равно как и другие Радищевы, не упоминается в Списке служивших лейб-гв. в Преображ. полку с начала его основания и охватывающем 1682—89 годы, см. Азанчевский—История Преображ. полка 1859, приложения, стр. 2—3.

² Сборник биографий кавалергардов, под ред. С. Пачулдзева, т. 1, 1901, стр. 203.

с 1706 г. — поручиком, с 1708 г. — уже капитаном. Одно время он „по рассмотрению Меншикова“ состоял „швадрон-майором“, с уничтожением этой должности вновь числился капитаном, а в 1717 г. пожалован в майоры. За эти годы ему приходилось уже в 1703 г. сражаться со шведами в Курляндии и под Новою Ригою; в 1705—06 гг. он проделал Астраханский поход и участвовал во взятии этого восставшего против Петра города; потом был переброшен на северо-западный театр войны и проделал Выборгский поход; после был в деле под местечком Карелы, а в 1709 г. действовал на юге против „бунтовщиков-изменников“ и шведов. Полтавская баталия не принесла ему отдыха. Он переброшен с своею частью в Польшу и с 1710 по 1713 г. включительно воевал то в Померании — под Штральзундом, то в Польше, то вновь в Померании, то в Гольштинии, то в третий раз в Померании, на этот раз в делах под Штетином и его взятии. Очевидно, только после этого он в армии Меншикова вернулся в Россию.

Однако переход на более мирное положение после столь многих кампаний не принес мира для Афанасия Прокофьевича. В использованной нами военной биографии его мы видим длительную пустоту с 1713 до 1717 г., возбуждающую невольное подозрение. И как-раз на этот период падает хранящееся в Морском архиве дело 1716 года: следствие над капитаном Радищевым и другими по обвинению в грабеже во время военных действий. В „Описании дел“ архива,¹ откуда мы взяли эти сведения, имя капитана Радищева не названо, но и по дате, и по чину, и в отношении других обстоятельств дело ближе всего подходит именно к Афанасию Прокофьевичу. Как известно, русская армия за границей содержалась за счет тогдашних союзников России, широко проводила дозволенные реквизиции и самовольные поборы. И пример руководителя армии — известного хищника Меншикова — мог действовать отнюдь не сдерживающе на командный состав. В такой обстановке и является вполне естественным следствие о грабежах.

Для Радищева оно кончилось, очевидно, благополучно, раз в 1717 г. он произведен из капитанов в майоры. Но для нас не так важен юридический результат этого дела, тем более, что в нем могла сказаться заступа Меншикова, под руководством которого служил и „по рассмотрению“ которого был „шквадрон-майором“ Афанасий Прокофьевич. Существеннее то, что дело вскрывает обычную для армий того времени картину отношений военных к мирному населению. Очевидно, в Афанасье Прокофьевиче Радищеве складывался и рос типичный бравый и грубый петровский солдат. Соприкосновение с наименее интересным тогда кусочком Европы

¹ Описание дел архива Морского министерства, т. II, стр. 172; в Сборнике биогр. кавалергардов оно не использовано.

в виде Польши и северной Германии, соприкосновение в обстановке непрерывных маршей, осад и прочих „команд“ едва ли могло отложиться какими-либо благотворными влияниями на таком солдате.

Большая загруженность походами и участиями в боях первых 10 лет службы Афанасия Прокофьевича не оставляет места и времени, когда он мог бы быть „денщиком“ Петра, как сообщает Николай Александрович, а за ним и брат его Павел; не было, очевидно, упоминаний об этом и в послужном списке Радищева, который использован в „Сборнике биографий кавалергардов“; не попало нигде и мне таких сведений. Очевидно, и тут перед нами семейная легенда.

Жизнь и деятельность Афанасия Прокофьевича в последние годы царствования Петра для нас остается в тени. Но при Екатерине в 1726 г. он, вероятно, при содействии Меншикова, получил почетное назначение капралом в чине подполковника во вновь организованный „кавалергардский корпус“, командиром которого был сам „светлейший“. Такой пост делал Радищева видным придворным офицером, и в этом качестве он оказался участником „действия“ 1730 г.¹

Начальником кавалергардов был в это время, с 1727 года, после падения Меншикова, петрово „око“ — Ягужинский, отброшенный невниманием к нему верховников в оппозицию к их „затейке“. Вслед за начальником и сами по себе, как простые дворяне, и подчиненные Ягужинского оказались против планов Верховного тайного совета. Многие из них подписали конституционный проект близкого Ягужинскому кн. Черкасского; Дмитриев-Мамонов выступал с самостоятельным проектом. Но подписи Афанасия Радищева в отличие от брата его Глеба нет ни под одним проектом конституции. Только в заключительный день борьбы Афанасий Прокофьевич со многими другими кавалергардами подписал сначала первую челобитную Анне с просьбой повелеть генералитету и представителям шляхетства „согласным мнением по большим голосам форму правления государственного сочинить“ и представить государыне на утверждение. А потом, когда эта неожиданная для Анны просьба вызвала ее недоумение и плохо скрытое недовольство, и шляхетство при большом давлении гвардейских офицеров, шумевших о восстановлении самодержавия, выработало новую челобитную „принять самодержавство“, подписанные ранее „пункты уничтожить“ и в конце более скромно — „по подписанию“ императрицы „форму правительства государственного для предбудущих времен ныне установить“, Афанасий Прокофьевич подписал и это заявление, причем оно,

¹ О службе кавалергардов и их участии в собраниях в 1730 г. у С. Панчулидзева. История кавалергардов, т. I, стр. 180—205, 213.

очевидно, более соответствовало его настроению и желаниям.¹

Позиция подполковника из мелкопоместных дворян кажется довольно понятной. В союзе с самодержавной властью, на службе у ней сложилась вся его карьера. Эта служба была главным источником его существования. Аристократическая „затейка“ верховников явно была неприемлема для Радищева, принадлежавшего к роду, даже не представившему родословной в Разряд при уничтожении местничества. Передача в руки Верховного тайного совета раздачи чинов свыше „полковничья ранга“ и все руководство гвардией ставило всю дальнейшую карьеру его, подполковника-кавалергарда, в зависимость от „осмеричных оных персон“ вместо единого монарха, к которому легче, привычнее приспособиться. Еще больше тревог внушал пункт шестой, передававший в руки представителей родовитой знати все распоряжение государственным земельным фондом, ставивший под контроль Верховного тайного совета пожалование „вотчин и деревень“. Но смогут ли понять и захотят ли удовлетворить вельможные магнаты ту жажду земли, которой горели мелкопоместные дворяне? Словом, „пункты“ верховников не сулили ничего доброго и должны были казаться опасной затеей для помещиков типа Афанасия Радищева.

Но и проекты дворянских конституций не очень увлекали. Сама по себе идея конституции была нова и необычна для многих людей положительных и мало развитых. Сторонников ограниченной монархии оказывалось не так уже много, да и среди них было не мало лиц, временно захваченных новостью в безопасный период, „когда начальство ушло“. Среди более зрелых политически не было единодушия, шла борьба кружков. Естественно могли встать те же сомнения, которые в заседании верховников выразил кн. Вас. Лукич Долгорукий: „хоть зачем, да не удержим этого“, и могли прибавляться новые: „а если и удержим, что-то еще даст эта новость?“

Служакам монархии, с нею восходившим на верх служебной лестницы, казалось проще и вернее защитить и улучшить свое положение союзом со старой, сложившейся силой — самодержавием, которое, особенно после Петра, успело уже достаточно засвидетельствовать свою преданность дворянским интересам. И Радищевы шли на восстановление поколебленного „затейкой“ вельмож самодержавия.

¹ О том, что Афанасий Прокофьевич подписал и первое заявление 25 февраля, только у Панчулидзева; Корсаков в числе подписей этого акта фамилии Радищева не дает, но у него осталось 4 фамилии неразобранных. Работа Корсакова Д. А. „Воцарение Анны Иоанновны“, Казань, 1880, подписи в прилож.

Такие услуги обычно не забываются. Достаточно хорошо известна щедрая плата дворянам вообще, выданная Анной позже.

Специально было оценено участие кавалергардов в восстановлении самодержавия: на другой же день после решения вопроса, 26 февраля, состоялся указ о выдаче им не взачет месячного жалованья, а 20 июля их оклады приравнены к окладам гвардейских офицеров.¹

Однако к концу 1730 г. уже идут проекты расформирования этого почетного отряда, реализованные указом 23 июня 1731 г. В силу этого повеления только 6 кавалергардов назначались в новые гвардейские части; к другим проявлена явная немилость — 33 человека переводились в армию и 13 получили места по гражданскому управлению, главным образом определены воеводами.

В чем здесь было дело, не совсем ясно. Мстила ли Анна маленькой военной части (кавалергардов было в 1726 г. всего 73 ч. с „неслужащими“) за широкое участие ее членов в конституционных планах? Боялась ли она и Бирон заговора в придворном отряде, связывая с кавалергардами слухи о ропоте среди гвардейцев по поводу выдвижения немцев, о недовольстве новыми фаворитами? Во всяком случае недавних, казалось, любимцев старались выпроводить из Москвы, где еще оставался двор. Указ 20 сентября предписывал принять меры, чтобы назначенные в армейские полки без „всякого промедления“ выехали к своим командам, а кто не определен к местам, поторопились бы отправиться в деревни, „дабы они в Москве праздно не шатались.“²

Но роль Афанасия Прокофьевича Радищева в событиях воцарения Анны не была, как мы видели, одиозной с точки зрения самодержавной императрицы. И расформирование кавалергардов прошло для него, в конце-концов, не плохо. Правда, он получил отставку с военной службы, но с повышением — в чине полковника,³ да и в этой отставке, может быть, сыграли роль его возраст и длительность службы: ему было уже 47 лет и он считал за собой около 28 лет военной, частью боевой службы. Однако вскоре после этой отставки, в том же 1731 г., он получил высокое назначение — членом в Малороссийский генеральный суд.⁴

Служба на Украине заняла новые 10 лет жизни Афанасия Прокофьевича и в это время произошел решительный перелом в его благосостоянии.

¹ История кавалергардов, стр. 204—215.

² Там же, стр. 220 — 221.

³ В патенте пожалование чина полковника датировано 23 июня 1731 г.

⁴ Даты назначения в Генер. суд не имеем в документе, но в Дневнике Генерального подскарбия Як. Марковича, ч. III, Киев 1897, стр. 164, отмечен приезд Радищева в Глухов 21 января 1732 г., так что назначение должно было состояться еще в 1731 г.

Мы видели, что Радищевы в исходе XVII века отнюдь не принадлежали к богатым семьям столичного дворянства. Семейное предание в редакции Павла Александровича особенно резко подчеркнуло бедность обстановки в доме Прокофья Константиновича. Мать Афанасья Прокофьевича, „отправляя его на службу, дала ему только шесть копеек на дорогу и кафтан шерсти своих овец.“ Но думается, что мы имеем здесь дело с своеобразной стилизацией, созданной, может-быть, самим Афанасием Прокофьевичем в поучение потомству, чтобы подчеркнуть резкий контраст начального пункта его служебной карьеры с последними годами его жизненного пути. Трудно себе представить, чтобы у столичного дворянина с денежным окладом едва ли менее 200 руб. в год,¹ служившего с конца 1680-х годов на доходных местах воевод, была такая прямо нищенская, в лучшем случае бедняцкая житейская обстановка.

Но на масштаб знати даже средних слоев дворянства Радищевы не могли похвалиться благополучием.

Длительная служба и особенно, надо думать, заграничные походы, поправили материальное положение Афанасья Прокофьевича. То обстоятельство, что он, хотя бы и с протекцией Меншикова, попал в „кавалергардский корпус“ и удержался в нем и после падения Меншикова, заставляет думать, что он обладал уже некоторыми средствами. От желавших стать кавалергардами требовалось, кроме большого роста и „состояния (т. е. поведения) доброго“, еще и „достаточное иждивение“, ибо этому придворному почетному караулу не полагалось ни казенных квартир, ни „вседневного обмундирования“ (парадное выдавалось из казны). И одного из попавших в отряд — некоего Бунина вскоре исключили на том основании, что он „за небогатством в кавалергардии быть не может“.

Но сама служба кавалергардов была обставлена недурно. На отряд в 73 человека, из которых высшее начальство должно было служить из почта бесплатно, ассигновывалось почти 15 000 руб. в год.²

А кроме того служба на виду у всех власть имущих должна была облегчать устройство всяких других дел, в том числе и пожалований землею и крестьянами.

У нас нет прямых указаний на то, получал ли такие пожалования Афанасий Прокофьевич в годы своего кавалергардства. Можно только высказать одно предположение. Цитированный нами неоднократно официальный документ показывает за ним в 1731 г. 63 души крестьян в Малоярославецком уезде — родовое имение, в Пензенском уезде, где, как

¹ Вспомним, что оклад Прокофия Конст. еще в 1683—84 г. составлял 189 р.

² История кавалергардов, I, стр. 181 и 180.

увидим ниже, он имел крестьян еще при Петре, и в Костромском уезде.¹ Показанное последним владение в Костромск. у., повидимому, и получено (или куплено) им в занимающее нас пятилетие. Но это был, очевидно, небольшой клочок земли с совсем ничтожным количеством душ, что видно уже и из общей суммы всего его душевладения. Можно, кажется, назвать и деревню, принадлежавшую Афанасию Прокофьевичу в Костромском крае. У сына его — отца писателя — в составе „наследственных“ владений была дер. Москулина в Любимском округе Ярославского наместничества. Так как до административной реформы Екатерины II Любимский район входил в состав Костромского уезда, то, очевидно, эта деревня и была вотчиной Афанасия Прокофьевича; по 4-й ревизии в ней числилось всего 11 душ мужского пола и 15 женского.²

Вторая часть недвижимого имения Афанасия Прокофьевича находилась, как уже отмечено, в Пензен. у. Это было в той части уезда, в Узинском стану, которая позже вошла в состав Саратовской губернии. Через это имение и установилась связь Радищевых с Саратовским краем.

Мы довольно точно знаем время появления Радищева в ряду помещиков Узинского стана. Ландратская перепись 1719 г. еще не знает его имени в этом районе. Но перепись и ревизия 1721 — 25 гг. уже отмечает в числе помещиков села Архангельского-Кунчерина (иначе Кунчерова позднейшего Кузнецк. у., Саратов. губ.) майора Афанасия Прокофьевича Радищева. Ко времени 2-й ревизии он перевел своих крестьян из Кунчерова южнее в дер. Гусиную Лапу, которая после построения церкви в 1730-х годах превратилась в село Никольское (позже Пилюгино Вольского уезда той же губ.).³

С этим новым для Радищевых краем связан и брак Афанасия Прокофьевича с Настасьей Григорьевной Аблязовой. Мы уже видели, как рассказал его историю правнук этой четы. Но и здесь рассказ его нуждается в существенных поправках.

Можно вполне принять указание другого правнука, что женился Афанасий Прокофьевич не молодым, „в сорок лет“. В момент отставки с военной службы, когда Афанасию Прокофьевичу было, как мы знаем, 47 лет, у него уже сын

¹ Сенатский архив, т. VII, стр. 659.

² Справка кузнецкого Саратов. губ. предводителя дворянства об имениях Ник. Аф. Радищева, вероятно 1790 г. — в деле Радищевых. Об администр. делении до 1776 г. см. Карты при исследовании Юр. В. Готье. История областного управл. в России от Петра I до Екатерины II т. I, 1913.

³ Справкой в данных Ландратской переписи автор обязан Юл. Ал. Кузнецовой. Данные -й рев. по Узинскому стану опубликованы А. А. Голомбевским под названием „Узинский стан Пензенского уезда по книгам 2-й ревизии (1745—1746 гг.)“, в Трудах Саратов. уч. арх. Комиссии, т. IV, вып. 2, Саратов, 1893; о Радищеве № 12, стр. 134—135.

Николай (будущий отец писателя) 3 лет, который родился именно от этого брака.¹ Очевидно, свадьбу надо относить ко второй половине 1720-х годов.

Но за Павлом Александровичем в его рассказе об этом браке мы не можем следовать уже с первого пункта. Не мог особенно во второй половине 1720-х годов не бывший еще полковником капрал кавалергардов проходить с своим полком „через Саратовскую губернию“. Да едва ли и нужна такая случайная встреча для знакомства Афанасия Прокофьевича с Аблязовым, его будущим тестем. Кунчерово, где в эти годы имел крестьян Радищев, находится всего в 15—20 верстах от Аблязова, главного пункта владений Григория Афанасьевича Аблязова, который владел им еще в первых годах XVIII столетия и уже в 1707 г. строил в своей деревне церковь.²

По смерти Петра легко и свободно давались отпуска военнослужащим, и дворяне спешили использовать эту возможность для своих деревенских дел. Трудно допустить, чтобы не нашел времени побывать в своей новой вотчине Радищев. А здесь имя Аблязова не только старинного, но и одного из крупных помещиков района было, конечно, известно всем.³

И в самом Кунчерове, где имел крестьян Радищев, как раз в промежуток между 1-й и 2-й ревизиями имел вотчину поручик Аблязов. Документ, которым я здесь пользуюсь, не дает имени этого поручика, но по всему это очень подходит к будущему тестю Афанасия Прокофьевича.⁴ Тогда знакомство их и вовсе становится естественным и, пожалуй, даже необходимым.

¹ Указание Николая в „Списке“ Сенат. архива, т. VII, стр. 651. Свидетельством того, что он сын Наст. Григ. может служить хотя бы сказка 2-й ревизии, где с. Преображенское-Аблязово записано за Николаем (у Гоздаво-Голомбиевского ошибочно назван Никитой) Аф. Радищевым, а ранее было за его дедом, капитаном Гр. Аф. Аблязовым. См. цитир. материалы Гоздаво-Голомбиевского № 1, стр. 154.

² Б. и Г. Холмогоровы. Материалы для истории колонизации Саратов. с.-вост. края до второй половины XVIII века, в Трудах Саратов. уч. Арх. Комиссии, т. III, вып. 2 Саратов, 1891, стр. 44—45.

³ Хорошим показателем благосостояния Аблязова может служить уже то, что он в своем селе в 1730-х годах построил каменную церковь. Случаи таких построек очень редки в первой половине XVIII века на большей территории Саратовского края, охваченной названными выше „Материалами“ Холмогоровых; о церкви в с. Аблязове, — стр. 46—49.

⁴ Сведения взяты из материалов Голомбиевского № 12, стр. 134—135; позже, но еще до 2-й ревизии крестьяне были переведены помещиком в дер. Боровую. По спискам населенных мест Саратов. губ. (изд. Мин. вн. дел) Боровая на р. Кададе около с. Кунчерова. Не была ли эта деревня тождественна с селом Березовкой, которое в том же Узинском стану знает 2-я ревизия за майоршей Агр. Из. Микулиной, купившей крестьян у Гр. Аф. Аблязова, причем оказывается, что и возникло это поселение после 1-й ревизии, как и дер. Боровая (цитир. материалы Голомбиевского, № 83, стр. 162). Если же такое отождествление двух именований правильно, то тождество поручика Аблязова с тестем Радищева становится фактом.

Могло знакомство Аблязова с Радищевым завязаться и в Петербурге на службе. В 1719 г. Григорий Афанасьевич Аблязов был квартирмейстером Преображенского полка, в 1728 г. он титулуется уже капитаном, повидимому, того же полка. Гвардейские офицеры, не столь в 1720-х годах многочисленные, могли, естественно, встречаться в сравнительно еще небольшой тогда столице. А в 1728 г. летом, когда двор, а с ним и кавалергарды были уже в Москве, Григорий Аблязов из-за серьезных крестьянских волнений в Пензенском уезде, где у него были владения, также проживал в Москве.¹

Итак, поход с полком — событие невозможное для Радищева во второй половине 1720-х годов, а знакомство его с Аблязовым естественнее мыслить завязавшимся по соседству, а не начинавшимся со сватовством. Да пожилому петровскому служаке и не к лицу такая романтическая история во вкусе сентиментальных писателей конца XVIII—начала XIX века, которую рассказал о нем его правнук. Трудно согласовать ее с тем, как за обрывками официальных почти сплошь документов рисуются черты характера Радищева.

История с дворовой девушкой — преследование ее со стороны Настасьи Григорьевны, о котором лучше могли помнить, так как, на много лет пережив мужа, бабушка писателя была жива еще в 1761 г., когда уже отцом семейства был ее первенец Николай Афанасьевич; эта печальная история, вероятнее, имела подкладкой более реалистические и более серьезные, чем подвенечный поделуй — факты, к сожалению, довольно обычные в помещичьем быту не только XVIII века.

Если Настасья Григорьевна действительно была дурна собою, то брак этот являет картину также нередкую для „доброе старое время“. Молодой, которой не приходилось быть разборчивой, выпадало на долю жить с значительно более старшим ее мужем. Аблязов устраивал прекрасную партию дочери, выдавая ее за кавалергарда. А Радищев, женись на некрасивой девушке, на дочери богатого помещика, имел виды, очевидно, на приданое и еще более на наследство. Настасья Григорьевна была, очевидно, единственной наследницей своего отца, так как позже именно к ее детям перешли владения Аблязова.

Говорю „еще более на наследство“, так как какого-нибудь значительного приданого, по крайней мере в форме наиболее прочной и тогда обычной — недвижимого имения, крестьянских душ, уловить не можем. В 1731 г., когда Радищев был женат уже не менее, чем года четыре, за ним, как мы видели, состояло всего 63 души крестьян, в том числе

¹ О 1728 г. — Сборник Русск. Истор. Общества, т. LXXIX, стр. 508—509.

наследственные в Малояросл. у. и саратовские, появившиеся еще в период ревизии 1721—25 гг., причем последних и было немного. В 1736 г., к которому они были переведены уже в Гусиную Лапу, за Радищевым здесь состояло всего 13 дворов, т. е. не более 30 душ. Весьма возможно, что здесь были и приданные за женою, так как в Гусиной Лапе жили и крестьяне Григория Аблязова.

Что же касается наследства, то к нему Афанасию Прокофьевичу пришлось приложить руку очень поздно: мы не знаем, когда умер Григорий Афанасьевич Аблязов, но в 1739 г. он был еще жив.¹

Меж тем как-раз в том же 1739 г. еще 1 июня Синод разрешил Афанасию Прокофьевичу по его прошению построить в Малоярославце „по обещанию“ каменную церковь в честь казанской иконы, при том в прошении говорилось о постройке храма на кладбище вместо обветшавшей деревянной церкви Георгиевской. Но позже построенный Радищевым храм с двумя приделами стал кафедральным собором Малоярославца.²

Такая постройка требовала больших средств. Откуда же они собрались у Афанасия Прокофьевича?

В поисках источников его благосостояния надобно обратиться, очевидно, не к браку его, а к службе на Украине.

Афанасий Прокофьевич, как мы уже видели, был назначен на Украину в состав Генерального суда. Этот недавно созданный орган был высшею апелляционною инстанцией на территории Украины; на его решения можно было только заявлять в Коллегию иностр. дел на имя государыни. В составе Генерального суда были в 1730 г. три украинца и трое

¹ Цитир. материалы Голомбьевского, № 12, стр. 134—135; № 72, стр. 142; № 93, стр. 143; Холмогоровых, стр. 145—148 и Сенатский архив, т. V II, стр. 652.

² Описание докум. и бумаг архива св. синода, т. XIX, 1913, стр. 384, № 258 и Материалы для истории города Малоярославца, 1884, стр. 34. Хотя здесь имеются ясные указания на то, что эта Казанская церковь строилась в 1730—1744 гг., но у местных и других историков Малоярославца часто датой построения собора обозначается 1709 или 1708 год с пометкой, что строил его Аф. Прок. Радищев. См., напр., цит. ранее статью Никольского и Кременского в VI т. Калуж. Старины, стр. 6 (тут даже „1707—1708 г.“, меж тем как Радищев титулуется бригадиром), или другую статью Кременского в том же томе „Калуж. старины“ Г. Малоярославец, Калуж. губ. — Малояросл. сражение в 1812 г., достопамятные места и памятники отечественной войны, находящиеся в городе“, стр. 19. См. то же и в общеизвестных описаниях „Живописная Россия“, т. VII, ч. 1, 1900, стр. 146, или „Россия“ под ред. Семенова, т. 1, стр. 325. Меж тем еще в 1884 г. в тол. ко что цитир. Материалах для истории города напечатана „Переписная кн. а“ 1715 г., где в числе малоярославских церквей совсем нет Казанского собора, и „Описание города и уезда 1775 г.“, где про Казанский собор сказано, что он построен в 1744 г. (т. е. окончательно был готов в этом году), стр. 11 и 34.

назначенных из Петербурга великороссиян. Вот в их числе и был Радищев.

По смерти Даниила Апостола в январе 1734 г. Радищев, как старший из великороссийских членов Генерального суда, становится временно, до приезда „правителя“ Гетманщины кня. Шаховского, во главе управления делами, имея товарищем другого русского судью—полковника Кишкина. При Шаховском в марте 1734 г. оба эти полковника были Сенатом „определены к делам на время“ в Генеральную канцелярию—главный орган управления под председательством заменяющего гетмана правителя. А в сентябре того же 1734 г. после отставки, вследствие многих злоупотреблений, стародубского полковника Дурова, на его место был назначен Радищев.

В тогдашних условиях полковник на Украине, особенно из русских, т. е. людей не подозрительных для правительства, а, наоборот, проводивших его предназначения, был всевластным администратором на сравнительно большой территории, а территория Стародубского полка была самой крупной среди всех полковых.¹

Полковником стародубским Афанасий Прокофьевич и оставался до окончательной отставки со службы, по прошению, сенатским указом 21 сентября 1741 г.²

Итак, мы видим, что на Украине Афанасий Прокофьевич занимал видные посты. Они были и достаточно доходными.

Порядок обеспечения высшего служебного персонала на Украине в ту пору был оставшийся от старины—натуральный. Главной экономической базой старшины были маестности „ранговые“, т. е. земли с проживающим на них населением, приписанные к той или другой должности. Не знаем, как велики были маестности Радищева как члена Генерального суда. По проекту 1740 г., вероятно времен управления Кейта, оставившего по себе хорошую память среди украинской старшины, великорусским членам Генерального суда

¹ Сборник Русск. Ист. Общества, т. CVIII, стр. 108, 120, 366—367, Дневник генер. подскарбия Як. Марковича, часть 3, 1897, стр. 344—346, 350, 358—359. Карту полков см. напр. в Иллюстрир. истории Украины, проф. М. Грушевского, П., 1914, стр. 416.

² Сенат. архив, т. IV, стр. 428. Историк Стародуб. полка А. Лазаревский высказал догадку, что увольнение Радищева последовало „только потому, что место стародубского полковника понадобилось для Фед. Максимовича“ (Описание Старой Малороссии, т. I. Полк, Стародубский 1888, стр. 57 и 58). Действительно, положительная резолюция правительницы Анны Леопольдовны на прошении Фед. Максимовича дана уже 23 сентября, т. е. через два дня после решения вопроса об отставке Радищева, а 30 сентября Сенат уже провел новое назначение (Сенат. архив, IV, стр. 466 и 710). Но у нас нет никаких данных, чтобы считать прошение Радищева об отставке вынужденным. Достаточным основанием для него могла быть и старость: Афанасию Прокофьевичу было не менее 57 лет.

полагалось 50 дворов.¹ Едва ли меньше имел Радищев в 1731—1734 годах. 50 дворов это немного на масштаб тогдашнего обеспечения высшего начальства в Украине. Но Радищев сразу увеличивал, по меньшей мере вдвое, свое душевладение. А затем едва ли успели меры Полуботка и Апостола искоренить обычные в практике „выклады“ или „наклады“ истцов судьям, переходившие в собственность последних.

Но мы уже знаем, что Радищев был в суде всего 3 года, а потом 7 лет состоял полковником стародубским. В этом полку „ранговые маестности“ состояли в 1740 г. из 790 дворов и из них, конечно, львиная доля падала на „уряд“ самого полковника. Таким образом, это временное владение следующими по должности дворами делало Афанасия Прокофьевича крупным землевладельцем. А затем оставались еще разного рода побочные доходы, если даже и не быть очень требовательным и настойчивым в этом отношении.²

К чести Радищева нужно сказать, что он не использовал своего положения для получения земли на Украине в полную собственность. Не занимался он, видимо, и вымогательством от старшины, казачества и посольства; по крайней мере, на него, в отличие от его предшественников в Стародубском полку, не было жалоб со стороны населения. И специалист-исследователь, не имея данных о деятельности Радищева в Стародубе, полагал, что наученный примером Дурова, отрешенного по жалобе старшины на злоупотребления им властью, Афанасий Прокофьевич „с своими полчанами старался ладить“.³

Но в Стародубье был еще элемент населения, который мог дать не мало предприимчивому администратору. Я имею в виду старообрядцев, сбегавшихся в Стародубье с конца XVII века и на протяжении первой трети XVIII.

Старообрядцы всегда, а особенно в периоды политики нажима, были доходной статьей местной администрации. А годы правления Анны Ивановны как-раз были годами нового внимания правительства к староверам и новых попыток „прещениями“ и преследованиями ввести их в стадо господствующей церкви.⁴ И в частности, Стародубье оказалось од-

¹ Украинцы в этой же должности обеспечивались 300 дворов каждый.

² Общую трактовку положения старшины, ее прав и злоупотреблений в интересующее нас время можно видеть, напр. в популярных Истории Украинского народа А. Я. Ефименко, вып. 1, гл. VII, 1906, стр. 290—311, или проф. Мих. Грушевского—Иллюстрированная история Украины, II, ч. 5, 1914, стр. 386—419. О ранговых маестностях и их „таянии“ см. в работе проф. М. Е. Слабченка: Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны, т. IV, состав и управление госуд. хозяйством Гетманщины XVII—XVIII вв., 1925, гл. III, особенно стр. 41—49.

³ Лазаревский указ, соч., стр. 57.

⁴ Общую характеристику правит. политики 1730-х годов в отношении старообрядцев см. в ст. П. С. Смирнова. Правовое положение раскола при импер. Анне Иоанновне, в Христ. чтении, 1906, кн. 1, стр. 112—128.

ной из территорий, где широко развернулась практика административного нажима.

Дело в том, что по соседству с Стародубьем, но уже за рубежом, в пределах Речи Посполитой, на одном из островов р. Сожа (притока Днепра), к началу XVIII века сложился значительный старообрядческий, именно поповщинский, центр — Ветка. Построение здесь церкви (освящ. в 1695 г.), долгое время единой для всей староверской Руси, свобода богослужения и проживание на Ветке с конца XVII века авторитетных учителей, с одной стороны, разорение при Петре керженских скитов, с другой, делали Ветку настоящим Иерусалимом всей поповщины. А в 1733 г. здесь вдобавок появился давно ожидаемый старообрядцами епископ Епифаний, отбитый староверами у стражи, которая сопровождала его в Соловки.

Нужно еще иметь в виду, что беглецы из Великороссии, оседали ли они в Стародубье или, тем более, устраивались ли на жительство за рубежом, ослабляли государственную казну, которая перманентно не удовлетворяла требованиям со стороны властей и которую теперь усиленно старались пополнить сбором податей и недоимок с применением всех средств административно-военного аппарата. С другой стороны, в числе беглецов по мере роста эксплуатации помещиками крестьян все больше росли группы именно крепостных. В ликвидации опасных явлений сходились таким образом вожделия различных групп власть имущих.

Решено было начать уничтожением зарубежного центра. В 1735 г., нисколько не считаясь с суверенитетом польского государства, русский отряд под начальством полковника Сытина окружил Ветку, захватил в плен и вывез в Россию всех оказавшихся там жителей (свыше 13 000 чел.), в том числе и одного из главных объектов наезда — епископа Епифания, вскоре умершего в тюрьме. При этом у выгоняемых с Ветки было захвачено „все, что только можно было захватить“.

После этого очередь дошла до Стародубья. Специальным указом 1736 г. насельники Стародубских слобод, пользовавшиеся доселе, как жители Украины, привилегиями в отношении податей, были уравнены со всеми „явными раскольниками“ России, т. е. должны были платить двойные подушные.¹ Одновременно на основании общего указа 1736 г. началась борьба с „оказательством“ староверия. Главные удары должны были пасть, конечно, на старообрядческое духовенство и инокство, но и мирян за соращение православных предписывалось „ссылать в галерные работы вечно“ с отображением в казну движимого и недвижимого имения.² У всех вообще

¹ Собрание постановлений по части раскола, 1860, I, стр. 319.

² Полн. собр. законов, т. IX, № 6928.

староверов указано было отбирать религиозные рукописи, иконы и проч. и „серебряные копейки, коим в народе ходить указом запрещено“.

Понятно, какие пышные узоры произвола и поборов могла вышивать в своей практике местная администрация на такой канве закона.

И руководителем всей борьбы с старообрядчеством в Стародубье был полковник Афанасий Прокофьевич Радищев. Долгую память по себе оставил он этими деяниями. Еще в 1767 г., составляя наказ депутату в Комиссию по выработке проекта нового уложения, стародубские старообрядцы упоминали в нем „утеснения“ Радищева, от которых многие бежали „в польскую и турецкую области“¹. А несколько ранее в 1760 г. два монаха в прошении Румянцеву объясняли „невыход“ „духовного чина из Польши“ в Россию тем, что он „имеет о том великое опасение, что учинилось в прошлых 1738—39 годах в описных государевых слободах (т. е. стародубских): за нерадением и недоумением волостных командиров (так деликатно ответственность с верхов просители перелагали на низы) весь духовный наш чин, священники, также иноки и инокини из оных слобод без остатку все разобраны и разосланы по монастырям и скитам, а иных многих расстригли и в службы определяли. А иные в заточении и до смерти живот свой скончали“.

Большие, многолюдные, торговые и промышленные слободы, очевидно, не мало дали Радищеву, „во-очию видевшему“, говорит историк стародубских старообрядцев, „как было выгодно и удобно наживаться на счет раскольников в первую ветковскую выгонку“ (1735 г.)².

Вот со стародубских полковничьих „маетностей“ и со стародубских старообрядцев и собраны были главным образом средства, часть которых пошла на постройку каменного с двумя приделами храма в Малоярославце, воздвигавшегося полковником Радищевым „по обещанию“, для спасения души. Деяние совершенно во вкусе далекой старины.

„Смолоду-то много бито, граблено,
Так под старость спасти душу надобно“.

Но уезжая из Украины, Афанасий Прокофьевич вывозил не только скопленные здесь средства. Здесь же он усвоил или, по крайней мере, упрочил новые привычки в жизни и здесь же заразился, может быть, новыми вкусами.

¹ Сборник Руск. Ист. Общ-ва, т. СХV, стр. 108.

² М. И. Лилеев. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье, вып. 1, 1895 (и в Известиях Ист.-филол. Института в Нежине, вып. 13 и 14), специально о Радищеве стр. 334—336.

Уже будучи кавалергардом, Радищев близко знакомился со становившейся пышною обстановкой русского двора. Но подражать ей в своей частной жизни он, человек некрупного состояния, мог только в самой малой доле. И вот прямо от двора он попадает в административный центр Украины — Глухов. Здесь по своему служебному положению он оказался в постоянном деловом и обычном житейском общении со всеми высшими членами старшины — украинскими и великороссийскими. В большинстве своем эта компания состояла из очень богатых землевладельцев. И Радищев должен был и по состоянию средств, очевидно, мог не отставать от других.

Мы не знаем подробностей его частной жизни и обстановки. Но постоянное участие его в этом обществе старшины нам хорошо засвидетельствовал в своем „Дневнике“ один из членов старшины „молодой“ Маркович Яков.¹ Мы видим, как в „высокопраздничные“ дни вступления на престол или именины государыни, по случаю семейных торжеств — именин, крестин, свадеб в той или другой семье, а то и без таких поводов устраиваются в общем очень часто „банкеты“, обеды, вечеринки или просто собрания знакомых, на которых и присутствует большая или меньшая часть наличной старшины, их родни и друзей. Сам гетман и его сын, преемник гетмана кн. Шаховской, Марковичи — отец и сын, Лизогуб, Милашевский, Борзна, Полуботок, Кишкин, Львов и др., а также приезжие с мест полковники и приезжие знатные российские особы — вот состав круга, в котором мы постоянно видим Афанасия Прокофьевича, одного или вместе с женою. Бывая у других, Радищевы устраивают приемы и у себя по тем же поводам семейных торжеств.²

В этой богатой среде нужно было держаться более или менее на одинаковом с нею уровне и в обычной обстановке, помимо банкетов и обедов, т. е. вырабатывались или усиливались вкус и привычки к жизни небольшого провинциального вельможи.

С переездом в Стародуб в Глухове Афанасий Прокофьевич бывал, видимо, не часто, и в пирующих компаниях в украинской столице ни разу не называет его обстоятельный автор „Дневника“.³ Но едва ли в Стародубе ход жизни семьи Радищевых изменился. Здесь уже сам Афанасий Прокофьевич

¹ Дневник генер. подскарбия Як. Марковича, часть 3 (1731 — 1734 гг.). К. 1897 г.

² Ряд пиров у Радищева отмечен в названном „Дневнике“ Марковича, напр., стр. 238, 255, 260, 330, 343, 345, не считая частых посещений автором „Дневника“ Радищева в одиночку или с небольшой компанией вечерами.

³ Всего раз за эти годы Маркович упоминает Радищева, но не в Глухове, а при встрече в Киеве — Дневник, т. IV, изданный в Терелах до Історіі України — Руси, т. XXII, Київ — Львів, 1913, стр. 146.

должен был играть роль главного центра, не снижая своего „рангу“. Тут уж он был главным, он должен был задавать тон. „Положение обязывало“. И более широкие средства позволяли в Стародубе жить на широкую ногу.

Портрет Афанасия Прокофьевича, по всем признакам рисованный именно в бытность его полковником в Стародубе, и дает нам уездного вельможу в роскошном парчевом кунтуше. Пусть это парадный костюм, но у среднего русского помещика не могло быть такого богатого наряда даже и для праздника.

Но общение с украинской старшиной могло повести и к некоторым другим следствиям. В среде высшей украинской знати 1720-х и 1730-х годов заметен повышенный тонус культурной жизни. Служба и домашние дела по управлению имениями, выпивка и карты не заполняли целиком жизни значительной части той старшины, с которой пришлось ближе столкнуться Радищеву. Верхи украинского общества учились в Киевской академии, переживавшей тогда полосу расцвета и бывшей в сущности до богословского отделения общеобразовательной, но схоластической школой,¹ учились и в других латинских школах; иные проходили дома подобную же школу или ездили учиться даже за границу. Латинским языком овладевали многие настолько, чтобы читать книги; было очень распространено знание польского языка; были и владевшие немецким или французским. Книги русские и иностранные богословского, исторического, философского содержания, газеты, опять-таки русские и иностранные, были постоянным предметом обихода в этом кругу. Их покупали, выписывали, брали друг у друга для прочтения. Создавалась и росла вместе с тем и любовь к писанию, довольно широко распространено увлечение историей своего края. Такие памятники, как названный уже „Дневник“ Як. Марковича, охватывавший в свое время 1717—1767 годы, или „Дневник“ генер. хорунжего Ник. Ханенка 1727—1753 гг.,² такие попытки истории Украины, как „Летопись“ С. Величка, „Хроника“ Гр. Грабянки и ряд других, служат убедительными доказательствами высказанной мысли.

¹ Характеристику академии и учебного дела в ней в эту пору можно найти в работе Д. Вишневого, Киевская Академия в первой пол. XVIII в. К., 1903.

² „Дневник“ Марковича в сокращении, но за весь период был издан одним из его потомков в 2 томах в 1859 г. Новое полное издание вышло только за период 1717—1740 гг. в 4 томах; первые три по 1734 г. включительно — в Киеве под ред. Ал. Лазаревского в 1893—1897 гг., четвертый — за 1735—1740 гг. вышел в Львове под ред. В. Моизалевского в 1918 г., как XXII т. Жерел до історії України — Руси. „Дневник“ Ханенка издан в Киеве в 1884 г. под ред. того же Ал. Лазаревского. В тексте самих дневников, во вступительных статьях и примечаниях редакции имеется большой материал для характеристики культурной жизни украинской старшины и в частности Глухова.

И трудно допустить, чтобы постоянное и близкое общение с этой средою не заразило семью Радищевых новыми склонностями и новыми интересами. Трудно допустить тем более, что известный налет культуры был, так сказать, необходимой составной в общем ходе жизни знатного барина, с одной стороны, и что в семье Радищевых никак нельзя предполагать заскорузлого цеплянья за старину. Не мог быть таким и сам Афанасий Прокофьевич, проделавший службу при Петре и частью за границей, а потом бывший кавалергардом. Не была такою и Настасья Григорьевна. В числе сравнительно очень немногих дворянок средних групп она получила некоторое образование. В Московском архиве феодально-крепостнической эпохи мне удалось встретить документ с ее собственноручной подписью. И эта довольно твердая подпись пожилой женщины — документ относится к 1761 г. — говорит, что письмо, видимо, не было для нее совсем редким и случайным упражнением. Сохранившийся до наших дней портрет Афанасия Прокофьевича, писанный, вероятнее всего, каким-нибудь украинским художником в годы полковничества в Стародубе,¹ может служить внешним показателем украинского влияния на Радищева. Большая редкость в обстановке жизни великороссийского помещика даже средней руки в первой половине XVIII века — портрет был частым явлением среди украшений дома украинской знати.

Но если родители только поддавались новым воздействиям, но едва ли могли радикально переделаться, то дети, очевидно, воспитывались уже в иной атмосфере и по-иному, чем их отец и мать. На этом придется остановиться уже в биографии Николая Афанасьевича.

Так, представляется мне, обогащенный в разных отношениях возвращался Афанасий Прокофьевич, получив отставку, в родные места, в родовое Немцово близ Малоярославца.

При отставке Афанасий Прокофьевич был произведен в следующий чин — бригадира, последний перед генеральским.² Таким образом по служебной лестнице этот Радищев поднялся выше всей своей родни в прошлых и современном ему поколениях.

В соответствии с чином и вкусом и должна была строиться жизнь в Немцове.

Правнук Афанасия Прокофьевича сохранил нам память о том, что бригадир старался „скупить у родственников именья около Малоярославца“. Мы имеем и документальный отголосок этой скупки.³ Очевидно, Афанасий Прокофьевич хотел

¹ Афанасий Прокофьевич изображен со значком („перначом“) полковника и казацкой саблей в руках.

² Сенат. архив, т. IV, стр. 428 и т. V, стр. 91.

³ Сенат. архив, т. IV, стр. 77 и 445.

создать приличное его чину и положению крупное земельное владение.

Из приведенных уже ранее справок мы знаем, что ему не удалось этот план полностью даже в отношении Немцова, где сохранилась доля его брата — Афанасия старшего.

Но, вероятно, он покупал в эти годы земли и в других местах, в частности, как было в обычае для всякого большого человека, старался обзавестись и „подмосковной“. По крайней мере, в составе „наследственных“ имений его сына, кроме полученного им от деда — Аблязова и родовых владений в Калужском крае, находим сельцо Заозерье, позднее в Горохов. округе Володим. наместничества с 56 душами по 4-й ревизии и 122 души в трех пунктах Клинск. у. Моск. губ.: в с. Веденском 5, в дер. Кончаковке 59 и в дер. Языкове 58.¹

Определенный замысел проглядывает и в строении Казанской каменной с двумя приделами церкви в Малоярославце. Кроме заботы о спасении многогрешной души, в сооружении большой церкви, ставшей собором уездного городка, чувствуется затаенное честолюбивое желание развернуть перед всеми соседями свои средства и создать по себе памятник. Большой богатый храм должен был бросать определенный отблеск величия на строителя его и вместе входить, как одна из составных, в общий антураж окружающей важного барина обстановки. Ведь храм был свой, приходский.²

Наконец, Афанасию Прокофьевичу принадлежит постройка в самом Немцове каменного дома, от которого к концу XVIII века оставались одни развалины.³

В эти годы большого своего собственного благополучия в распоряжение Афанасия Прокофьевича попали и Узинские имения его тестя. Правда, формально с. Преображенское-Верхи. Аблязово перешло по наследству к внуку Григория Афанасьевича Аблязова, сыну Афанасия Прокофьевича — Николаю Афанасьевичу, а дер. Красное Поле — к сестре последнего Анне Афанасьевне. Но, очевидно, распоряжался всем старик-отец так же, как в 1760—61 гг. делами с. Преображенского ведала мать аблязовского наследника — Настасья Григорьевна.⁴ Точной даты перехода имений Аблязова в новые руки не знаем, но промежуток для этого периода небольшой: в 1739 г., как мы уже видели, Григорий Афанасьевич Аблязов

¹ В деле Радищевых из Архива Саратов. двор. собрания.

² Калуж. старина, т. VI, 1911 г. цитир. статья — Гор. Малоярославец Калуж. губ. и Казанский в нем собор, стр. 23.

³ Упоминаются в сочинении А. Н. Радищева „Описание моего владения“ в „Полном собр. сочинений“, изд. Акиньшина, т. II, стр. 246. О самом этом произведении см. особую заметку.

⁴ Гос. архив феод.-креп. эпохи в Москве, фонд Саратов. палаты угод. суда, св. 2, дело 95, и св. 1, дело № 69 (здесь и подпись Настасьи Григорьевны).

был еще жив, а в сказках 2-й ревизии 1745—46 гг. названные пункты значатся уже за наследниками Аблязова.¹

Впрочем, пользоваться именами тестя Афанасью Прокофьевичу пришлось недолго: 18 августа 1746 г., как гласит надгробная плита, он скончался и погребен в Георгиевском приделе выстроенной им церкви.

Таков богатый событиями жизненный путь Афанасия Прокофьевича Радищева. Сын московского дворянина, он личными усилиями в течение долговременной службы добился чина бригадира. „Бедный калужский дворянин“ в начале служебной карьеры, он кончал свои дни в довольстве хорошо обеспеченного, если не землею и крестьянами, то капиталом помещика. Менее ясен нам его духовный облик. Но, кажется, он слагался из противоречий, типичных для всякой переходной эпохи. Уроженец XVII века, он, видимо, удержал в себе не мало черт допетровской старины, но в то же время, особенно за годы пребывания на Украине, усвоил и кое-что новое в области внешностей быта и в отношении культурного оформления жизни. Но внутренне старина, кажется, преобладала в нем.

III. ОТЕЦ ПИСАТЕЛЯ — НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ РАДИЩЕВ

Если Афанасью Прокофьевичу пришлось самому ковать свое счастье, службой строить карьеру, собирать средства, то для Николая Афанасьевича многое было сделано отцом и дедом со стороны матери. Не создавать, а умело пользоваться накопленным, умножая при случае отцовское и дедовское достояние — дело гораздо более легкое. Человек обеспеченный и, видимо, нечестолюбивый, он и служил немного и прожил более долгу, чем отец его, жизнь в большем покое; но так как и в отношении к нему эта долголетняя личная жизнь освещена очень мало, то и знаем мы о Николае Афанасьевиче в общем меньше, чем об его отце.

Родился Николай Афанасьевич около 1728 г.,² когда отец его был уже подполковником и капралом кавалергардов. Первые сознательные детские воспоминания, которые остаются потом у человека на всю жизнь, относились у него уже к периоду глуховской и стародубской службы отца. Сын там жил и воспитывался, очевидно, как настоящий панич.

Здесь же Николай Афанасьевич получил, конечно, и общие основы своего образования. Мы уже видели среду, в которой вращались здесь Радищевы. Было в ней в обычае, если

¹ Материалы Голомбиевского № 1, стр. 154 и № 93, стр. 142; Николай Афанасьевич здесь ошибочно назван Никитой.

² Цитир. неоднократно список показывает ему в 1731 г. 3 года, Сенат. архив, т. VII, стр. 659.

сына не отдавали в школу, брать к нему на дом в качестве учителей тех же школяров из старших классов Киевской академии и других подобных ей школ. И все, что внуки рассказали нам об образовании своего деда, вполне соответствует обычному тогдашнему уровню домашнего обучения. Философ или богослов Академии в качестве домашнего учителя пытался в миниатюре воспроизвести свою *alma mater*, передавая ученику ту премудрость, которую усвоил у своих профессоров. „Семь свободных искусств“ схоластической школы с элементами древней истории Руси по Гизелю, обязательный, для многих полуродной, польский язык, латинский язык как необходимое орудие проникновения в ученую литературу и как внешний признак высокой образованности, для паничей высшего круга один или два европейских языка — вот основные элементы книжного и достаточно сухого образования панских детей на Украине в эту пору; причем, конечно, все это сдабривалось, насквозь пронизывалось элементами доступного богословия. Именно в этом стиле звучат и показания внуков об образовании деда. Более подробный здесь Николай Александрович говорит: „молодой человек знал языки: латинский, французский, немецкий (у Павла указан один французский) и польский, имел сведения богословские и исторические.¹ Как видим, на образовании Николая Афанасьевича сильно сказались влияния порядков жизни украинской старшины.

Еще в молодые годы Николай Афанасьевич по смерти деда Аблязова и отца стал богатым наследником. Хотя у его родителей был еще сын Иван, но он умер, видимо, во младенчестве.² Из сестер знаем в числе наследниц только одну Анну Афанасьевну. Ей от деда досталась д. Красное Поле со 101 душами по 2-й ревизии, от отца — его доля владения в Гусиной Лапе (с. Никольское). Николай Афанасьевич получил от деда Верх. Аблязово, от отца — все остальные, кроме выделенных сестре, имения.³ Впрочем, хозяйство вела, по крайней мере, в самом крупном из имений — в Верхн. Аблязове мать Николая Афанасьевича Настасья Григорьевна: от ее имени или за ее подписью знаем два челобитья по поводу бежавших из Аблязова крестьян: одно 1760 г., а другое 1761 г.⁴

Сам Николай Афанасьевич в эти годы был занят военной службой. Служить он начал рано, но, вопреки укоренившемуся тогда обычаю, не был записан в полк с детства: сказка

¹ Русская Старина, стр. 574; Русский Вестник, стр. 398.

² О рождении Ивана „Дневник“ Як. Марковича, часть 3, стр. 340, 26 декабря 1733 г. Тут же упоминается еще один раз о рождении дочери без указания имени, стр. 255.

³ О наследстве Анны Афанасьевны в Материалах Голомбиевского, №№ 73 и 72, стр. 142.

⁴ Документы из архива Саратов. палаты угол. суда указаны ранее.

2-й ревизии называет его еще солдатом Преображенского полка.¹ В 1762 г. он имел только еще чин подпоручика,² и, видимо, с этим чином вышел в отставку: по крайней мере, в ревизской сказке четвертой ревизии по имению его дочери все упоминания о нем, относящиеся к периоду между ревизиями третьей и четвертой, титулуют его только подпоручиком.³

Подробностей о ходе его военной службы и о продолжительности ее, кроме приведенных данных, не имеем. Но скорее нужно думать, что Николай Афанасьевич особенно ретивым служакой не был; служил, очевидно, лишь по необходимости, доблестей особых не проявил и, видно, был в числе тех, кто поспешил воспользоваться указом о вольности дворянской; по крайней мере, возбуждая дело о внесении его в дворянскую родословную книгу, он никаких показаний о своем военном прошлом не представлял; ничего не сообщают в этом отношении и его внуки.

Через несколько лет, повидимому, в связи с экономическими затруднениями, он вновь вернулся на службу на этот раз по гражданской части. К открытию Саратовского наместничества Николай Афанасьевич Радищев был назначен (4 декабря 1780. г.) прокурором в губернский магистрат с чином коллежского асессора.⁴ Но эта служба ненадолго привлекла Николая Афанасьевича. От 14 июня 1783 г. мы еще имеем документ, на котором в числе свидетелей подписался прокурор магистрата Радищев, а 2 мая 1784 г. уже встречается в качестве прокурора Саратовского губ. магистрата Вас. Петр. Рычков.⁵ Таким образом, всего около 3 лет отправлял Николай Афанасьевич новую должность.

Мы не имеем материалов для того, чтобы наблюдать непосредственно деятельность Николая Афанасьевича в качестве прокурора. Посторонние данные приводят к любопытным заключениям по вопросу о положении и поведении его как чиновника.

Новые административные учреждения и особенно связанные с ними материальные возможности сразу же стали использоваться, по крайней мере в Саратове, чиновничеством для устройства личных дел.

¹ Указанные не раз Материалы Голомбиевского № 1, стр. 154.

² Ревизская сказка о селе Пестровке 3-й ревизии, № 194 по Узинскому стану, в фонде Саратов. каз. палаты. Сообщением этой справки автор обязан Юл. Ал. Кузнецовой.

³ Сказки 4-й ревизии, хранившиеся в рукоп. отделении библиотеки Областного научного общества краеведения в Саратове.

⁴ Ордер (в копии) генерал-прокурора с сообщением о назначении — Дела о дворянстве Радищевых.

⁵ Центральн. архив феод.-креп. эпохи в Москве, фонд Саратов. палаты гражд. суда, вязка 87, кн. 2871, № 21, и кн. 2383, № 22.

Персонал высшей служащей братии, исключая настоящих канцеляристов и копиистов, в значительной мере был набран из местных, частично из сторонних краю дворян. Местные помещики еще не успели оправиться от потрясений эпохи Пугачева, а вообще дворянство в широких размерах испытывало нужду в деньгах, так как аппетиты очень часто превышали средства, получаемые с имений. Новые учреждения несли с собой не только большое количество должностей, недурно для того времени оплачиваемых, но и довольно значительные казенные средства, распоряжение которыми оказывалось в руках местной администрации. И не только скромные капиталы Приказа общественного призрения, прямо предназначавшиеся для банковских операций, пущены были в оборот; пошли по рукам, под заклад имений, и гораздо более крупные суммы Казенной палаты, „отчисленные на казенное строение“, и „квадратные сборы“, имевшие целью благоустройство города; не брезговали даже небольшой „состоящей в Царицыне городской суммой“. И как-будто имея в виду избавить местных чиновников от смущения при употреблении для личных надобностей казенных или общественных сумм и подать в этом отношении авторитетный пример, первым занял из „строительной“ суммы 10 000 руб. сам генерал-прокурор кн. Вяземский, бывший в то время и саратовским помещиком. За ним последовали, из скромности прикрываясь женами, губернский прокурор Чемесов, вице-губернатор Цыплетев и др. Губернатор Поливанов предпочитал действовать открыто и, получая большие суммы (до 20 000 руб. зараз) из строительного капитала, ссужал более мелкими, но все же значительными (2, 3, 5 тысяч руб.) средствами других. Комендант города Бошняк предпочитал пользоваться квадратными суммами, находившимися в его непосредственном заведывании. Другие займы из этого источника иногда прямо в документе обозначались сделанными „по предложению“ правителя губернии. Бригадирша Луиза Ив. Цыплетева (вице-губернаторша), повидимому, на занятые в Палате деньги вела довольно широкие обороты с живым товаром, покупая и продавая дворовых и крестьян.

Другим способом использования чиновниками своего положения было участие в подрядах и поставках казне, причем одни, не смущаясь официальным званием, прямо выступали в числе соискателей на торгах; другие стыдливо прятались за спины купцов-откупщиков и подрядчиков, снабжая их, часто от имени жен, средствами, необходимыми в качестве залогов, и, уже вне пределов наших материалов, получая свою долю прибыли.

И вот во всех этих не совсем чистоплотных, а то и совсем нечистоплотных махинациях мы ни разу в доступных нам материалах не встречаем имени Николая Афанасьевича

Радищева в качестве действующего лица, и всего три раза подписался он в качестве свидетеля под чужими актами займа с залогом. А надо заметить, что этими свидетельствами, часто поручительствами, были опутаны взаимно, кажется, все более видные чиновники губернии, их родня и знакомые.¹

Пользуясь народным выражением, можно сказать, что Николай Афанасьевич, повидимому, „пришелся не ко двору“ в этом чиновничьем мире и довольно скоро ушел в отставку. Позже он пробовал еще служить по выборам. В очень позднем, к сожалению, списке дворянских предводителей по Саратовской губернии показан Николай Афанасьевич Радищев кузнецким уездным предводителем в 1787—1790 гг. Впрочем, и в этом звании Николай Афанасьевич оставался недолго: в то же трехлетие значится предводителем и С. Карпов.² На сей раз не помешало ли Радищеву ослабление зрения. Во всяком случае летом 1794 г. его сын А. Н. Радищев из Илимска писал Воронцову на основании письма отца, что последний ослеп,³ а с 1795 г. все бумаги за него подписывались „по приказанию и за слепотой“ его сыновьями.⁴

В гораздо большей мере, чем службе, предан был Николай Афанасьевич семье и домашним делам.

Он был очень чадолюбивый отец. Женился, в противоположность Афанасью Прокофьевичу, молодым, лет 19, в 1747 г. на дочери капитана Семеновского гвардейского полка Фекле Степановне Аргамаковой.⁵

Супруги имели доживших до взрослого возраста 7 сыновей, старшим из которых был Александр Николаевич, и 4 дочерей.⁶

К образованию детей прилагались известные заботы, и дело далеко не ограничивалось домашним обучением. Здесь не место, конечно, распространяться о ходе образования Александра Николаевича,⁷ но нужно указать, что младшие его братья кончили: один Степан — Морской корпус, другой Иосаф,

¹ Основным материалом послужили разного рода акты, сохранившиеся в фонде Саратов. палаты гр. суда (в архиве феод.-креп. эпохи в Москве); мною просмотрены они за 1751—1788 гг.

² Эту справку из Саратов. двор. архива автору доставила Е. Н. Кушева.

³ Архив кн. Воронцова, кн. V, М. 1872, стр. 349, № 29.

⁴ Ряд примеров в „Деле“ Радищевых.

⁵ Сказка 3-й ревизии по Узинскому стану №№ 194 и 195.

⁶ Перечень всех в известном показании Радищева Шешковскому 11 июня 1790. Полное собрание сочинений, в изд. Акинфиева, т. II, стр. 317. Младшего брата, которого почему-то писатель оставил без имени, звали Иосаф, старшую сестру — вдову к этому времени — Мария. См. семейный список в „Деле“ Радищевых; выдан был он кузнецким предводителем дворянства для представления в Саратовское депутатское собрание, вероятно, в начале 1790 г.; младший сын показан здесь еще пажом, а Александр Николаевич писал в июле, что он уже выпущен поручиком в армию.

⁷ Об этом см. хорошую работу В. В. Мияковского, Учебные годы Радищева в „Голосе Минувшего“ 1914, №№ 3 и 5.

самый младший — Пажеский. Не знаем точно, где учились средние братья, но уже данные о трех других и сравнительно высокие чины их в молодые годы заставляют думать, что и они все проходили школу.¹ Учили в семье Радищева и дочерей; во всяком случае один из документов сохранил нам собственноручную подпись старшей из них Марии Николаевны, а умение писать далеко не было всеобщим явлением среди дворянок второй половины XVIII века.²

Едва ли случайным было то, что сыновья Николая Афанасьевича, как кажется, служили не очень охотно, причем заметно в этой семье тяготенье к гражданской службе. И здесь опять будем основываться не на данных об Александре Николаевиче, который начал с гражданской службы в Сенате, но и ее переносил тяжело, пробовал служить в штабе, но скоро вышел в отставку, а если потом вновь служил, то к тому понуждали его собственная семья, которую нельзя же было посадить на шею старику-отцу, а с другой стороны, он скоро попал на положение фактически самостоятельного руководителя учреждения, причем высоким начальством его был граф А. Р. Воронцов, человек довольно редкий среди вельмож того времени. Но ведь приблизительно ту же картину мы наблюдаем и у других его братьев. Андрей в 30 лет был уже секунд-майором в отставке и больше на государственную службу не возвращался; Михаил 24 лет с чином титулярного советника, т. е. служил по гражданской части, ушел в отставку, числился в кандидатах при Сенате, но также в службу более не вступал; Степан в 36 лет был капитаном в отставке и опять-таки, может-быть, уже несколько лет. И все это в годы, когда семья переживала хозяйственные затруднения. С другой стороны, следующий после Александра Николаевича брат его Моисей служил, по крайней мере, в 1788 г., когда ему было лет 30, как и в 1790 г., в Архангельске при таможенных делах; мы уже видели Михаила — титулярного советника в отставке; Петр, получив в полку чин поручика уже в 1782 г., когда ему было 22—23 года, был стряпчим Саратов. верхней расправы, а после, если и вернулся на военную службу, то уже по интендантской части — служил оберпровиантмейстером в Петербурге.³ Таким образом перипетии

¹ Данные показания Радищева и справки кузнецкого предводителя, где проставлены и годы, впрочем, едва ли точно.

² Подпись Мар. Ник., в замужестве Абязовой, при записи ее займа с залогом душ — цитир. книги Саратов. палаты гражд. суда, № 2860, 1782 г. № 24. — Для сопоставления укажу, что, напр., образование двух телушек Д. Н. Свербеева — современниц или даже младших современниц Мар. Ник., ограничивалось тем, что они „свободно читали одну церковную печать“, а писать не умели. См. записки Дм. Ник. Свербеева (1799—1826), т. I, М. 1899, стр. 7.

³ Те же показания Ал. Ник. и ведомость кузнецкого предводителя дворянства. О службе Моисея в 1788 г.: Архив гос. совета, т. I, стр. 593. О

со службой у Александра Николаевича едва ли правильно объявлять, как это часто делается, только столкновением лейпцигских мечтаний с печальной русской действительностью. Нужно, повидимому, учесть в характере и взглядах Радищева-радикала известное воздействие со стороны отца. Повидимому, „крутой“ нравом, по характеристике внука, Николай Афанасьевич сумел своим примером или наставлениями внушить детям чувство собственного достоинства, так мало уважавшееся тогда на службе, особенно военной, сумел привить некоторые идеи или хотя бы чувства элементарной честности и порядочности, которым также было очень тесно на службе в тогдашних условиях.

Большая семья, особенно при желании дать детям образование, естественно требовала больших расходов. К счастью, Николай Афанасьевич обладал довольно значительным состоянием. Его внук Николай правильно отметил, что дед его был „сам по себе и по жене своей довольно богат“.¹ Действительно, как уже сказано выше, Николай Афанасьевич довольно много получил в наследство от отца и деда. Мы не имеем сведений о движимом его имуществе, но достаточно осведомлены о недвижимом и о количестве принадлежавших ему душ.

По справке кузнецкого предводителя дворянства, представляющей, конечно, документированные показания самого Николая Афанасьевича, за ним числилось в 1790 г. по четвертой ревизии наследственных всего 1322 души мужска полу и 1273 женского. Более половины крестьян проживало в дедовской вотчине — селе Верхнем Аблязове (Преображенском) Кузнец. у. Саратов. губ. — 788 м. и 740 ж. В пределах Саратовского же края Радищев имел еще в Дворянской Терешке Хвалын. у. 84 души мужска пола и 82 женского. В старом родовом гнезде Радищевых — сельце Немцове Малояросл. у. Калуж. губ. у Николая Афанасьевича числилось 180 душ м. п. и 182 ж. Тут же рядом в селе Локонском за ним было записано 39 м. и 36 ж. и в соседнем Боровском у. в дер. Кривской 25 м. и 24 ж. Мы уже раньше видели, что в трех селениях Клинского у. Моск. губ. (с. Веденском и деревнях Кончаковке и Языкове) Николай Афанасьевич имел 122 души м. п. и 121 ж. Кроме того, его вотчины были в Гороховецкой округе Володим. наместничества — с-цо

службе Петра стряпчим — в назв. книгах Саратов. палаты гражд. суда, напр., кн. 2860, № 21; кн. 2887, № 18 и другие. — В Списке Радищевых 1806 г., кроме Александра, умершими значатся Моисей и Петр, из живых Андрей, Михаил и Степан показаны в отставке (и все холостыми), служил только младший, Иосиф, капитаном в Черниг. мушк. полку — „Дело“ Радищевых. Андрей в 1793—1795, Степан в 1815—1821 гг. были кузнецкими предводителями дворянства.

¹ Русская Старина, стр. 574.

Заозерье с 56 душ. м. п. и 54 ж. — и в Любимской окр. Ярослав. нам. — в д. Макулиной 11 м. и 15 ж.

На третьей ревизии в 1762—1763 гг., около которых началось самостоятельное хозяйствование Николай Афанасьевича, число душ в наследственных вотчинах было несколько менее. По крайней мере, в Верх. Аблязове тогда считалось 718 м. и 604 ж., в Немцове 166 м. и 150 ж., в Локонском 36 м. и 33 ж. Как сейчас увидим, в годы, вероятнее всего, до Пугачевщины, Николай Афанасьевич не уменьшил, а приумножил свое достояние.

В составе его, кроме наследственных, были еще и приданные, полученные за женою, души. По четвертой ревизии их состояло 317 м. и 305 ж., проживавших в дер. Краснополье (Аргамаковка) Пенз. у. (148—141), в с. Шерстене Лукоян. окр. (107—103) и в с. Смолине Ардат. окр. (62—61) Нижегород. губ. Но к этому времени часть полученных в приданое за женою душ была уже отдана в приданое за дочерью Мариюю — именно проживавшие в с. Пестровке (Никольском) Петров. у. Саратов. губ., где по 3-й ревизии за Николаем Афанасьевичем состояло 24 души м. п. и 20 ж.

Список 1790 г. указывает еще благоприобретенные или, как он выражается, „дошедшие по купчим“ души. Их всего 123 м. п. и 113 ж. Приобретены они в разных местах большею частью, видимо, для округления владений. Так в Дворянской Терешке Хвалынский окр., где было наследственное имение, Николай Афанасьевич купил еще у двух помещиков 16 м. и 16 ж. п. душ, в Любимской окр. Ярослав. губ., где была дер. Маскулина, приобретено еще в дер. Бородиной 36 душ м. п. и 32 ж.; в Пенз. у. к приданной дер. Краснополье прибавилась дер. Шишкиво с 35 душами м. п. и 31 ж. Наконец, появилось имение в совсем новом районе — в Дорогоб. у. Смолен. губ., где в с. Ретках и деревнях Московской и Савиной у Николая Афанасьевича было 36 душ м. п. и 34 ж.¹

Приобретение новых деревень и душ, даты которых нам не известны, естественно относить к периоду до Пугачевщины.² Только одна из покупок в Двор. Терешке совершена в 1788 г. за 2300 руб., но сейчас же, через неделю, под новоприобретенные души занято 5000 руб. Как увидим ниже, с 1780-х годов ясны первые признаки обратного хода — распродажи владений Радищева.

Сведя все данные воедино, будем иметь по списку 1790 г., отражающему цифры четвертой ревизии 1782 г., общий итог в 1762 души м. п. и 1691 ж. Приблизительно столько же,

¹ Справка 1790 г. в „Деле“ Радищевых. Кроме того, сказки 4-й ревизии по В. Аблязову и калужск. вотчинам; о Пестровке сказка 3-я рев. — за Ник. Аф. Радищевым и 4-й рев. за М. Н. Аблязовой, дочерью Ник. Аф.

² Смоленская вотчина уже упоминается в рев. сказ. 4-й 1782 г. по Аблязову.

вероятно несколько менее, но не ниже полуторы тысяч душ имел за собой Николай Афанасьевич и в 1762 г.

Такое количество душ давало Николаю Афанасьевичу место в группе не просто крупных, а очень крупных помещиков. Во всей Великороссии едва ли можно было насчитать в 1770-х годах семь—восемь сотен помещиков, имевших полторы тысячи и более душ крестьян. Даже владевшие сотней и более душ, по подсчетам Семевского и на основании данных громадной части Великороссии, составляли только около 16⁰/₀ всей массы помещиков.¹

Как это и типично для крупного землевладения того времени, имения Николая Афанасьевича разбросаны в разных местах 8 губерний. Очевидно, не любя столичной суеты и, может-быть, роскоши и не желая блистать в кругу знати и богачей, Николай Афанасьевич, имея „подмосковные“ (в Клинском у.) и дом в Москве,² предпочел для главной своей резиденции далекую провинциальную глушь — Верх. Аблязово, достаточно удаленное даже от ближайших городов, вроде Пензы, Сызрани и др. Но здесь, в сельской тиши, он устроился, видимо, с надлежащим комфортом и должною важностью. Мы уже знаем, что еще его дедом в Аблязове выстроена каменная церковь — явление редкое в ближайшей округе. При Николае Афанасьевиче в селе был устроен господский двухэтажный каменный дом — единственный даже в начале XIX века на весь Кузнецкий уезд. При доме сад „плодовитый и регулярный“, явление также не частое в помещичьих усадьбах этого уезда; плоды и ягоды сада „употребляются для господского обихода“.³

Барская усадьба обслуживалась громадной дворней. В третью ревизию дворовых насчитали 120 м. п. и 109 ж., в четвертую — 125 м. п. и 127 ж.

У Николая Афанасьевича был еще свой конный завод, дававший „прекрасных лошадей“,⁴ как и другие помещичьи заводы того времени, главным образом для собственного пользования владельца.

Словом, все внешние показатели говорят за то, что устроился Радищев в Аблязове как важный и богатый барин.

Один из внуков Николая Афанасьевича сохранил нам указание, что дед его „любил сельское хозяйство, о коем читал много“.⁵

¹ Данные и сопоставления Семевского в его работе „Крестьяне в царствование Екатерины II“, т. I, изд. 2-е, стр. 31—34. СПб., 1903.

² В этом доме справлялась свадьба его сына — Руск. Вестник, стр. 403.

³ Экономич. примеч. к генеральн. межеванию по Кузю. у. № 45, в Архиве краев. зем. управл. в Саратове (теперь в Облархиве, в Саратове).

⁴ Русский Вестник, стр. 405.

⁵ Русская Старина, стр. 504.

По всей видимости, Николай Афанасьевич принадлежал к тем людям XVIII века, которые одно сельское хозяйство почитали занятием, приличным благородному дворянству. В ту пору, когда в поисках новых доходов дворяне, располагавшие некоторыми средствами, начали устраивать промышленные предприятия, особенно винокуренные заводы, пустились в торговлю, занялись поставками и подрядами на казну, Радищев стоял в стороне от всех этих „несвойственных дворянству“ операций. Сельское хозяйство, еще точнее земледелие, было единственным средством в хозяйстве Радищева обеспечивать свое существование, кроме, конечно, доходов с крестьян.

Вот эта любовь к сельскому хозяйству также, видимо, толкала Николая Афанасьевича к устройству своей жизни в Верхнем Аблязове. В отцовском Немцове и других имениях в Калуж. крае Николай Афанасьевич нигде не был единственным владельцем, причем земля в эпоху генерального межевания состояла большею частью из небольших клочков и была вся в чересполосном владении.¹ Условия мало благоприятные для постановки хозяйства на свой вкус и взгляд.

Наоборот, в Аблязове Николай Афанасьевич был единственным владельцем. Большое количество рабочих рук и хорошего качества почва (чернозем) сулили, казалось, лучшую обстановку для влюбленного в хозяйство помещика.

Хозяйство Николай Афанасьевич вел сам. Крестьяне в главном его хозяйственном центре — в Аблязове были на барщине.² „На пашне“, т. е. тоже на барщине, показывают крестьян в его калужских деревнях „Экономич. примечания“ этой губернии, но они относятся к 1770-м годам. Позднейшие указания Александра Николаевича заставляют думать, что в конце XVIII века помещичьей запашки здесь не было.³

Не имею сведений об использовании остальных вотчин. Обычно за глазами помещики предпочитали оброчную систему.

Но было одно затруднение для развития хозяйства в Верх. Аблязове — малое сравнительно количество пашни и сенокосов. Всего земли с неудобной (47 дес.) и церковной (33 дес.) числилось в Аблязове во время генерального межевания — на грани XVIII и XIX века — 6548 десятин. Да неподалеку от Аблязова, около дер. Мустафинки и сельца Индерки в общей меже с другими помещиками на долю Николая Афанасьевича приходилось около 300 десятин.⁴ Но пашни в

¹ См. названные выше Описания к Атласу Калуж. губ., по Малояр. у., №№ 3, 18, 20, 22, 144, 150, 201, 202, 206, 208, 242 и 263; Боровск. у., №№ 92, 96, 258, 260, 261, 323 и 324; Медын. у., № 8.

² Указание Эконом. примечаний к генер. межеванию.

³ Описание моего владения в Полном собрании сочинений Радищева, изд. Акинфиева, т. II, стр. 250 („прежде всего почиталась господскою пашнею“). Об этом сочинении см. особую заметку.

⁴ Пользуюсь указаниями позднейшего размежевания, считая владениями Ник. Аф. все, что позже принадлежало Радищевым.

Верхн. Аблязове показано всего 3500 десятин, т. е. в период третьей ревизии здесь приходилось почти 5 дес. на ревизскую душу, по четвертой ревизии — менее $4\frac{1}{2}$ дес., а в эпоху генерального межевания на наличную душу немного более 4. Казенная норма, по которой старались проводить намежовку земли крестьянам в Саратовской губернии в период генерального межевания, была 15 дес., из них 9 пашни на душу; и помещики-агрономы считали для надлежащей постановки сельского хозяйства необходимым надел в 9 дес. одной пашни на душу.¹

В Аблязове всей земли приходилось в разные периоды от 9 до $7\frac{1}{2}$ десятин и пашни оказывалось явно недостаточно, чтобы даже по казенной норме обеспечить крестьян и вместе организовать хозяйство помещика. Еще хуже обстояло с сенокосами. Генеральное межевание насчитало под ними в Аблязове всего 466 дес. Положим, что другие в Кузнец. у. участки Радищева были сплошь сенокосные, а это, конечно, мало вероятно. И тогда еле-еле получим десятину покоса на душу. При этом количестве трудно было содержать столько скота, чтобы обеспечить собственное питание и обработку земли.

Такое количество пашни и сенокоса на душу оставляло в селе свободные руки, которые могли быть использованы в промысловой или промышленной деятельности. Но „Экономич. примечания“ категорически свидетельствуют, что крестьяне Верх. Аблязова „кроме хлебопашества никаких промыслов не имеют“. Не примем этого замечания в буквальном смысле, но во всяком случае оно говорит о том, что другие занятия, кроме земледелия, никакого серьезного значения не имели.

Вот эти свободные руки и использовались для разнообразных услуг в помещичьей усадьбе.

Могут сказать, что дворовых и нужно исключить при учете земли на душу, но, во-первых, мы вообще ведем средний арифметический, а не реальный учет, и притом не знаем и реального распределения обязанностей между теми, кто в ревизских сказках называется дворовым, и теми, кто там же записан крестьянами, а во-вторых, и при этой поправке сенокосов все равно окажется недостаточно: норма пашенной земли, правда, поднимается тогда и в конце XVIII века до 5 дес. на ревизскую крестьянскую душу, но эти 5 десятин должны были распределиться между помещичьим и крестьянским хозяйством, а дворовые в этом случае должны быть учтены как большая добавочная группа потребителей, не принимающая участия в работе на земле, т. е. очень благополучного положения все равно не создается.

¹ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, стр. 6, СПб, 1888.

Конечно, доходной статьей в помещичьем хозяйстве был еще лес. Его в дачах Аблязова было около $2\frac{1}{2}$ тысяч десятин. Но, во-первых, часть его была нужна для обеспечения потребностей самой усадьбы и крестьян, а во-вторых, он не был очень ценен: лес был „дровяной“, а не „строевой“.

Известное земельное утеснение в Аблязове и было, надо думать, причиной перевода в 1777 г. сразу 18 семейств (и двух одиночек-крестьян) в другую вотчину в с. Дмитриевское (оно же Дворянская Терешка) Хвалынский у., где, очевидно, было просторнее.¹

Положения дела в других имениях Николая Афанасьевича мы не знаем в той мере, как в Верх. Аблязове. Но едва ли там, за исключением Дворянской Терешки, было с землей лучше. Уже показательно то, что из Аблязова переведены крестьяне в сущности только в Терешку, ибо, кроме указанных выше, переселена одна семья дворовых в Немцово и одиночка-крестьянин выведен в „муромскую“ вотчину² Радищева.

Характерно, что и ревизские сказки по калужским вотчинам показывают и выселенье в очень небольшом количестве и вселенье из подмосковных вотчин, из с. Шерстина Лукоянов. у. Нижегород. губ. и из Смоленской губ.³

Меж тем в калужских имениях Радищева совсем не было избытка земли. Здесь, напомним еще раз, во всех вотчинах владения не были размежеваны. Поэтому беру для примера средние по данным о земле и крестьянах всех вообще селений Малояросл. у., в которых были владения Радищева. И вот оказывается, что на ревизскую душу еще в годы межевания здесь приходилось всей земли несколько более $5\frac{1}{2}$ десятин, а пашни 4 дес.; очевидно, к концу XVIII века, с ростом населения и переводом некоторых семей из других вотчин положение становилось более критическим.

В Клинском у. Московск. губ. на 122 ревизских души (по 4-й рев.) Радищев имел всего 500 дес. угодий да „отхожего (т. е. отделенного от селений чужою землею) леса 843 дес.“, т. е. всего земли здесь приходилось немного более 10 дес., а пашни, сенокосов и прочих угодий всего по 4 дес. на душу.⁴

¹ Сказки 4-й рев. по Аблязову — в Облархиве в Саратове. Экономич. примеч. по Хвалынск. у. в саратовских архивах не сохранилось, а во время моей поездки в Москву за справками в августе 1927 г. бывш. межевой архив не был доступен для работы.

² Это было в 1770 г., т. е. до нового администр. деления; имеется в виду сельцо Заозерье, позже Горох. у. Влад. губ.

³ Сказки 5-й рев. в калуж. архиве по Малояр. у., часть 1, № 244—156, лл. 625—656. Сказки 4-й рев., № 50.

⁴ Данные из объявления о продаже клинских деревень в С.-Петербур. ведомостях 1791 г., № 66, стр. 1344. Ни деревни, ни имя владельца в объявлении не указаны, но число душ, и именно в Клин. у., точно соответствует имению Радищева; желающим купить предлагается обратиться за справкою в дом Радищева и к служителю Ст. Морозову, а Морозовых как-раз видишь

При таких данных особенно становится понятным спор Николая Афанасьевича о земле с г. Кузнецком.¹

Естественным оказывается желание получить в период раздачи земель в саратовском наместничестве новые участки для разрешения вопроса о перенаселении в имеющихся вотчинах. И Николаю Афанасьевичу посчастливилось получить в двух местах Аткарского уезда всего 3371 дес., из которых 2092 было пашни и 1219 дес. неудобной земли.²

Эта прирезка земли должна была ослабить малоземелье его владений. Повидимому, в новые места были переведены некоторые семьи из Аблязова. По крайней мере, по пятой ревизии 1795 г. в нем записано 870 душ мужска пола, а лет через 8—9, в период генерального межевания в Кузнецком уезде, по наличности считалось всего 845 чел. муж. п. Но начинавшихся в хозяйстве Радищевых затруднений и новые три с лишком тысячи десятин земли, как увидим ниже, не разрешили.

По вопросу о взаимоотношениях Радищева с его крестьянами внук его рассказал нам, что Николай Афанасьевич был „добрый помещик, любимый своими крестьянами“, что „его крестьянам было так льготно жить, что из соседственных деревень, от других помещиков и даже из казенных селений девки охотно шли замуж в его отчины“. Наилучшим доказательством „любви мужиков“ к своему помещику служит их поведение в Пугачевщину. Николай Афанасьевич „с семейством и зятем Облязовым“ „укрывался в лесу, в 5 верстах от своего села Преображенского“, и мужики „не выдали его, и

в числе людей Радищевых: один — Ефим упоминается в „Деле“ как лицо, которому доверено подать прошение в Саратов. депутат. собрание и получить „доказательства (дворянства) оригиналом“, другого без имени называет Ал. Ник. в письме к брату Моисею, отмечая его плутовство, очевидно, в управлении Немцовым — см. Путешествие из Петербурга в Москву, под ред. Павлова-Сильванского и Щеголева, стр. 290, 1905.

¹ Справка об этом в труде Н. Ф. Хованского „Помещики и крестьяне Саратов. губ.“ в изданном Саратов. Арх. Комиссии сборнике Материалы по крепостному праву, стр. 41, 1911, Саратов. У одного из внуков Ник. Аф. есть еще указания на долго длившийся процесс его с Козловым, повидимому, не в Саратов. губ. — Чтения в Общ. Ист. и Древ. Рос., 1912, II, Смесь, стр. 22—23. Но откуда взял В. В. Мияковский, что „Ник. Аф. много спорил с соседями из-за земли“, превращая его в какого-то сутягу, нам неизвестно. Радищев, стр. 10, II, без года.

² Ведомость казенным и владельцам землям обмежеванным в бывшее отеческое межевание по Аткарск. у., Труды Саратов. Уч. Арх. Комис., вып. 20, стр. 138—139 и 180—181; 1895. Сколько просил з. м. Ник. Аф., по ведомости выяснять нельзя, ибо встречающиеся в разных местах цифры в прошении могли быть соединены или, иначе говоря, Радищев мог просить, положим, 3000 дес., но указывать разные участки, где хотел бы из пустопорожних земель получить нар. зку. Отдельно просил сын его Андрей 1000 дес., но не получил (стр. 162). Стоит отметить, что ходатайство о земле Ник. Аф. подал, уже уйдя в отставку из губ. магистрата: он везде про то называется колл. ассессором, тогда как при должностных лицах везде обозначение занимаемых ими должностей.

ни один из тысячи душ не подумал донести на него". А „самых малых детей, двух сыновей и двух дочерей“ помещик, очевидно совершенно уверенный в крестьянах, отдал им на руки, и крестьянки, укрывая господских детей, „марали (им) лица сажею, бояся, чтобы бунтовщики не догадались по близне и нежности их лиц, что это не крестьянские дети, обыкновенно замаранные и неопрятные“.¹

Картина, рисуемая этими словами, действительно не часто могла быть наблюдаема в крепостной Руси. Речь идет в этом случае об Аблязове. А в отношении этой вотчины Николая Афанасьевича располагаем некоторым другим сторонним, притом более объективным, чем рассказ внука, материалом. И он дает подтверждение общему тону сообщения внука о Николае Афанасьевиче.

Мы ничего со стороны не знаем о поведении аблязовских крестьян в эпоху Пугачевщины. Но вот что показательно. Ревизская сказка 4-й ревизии свидетельствует, что в этом большом по тогдашним масштабам селе за 20 лет, протекших между третьей и четвертой ревизиями, не было ни одного беглого, не было ни одного сосланного волей помещика на поселение. Исключительность такого факта особенно бросается в глаза, когда просматриваешь сказки соседей Радищева, помещиков того же Кузнецкого уезда. Не только в крупных, но и мелких владениях факты побегов или отдачи на поселение отмечены в больших или меньших количествах почти постоянно. Вот несколько примеров: у Скуратова в с. Рождественском-Сюзюме из 14 душ обоего пола по 3-й ревизии ко времени четвертой бежал один; у Варыпаевой в Ст. Чирчине из 54 — один; у кн. Сибирской в Труеве-Тарлакове из 477 чел. бежало двое; у генер. Хлебниковой в Покровском-Пенделке из 198 бежали 6 человек, а у флигель-адъютанта Вас. Ник. Зубова, имевшего в с. Никольском-Новокрещенах 551 душу обоего пола в 1762 г., к 1782 г. бежало 35 человек; у полковницы Бекетовой в с. Никольском-Чаадаевке, купленном с аукциона в 1767 г., числилось 746 душ обоего пола по 3-й ревизии, из них бежало 4 женщины и „на поселение отданы“ девять крестьян, часто с женами и детьми.²

Очевидно, действительно условия жизни крестьян в Верх. Аблязове отличались от обычной обстановки помещичьего села в лучшую сторону. И создание таких условий было делом Николая Афанасьевича. Вспомним, что в 1760 и 1761-годах мать его вела дела о бежавших из Аблязова крестьянах.

Вследствие чего сложилась известная привязанность крестьян с. Аблязова к Николаю Афанасьевичу, внуки его не

¹ Русский Вестник, стр. 328—399, и Чтения в Общ. Ист. и Древн. Рос., кн. 2, Смесь, стр. 3, 1912.

² Сказки 4-й рев. по Кузнецкому у. в Облархиве в Саратове.

сообщили нам никаких подробностей. Не могут этого рассказать и наши материалы по самому свойству их. Но кое-какие намеки в ревизских сказках все же найдем. Присматриваясь к составу отданных в рекруты и „лопатники“,¹ мы видим, что из Аблязова ставили преимущественно холостую молодежь, одиночек-крестьян и очень редко семейных, дети которых по закону оставались у помещика; не освобождал их в таких случаях и Радищев. В редких фактах продажи Николаем Афанасьевичем крестьян и дворовых также не встречаем — не редких вообще в помещичьей практике того времени — „разлучений“ детей от родителей: Николай Афанасьевич продавал опять-таки или одиночек, или целые семьи, т. е., не жертвуя своими интересами, Николай Афанасьевич, видимо, старался и не разрушать крестьянских семей, не порывать насильственно родственных чувств. Повидимому, и в области экономической он, учитывая свои же интересы, не был чрезмерно требователен в поборах с крестьян и в повинностях их и, с другой стороны, как рачительный хозяин, вероятно, сам приходил на помощь в трудных обстоятельствах.

Вот такие черты отношений к крестьянам, приоткрываемые в практике Николая Афанасьевича источниками или только, к сожалению, предполагаемые, за отсутствием прямых данных, и дают в сущности понятие „доброе помещика“, которое к нему применил один из его внуков.

Впрочем, нужно оговориться, что и такое в общем благожелательное, а в значительной мере просто основанное на хорошем расчете отношение к крестьянам, связанное с личными качествами и взглядами Николая Афанасьевича, мы можем наблюдать (и должны предполагать) только в Аблязове, где всем руководил сам помещик. Как обстояло дело в других имениях, где хозяйничали разного рода „управители“, мы в сущности не знаем. А данные по наиболее крупному из них — Немцовой вотчине констатируют положение гораздо менее благоприятное, чем в Верх. Аблязове. Сказки четвертой ревизии по Немцову показывают, что на 316 человек населения в 1762 г. за 20 лет бежало четверо крестьян — все молодые или одиночки (не от рекрутчины ли?) и целое семейство в составе мужа, жены и двух детей отдано в 1771 г. на поселение. На пространстве от четвертой до пятой ревизии (всего 13 лет) бежали: одна семья из дворовых и одна крестьянская и пять одиночек-крестьян и крестьянок.

Таким образом, единого режима на пространстве всех так широко разбросанных владений Николая Афанасьевича Радищева не было. Или, говоря иначе, управление или даже

¹ Набиравшиеся правительством работники для крепостных и других работ; см. об этом термине заметку Е. Н. Кушевой в докладах Академии Наук Союза, 1929, стр. 209—212.

злоупотребление его „доверенных“, которых он не мог обуздать создавало в разных вотчинах обстановку, едва ли резко отличающуюся от того, как приходилось крестьянам в большинстве помещичьих селений.

Второе доказательство Николая Александровича в пользу того, что в вотчинах его деда „крестьянам было льготно жить“, состоящее в том, что „от других помещиков и даже из казенных селений девки охотно шли замуж в его отчину“, вызывает сомнение. Ведь реализация такого „охотного“ выхода замуж за крестьян и дворовых Николая Афанасьевича зависела не от желаний девок. В казенных селениях нужно было согласие родителей на то, чтобы их дочери из вольных становились крепостными, и дозволение властей, ведавших казенными крестьянами. В случае же взятия из вотчин помещичьих необходимо было соглашение обоих помещиков, причем тот, девка которого выходила замуж в чужую вотчину, должен был дать ей (по общему правилу за деньги) „увольнительное письмо“, а принимавший такую невесту для своего крестьянина должен был сам оплатить или жениху (его родителям) разрешить оплатить это „увольнительное письмо“. И как-раз в Аблязове меньше всего невест приводили со стороны — одинаково „из казенных селений“ или от других помещиков. На пространстве между третьей и четвертой ревизиями в сказке отмечен только один случай, когда за дворового взята „в Москве подьяческая дочь“ да один крестьянин женился на девке зятя Радищева — Петра Евгр. Аблязова, а другой на приданой за Анной Вас. Рубановской (первой жены Александра Николаевича Радищева). Все остальные браки заключены или внутри В. Аблязова, или внутри вотчин Радищева. В Немцове общение с внешним миром в брачном деле несколько интенсивнее. Но и здесь в тот же период нет ни одного случая взятия из „казенных селений“, а указаны выдачи двух крестьянок в семьи экономических крестьян. Одна девушка выдана в помещичье сельцо и семь девиц взято из-за помещиков. В период между четвертой и пятой ревизиями знаем и здесь два случая женитьбы дворовых на вольных — дочерях дьячка и дьякона чужих сел. В трех браках крестьяне Радищева взяли жен в имениях других помещиков и в двух — крестьянки Николая Афанасьевича выданы в деревни других помещиков.

Конечно, по свойству наших источников нельзя быть уверенным в исчерпывающей регистрации браков.¹ Но нам и не нужна такая точность. Общее положение устанавливается и без нее. В селениях Николая Афанасьевича преобладали, как это и естественно, браки внутри каждого отдельного, по

¹ Проверка данных рев. сказки обнаруживает, что показания их по части женской половины населения не отличаются точностью.

крайней мере, крупного пункта. Но довольно много браков, когда жених и невеста проживали в разных вотчинах его и притом совсем не соседних. В этих случаях дело едва ли обходилось без участия, даже, пожалуй, без инициативы, помещика. „Экзогамные“, если позволительно употребить здесь этот термин, браки вообще играют скромную роль и в них взятие преобладает над выданьем. Рачительный помещик старался больше умножать свое „движимое имущество“, чем отпускать крестьянок на сторону.

Кроме одного случая с дворовой в Немцове, мы не знаем и случаев отпуска на волю из имений Николая Афанасьевича.¹ Возможны два объяснения этого. Крестьяне не очень сами стремились уйти от „добротного помещика“, но и он не склонен был поощрять их в этом отношении, когда речь шла о выкупе, и не хотел, видимо, освобождать по своей воле.

Вся совокупность сделанных сейчас, несколько противоречивых наблюдений находит себе разрешение и лучше всего укладывается в системе патриархальных взаимоотношений помещика с крестьянами. Николай Афанасьевич представляется мне практиком тех взглядов на крепостное право, которые в конце 1750-х и начале 1760-х годов развивались дворянскими публицистами в журналах того времени и отдельных книгах накануне „Наказа“ и серьезной постановки крестьянского вопроса в сатирических журналах Новикова.

Подъем народного хозяйства в России, укрепление дворянского владычества, рост дворянского хозяйства в 1740-х и 1750-х годах, с одной стороны, и развитие дворянских прав и преимуществ, с другой, были почвой, на которой развивалась дворянская культура с ее требованиями лоска и удовольствий, открытых живущему чужим трудом барству. Одновременно с ростом торговли и промышленности развивал свои силы и конкурент дворянства — буржуазия. А вместе с тем начинало все заметнее становиться недовольство крепостных своим положением, бывали все чаще и все упорнее случаи „неповинований“ крестьян своим господам и открытых, оружием усмиряемых „восстаний“. В этой обстановке у вышестоящих по своему развитию помещиков вставала потребность оправдать и защитить достигнутое положение. И новички-философы с наивною смелостью, исходя из новой идеи о необходимости всестороннего развития вложенных в человека („натурой“ или богом) стремлений, отвергали старинный аскетический, стеснявший их пессимизм с его отказом от радостей земного бытия. Но они не были революционерами, они не хотели и не могли целиком порвать со стариной. И идя от того же пункта о „естественном человеке“, они выдвигали руководителем

¹ Имею в виду данные рев. сказок и актовых книг Саратов. палаты гражд. суда, где регистрировались отпускные.

человеческого поведения разум, который должен остеречь от крайностей, должен показать преимущество вечных духовных благ перед низменными страстями. Смирняя последние, разумный человек устремляется к добродетели, и в ней любовь к ближнему, помощь ему в борьбе со злом, займет первое место. Так новое „мирское“ учение, оправдывающее прятие жизни, сочеталось с элементами старого церковного. Но тут же и начало оправдания высшими принципами крепостных отношений. Этот ближний, которому просвещенный разумный человек (в понимании авторов он, конечно, синоним дворянина) должен помочь разбираться в окружающем мире, указать добро и зло, — это и есть русский крестьянин. Старая педагогическая точка зрения Петра — „народ наш, яко дети“ получила ограничительное истолкование. Пройдя, хотя и принудительно, петровскую школу, дворяне сами перешли в педагоги, обязанность которых перед богом и людьми обучать своих подданных, продолжавших оставаться детьми. Крепостной порядок оказывался необходимой школой социального и всякого иного воспитания крестьянской массы, а благородное дворянство российское обременялось ответственной обязанностью руководствовать к лучшему будущему своих детей-крестьян. Получилась полная идиллия, рисовались чуть ни счастливые времена золотого века. Правда, могли вставать и сомнения: но ведь в естественном состоянии все люди равны, как примирить с этим такую картину неравенства? А с другой, естественно возникало опасение: значит, крепостной строй непрочен?, вырастут духовно дети-крестьяне и функции помещика-отца окажутся ненужными? О последнем в счастливую пору роста не думали: когда-то еще это будет! А на первое ответ был готов: „Хотя все люди в натуральном состоянии между собой равны, однако, не все достойны равного мнения, чести и похвалы. Ибо равными только для того называются, что имеют одни права и обязанности, но не всяк имеет те совершенства, от которых достоинство мнения, чести и похвалы зависит“. Эти „совершенства“, накапливаясь преемственно, и создали просвещенное и благородное дворянство; неимеющие их коснеют в „подлости“. ¹

Так ли рассуждал вместе с „лучшими“ в своем поколении Николай Афанасьевич или просто исходил из правильно понятых интересов хозяина, только его практика близка к этой теории. Факты заставляют думать, что для него права помещика были незыблемы, но в использовании их он, очевидно, в меру возможного считался с интересами и чувства-

¹ Публицистика середины XVIII века, к сожалению, изучена еще очень мало. Общую характеристику дворянского мировоззрения этой поры, но оторванного от питавшей его основы, можно найти у П. Н. Милюкова в Очерках по истории русской культуры, часть 3, вып. 2, стр. 62—63, 81, изд. 1904 и у В. Боголюбова, Н. И. Новиков и его время, стр. 32, М., 1916.

ми крестьян, и тем вызывал в них к себе признательность и привязанность.

В духовный облик Николая Афанасьевича, как он складывается по частям из приведенных данных, надо внести еще одну черту — религиозность, и мы исчерпаем, кажется, весь материал. Но его религиозность не была похожа, сколько можно судить, на отвлеченные умствования или мистические увлечения разных групп русских масонов. Николай Афанасьевич был просто православный человек в обычном смысле этого термина и со всеми присущими ему житейскими чертами. Мы знаем, как он был возмущен женитьбой Александра Николаевича на свояченице, видя в этом грех, не примирился с этим до конца и собирался протестовать против присвоения детям Александра Николаевича от второй жены фамилии Радищевых. Мы увидим еще, как под конец жизни он в духе московской старины искал спасения своей душе. Внук даже назвал его очень „суеверным“. ¹

Чтобы оживить собранный по кусочкам материал, чтобы почувствовать за этими обрывками целостную личность, нам как-будто не остается лучшего средства, как вспомнить образ, созданный художником-современником. Николай Афанасьевич Радищев, как он представляется мне, более всего близок из фигур современников к Стародуму Фонвизинского „Недоросля“. Они принадлежат к одному поколению, оба они дети петровских служак. Оба „достають деньги“ от земли, „не променявая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества“, от земли, „которая . . . платит одни труды верно и щедро“. ²

И тот и другой люди просвещенные и религиозные, хотя, может-быть, и неодинаково учились. Один не захотел блистать при дворе, другой отказался от жизни в высшем кругу. Оба как-будто одинаково тяготеют службой в тогдашней ее постановке. ³ Наконец, один словесно осуждает „злонравие“ и „бесчеловечие“ Простаковых, но отнюдь не отрицает крепостного права, считая только, что „угнетать рабством себе подобных незаконно“, ⁴ другой своим отношением к крестьянам добивается их покровительства в бурную пору Пугачевщины.

Я не хочу сказать, что Стародум Фонвизина скопирован с Николая Афанасьевича Радищева или, наоборот, последний был живым Стародумом действительности. Но думается мне, что правы будут те, кто, желая наполнить плотик и кровью

¹ Русский Вестник, стр. 398 и 421.

² Слова Стародума о себе во 2-м явлении III действия.

³ Стародум считает, что дворянин может уйти в отставку, „когда он внутренне уверен, удостоверен, что служба его отчеству прямой пользы не приносит“ (д. III, явл. I), но ушел в отставку, обойденный наградой.

⁴ Действие пятое, явление I.

бледные и разрозненные черты, предлагаемые материалами для Николая Афанасьевича, воспользуется ярким типом, созданным пером Фонвизина.

Но Стародум вырос и сложился на почве доекатерининского времени. В 1780-х и тем более 1790-х годах он уже пережил себя.

Я имею в виду не то, что его взгляды, как подчеркивал создатель этого типа, старели. Уходила из-под ног основная база, питавшая людей такого типа.

Пугачевщина была большим ударом для помещичьего хозяйства и не только в районах, где непосредственно кипело крестьянское восстание. Но и после Пугачевщины не видим исцеления экономики дворянства. Процесс этот остается еще невыясненным. Но кризис, переживаемый дворянством, становится все яснее и показательнее по мере изучения новых материалов. Можно, кажется, сказать, что сильнее были поражены центральные районы, но постепенно захватывались и окраины, в том числе и Саратовский край, где хозяйничал Николай Афанасьевич.

Мы уже видели, как дворянство хваталось за всякие операции, чтобы поддержать свой хромающий бюджет. Николай Афанасьевич упорно или упрямо держался земледелия, ища выхода из кризиса в прирезке новых земель.

Но по этому пути шли и многие другие. И, видимо, спасение не приходило. Чтобы не отходить далеко и вместе познакомиться с окружением Николая Афанасьевича, посмотрим, что делают его родственники. Вот его старшая дочь Марья Николаевна, выданная замуж в 1770 г. за Петра Евгр. Аблязова, бывшего потом прокурором во Владимире. К 1782 г. она была уже вдовой. У нее, кроме приданных, были деревни мужа, матери мужа — всего более, чем в 15 селениях только в Саратовском и Пензенском наместничествах проживали ее крестьяне (более 1700 душ по 4-й рев.). При раздаче земель в Саратов. губ. она получила свыше 4500 десятин. Но ее хозяйство прямо на наших глазах идет к краху. Мы видим, как она занимает в 1782 г. 2000 руб. из „квадратной суммы“ под залог 160 душ крестьян, а в 1788 г. из Госуд. заемного банка уже 6500 руб. на 20 лет опять под залог имений, причем даже на второй год Марья Николаевна оказалась не в состоянии внести проценты и очередной платеж в погашении долга, и в 1790 или 1791 г. имение было описано. Николай Афанасьевич хлопотал, чтобы имение дочери было отдано ему в опеку, но, в силу решения Сената, оно ведалось дворянской опекой. Пришлось распродавать отдельные деревни, и в 1800 г. в описанном имении по Саратовской губ. числилось всего 1036 душ.¹

¹ Рев. сказки 4-й рев. по Саратов. губ., Труды Саратов. Уч. Арх. Ком., вып. 20, стр. 144—145, 178—181, 186—187; книги Саратов. палаты гражд. суда,

Примерно ту же картину наблюдаем в жизни Дубенского, женатого на сестре Николая Афанасьевича Анне, и Шевырева, женатого на другой сестре Радищева Александре. Это помещики средней руки и, очевидно, не с таким размахом жизни, как у Радищева и Аблязовой. Но и они не могут жить на доход с имений. Берут в долг, где удастся, продают крестьян и, по всему видно, еле-еле сводят концы с концами.¹ И выйдя из круга Радищевых, встретимся с теми же явлениями. Да, не легко давались саратовским помещикам 1780-е и 1790-е годы.

Но и в годы затруднений Николай Афанасьевич Радищев крепился, пока мог. Как не шел он на различные новые хозяйственные операции и махинации, так старался не обращаться к займам. Но обстановка становилась все труднее. И вот мы видим, как в 1783 г. из Верх. Аблязова в два приема продается 5 семей и два крестьянина-одиночки.²

В 1787 г. погашая долг своего старшего сына-писателя, Николай Афанасьевич берет из банка 4000 руб. и в том же году для себя занимает из Приказа обществ. призрения 1000 руб. В 1788 г. он получает из того же учреждения 600 руб. и, как мы уже знаем, под залог только что купленных в Дворян. Терешке крестьян достает у частного лица 5000 руб. В залог по этим займам ушло свыше 300 душ из саратовских имений.³ А в 1791 г. в С.-Петербургских ведомостях появляется объявление о продаже клинских деревень.⁴

В 1795—96 г. опять перед нами показатели неблагоприятия в состоянии денежных дел у Радищевых. Начатое в 1795 г. по их прошению дело о внесении фамилии Радищевых в дворянские книги Саратов. губ. было закончено 16 ноября того же года положительным решением депутатов, но, „за невзномом от них, гг. Радищевых, следующих в дворянскую казну за внесение рода их в родословную книгу денег“, „исполнения последовать не могло“. А внести нужно было всего не выше 200 руб.⁵

Также и в конце 1796 г. не уплатил Николай Афанасьевич полагавшихся с него 64 р. 26 к. за „справку и отказ за него движимого и недвижимого имения“ в В. Аблязове. Внесены были эти деньги уже 17 апреля 1798 г.⁶ и то, очевид-

№ 2860, дело № 24 и вязка 59, дело 2129, дела серии „сенатские“ в рукоп. отд. библиотеки Общ. краеведения в Саратове, № 12, листы 492, 494 об., 495, 508 об. и 781 (теперь в Облархиве).

¹ Материал тот же; пестрить построчными ссылками уже не буду.

² Саратов. палата гражд. суда, кн. № 2883, в вязке № 87, записи под №№ 21 и 38.

³ Назв. материалы, вязка № 84, книги №№ 2939 и 2940.

⁴ № 66, стр. 1344; о том, что это объявление Радищевых, см. выше стр. 341, пр м. 4-е.

⁵ Дело „Радищевых“ и ст. 85 жалов. грамоты дворянству.

⁶ Саратов. палата гражд. суда, вязка № 17, дело № 656.

но, только вследствие необходимости иметь справку для новой финансовой операции.

В 1798 г. слепой старик вынужден был дать детям согласие на заклад 150 душ из В. Аблязова для „требования вспоможения“ из Госуд. вспомогательного банка для дворянства.¹

Так тяжело сложился закат дней для Николая Афанасьевича. Не легко человеку переживать крушение своего благополучия. Но для Радищева дело здесь было не просто в начинающемся разорении. Ведь крушение наступало не в зависимости от какой-либо внешней и внезапной катастрофы, оставляющей для религиозного человека, каким был, как знаем, Николай Афанасьевич, утешение или успокоение, что такова воля божья. Но медленные, нарастающие затруднения могли восприниматься как крушение всей хозяйственной системы Радищева. А это обозначало крах в общей системе его мировоззрения. Ударом для Николая Афанасьевича, верноподданного и честного консерватора, если мы правильно интерпретируем его образ, были арест и ссылка старшего сына за книгу, „наполненную самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти Царской“,² т. е. шедшими против основ социальных и политических взглядов самого Николая Афанасьевича. Убитый горем старик ездил в столицу, повидимому, с целью что-либо предпринять для смягчения участи сына, устраивал поездку младших внуков с их теткой в Сибирь, послав в провожатых сына, отправил и старших внуков в Архангельск к другому сыну Моисею, которому поручил их воспитание Александр Николаевич; кажется, для покрытия долгов сосланного и предназначена в продажу „подмосковная“.³

В связи с делом Александра Николаевича отцу пришлось пережить и еще одно тяжелое испытание.

„Мать Радищева, Фекла Степановна, лежала в параличе с того времени, как любимого ее сына сослали в Сибирь“, сообщает нам ее внук.⁴

Наконец, припомним, что в 1794 г. Николай Афанасьевич ослеп.

¹ Саратов. палата гражд. суда. вязка 59, дело № 2160. Свидетельство на залог дано 01 мая.

² Слова из указа сенату 4/IX 1790 г., содержавшего приговор по делу Радищева в Полн. собр. сочинений его, II, стр. 348.

³ Архив кн. Воронцов, кн. пятая, 1872, стр. 401. О Клинской вотчине сын Радищева писал, что ее Ник. Аф. „дал“ Александру Никол. „на zapлату долгов“ и последний по возвращении из Сибири „отдал“ ее за долг Аблязовым, Русский Вестник, 426. Проверить этого не можем.

⁴ Русский Вестник, стр. 421.

В потоке несчастий Николай Афанасьевич искал утешения в религии, притом в формах самых старорусских. Для умилостивления карающего бога он, по примеру отца, строит в 1800 г. храм, но не каменный собор — это ему теперь не по средствам — а скромную деревянную церковку на кладбище В. Аблязова.¹ В отношении собственного поведения он совсем отказывается от мирского жития и становится полумонахом-отшельником. Вот как описывает его в эти годы внук, передающий здесь собственные яркие впечатления юности.

Приехав в 1798 г. в Аблязово со всеми детьми, Александр Николаевич „нашел отца своего Николая Афанасьевича слепым, отпустившим бороду, в простом кафтане, подпоясанным ремнем. Он жил тогда на пчельнике в лесу, в пяти верстах от своего села Преображенского, которое он отдал своим детям, а сам проводил время в молитве, по большей части в обществе какого-нибудь монаха, а чаще с отцом Палладием Саровской пустыни, отпущенником зятя его Аблязова. Впоследствии Николай Афанасьевич отправился совсем на житье в Саровскую пустынь, наиболее всех монастырей им облагодетельствованную, но не мог ужиться с монахами, вступаясь в дела управления монастырем, и потому возвратился на свой пчельник, где и жил до своей кончины“.²

Когда точно умер Николай Афанасьевич, мы не знаем. Своего старшего сына, умершего в ночь на 12 сентября 1802 г., он пережил, но в „списке“ при прошении сыновей от 23 июня 1806 г. при имени его стоит отметка „умре“.³

Итак, самый смелый в XVIII веке борец против крепостничества родился и вырос в семье крупного и богатого помещика, как и обвиняемые молвой в сообщничестве с ним и действительно покровительствовавшие ему гр. А. Р. Воронцов и кн. Ек. Р. Дашкова принадлежали к слою еще более крупных землевладельцев, как и несколько позже, в начале XIX века, наиболее либерально-настроенными (хотя и не умевшими ничего сделать) в крестьянском вопросе были крупные земельные магнаты (впрочем, вместе и промышленники) „друзья“ Александра I:

¹ Справочная книга Сарат. епархии, стр. 279, № 505. Саратов. 1912. В основе лежат сообщения с мест из „клеровых ведомостей“.

² Русский Вестник, стр. 421.

³ Русский Вестник, стр. 421 и 422—23; „Дело“ Радищевых.

Б. КОПЛААН

**ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА
„ПОЧТЫ ДУХОВ“ (1789 г.)**

Б. КОПЛАН

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА „ПОЧТЫ ДУХОВ“ (1789 г.)

„L'empire de la satire, dans tous les temps, s'est répandu, comme le dit Juvénal, depuis le trône jusqu'à la taverne“ (Mercier).

I

Десятая глава „Мемуаров“ Массона, посвященная „жертве политической инквизиции“ — Радищеву,¹ послужила первопричиной вопроса о том, кто писал в „Почте духов“ — сатирическом журнале 1789 г.

Неосторожная фраза Массона о Радищеве: „Il cultivoit les lettres et avoit déjà publié un ouvrage intitulé: P o t s c h t a D o u k o w (La Poste des esprits), la production périodique, la plus philosophiques, et la plus piquante qu'on ait jamais osé publier en Russie“² помогла А. Н. Пылину в вопросе об авторстве „Почты Духов“ поставить имя Радищева рядом с именем младшего его современника И. А. Крылова, который признавал „Почту Духов“ за свой труд.³ Возражая Я. К. Гроту на его суждение о письмах „Почты Духов“, как „одной картине, в которой трудно отличить участие разных авторов“,⁴ А. Н. Пыпин признавал, что все единство, какое есть в „Почте Духов“, „заключается в ее сатирической или, вернее, обличительной

¹ Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I, t. II, Paris, An VIII (1800). Dixième cahier: Education, p. 188—191.

² Mémoires, p. 189; в примечаниях также сказано: „Potschta Doukow ouvrage périodique de Radischeff, défendu à Pétersbourg“.

³ А. Пыпин. Крылов и Радищев. Кто писал в „Почте Духов“? — Вопрос из истории русской литературы прошлого века. — Вестник Европы, 1868, май, стр. 420—436.

⁴ Я. К. Грот. Сатира Крылова и его „Почта Духов“. Труды, т. III, СПб., 1901, стр. 270.

цели“, А. Н. Пыпин указывал при этом на различные приемы обличения: „в одних письмах мы встречаем почти только сцены из непосредственной жизни... без дальнейших отвлеченных рассуждений; другие, напротив, больше заняты общими соображениями о недостатках общественной жизни, ее устройства и обычаев и рассуждениями о предметах нравственности“. „Крылов едва ли был автором писем второго, отмеченного нами разряда, — говорит А. Н. Пыпин, — между прочим и потому, что в этих последних можно заметить известную начитанность, которую трудно предположить у тогдашнего двадцатилетнего Крылова“¹. И Пыпин склонен приписать Радищеву письма второго разряда, „в особенности письма сильфа Дальновида“,² находя в них литературную манеру Радищева — „наклонность к общим вопросам, к критике общественных порядков и известную свободу литературного изложения привычку вспоминать знаменитых мыслителей . . . , приводить исторические примеры и т. п.“³

Я. К. Грот вполне справедливо критиковал мнение Пыпина: „когда нет никаких внешних данных для решения вопроса, кем именно писаны разные статьи „Почты Духов“, то для достижения путем исследования какого-нибудь более удовлетворительного результата необходимо, по крайней мере, вполне исчерпать все внутренние доказательства“.⁴ Далее Грот предлагает рассмотреть всю „Почту Духов“ в отношении к содержанию и языку и в этих целях: 1) сравнить все письма „П. Д.“ между собою; 2) сравнить каждое из них с теми статьями „Зрителя“ (1792 г.) и „С.-Петербургского Меркурия“ (1793 г.), которые несомненно принадлежат перу Крылова, и 3) сравнить все письма „П. Д.“ с сатирическими статьями, также несомненно принадлежащими Крылову.⁵

В другой статье⁶ Грот сделал очень веское замечание: „Если б Крылов сам, при жизни, указал на свою долю труда, то, вероятно, издатели не упустили бы опереться на такое важное свидетельство. Но так как нет ни таких признаков,

¹ А. Н. Пыпин, *Op. cit.*, стр. 430.

² *Op. et loc. cit.*

³ *Op. cit.*, стр. 429.

⁴ Я. К. Грот. Дополнительное биографическое известие о Крылове. Труды, т. III, СПб., 1901, стр. 243, прим. 2.

⁵ *Ibid.*

⁶ Сатира Крылова и его „Почта Духов“. Труды, т. III, СПб. 1901, стр. 270.

П О Ч Т А
Д У Х О В Ъ ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ,

ИЛИ

Ученая, Нравственная, и Критическая переписка Арабскаго Философа *Маликульмульни* съ водяными, воздушными и подземными Духами.

Ч А С Т Ъ . I .

Печашано съ дозволенія указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1789 ГОДА.

ни такого свидетельства, а между тем известно, что Крылов признавал „Почту Духов“ за свой труд и во всяком случае был главным ее редактором, то приходится включить всю ее в состав его сочинений“. Это положение Грот подкрепляет указанием на следующий важный внешний признак: „В извещении об издании „Почты Духов“ Крылов называет себя секретарем ученого Маликульмулька, решившимся выдавать переписку этого волшебника с разными духами, и прибавляет, что так как он сам не имеет достаточных средств для напечатания сих писем (ибо-де место секретаря у ученого человека очень бесприбыльно), то и просит публику подписаться на этот сборник. Извиняясь потом в несвоевременном выходе первой книжки, мнимый секретарь Маликульмулька заявляет себя „издателем сих листов“, издание же их называет „своим предприятием“ и ссылается на свою „непривычность“ или, другими словами, неопытность. В таком же точно смысле написано общее „Вступление“ к письмам, в котором опять идет речь об одном секретаре, т. е. одном авторе или, по крайней мере, редакторе „Почты Духов“. С этим согласно свидетельство И. П. Быстрова, который, со слов Крылова, говорит, что Рахманинов, быв его товарищем по изданию „Почты Духов“, давал ему материалы („Северная Пчела“, 1845, № 203)“.¹

Мнение А. Н. Пыпина, поддержанное и развитое в последующей литературе о Радищеве и Крылове Алексеем Веселовским, А. И. Лященко, Л. Н. Майковым, А. А. Гавриленко, З. И. Чучмаревым и М. Жижка (см. ниже), базировалось еще на факте опубликования П. А. Плетневым в первом „Полном собрании сочинений И. А. Крылова“ (1847 г.) лишь восемнадцати писем из „Почты Духов“ с таким примечанием: „Из этого издания помещены здесь только те письма, которые сочинены И. А. Крыловым“. Плетнев напечатал „Вступление“ к „Почте Духов“, все письма Зора (письма I, VI, IX, XI, XIV, XVII, XXIII, XXX, XXXIX, XLII, XLIV и XLVI), Буристана (письма III, XVI, XXVI, XXXVI; письмо XII Плетнев не напечатал, повидимому, из цензурных соображений: в этом письме обличаются сановные казнокрады) и Вестодава (письма XXI и XXXIV).

¹ Я. К. Грот, *op. cit.*, стр. 270—271.

Плетнев, таким образом, оставил полную возможность гадать об авторе или авторах 26 писем духов: Бореида (п. XLI, XLVII), Дальновида (письма II, IV, VII, XX, XXII, XXIV, XXV, XXIX, XXXI, XXXIII, XXXVII), Астарота (письма V, XVIII, XXXII, XXXVIII), Световида (п. VIII, X, XIII, XV, XIX, XLIII) и Выспрепара (п. XXVII, XXXV, XLV), письма Емпедокла и двух писем Маликульмулька (письма XXVIII и XLVII).

Но только ли 18 писем из всей „Почты Духов“ принадлежат Крылову? Можно ли всецело полагаться на выбор Плетнева,¹ если XII письмо (Буристона), теснейшим образом примыкающее к остальным письмам Буристона, а также к письмам Зора и Вестодава, не было включено Плетневым в собрание сочинений Крылова, если письма Бореида, ничем не отличающиеся от писем упомянутых духов, также не были присоединены к ним, что нарушило цельность общей картины, какую рисуют все эти письма единого жанра бытовой сатиры.

Если у редактора Плетнева отпало одно письмо „П. Д.“, по всей вероятности, по причинам цензурным,² то ведь тем более не пропустила бы цензура в 1847 г. опасные в политическом смысле философические письма Дальновида, Выспрепара, Астарота.

Помимо указанной публикации П. А. Плетнева, для сторонников того мнения, что в „Почте Духов“ писал не один Крылов и что в этом журнале участвовал Радищев, важным аргументом казалось свидетельство И. П. Быстрова в его „Отрывках из записок об И. А. Крылове“³:

„В 1789 году издавал он еженедельный журнал под названием Почта Духов. Товарищем ему был Рахманов (т. е.

¹ В. В. Калаш замечает: „Плетнев ни одним словом не оговорился, почему именно эти письма он приписал Крылову (этого не знал даже такой близкий к нему человек, как Я. К. Грот). Несомненно, при выборе материала для своего издания из журналов он не руководился указаниями самого Крылова — иначе он не приписал бы Крылову; стихотворений Карабанова . . . , не отверг бы произведений, безусловно ему принадлежащих. Вероятнее всего он опирался на собственные соображения и сближения, в лучшем случае на указания Лобанова или Быстрова“ (П. т. с. Крылова, II, стр. 306—307).

² Я. К. Грот (Труды, III, стр. 268) отмечает: „Известно, в каких неблагоприятных обстоятельствах находилась в 40-х годах наша литература“.

³ Северная Пчела, 1845, № 203.

Иван Рахманинов. — *Б. К.*), которого Иван Андреевич любил за остроту его ума, за откровенность и веселый нрав. „Помнится, мой милый, что раз поссорились мы с Рахмановым за то, какое название дать журналу... Пельский, кажется, помирил нас... Ну, Рахманов хорошо был учен: знал языки, историю, философию... Он давал нам материалы... Это подлинные слова Ивана Андреевича...“ Далее Быстров вспоминает другой разговор его с Крыловым по поводу его стихотворения „К счастью“. Быстров спросил: Иван Андреевич, за что вы пеняете на фортуна, когда она так милостива к вам? Крылов отвечал: „Ах, мой милый; со мной был случай, о котором теперь смешно говорить; но тогда... я скорбел и не раз плакал, как дитя... Журналу не повезло; полиция, и еще одно обстоятельство... да кто не был молод и не делал на своем веку проказ...“

В этих воспоминаниях Крылова об издании „Почты Духов“, передаваемых Быстровым, А. Н. Пыпин и его единомышленники в вопросе об авторстве „Почты Духов“ вычитывали признание самого Крылова о его сотрудниках по журналу, а в намеках Крылова на какое-то печальное обстоятельство готовы были усмотреть трагическую судьбу Радищева, якобы повлиявшую на литературную жизнь Крылова.

А. И. Лященко с уверенностью заявляет, что Крылов „во всяком случае не был единственным вкладчиком в журнал“ и что Рахманинов, „повидимому, тоже был не только издателем“. ¹ Именно в предполагаемом участии Радищева в „Почте Духов“ В. Андреев ищет разъяснения, почему Крылов вскоре после суда над Радищевым должен был оставить государственную службу. ² „По выходе „Путешествия из Петербурга в Москву“ какие-то темные обстоятельства заставили Крылова закрыть типографию и прекратить журнал“, пишет А. Н. Пыпин. ³ Но следует вспомнить, что „Почта Духов“ прекратилась на августовской книжке 1789 г., задолго до появления „Путешествия“ Радищева; закрытие же типографии

¹ А. Лященко. Биография И. А. Крылова. Исторический Вестник, 1894, ноябрь, стр. 497.

² В. Андреев. И. А. Крылов. Русский Инвалид, 1868, № 31, стр. 3.

³ Крылов и Радищев. Вестник Европы, 1868, май, стр. 424.

Крылова и прекращение журнала (не „Почты Духов“, а „С.-Петербургского Меркурия“) относится к 1793 г.¹

Опубликованные В. В. Каллашом документы,² касающиеся издательской деятельности Рахманинова, говорят за то, что „Почта Духов“ печаталась в его типографии. Рахманинов „хорошо был учен: знал языки, историю, философию“; он „давал материалы“ Крылову для „Почты Духов“, как рассказал об этом сам Крылов Быстрову (см. выше). Но нельзя не согласиться с П. Е. Щеголевым в том, что „речь тут, очевидно, не о готовых статьях, а именно о материалах, сообщениях“.³

В дальнейшем мы остановимся на вопросе о том, какие материалы мог предоставлять Рахманинов Крылову. Здесь же необходимо отметить, что следов литературного стиля и языка Рахманинова, насколько мы можем судить о них по известным его переводам 1780-х гг. сочинений французских писателей (преимущественно Вольтера и Мерсье), в „Почте Духов“ не найти. Для образца предлагаем два отрывка из переводов Рахманинова. Из „Аллегорических, философских и критических сочинений Г. Вольтера“ (СПб., 1784, стр. 138) (о Лейбнице): „Он казался быть заблуждающимся в метафизике, но в сем случае поступал обще со всеми теми, кои хотели издать особливые системы...“ Из сочинения Мерсье „Мой спальной колпак“ (СПб., 1789, стр. 8): „Единое токмо человеческое око может обозревать целые протекшие веки, яко кратчайшие минуты...“⁴

„Смелость и оригинальность“ (по выражению А. И. Лященко) писем Дальновида в „Почте Духов“ заставляет исследо-

¹ Я. К. Грот (Труды, т. III, стр. 244) пишет: „Едва ли можно принять что Крылов вышел из Кабинета по неприятностям за свою литературную деятельность. В таком случае она не могла бы так скоро после того (т. е. после 7 декабря 1790 г.), именно с начала 1792 г., возобновиться с прежним направлением еще в больших размерах и притом так открыто, на этот раз уже с именем Крылова во главе типографии и журнала („Зрителя“).

² Полн. собр. соч. Крылова, т. II, П., 1904, стр. 313 и сл.

³ П. Е. Щеголев. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789 г.), СПб., 1908, стр. 4.

⁴ О Рахманинове см. В. П. Семенников. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX века и для библиографии книг, в них напечатанных. Русский Библиофил, 1913, № 7 и отд. оттиск, стр. 22 и сл.; Ф. А. Витберг. Первые басни И. А. Крылова, СПб., 1900, стр. 42—43.

вателей этой сатиры искать автора развитого, начитанного, даже философски образованного. Таким не был, по их мнению,¹ Крылов. Зато Радищев — просвещенный мыслитель, смелый философ. Только он один мог затронуть в „Почте Духов“ такие темы, как правители, придворные, истинно-честный человек и т. п. Сторонники такого мнения (после А. Н. Пыпина — А. И. Лященко,² Алексей Веселовский,³ Л. Н. Майков,⁴ А. А. Гавриленко⁵ сличали философические письма „Почты Духов“ с „Путешествием“ Радищева и находили некоторые параллели. „Некоторые задушевные мысли Радищева (пишет А. И. Лященко) несомненно можно прочесть и в журнале Крылова (. . . укажу только некоторые совпадения: отрицательное отношение к победителям . . . ; „мизантропы полезны в государстве“ . . . ; идеал государя . . . ; основа семейного счастья — целомудрие, отсутствие ревности . . . При этих совпадениях не могут быть случайны и суждения о суетности мира и счастье в нас самих . . .)“.

Изучение IV письма (Дальновидца) о мизантропах приводит А. Веселовского к решению об авторстве Радищева: „Не говоря уже о том, что во всем этом этюде о мизантропах сказывается в каждой строке развитие и начитанность, в ту пору немислимые у полуобразованного Крылова, сама основа статьи, представляющей широкое развитие . . . мысли из „Путешествия“ (глава „Спаская Полесь“). Сон: Царь и Истина. — Б. К.), и тождественность некоторых мест в обоих произведениях вполне убеждают нас в этом“.⁶

См., напр., Алексей Веселовский. Этюды о Мольере, Мизантроп, М., 1881, стр. 169.

² А. Лященко. Биография И. А. Крылова. Исторический Вестник, 1894, ноябрь, стр. 497—499.

³ Алексей Веселовский. Этюды о Мольере, М., 1881, стр. 168—170; Этюды и характеристики, 3-е изд., М., 1907, стр. 127 и сл.; Западное влияние в новой русской литературе, 3 изд., М., 1906, стр. 100—101.

⁴ Л. Майков. Историко-литературные очерки, СПб., 1895, стр. 36, прим. 2.

⁵ А. А. Гавриленко. А. Н. Радищев и его ссылки. Биографический очерк. Вестник Европы, 1907, июнь, стр. 502.

⁶ Алексей Веселовский, *op. cit.*, стр. 169. В книге „Западное влияние в новой русской литературе“ (3-е изд., М., 1906, стр. 100—101). А. Веселовский повторяет: „Примкнув к редакции крыловской „Почты Духов“, он (Радищев) в одной из лучших статей этого журнала (письмо IV — Б. К.), носящей несом-

Л. Н. Майков¹ склонен приписать Радищеву письма Дальновида и Выспрепара, „особливо письма 20-е, 22-е, 24-е и 27-е, которые как по мыслям, так и по своему тяжелому слогу, напоминают „Путешествие из Петербурга в Москву“. А. А. Гавриленко² утверждает, что к письмам „носящим, слишком явные признаки и стиля и идей Радищева, принадлежат некоторые письма Астарота (V, XVIII) и письма сальфа Дальновида“.

Менее категоричен в вопросе о Дальновиде-Радищеве Н. П. Сильванский.³ Он определяет, что „в большей части писем сальфа Дальновида (числом 11) . . . ни в их стиле, ни в развитии мыслей нет прочных признаков авторства Радищева. В письме даже встречаем необычную для него уверенность в личном бессмертии. В письме XXIV встречаем несвойственный ему тон отношения к крестьянам . . . Напротив, письмо XXII, тоже сальфа Дальновида, и по литературной манере и по мыслям близко к Радищеву . . . Участие Радищева в „Почте Духов“ едва ли было значительно, потому что как раз в то время, когда она издавалась, он работал над своим „Путешествием“. Все же Н. П. Сильванский отмечает, что „некоторые из писем этой „Почты“ несомненно в той же мере далеки от стиля Крылова, в какой они близки к стилю и содержанию произведений Радищева“.⁴

Последний редактор Полного собрания сочинений И. А. Крылова (1904—1905 г.) В. В. Каллаш, настаивая на аргументации Я. К. Грота, приведенной нами в начале статьи, включил в сочинения Крылова „Почту Духов“ полностью. Каллаш взял под подозрение осведомленность иностранца Массона⁵ о литературной деятельности Радищева: из его из-
 ненные следы его авторства, заступился за право подобных глашатаев правды (т. е. мизантропов.—Б. К.) возвещать ее безбоязненно всем . . . Год спустя после этой журнальной статьи он снова в „Путешествии“ развил ту же мысль, воздавая хвалу Мольеру за глубокое, верное истолкование характера и значения независимых личностей в их борьбе с обществом . . .“

¹ Ор. cit.

² Ор. cit.

³ Н. П. Сильванский. Жизнь Радищева. А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, СПб., 1905, стр. 287—288.

⁴ Н. П. Сильванский, ор. cit, стр. XXVII.

⁵ Шарль Франсуа Филибер Массон (1762—1807), автор „Мемуаров“, приехал в Россию в 1786 г.; в 1789 г. он был назначен адъютантом президента военной коллегии Н. И. Салтыкова; в 1795 г. он стал секретарем вел. кн.

даний и сочинений Массон знает только „Путешествие“ и „Почту Духов“ и не упоминает вовсе о „Житии Ушакова“ и „Письме к другу“; кроме того, он называет Радищева издателем „Почты Духов“, в то время как фактическим издателем был Крылов. „До Массона дошли, вероятно, какие-то слухи об участии Радищева в „Почте Духов“, и он придал им слишком абсолютное значение“, — так заключает В. В. Каллаш.¹

Разница в содержании писем „Почты Духов“ вообще и в стиле писем сатирико-бытовых и сатирико-философских, разница, которая навела А. Н. Пыпина и некоторых других исследователей на мысль о соавторах Крылова, не смущает В. В. Каллаша. По его мнению, эта разница „может указывать как на разных авторов, так и на влияние различных тем“. „Ее можно указать и в сочинениях, безусловно принадлежащих Крылову“, добавляет Каллаш.

Однако суждения В. В. Каллаша не прямолинейны: он все же готов высказать „в виде предположения“, что „Выспрепар, Астарот и Дальновид очень напоминают литературную манеру Радищева; Световид — скорее всего Рахманинов. По некоторым письмам могла пройти редакторская рука Крылова, — чем могут объясняться частичные совпадения с его подлинными сочинениями“.² И в подстрочных примечаниях к XX, XIV и XLV письмам „Почты Духов“ В. В. Каллаш возвращается к осторожному предположению об авторстве Радищева.³

Александра Павловича. В 1796 г. Массон был выслан за границу. Опасаясь обыска, он сжег свои „Мемуары“. Таким образом, он их восстановил по памяти уже за границей. См. В. А. Бильбасов. История Екатерины, т. XII, ч. 2, стр. 66—67. Между прочим, Массон в „Мемуарах“ упоминает петербургского обер-полицеймейстера, но перевирает его имя, называя его: „Kleie.“ (и в тексте и в примечаниях) вместо Рылеев.

¹ Полн. собр. соч. И. А. Крылова, т. II, СПб., 1904, стр. 310. В биографическом очерке о Крылове (П. с. с. Крылова, т. I, стр. XXXV—XXXVI) В. В. Каллаш считает, что главную роль в „Почте Духов“ играл Крылов. Сам Крылов говорил (пишет Каллаш), что Рахманинов давал им (значит, издателей было несколько) материалы. Под этим он мог понимать как готовые статьи, так и сырой материал, который потом обрабатывался другими.

² В. В. Каллаш. (Вступительная статья к „Почте Духов“ в П. с. с. Крылова, т. II, стр. 311—313.

³ П. с. с. Крылова, т. II, стр. 476 прим., 478 прим., 510 прим., т. III, стр. 162 прим.

II

П. Е. Щеголев в статье „Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева“¹ (1789 г.) вновь поставил вопросы: 1) один ли Крылов был автором всех писем „Почты Духов“, или он имел сотрудников и 2) был ли в числе его сотрудников А. Н. Радищев. Основные положения Щеголева, разрешающие эти вопросы, сводятся к трем моментам:

1. „Перечитывая теперь „Почту духов“ — ряд писем, которыми обмениваются духи и которые рисуют картину общественных пороков, — трудно допустить, что они писаны разными авторами; если же допустить это, то все-таки надо представлять себе дело так, что все авторы действовали по указке одного, выработавшего форму изложения и наблюдавшего за применением правил и распределением тем. Но главным лицом в журнале был двадцатилетний Крылов. С трудом верится, что по его указанию действовал сорокалетний Радищев“.

2. „У Радищева своеобразнейший стиль (по словарю, эпитетам и синтаксису), легко отличимый, и... стиль „Почты Духов“ совсем не похож на радищевский“.

3. „Мы имеем одно объективное доказательство непричастности Радищева к журналу Крылова и Рахманинова, и это доказательство мы находим в самой же „Почте Духов“. Дело в том, что, основываясь на записках С. А. Тучкова,² П. Е. Щеголев устанавливает факт сотрудничества Радищева в журнале „Беседующий Гражданин“, издававшемся „Обществом друзей словесных наук“ в том же году (1789), что и „Почта Духов“. Из записок Тучкова определенно известно, что напечатанная в последней (декабрьской) книжке „Беседующего Гражданина“³ „Беседа о том, что есть сын Отечества“ принадлежит перу Радищева.

Журнал же, в котором Радищев сотрудничал, „попал на язык Крылову“, по выражению Щеголева, и „подвергся неоднократному осмеиванию на страницах „Почты Духов“.

¹ Минувшие годы, 1908, декабрь, стр. 191—209, и отд. оттиск СПб., 1908, перепечатана в книге П. Е. Щеголева, Исторические этюды, СПб., 1913, стр. 3—30.

² Записки Сергея Алексеевича Тучкова, СПб., 1908, стр. 42.

³ „Б. Г.“ ч. III, СПб., 1789, стр. 308—324.

Действительно, в майской и июльской книжках журнала Крылова высмеиваются „Сочинители Бредящего мещанина“, которые „почитают прекраснейшими творениями глупые свои бредни“ (в письме XI, Емпедокла).¹

„Мог ли Радищев, столь дороживший своей философской мыслью, работать в том журнале, который обзывал плоды этой философии и мысли глупыми бреднями?“, спрашивает П. Е. Щеголев и категорически заключает: „Мы можем теперь с достоверностью ответить: Радищев не принимал участия в журнале Крылова“.²

Сильные доводы П. Е. Щеголева уязвимы лишь в одном случае. Достоверное участие Радищева в „Беседующем Гражданине“³ определяется несомненно ему принадлежащей статьей, отличающейся, по выражению Тучкова, „вольностью духа“, — „Беседа о том, что есть сын Отечества“. Но эта статья напечатана в декабрьской книжке „Беседующего Гражданина“ 1789 г., а „Почта Духов“, в которой допущено осмеяние журнала „Общества друзей словесных наук“, закончила свое существование на августовской книжке того же года. Здесь надо заметить, что именно в последний период своего издания „Беседующий Гражданин“ характеризуется „вольностью духа“, что именно „Беседа“ Радищева выполняет назначение журнала — „открыть путь к ясному познанию главнейших обязанностей человека в особенности, а наипаче Гражданина“ и что до декабрьской книжки журнала в нем помещались статьи преимущественно религиозно-мистического и масонского содержания. „Рассуждение о первой и единственной обязанности человека к высочайшему существу“, „Рассуждение об отношении человека к высочайшему существу, к другим людям и собственно к себе“,

¹ В письме XXX (Зора) „Беседующий Гражданин“ назван „Бредящим мещанином“.

² *Op. cit.*, стр. 21.

Между прочим, П. Е. Щеголев (*op. cit.*, стр. 19) предполагает, что Массон в своих „Мемуарах“, говоря [о Радищеве, как издателя журнала, смешал заглавие — не „Почта Духов“, а „Беседующий Гражданин“. Нам же вероятнее кажется догадка Я. К. Грота о том, что Массон смешал Радищева с Рахманиновым, фактическим издателем „Почты Духов“ (Я. К. Грот. Труды, т. III, стр. 243).

³ Об этом журнале и его сотрудниках см. в статье В. П. Семенникова в данном сборнике.

„Рассуждение о вечности души человеческой“, „Ода признательная высочайшему существу“, „Рассуждение о том, в чем состоит разум Любомудрия“, „Рассуждение о предрассудках противу Правoverия“, „Ода. Судьба мира“ (С. Боброва), „Обращенный неверствующий“, „Рассуждение о союзе естественного права с естественным богословием“ — вот какие статьи „Беседующего Гражданина“ могли вызвать сатирический выпад „Почты Духов“, очень близкой к пониманию обязанностей гражданина, истинного „сына Отечества“ и очень далекой от мистических настроений. Появись „Беседа“ Радищева до августа 1789 г., „Почта Духов“ вряд ли заговорила бы о „глупых бреднях“ своего соседа.¹

Несмотря на приведенное соображение, доводы П. Е. Щеголева настолько значительны, что, казалось бы, могли исчерпать вопрос, поставленный в 1868 г. А. Н. Пыпиным, об участии Радищева в „Почте Духов“, ответив на этот вопрос категорически — отрицательно.

Однако снова вернуться к данной проблеме попытался З. И. Чучмарев в статье: „Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени. К социологии его творчества“.²

Прежде всего З. И. Чучмарев возражает П. Е. Щеголеву на его соображение о невозможности для Радищева сотрудничества в „Почте Духов“, которая „Беседующего Гражданина“ обзывала „Бредящим мещанином“. Чучмарев пишет: „Нападки Крылова на философию „Беседующего Гражданина“ не могли рассорить его со всеми без исключения читателями и даже членами редакции... Щеголев не обратил внимания на то, что Крылов (судя по XXX письму Зора), нападая на философию, мирился с чистой философией у себя... Радищев в редакции „Почты Духов“ мог примыкать не к воззрениям Зора, а к воззрениям Дальновида, Световиды и др. духов „Почты“, письма которых... именно за их философический характер и приписывались Радищеву... Если бы Крылов был принципиальным противником филосо-

¹ Кстати заметить: возможно, что на выражения: „Бредящий мещанин“, „бредни“, „Почты духов“ навела статья „Беседующего Гражданина“ — „Бредни праздного педанта“. — „Почта Духов“, ч. I, стр. 75.

² Наукові записки науково-дослідної кафедри історії європейської культури, II, Укрґиз, 1927, стр. 95—123.

И. А. КРЫЛОВЪ.

И. А. Крылов.

С рис. Е. Эстеррейха, грав. Сain'a. 1815 г.

фии, то он прежде всего был бы противником идей журнала, в котором он сам участвовал как редактор и в котором одним из издателей-редакторов был известный философ-вольтерьянец Рахманинов“.¹

В дальнейших своих доказательствах участия Радищева в „Почте Духов“ как автора писем Дальновида и Световида Чучмарев опирается, во-первых, на определение стилистического приема Крылова — сатирическая антитеза, — которым характеризуются достоверно принадлежащие Крылову письма Зора, Буристана и Вестодава — сатирические картины быта, и который (прием) отсутствует в философических письмах Дальновида, Световида и Выспрепара; во-вторых, на общие идиомы, какие встречаются в сочинениях Радищева и в письмах Дальновида и Световида „Почты Духов“.

„...Рассуждения философических писем, приписываемых Радищеву (утверждает Чучмарев), как и подлинные его сочинения, не знают сатирических картин быта и такой частой игры противоположений“.² Общие же идиомы, отысканные Чучмаревым в подлинных сочинениях Радищева и в „Почте Духов“, сводятся к шести „образам“:

1. Некоторые государи свирепее льва и тигра. (Радищев в рассуждении „О человеке“³, „Почта Духов“ — письмо IV Дальновида).

2. Юлий Кесарь грабит государство (Радищев „Житие Ушакова“;⁴ „Почта Духов“, п. XX Дальновида).

3. Александр, разоритель полусвета, назван великим, Карл XII ему подражал, только Петр I — действительно великий государь (Радищев — „Письмо к другу“⁵ и „Путешествие“;⁶ „Почта Духов“, п. XX Дальновид.). При этом Чучмарев замечает, что отрывки об Александре Македонском Радищев мог заимствовать из своего перевода „Размышлений о греческой истории“ Мабли, изданного в 1773 г. (стр. 105).

4. Тит считает погибшим день, в который бы не мог сделать добра (Радищев „Путешествие“ — ода „Вольность“;⁷ „Почта Духов“ п. XIII Световида).

5. Альцест не похож на Тимона, друга Алкивиада, причинившего неприятности афинянам.

(Радищев „О человеке“;⁸ „Почта Духов“ — п. IV Дальновида).

¹ Э. И. Чучмарев, *Op. cit.*, стр. 117—118.

² Чучмарев, *Op. cit.*, стр. 119.

³ Соч., т. II, стр. 160, 162.

⁴ Соч., т. I, стр. 123.

⁵ Соч., т. I, стр. 74.

⁶ Соч., т. I, стр. 272.

⁷ Соч., т. I, стр. 428.

⁸ Соч., т. II, стр. 163.

б. Франт больше похож на обезьяну, чем на математика Эйлера. (Радищев „О человеке“;¹ „Почта Духов“ — п. X Световида).

Приведенные два основных положения Чучмарева о стиле писем Дальновида и общих „идиомах“ — образах — в этих письмах и у Радищева не выдерживают критики.

1. В лексикологическом и синтаксическом отношении художественно-сатирическая и философская проза Радищева настолько резко отличается от стиля писем Дальновида, Световида, Выспрепара и др., что или надо в корне отвергнуть приписание этих писем перу Радищева, или признать, что радищевские мысли подверглись основательной и смелой редакции Крылова. Уже П. Е. Щеголев справедливо отметил, что „стиль „Почты Духов“ совсем не похож на радищевский“.² Характернейшие особенности стиля Радищева мы отметим, и они выпукло выделятся при дальнейшем сопоставлении известного „Сна“ из „Путешествия“ с письмом XIV (Выспрепара) „Почты Духов“.

2. Общие „идиомы“ у Радищева и в „Почте Духов“ являются доводом беспочвенным, ибо в поисках общих поэтических образов Чучмарев, во-первых, оставил без внимания подлинные сочинения самого Крылова, а во-вторых, вовсе не затронул вопроса об общих источниках иноземного происхождения.

Журнальная сатирическая проза Крылова 1790-х годов, а также возвращение Крылова к некоторым сатирическим темам „Почты Духов“ в его баснях начала XIX в. — это литературные факты, которыми также нельзя игнорировать при разрешении вопроса: кто автор философических писем „Почты Духов“.³

Некоторых исследователей данного вопроса смущала молодость Крылова периода „Почты Духов“ (1789 г.); они не допускали мысли о такой начитанности у двадцатилетнего писателя, какая сказывается в философических письмах „Почты Духов“.⁴ Действительно, на первый взгляд смущающим об-

¹ Соч., т. II, стр. 256.

² П. Е. Щеголев. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789 г.), СПб., 1908, стр. 8.

³ Неосновательно поэтому категорическое заявление новейшего биографа Радищева — М. Жижка (А. Радищев, М., 1934, стр. 192), что „все письма сифла Дальновида принадлежат Радищеву“.

⁴ См., напр., Алексей Веселовский. Этюды о Мольере, М., 1881, стр. 169.

стоятельством является такое обилие упоминаний в письмах Дальновида исторических имен царей, вождей, мировых философов, писателей и ученых. Тут и Ксеркс, Нерон, Ю. Кесарь, Александр Македонский, Сципион, Помпей, Франциск I, Карл XII, Людовики XII и XIV; тут и Сенека, Эпиктет, Аристотель, Платон, Эмпедокл, Галлен, Иппократ; тут и Софокл, Еврипид, Фукидит, Тацит, Плутарх, Цицерон, св. Августин, св. Бернард, Кортезий, Лейбниц; тут и Мольер, Расин, Корнель, Буало и др. Но следует принять во внимание, что молодому журналисту вовсе не нужно было обращаться к иностранным подлинникам для обогащения журнальных статей (в данном случае — писем „Почты Духов“) идеями и фактами мирового значения; Крылову достаточно было обратиться к русским журналам-предшественникам и к довольно богатой переводной литературе, чтобы почерпнуть в них не только вдохновение, но и материалы. В этом случае Крылову на помощь шел Иван Рахманинов, известный переводчик Вольтера, прекрасно знавший французских сатириков и философов-просветителей. Кроме того, в журнальных статьях, написанных всего лишь три года спустя после „Почты Духов“, Крылов опять-таки ссылается и на Аристотеля, и на Плиния, упоминает Геродота, Помпея, Александра Македонского, Тита Милосердного и т. п. Обратимся, для примера, к переводной литературе, появившейся в 1780-х годах, незадолго до издания „Почты Духов“.

„Лучи мудрости или нравоучительные и полезнейшие рассуждения Сенеки и Плутарха и прочих славнейших¹ в древности мужей, изыскивающие истинный путь к добродетели и блаженной жизни, исполненные различными и самонужнейшими к тому примерами“. Перевод с латинского, ч. I и II, М., 1785.

В этой книге можно найти философские рассуждения, афоризмы и нравоучения на самые разнообразные темы: „о истинном жизни сея блаженстве“, о законе естественном и о совести, о труде, праздности, лени, о мудрости, добродетелях и пороках, о правосудии, роскоши и расточительстве,

¹ Имеются переводы изречений Солона, Фабияна, Аристотеля, Иппократа, Анаксагора, Сократа, Диогена, Овидия, Ксенофонта, Вергилия, Горация, Энона, Демосфена, Аппия Клавдия, Катона, Платона, Цицерона, Ю. Цезаря, Ювенала, Светония, Лукиана, Эзопа, Саллюстия, Демокрита.

о гордости и тщеславии, о ревности, скупости и зависти, о друзьях, ласкателях и неприятелях, о господах и рабах, о честях и достоинствах, о благородстве, о блаженной жизни, смерти и вечности, и т. д. и т. п.

„Природа как господ, так и рабов наградила равенством, и положила некоторое согласие между всеми человеками и общие дала права роду человеческому“.¹

„Благородство есть некоторая знатность от предков потомкам сообщаемая... Но как нередко случается, что от добрых родителей рождаются порочнейшие дети, то в таком случае благородство бывает пустым мнением“ (Ювенал).

„Хотя мы рождаемся неравными, однако ж равными умираем. Следовательно не надобно гордиться, что мы произошли от высокой крови, потому что по смерти не выше будешь других“.

„Сколько люди спокойно жили на земле, естли бы истреблены были сии два слова: мое и твое...“

„О блаженная и безопасная жизнь нищего! О тесная хижина!.. Убогой останется спокоен и тогда, когда разбойники у его ворот стучатся“.

„Добродетель составляет истинное блаженство“.

„Ласкатели вредят гораздо больше, нежели неприятели“.

„Нет ничего полезнее, как размышление о смерти. Ибо что пользы пылать всегда гневом, как-будто б рождены были мы бессмертными, и чрез то терять краткое время жития нашего?“

„Жизнь, посвященная праздности, не только телесные, но и душевные силы приводит в расслабление“.²

Этими сентенциями древних мудрецов проникнуты и некоторые письма Дальновида (письма II, XXIX, XXXVII „Почты Духов“).

„Ежели бы все люди, говорил я сам в себе, обитающие в сем городе помышляли о своей плачевной участи и конце своей жизни, которого вскоре ожидать они должныствуют, то, без всякого сомнения, скоро вышли бы они из своего заблуждения и оставили бы все суетные свои попечения, которыми непрестанно себя занимают“.³

„Бедность есть такая вещь, которая всего способнее может произвести философов“.⁴

„Истинное и ни с чем несравнимое блаженство состоит в любви к добродетели...“⁵

„Ежели бы люди прилежнее о том размышляли..., что они рождаются для труда..., они бы сами себе сказали: какое право имеем мы исключать

¹ Лучи мудрости, ч. II, стр. 130.

² Ibid., ч. I—II.

³ Почта Духов, ч. I, письмо II Дальновида, стр. 9.

⁴ Ibid., стр. 11.

⁵ Ibid., стр. 18.

себя из сего всеобщего закона?.. Итак, или будем улетать праздности, или предадимся казни определенной преступникам“.¹

„Мещанин, добродетельный и честный крестьянин, переполненные добросердечием, для меня в сто раз драгоценнее дворянина, считающего в своем роде до 30 дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые также может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного древа“.²

Последняя тема затронута в басне Крылова „Гуси“ („Да наши предки Рим спасли...“).

Возьмем русские переводы французских мыслителей нового времени:

Ж. Ж. Руссо. О блаженстве. С французского перевел Вольного Российского собрания при имп. Московском университете член И. А. (Лопухин), М., 1781 (изд. Новикова).

„Нет надежнейшего пути к достижению блаженства, как путь добродетели“ (стр. 3).

„Чем паче человек пребыл ближе к естественному своему состоянию, тем меньше силы его разнятся с желаниями, и, следовательно, меньше он удален от блаженного существования“ (стр. 11).

„Сколько государей сокрушаются о потере такой области, которую они никогда не видели? Сколько таких купцов, которых только стоит тронуть в Индии, чтобы заставить их вопиять: в Париж! О человек! заключи бытие твое внутри себя и не будешь ты несчастен (стр. 14).³

„Пусть другие, оставляя ее (жизнь. — Б. К.), объемясь страхом, мнят, что пресекается их бытие; познав ничтожество твое, ты будешь мыслить, что тогда существовать начинаешь; смерть есть конец жизни злодея и начало жизни праведника“ (стр. 9).

„Жизнь есть кратка: следовательно это причина ею пользоваться до конца и располагать искусно течение оной, дабы извлечь из нее сколько возможно лучшую участь“ (стр. 20).

II письмо „Почты Духов“ (Дальновида) о „краткости жизни человеческой“ повторяет в основном мысли Руссо.

„Истинное и ни с чем несравнимое блаженство состоит в собственном спокойствии своего духа. Кто твердо уверен в сей истине, тот совершенно благополучен и проводит жизнь без смущения и беспокойства; не стра-

¹ Ibid., ч. II, п. XXIX, стр. 54.

² Ibid., стр. 139—140.

³ Ср. мысль Руссо в „Рассуждении, удостоенном награждения от Академии Дижонской в 1750 году, на вопрос, предложенный сею Академиею, что восстановление наук и художеств способствовало ли к исправлению нравов (перевод Павла Потемкина, 2-е изд. Типографической компании, стр. 70, М. 1787): „... почто искать нам своего блаженства в мнении других людей, когда мы можем найти оное сами в себе“.

шится смерти и ее не желает; но ожидает спокойно всего того, что Небо ему предопределит с его жизнью, ведая, что когда она кончится на здешнем свете, тогда наступит другая, чистейшая и светлейшая... Люди должны бы были непрестанно помышлять о двух вещах: во-первых, о краткости здешней жизни, а во-вторых, о бесконечном продолжении будущей".¹

В февральской книжке „Утренних Часов“ 1789 г., журнале, издававшемся Рахманиновым и в котором напечатал первые свои басни Крылов,² помещена (анонимно) статья „Честь“. Можно предполагать, что эта статья заимствована из французского источника, но оригинал пока не найден.

Тема этой статьи — истинная и ложная честь — перешла в апрельскую книжку „Почты Духов“. В письме XXIV³ Дальновид говорит: „Примечено мною..., что в гражданском обществе всего легче дается людям такое название, которое очень немногие из них заслуживают и которое должно бы быть больше уважаемо, ежели бы люди поприлежнее размышляли о потребных для сего названия достоинствах. Люди всего чаще говорят: вот честный человек, а всего реже можно найти в нынешнем свете такого, который бы соответствовал сему названию...“ Дальше Дальновид рассматривает „различные состояния людей“, чтобы показать, как мало заслуживают название честного человека такие люди как придворный, богач, мот, вельможа, судья.

„И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый Вельможа и несмысленный судья... Люди должны бы стыдиться бедственного своего состояния, что в свете между ими столь мало нахо-

¹ Почта Духов, I, п. II, стр. 18—19. Такая уверенность в личном бессмертии чужда и несвойственна Радищеву, как то отмечено в примечаниях Н. П. Сильванского в издании „Путешествия“, стр. 287. СПб., 1905.

² Ф. А. Витберг. Первые басни Крылова СПб., 1900 (отд. отт. из Известий ОРЯС Ак. Наук, 1900). Витберг, между прочим, пишет (стр. 35—36): „те сотрудники этого журнала („Утренние Часы“. — Б. К.), в статьях которых заметна наклонность к сатире и обличению (И. Рахманинов, Крылов и, может быть, Радищев), вскоре как бы выделились из него и в начале 1789 г., еще до прекращения „Утренних Часов“, основали новый журнал „Почта Духов“, не прекращая, однако, участия своего и в „Утренних Часах“. О связи между „Утренними Часами“ и „Почтой Духов“ упомянул еще Грот в статье „Карамзин в истории русского литературного языка“, ЖМНП, 1867, № 4, стр. 217.

³ „П. Д.“, ч. I, стр. 293—302.

дится истинно доброжелательных и достойных заслужить от философов название честных людей. По справедливости надлежит сказать..., что гораздо более таковых можно найти в простых людях, не прилепленных к придворной, ни к статской, ни к военной службам, ибо будучи обременены немногими должностями, гораздо менее имеют они затруднения учиниться истинно честными людьми...“

В статье о чести в „Утренних часах“¹ иронизируется „нынешний честный человек“, который „без малейшего зазрения совести... может агать по своему произволению“, который „по законам чести“ может быть „подлейшим придворным, ласкателем и одобрителем гибельных предприятий и прихотей своего государя, единственно для того, чтоб, учинившись наконец любимейшим его наперсником, удовлетворить своему любочестию важнейшими произведениями государственных дел, хотя бы оные сопряжены были с пожертвованием народным“; этот „честный человек“ может „без нарушения своей чести“ „оправдывать виноватых и спасти от виселицы преступников, нарушивших народное благоденствие...“

Статья оканчивается глубочайшей иронией: „...остается теперь заключить, что всякий именующийся благородным имеет неоспоримое право именваться честным... Никто не осмелится назвать бесчестным такого человека, который титулуется благородным. Удивительно, однакож, что добродетель кажется для всех столь трудною, а честь, которая еще оной превосходнее, столь легко приобретается!“

В таком случае, бесспорным ли автором письма XXIV Дальновида является Радищев, даже если в его „Беседе о том, что есть сын Отечества“,² мы читаем рассуждение об истинной и ложной чести?

Обратимся к подлинному Радищеву:

„Всякому врождено чувство истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному, следуя светильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предупреждений к тихому ее, чести то есть, свету. Нет ни одного из смертных толико отверженных от природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению чести... Что бы

¹ Неделя, 43, 8 февраля 1789 г., стр. 52 — 61. Ср. рассуждение Буало об истинной чести в 11-й сатире.

² Беседующий Гражданин, ч. III, СПб., 1789, декабрь, стр. 303 — 324.

такое представляла тогда Природа, кроме смеси нестройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины? — По истине она лишилась бы величайшего способа как к сохранению, так и совершенствованию себя... Рассматривающий дела человечества увидит, что се одна из главнейших пружин все величайших в свете произведений!..“

Далее Радищев рассуждает об истинно честном человеке, который и есть „благородный сын Отечества“.

«Истинный человек есть истинный исполнитель всех предустановленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным...; для него нет низкого состояния в служении Отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравоносному обращению, так сказать, крови государственного тела...; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенеет нежнейшею любовию к целости и спокойствию своих соотчичей...»

«Истинное благородство,—говорит далее Радищев,—есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью, которая не инде находится, как в беспрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам Естества и Народоуправлению...»

Достаточно прочитать эти отрывки из подлинного сочинения Радищева, чтобы почувствовать все своеобразие художественного языка и стиля автора „Беседы“ и заметить отличие от языка и стиля письма Дальновида об „истинно честном человеке“.

Выражение „пружина чести“, встречающееся в „Беседе“ Радищева, — это галлицизм; его можно встретить, например, в сочинении Монтескье „De l'esprit des Loix“. В переводе Василия Крамаренкова „О Разуме законов“ (т. I, СПб., 1775. Предупреждение, стр. I—II):

«Для разумения первых четырех книг сего сочинения надлежит примечать, что чрез то, что я назвал добродетелью в общенародной державе, разумеется любовь к отечеству; то есть любовь к равенству. Она не значит ни нравственные, ниже христианские добродетели, но одну политическую, которая составляет пружину, приводящую в движение правление в общенародной державе, так как честь составляет пружину самодержавного правления» (во французском оригинале: „...cest le ressort qui fait mouvoir le gouvernement républicain comme l'honneur est le ressort qui fait mouvoir la monarchie...“); там же: „надлежит примечать, что великое различие находится сказать, что некоторое качество, умеренность духа или добродетели не есть пружина, приводящая в движение правление“ („n'est pas le ressort qui fait agir un gouvernement“); там же: «Одним словом, честь находится в общенародной державе, хотя пружина оные есть политическая добродетель, так равно и политическая добродетель находится в самодержавном государстве, хотя пружину оного и честь составляет» («En un mot l'honneur est dans la république, quoique la vertu politique en soit le ressort; la vertu politique est dans la monarchie, quoique l'honneur en soit le ressort»).

Мы указали на „пружину чести“ в сочинении Радищева именно потому, что это же выражение имеется и в „Почте Духов“:

„Тебя может быть удивляет слово честь, против которой я вооружаюсь но знай, что это не та честь, которую разумели древние, и я не знаю, почему сию пружину называют ныне честью. Древняя повелевала быть обходительну, а нынешняя подымает у всех своих машин вверх носы“.¹

Однако, эта цитата взята из письма Зора, бесспорным автором которого является Крылов.

III

Здесь своевременно вернуться к тем „общим идиомам“, какие открыл З. И. Чучмарев в сочинениях Радищева и в письмах Дальновида и Световида и которыми оперировал названный исследователь для доказательства участия Радищева в „Почте Духов“ (см. выше, стр. 673).

1. „Львы и Тигры менее причиняли вреда людям, нежели некоторые государи и их министры“².

Эта мысль Дальновида, правда, встречается и у Радищева, но ее же мы можем отыскать и в „Философических снах“ Мерсье:

„...Свирепство тигров и самых хищных зверей ничего не значит пред мерзостным злоупотреблением данного полкомочия и власти („тиранов на престоле сидящих“)³

и в его же сочинении „Мой спальной колпак“:⁴

„Тигры, львы и медведя, возбужденные величайшим голодом, терзая свою добычу, не столь бывают свирепы, как люди“.

В дальнейшем изложении мы покажем, какое значение имел Мерсье для „Почты Духов“.

2. „Не под владением одних только тиранов, видимы были целые государства поверженные в бездну злополучия; много было таких государей, коим, хотя потомство приписывает великие похвалы, однакож они не менее других вреда людям причинили. Нерон выжег Рим для удовлетворения своего бесчеловечия; Юлий Кесарь наполнил кровью и грабительством всю Римскую империю, дабы чрез то показать свое могущество...“ (письмо Дальновида).⁵

¹ „Почта Духов“, ч. II, п. XLVI, стр. 274.

² См. Чучмарев, *Op. cit.*

³ Философических снов часть I, перев. И. Долгорукова, М., 1780, стр. 186.

⁴ Перевод И. Рахманинова, СПб., 1789, стр. 137.

⁵ Почта Духов, ч. I, п. XX, стр. 240.

Эта идиома опять-таки встречается не только в „Житии Ф. В. Ушакова“ Радищева, но и в подлинном сочинении Крылова „Похвальная речь в память моему дедушке“:¹ „Нерон зажег великолепный Рим, чтобы истребить небольшую кучку христиан; Юлий побил множество сограждан своих, желая уронить вредную для них власть Помпея...“

В XLVII письме (Борейда) „Почты Духов“, автором которого является без сомнения Крылов, говорится:

„Часто забава одной особы стоит жизни многим несчастным. и таким-то образом один из ваших героев прошел множество земель, разорил тысячу селений и истребил несколько миллионов как своих сограждан, так и мнимых неприятелей, только для того, чтобы... поставит надпись: пришел, видел и победил“ (имеется в виду Юлий Цезарь. Б. К.).

В Сатирических и философических сочинениях Вольтера (изд. Новикова, М., 1784, стр. 4) мы нашли такой же отзыв о Юлии Кесаре, возможно повлиявший на сатирические высказывания о Кесаре у Радищева и Крылова. Вольтер говорит:

„Сей великодушный безумец оставил опустошенную нашу страну, дабы итти опустошать собственную и получить двадцать три кивжальные поражения от других двадцати трех знаменитых безумцев, которые не лучше его были“.

3. Дальновид в том же XX письме ставит в ряд „тщеславных государей“, нанесших „более вреда людям, нежели язвы и голод“, — Александра Великого (Македонского). Таковым же „разорителем полусвета“ считает Александра Македонского и Радищев, по всей вероятности, не без влияния „Размышлений“ Мабли. Последний говорит:²

„Каковы суть те завоевания, коих предмет есть земли опустошение? Какое довольно ненавистное имя дадим мы завоевателю, смотрящему всегда вперед, и никогда очи вспять не обращающего, грядущего с шумом и стремлением разлившегося источника, истекающего и исчезающего, а по себе оставляющего только развалины? Чего надеялся Александр? Не чувствовал ли он, что завоевания столь стремительные... соблюдены быть не могут... если же... он не мог... воздержать свои желания, то он был бешеный, коего людям ненавидеть должно“.

Надо отметить, что и Крылов издевается над Александром, рассказывая о нем, что он „прошел с мечем через многие государства, побил и разорил тысячи народов, кажется для того, чтобы вымочить свои сапоги в приливе океана и после пощеголять этим дома.“³

¹ Зритель, 1792 г., ч. III, стр. 79.

² Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков (перевод Радищева). СПб., 1773, стр. 165.

³ Похвальная речь в память моему дедушке, Зритель, 1792, ч. III, стр. 79.

В другой статье¹ Крылов сравнивает своего героя, который „подобно Александру, не полагая границ своим победам, в героическом восторге грозится целый свет пустить по-миру“.

4. „Все здешние жители в искренности и чистосердечии могут почтяться Титами, и всякому по наружности их покажется, что они почитают те дни, в которые не удастся им никому оказать благодеяния, днями в жизни их потерянными“, — рассказывает Световид в письме XIII „Почты Духов“. ² Подобную тираду о Тите также можно найти не только в „Путешествии“ Радищева,³ но и в статье Крылова: „Похвальная речь науке убивать время, говоренная в новый год“:⁴

„Великий Тит плакал, говорят, о том дне, в который не сделал доброго дела; но мы... проживаем лет по пятидесяти попустому и ни разу о том не поплачем!“

Мы предполагаем общий источник для приведенных цитат, а именно — слова самого Тита в трагедии Де Беллуа „Тит“, переведенной на русский язык Яковом Благодаровым (М., 1878, стр. 36). В явлении IV второго действия Тит обращается с речью к народу:

„...Увы! уже два месяца, как отягчен болезнями, страдал я, что не в силах был для тебя ничего сделать; трепетал, чтоб смерть не скосила во сладости дней моих, которые посвящены тебе...“

5. Альцест не похож на Тимона, друга Алкивиада, причинившего неприятности афинянам.

Чучмарев указывает⁵ на эту идиому в сочинении Радищева „О человеке“ и в IV письме (Дальновида) „Почты Духов“.

Следует ли безусловно отождествлять Радищева с Дальновидом, высказывающим мысль о том, что „между Мизантропом, коего писал Мольер, и тем бешеным Афиняном, о котором Плутарх нас уведомляет, находится величайшее различие,“⁶ — только потому, что эта мысль навеяна Радищеву

¹ Похвальная речь науке убивать время, С.-Петербургский Меркурий, 1793, ч. I, стр. 22 — 52.

² Ч. I, стр. 149.

³ См. Чучмарев, *Op. cit.*

⁴ С.-Петербургский Меркурий, 1793, ч. I, стр. 39.

⁵ См. Чучмарев, *Op. cit.*, стр. 121.

⁶ Почта Духов, ч. I, стр. 39.

Мабли? Мог и Крылов, прочитав у Плутарха о Тимоне Афинянине и за год до начала издания „Почты Духов“ вышедший перевод „Мизантропа“ Мольера (М., 1788, изд. Типографической компании), не только притти к сравнению Альцеста с Тимоном, но и вообще написать все рассуждение „о свойствах Мизантропов и какую бы пользу могли они принести человеку“. Мольеровский тип Мизантропа, мы полагаем, вызвал к жизни все IV письмо „Почты Духов“ о Мизантропах.

„Я утверждаю, что слабые смертные никогда не были столь глупы, безумны, порочны и столь достойны сожаления как ныне. Весьма нужно, чтобы в каждом государстве поболее было сих Мизантропов, дабы люди могли пользоваться наставлениями, упреками и колкими насмешками сих угрюмых философов“. ¹

„Если бы при Дворах Государей находилось некоторое число Мизантропов, то какое щастие последовало бы тогда для всего народа!... Один Мизантроп истребил бы в минуту все те злодеяния, кои пятьдесят льстецов в продолжении целого месяца причинили“. ²

„... чтоб быть совершенно честным человеком, надлежит быть несколько подобным Мизантропу“. ³

Вот центральные идеи IV письма Дальновида. Как мы сказали, перевод „Мизантропа“ Мольера ⁴ мог вызвать эти идеи в журнале Крылова. Напомним главнейшие речи Альцеста в названной комедии Мольера (в переводе И. Елагина 1788 г., стр. 8—9, 75—76, 104—105).

Из действия первого:

Филипп. Как ты скажешь престарелой Эмилия в глаза, что с летами ее не сходно кокетствовать и что ее румяна гнусны всякому человеку?

Альцест. Конечно.

Филипп. И Дориму, что он бесстыден и что он при Дворе пробрюзжал всем уши, рассказывая о своей храбрости и знатности своего рода?

Альцест. Без сомнения.

Филипп. О, ты шутишь.

Альцест. Не шучу и не пощажу яи одного человека; смущенные мои глаза ни при Дворе, ни в городе не видят человека, который бы меня не бесил. Печалюсь, сетую и сержусь, видя такое человеческое обхождение; все преисполнено вредным ласкательством, неправосудием, сребролюбием, плутовством, изменою; не могу далее терпеть, бешусь и намерен со всем родом человеческим поссориться.

Филипп. Эта философская строгость несколько дика.

¹ Ibid., стр. 30.

² Ibid., стр. 36.

³ Ibid., стр. 38.

⁴ Мизантроп или нелюдим, М., 1788.

Из действия третьего:

Арсиноя. Я бы желала, чтобы вы сыскали себе при Дворе чин.

Альцест. А как бы вы думали, сударыня, что бы я при Дворе делать стал? По моему нраву, мне кажется, надобно мне от него как от огня бегать... Не имею я нужных свойств, которые бы помогали мне быть счастливым при Дворе; лучшие мои дарования суть верность и чистосердечие. Я не могу пустыми словами ослеплять людей, а кто не имеет искусства скрывать своего прямого мнения, тот долго при Дворе жить не может...

Из действия пятого:

Филипп. Я с тобой во всем согласен: все дела вершит лихонство и бесстыдная ябеда. Лесть господствует теперь над всеми, и люди устремились друг другу делать зло; но для несправедливостей людских должно ли оставлять их сообщество? Все эти человеческие пороки заставляют нас во весь наш век упражняться в философии...

Альцест. ...Разум мой говорит мне, что всего лучше удалиться от света для того, что язык мой несколько дерзновеен, и я не могу за него ручаться...

6. Переходим к последней идиоме, найденной Чучмаревым в сочинении Радищева „О человеке“ и в X письме (Световида) „Почты Духов“:

Франт больше похож на обезьяну, чем на математика Эйлера.

Следует прежде всего отметить, что все X письмо Световида посвящено сравнению Петиметра с обезьяной. Основную мысль этого письма можно выразить двумя цитатами:

...„Взиря на Петиметра и на обезьяну, можно подумать, что или душа обезьяны духозна, или душа Петиметра вещественна, потому что обе сии души имеют одинакие между собою свойства, одинакие движения и одинакие страсти, а по сему должны иметь и одинакую сущность...“

...„душа разумного и постоянного человека совсем другого свойства, нежели как душа Петиметра, ибо... не можно полагать ни малого сходства между душою такого философа, каков был Эйлер, и между душою обезьяны заключенной в теле модного вертопраха“.¹

То же сравнение Петиметра с обезьяной имеется в IV письме Дальновида:

„Возмогут ли все наставления Сенеки и Еликтета произвесть какое действие над глупою головою Петиметра? сделают ли они его разумнейшим? заставят ли быть полезным обществу, и не принимать более на себя тех смешных телодвижений и ужимок, через кои уподобляется он обезьяне?...“²

¹ Почта Духов, ч. I, стр. 103, 107.

² Ibid., стр. 31.

В сатирической статье „Речь, говоренная повесою в собрании дураков“,¹ Крылов говорит:

„Были дерзкие писатели, которые и утверждали, что петиметры ниже человека, и причисляли их к числу животных. Бездушные! они не заметили, что таким заключением делали нашу славу. Так, государи мои! согласимся, что петиметр не человек; но если он скот, то, конечно, умнее всякой скотины, не выключая и самой обезьяны...“ Начало этой цитаты совпадает с началом X письма Световида о петиметре и обезьяне: „До сих пор я всегда удивлялся мнениями тех философов, которые душу человеческую уподобляли жизненным силам скотов...“²

В „Каибе“ Крылова³ мы находим сравнение кривлянья „забавных обезьян“ с кривляньем придворных. Наконец, в басне Крылова „Зеркало и Обезьяна“ повторяется жизненный образ кривляки-обезьяны.

В таком случае, достаточно ли сильным аргументом в пользу авторства Радищева для писем Дальновида и Световида является указанное Чучмаревым совпадение мысли Радищева с рассуждением Световида?

IV

Письмо Дальновида о Мизантропах сближается с письмом Выспрепара⁴ об юном Моголе и мудреце-писателе, открывающем царю пути к отысканию истины.

¹ Зритель. 1792, ч. II, стр. 47.

² Почта Духов, ч. I, стр. 102.

³ Зритель, 1792, ч. III, стр. 93

⁴ Почта Духов, ч. II, п. XLV.

На образ человека-„нелюдима“ можно указать еще в книжке, появившейся до „Почты Духов“: „Философ, смеющийся во сне человеческим деяниям“. Перевод с французского студентов Д. С. и П. Сокол (овых), СПб., 1786, Сов третий. Любомудрие: „... Я живши в мире, прервал старец речь мою, был также окружен вихрем света, я любил женщин, которые надо мною только смеялись; друзей, которые меня не любили; валяся в ногах у бесчисленного множества покровителей, которые, делая мне тысячу обещаний, не исполнили из оных ни единого. Скучая неудовольствиями, претерпенными мною в свете, удалился от среды живых, и сие удаление смягчило во мне все злости, человеку свойственные. А хотя и не скажу теперь, что их люблю; однако же не презираю их, да и не почитаю“.

Когда люди не от природы злы, то можно их исправить? Я наперед ощущаю удовольствие от надежды, что сыщется какой-нибудь мудрец, который докажет им, что в себе самих должны они искать благополучия; что токмо в самих себе могут его обрести; и что высокое или низкое

Смелый „оратор“ в письме Выспрепара советует юному царю искать истину с помощью мудрецов.

„Но ты должен знать, что мудрец не есть из числа тех угрюмых смертных, имеющих нечувствительное сердце и отвратительный вид, которые никогда ничего не хвалят, которые на все непрестанно произносят хулу...“; и затем оратор открывает царю понятие об „истинном мудреце“. Ниже мы остановимся подробнее на письме Выспрепара. Здесь же мы подчеркнем выражения „угрюмые философы“ (мизантропы) в письме IV Дальновида и „угрюмые смертные“ в письме Выспрепара и заметим, что подобные выражения имеются и в „Мыслях философа по моде“ сочинении Крылова:¹ „...казаться разумным, не имея ни капли разума. Намерение такое удивит угрюмых читателей и философов“.

Помимо „Мизантропа“ Мольера, на тему об истинных мудрецах-мизантропах, не о бессмысленных „бешеных“ человеконенавистниках, подобных Тимону Афинскому, а „наставниках и учителей рода человеческого“, автора письма Дальновида о мизантропах могла навести одна из глав замечательной книги Мерсье „Tableau de Paris“,² а именно „Misanthrope“ в томе VIII (стр. 183—184, глава 464) названного сочинения.

Правда, статья Мерсье говорит о мнимых мудрецах — модных мизантропах, которые неспособны обличать и исправлять пороки общества, но она могла вызвать рассуждение Дальновида о мизантропах — истинных философах, друзьях человечества.

„Il est rare, mais le personnage en devient commun. Rien de plus facile à jouer que ce rôle. Aussi l'esprit médiocre s'en empare; le bourru, l'attrabilaire, et même l'ennuyé, se donnent pour misanthropes.“

состояние не делает человека злополучным. Земледелец может быть столько же счастлив, сколько и государь, если он удостоверен, что царь может быть также несчастлив, как и он...

...Я мудр, отвечал он (старец. — Б. К.), для того, что живу в пустыне. Ежели бы возвратился к людям, то без суждения учинился бы вскоре им подобным..

— Каким же образом исправить людей? — говорила я.

— Их никогда не исправишь... (стр. 31—34).

¹ Зритель, 1792, ч. II, стр. 280.

² L. S. Mercier. Tableau de Paris, Nouvelle édition, tt. 1—12, A Amsterdam, 1782—1789 (Oeuvres de Mercier, tt. 19—30).

Paraître mécontent de tout ce qui se fait, déclamer contre tous les hommes en général, parce qu'en effet la vertu et la probité n'appartiennent pas à tous, ne point se donner la peine d'examiner ce qui sert à la justification des différents états de la vie, et se permettre une satire violente et perpétuelle, sans vouloir reconnoître le bien mêlé avec le mal; ne voir partout que des désordres, et sembler en vouloir plus aux vicieux qu'au vice même. Voilà le ton qu'affectent certains hommes qui ne savent jamais accorder aux autres une indulgence dont ils ont souvent besoin eux-mêmes.

Que plus sage est celui qui sait vivre avec tous les hommes, passer habilement entre leurs vices et leurs défauts; comme on passe dans un sentier à travers des hayes d'épines; qui n'injurie point l'humanité, mais qui la sert et la plaint; qui cueille les fleurs de la vie sociale, au-lieu de rembrunir les couleurs qui s'offrent sous un aspect sombre et triste! Sa vie n'est pas une perpétuelle déclamation, un long accès de fureur, un inutile emportement."

Мерсье,¹ французский писатель драматург, сатирик и философ-республиканец, отличавшийся „большой возбужденностью в вопросах социального переустройства“ (А. Веселовский), был одним из любимейших иностранных авторов в кружке вольтерьянца Рахманинова периода „Утренних Часов“ и „Почты Духов“ (1788—1789 гг.). Из главнейших сочинений Мерсье: „Mon bonnet de Nuit“,² „Tableau de Paris“³ и утопического романа „L'An 2440“ в журнале Рахманинова „Утренние Часы“ (ч. I-IV, СПб., 1788—1789) были напечатаны раз-

¹ Louis Sébastien Mercier (1740—1814). См. J.-M. Quérard. La France littéraire, t. 6, Paris, 1834, p. 58—64; Léon Béclard. Sébastien Mercier. Sa vie, son oeuvre, son temps. Avant la Révolution. 1740—1789. Paris, 1903; А. Веселовский. Западное влияние в новой русской литературе, изд. 1906, стр. 116.

² Отдельные издания перевода И. Рахманинова в одной книжке вышли в 1788 и 1789 гг.: Спальный колпак, СПб., 1788; Мой спальный колпак, СПб., 1789.

³ Отдельное издание перевода первой книги „Картина Парижа, ч. I“ СПб., 1786 (перевод А. Нартова). Отмечаем любопытный факт: русские масоны не долюбливали Мерсье, называли его „ветренным“ писателем, считали его „врагом исповедователей христианского закона“. (См. письмо кн. Н. П. Трубецкого к А. М. Кутузову 3 апреля 1791 г. в книге Я. А. Барскова. Переписка московских масонов XVIII века, П., 1915, стр. 111).

По поводу сочинения Мерсье „Картина Парижа“ необходимо заметить, что некоторые его страницы послужили образцом для сатирико-бытовых картин „Почты Духов“. Так, напр., у Мерсье мы читаем: „изречение одного танцовщика, сопричитающего себя непосредственно к государю законодателю, к мужу объемлющему все разумом: „Я знаю только трех великих мужей: Фридерика, Вольтера и себя“ (Картина Парижа, ч. I, СПб., 1786, стр. 53). Легко вспоминается при этом танцовщик Фурбиний, „превеликий политик“, о котором повествует гном Вестодав в XXI письме „Почты Духов“.

LOUIS SEBASTIEN MERCIER,
Né à Paris.

*Cherchant toujours l'utile, il sut trouver le beau,
Ses Drames élégans sont Discours de morale
Il peignit les Français le vaste capitale,
Le tems, qui de Paris doit creuser le tombeau,
Détruire le modèle, et non pas le tableau.*

личные отрывки в переводах преимущественно самого Рахманинова.¹

Крылов говорил сослуживцу своему по Публичной библиотеке И. П. Быстрову, что Рахманинов давал материалы для „Почты Духов“.

Мы считаем, что Рахманинов должен был указать Крылову на сочинения Мерсье как на источник, из которого можно было почерпнуть некоторые философские рассуждения для писем Дальновида и Выспрепара. Мы считаем, что все письмо XLV Выспрепара о Царе и Истине восходит к „Философическому сну“ Мерсье „О царствовании и варварстве“.

„*Songes philosophiques*“ Мерсье появились впервые в парижском издании 1768 г. Второе дополненное издание вышло в 1789 г. под заглавием „*Songes et visions philosophiques*“. Но до этого переиздания некоторые „сны“ вошли в сборник Мерсье „*Mon bonnet de Nuit*“. *Ouvrage qui doit servir de suite au Tableau de Paris* (tt. I-II A Neuchatel, 1784, tt. III-IV A Lausanne, 1786. *Oeuvres de Mercier*, tt. 10-13). Русский перевод шести „снов“ Мерсье был напечатан в Москве в 1780 г.: „Философических снов часть I, содержащая в себе шесть сновидений. Переведенная с французского на российский язык Вольного Российского собрания Авскультантом князем Иваном Долгоруковым“. „Сон пятый. О царствовании и варварстве“ (стр. 162—206) соответствует французскому оригиналу: „*De la Royauté et de la Tyrannie*“. В сборнике Мерсье „*Mon bonnet de Nuit*“ этот „сон“ был напечатан во втором томе (1784 г.).² Предполагаем, что Рахманинов и через него Крылов познакомились с этим замечательным произведением Мерсье по тексту названного сборника Мерсье „Мой спальный колпак“,

¹ На след Мерсье в журнале „Утренние Часы“, в котором статьи преимущественно анонимны и без указания на источник, навела нас работа Ф. А. Витберга „Первые басни И. А. Крылова“ (в Известиях ОРЯС Ак. Наук, т. V, 1900, кн. I, стр. 204—259). Витберг опубликовал описание редчайшего (повидимому редакторского) экземпляра первых двух частей „Утренних Часов“, в котором почти под всеми статьями имеются подписи начальных букв имени и фамилии сочинителей и переводчиков и указания на источник при переводных статьях. Витберг в указанной статье не определяет точнее, что обозначает, напр., „Из Спал. Кол.“ или: „*Tabl. de Paris*“ и т. д., и не выясняет авторов этих сочинений. Кстати заметить, что нерасшифрованные Витбергом инициалы А. Н., мы полагаем, могут быть раскрыты, как Андрей Нартов, переводивший первую часть „Картины Парижа“ Мерсье.

² Р. 48—62.

из которого немало статей Рахманинов взял для своих „Утренних Часов“. Но естественно, что перевод И. Долгорукова (1780 г.) „Философических снов“ был также известен Рахманинову и Крылову, и мы приводим содержание интересующего нас „сна“ Мерсье в отрывках из перевода Долгорукова.

„Некогда видел я во сне, что я был беден, шатался, бегал, облечен был в худые одежды, не имея пристанища, ни же хлеба, то проходил я чрез великие города, то чрез разворенные деревни...

„В сем низком состоянии размышляя я о должности монаршей и думал, каким образом учинить народ блаженным... Я рассмотрел благо и сам себе говорил: „о несчастной, которой столь много учиняешь неблагополучных. Скольких чувствований лишает тебя горестное твоо богатство. Ежедневно ты грубеешь, а я напротив того, проливаю прелестнейшие слезы...

... Вечером уставши, взошел я в дом одного пахаря, где несколько простосердечных нищих подали мне соломенную кровать для отдыха. На сей голый постели представил я себе настоящего короля, учиняющего подданных благополучными, повелевающего самим собой и обожаемого своими подданными...

на другой день находился я на некотором поле, через которое трудно можно было пройти, я заблудился...

я усмотрел (в дубовой роще. — Б. К.) и увидел женщину в летах, но бодрую и здоровую, сидящую на разрушенном столбе; лицо ее хотя изранено было, однакож не меньше гордостью своею устрашало... морщины заставляли ее почитать.

она мне сие сказала: я тебя дожидалась, любезный сын.. ты видишь возле меня наследника пространного государства; ему надлежит владеть богатою страной... Какие сети сплетаются горделивому духу! Но он ныне может познать истину...

„Ты тот, которого боги избрали к выведению его на вершину крутой горы... На горе верной и неместной пример и картина представляется его очам... он увидит, как ему царствовать должно; ежели б он презрел сие правоучение... но он его никак не презрит.

... Не от гордости принял я на себя столь тяжкую должность, но сам в себе говорил... наконец могу удовольствоваться любовью свою к добродетели! могу я показать истину сему любезному князю... не возмогу ли я избавить моих несчастных отчичей от ужастей и нищеты меня ныне окружающей!...

„Он (князь)... сказал мне: любезный друг... ты ныне учиняешься народным истолкователем... я хочу в сию минуту изыскать общества с мудрецами... Покажи мне заблаговременно, как презирать негу, свирепо отвергать лесть и оную познавать в каком бы виде не представлялась. Естьли я или весьма привлечен буду к сей вредной стези, где столь много монархов падают, да возмогу я там найти твердого и чувствительного человека, которого бы душа истинною волею пользующаяся смело извлекла меня из моего заблуждения; да приложит он к слуху моему победительные глаголы истины и да не страшится он мне не нравиться; ибо я возлюблю

его искренность... (курсив наш — Б. К.) Князь! отвечал я ему: сидящему тебе на престоле, не будет уже времени слушать и познавать сию истину, которой ты ныне взыскиваешь; она скроется под одеждою красноречия... что значит мой слабый глас?... Увы, когда доходит до тебя вопль народа, с прилежанием рассматривающего на лице твоём некие предзнаменования будущия его судьбины, то примечай тогда жадные взоры отовсюду на тебя обращенные; они тебе говорят громогласно, красноречиво, и вопиют к тебе сим образом: о ты! в руках которого сохраняться будет наше благополучие, ах потщись познать твои должности, к совершенному исполнению оных...”

(Далее — об обиталищах „разумного“ царствования и тиранства, картины которых показывает сновидец молодому князю. Женщина — богиня, олицетворяющая добродетельное царствование, „любила вольных душ... Честь, достоинство и добродетель окружали ее двор...” Другая картина — на горе „Тиранства.“ — Б. К.)

„Сия женщина, то есть Тиранство, мнила, что трон ее неизбежно утвержен на мраморных и костяных столбах; но сущее основание оного подвижно было и повсеминутно шаталось... Все вокруг ее означало гордость, спесь, негу, роскошь и глупую пышность... Она и желала приятно улыбнуться, но принужденная ее усмешка открывала нам коварную, подлую и жестокую ее душу. Фурии составляли ее двор. Мы видели, что злость, лихоимство, неправосудие и мнимые представления потрясали пылающие ее факелы... А есть, всегда стоя, говорила ей тихо и вливала в нее свой провзительный яд...”

„... Князь, вскричал я: которую богиню ты предпочитаешь. Ах, первая — отвечал он мне: прельщает меня, удивляет... она заслуживает дары от смертных; но сия, напротив, ужасает меня... когда бы твоя десница вспомоществовала моим слабым рукам, то бы мы ее мгновенно свергли с ее каменные горы...”

... Подожди, еще князь, подожди немного и правосудие богов не замедлит явиться: увы! иногда добродетель приводит нас в заблуждение. Мы хотим свергать то, что боги беспешно мудро продолжают; они низводят тиранство на земле, чтобы оным наказать вины и злодеяния. Но уже нет ныне Геркулеса, коему бы весь свет был поручен. Сей полубог, древний защитник рода человеческого, проходил земной шар не для того, чтобы в оном истребить совершенно свирепых зверей, ибо *свирепство тигров и самых хищных зверей ничто не значит перд жервостным злоупотреблением данного полномочия и власти*, но он путешествовал для истребления тиранов на престоле сидящих, для убийения сих коронованных извергов кои... заставляют сетовать тысячи людей под блестящим сводом небес среди земных сокровищ...”

(Появляется тень покойного царя — отца молодого князя и обращается с правоучительной речью к сыну. — Б. К.)

... Еслиб боги возобновили мою жизнь, тоб вместо имени с л а в н о й возжелал бы я именуем быть м у д р ы м: тогда бы я познал, что царствование

имеет свое искусство, и что сия глубочайшая наука не в пышных дворцах почерпается, но в мыслях людей, любящих род человеческий и заступающих за него перед целым светом..."

(Видящий сон говорит князю. — Б. К.):

„Воззри на победителей земных, приводящих в бедность свои государства, и поздно свое дурачество познающих! большинство знания преимуществует всегда над чрезмерною храбростью, а честь есть славная и твердая цепь, связываемая судьбою. *Ах, если бы паки на земли являлся смелость наблюдать во всем правду, то каких выражений не изыщет неробкой и справедливой ум к описанию живейшей картины представляющей воинские ужасы?* (курсив наш.—Б. К.) Политика, человечество и благоразумие вообще войну ненавидят, для которой цари теряют сущую свою силу; не они уже страстями своими обладают, но их только министры.

„... Князь, распознай свой век, ибо сия наука весьма нужна... Слава твоя, могущество и благополучие присоединены к вольности твоего народа; ты не в состоянии будешь сделать лишний шаг без того, чтобы премудрой и правосудной глас не отдал тебе справедливости. В свете суть два господина: могущество и обычай; первой в твоих уж руках, а последний со всем блеском представляется глазам твоим. Тебе надлежит точно его узнать, чтобы иметь оное неотступно подле себя. Имей сию добродетельную величавость, помощию которой ты можешь с радостию действовать, а не отдаляться назад, если дела касаться будут до выгод человека, которым надлежит служить без разбору их воли. Я ничего не говорю тебе о награждениях; ибо нет почти на земле для того человека, который составляет блаженство смертных.

„Молодой князь, будучи приведен моими словами в изумление, клялся мне быть правым, умеренным, любить смертных, почитать их права и стараться о их благополучии. Я проснулся и все сие было мнимое щастие и одно токмо сновидение“¹

Подобно „Сну“ Мерсье прославляет „священную Истину“ другое сочинение [Мерсье] „Философ, живущий у хлебного рынка“ (СПб., 1787; второе издание П. Б. [Богдановича] —

¹ Выделенных курсивом слов в последнем абзаце нет во французском оригинале. Кроме того последний отрывок, начиная со слов: „В свете суть два господина“ переведен не совсем точно; сила выражения Мерсье несколько ослаблена в переводе Долгорукова.

В подлиннике сказано: „... il est aujourd'hui deux maîtres de l'univers le Pouvoir et le Génie; tenez le premier; l'autre se présente à vous pour vous servir: daignez le faire asseoir à vos côtés; ayez alors ce despotisme vertueux qui agit avec fierté et sans reculer d'un pas, lorsqu'il est question des intérêts de l'humanité; qu'il faut souvent servir malgré elle.“ („Mon bonnet de Nuit“, t. II, p. 113—114).

СПб., 1792; перепечатка второго издания сделана П. А. Картавовым. СПб., 1902).

Этот „философ“ — Алетофил, т. е. любитель истины, — пишет в своей бедной хижине:

„Царское дитя плачет!.. Плачь дитя! плачь! ты будешь некогда Государем... плачь!

...ты лаче нежели другой кто утомлен будешь исканием истины и тебе потребно будет иметь чрезъестественные силы, дабы учиниться великим и милосердным.

Предстанут пред тебя люди с исполненным истины сердцем, но воззрение на престол твой и на могущество заставит их от тебя отступить; истина умолкнет во устах самого отважного и добродетельнейшего человека (курсив наш.—Б. К.); никто тебе не откроет ее; ты сам должен будешь оную искать...

...величайшее из всех удовольствий есть то, чтоб пецися о народном благоденствии; но наставят ли тебя оное находить?..

...Живущий в деревне бедный земледелец продает свою шубу, дабы удалить от себя бесчеловечного сборщика, ни в чем не прощающего и несмеющего быть милосердным. Наступит зима, а несчастный не будет иметь шубы; все сие составит часть твоих доходов. Плачь!..

...Ты найдешь ласкателей, кои для собственных выгод своих неустыдятя обременять тебя нелепыми хвалами...

...Естли ты будешь проливать кровь твоих подданных так как воду, они скажут: ты хорошо делаешь...

...Самые отважные умы представляют Государям истину с единые токмо стороны, другую же представляется открывать им самим.

...Естли со временем смелость моя тебе не понравится, то помни, что тогда уже меня не будет...

...Ах, нестрашись со временем открывать книгу! Истина, которая громким своим восклицанием могла бы оглушить нежный твой слух, истина, говорю, посредством своего тихого и почтительного гласа проникнет в свободное время в душу твою... взоры твои чрез сие простое средство опустятся даже до самых низких состояний, кои в чертогах твоих совсем бывають забвенны; ибо они суть потаенные корни, питающие гордые листья, коими превозносится древо, ими приосененное (Ср. басню Крылова „Листы и Корни“. — Б. К.).

...Менее ли ты будешь от того силен, что хотя единожды преклонишь слух свой к свободному и республиканскому гласу?..

...Изречи сия слова: теките ко мне, просвещенные други человечества! и мы не зря тебя будем с тобою разглагольствовать; не подходя ко твоему престолу, священную истину к нему препроводим. Она войдет в чертоги твои одна, без страсти, без пышности, без титу и лент; она представится скромною и бескорыстною, и ты восхищен будешь непритворными ее престелями, коль скоро ее познаешь...

...когда ты вступишь в юношеский возраст... да возмогут тогда очи мои узреть тебя размышляющего под сению древес с Плутархом, Руссо и Рейналем!..

„Сон“ и „Философ“ Мерсье в „Почте Духов“ приняли несколько иные очертания. Сильф Выспрепар (письмо XLV)¹ рассказывает „о бытии его в Столице великого Могола, где, вошедши во дворец невидимкою, видел юного Владетеля, который в тот день после смерти отца своего вступил на престол, и придворные, окружающие его, говорили ему льстивые приветствия“ и передает „наставления некоторого той земли мудреца, деланные сему государю“. Однако главнейшая сущность рассказа Выспрепара остается той же, что и в „Философическом сне“ Мерсье о царствовании и тирании.

„Недавно, почтенный Маликульмульк, пролетал я поверх столицы великого Могола. Сей город обширностию своею и великолепием обратил на себя мое внимание, которое тем более умножилось, когда приметил я подле одного огромного здания великое собрание народа. В ту ж минуту спустившись в город, сделался я невидимым и пошел прямо в тот дом. Я узнал, что то был дворец, и пройдя до внутренних чертогов, увидел там молодого государя, окруженного своими вельможами, который по смерти своего отца, в тот самый день, вошел на престол“.

(Молодого царя окружают „гнусные ласкательства“, коварства и преступления. — Б. К.)

„... некто продирался сквозь толпу сего народа, близь царских чертогов предстоящего, и кричал: „Злодей! они раввратят нашего юного государя!...“ Народ почел его безумцем, вельможи кричали, что этот человек весьма опасен...

„Насилие, делаемое многими против одного человека, произвело некоторое смятение и шум, который наконец достиг до чертогов государевых. „Что там такое?“ говорил он, кто там? — Это злодей... ответствовали ему... Это возмутитель...“

(Один чиновник был покровителем тому дерзновенному человеку. — Б. К.)

„... Как! ты его знаешь? спросили у него. — Да, немного. — Кто же он таков? — При сем вопросе придверник побледнев и затрепетав от страха, говорил сквозь зубы: он . . . это бедняк . . . это один из тех . . . которые пишут. — Как его зовут? так это писатель? Да, он . . . пишет книги“.

(Юный Могол пожелал, однако, выслушать „сего человека“. — Б. К.)

„Подойди сюда, друг мой! Стражи! пропустите его . . . Какое твое преступление? — Истина, государь! отвечивал смельчак

¹ „Почта Духов“, ч. II, стр. 251—273.

(Далее — речь его к молодому государю. — *Б. К.*)

„... Уверяют, что ты ищешь истину: и так видно, что ты не хочешь умножать число тех высокомерных государей, которые во время царствования своего были только знаменитыми злодеями, а предпочтнее перед оными, желаешь быть поставлен между малым числом государей добродетельных . . .

„... Помни, что для монархов не всегда довольно бывает одного только того, чтоб любить истину и оною обладать; ибо тройкая личина корыстолюбия, страха и ласкательства прикрывает все лица, повергающиеся у подножия престола, и величество твоего достоинства есть главнейшая преона, которую ты паче всего преодолевать должен в желательном тобою искании истины.

„Ты не обрящешь ее в устах тех льстецов, которые без сомнения находятя между окружающими тебя вельможами . Глас народа также не может быть надежнейшим способом для ее открытия. И так, к кому же ты должен прибегнуть в сем случае? к мудрецам твоего государства“.

(Далее — рассуждение о мудреце, сходное с письмом Дальновида о мизантропах. — *Б. К.*)

„... Истинный мудрец имеет вид веселый, взор неробкий и усмешку непринужденную.

„... Посреди самого бедствия сохраняет он совершенное равновесие, которого никакое благоденствие и никакие дары счастья поколебать в нем не могут

„... *Ежели ты найдешь такою мудреца между многочисленными обитателями обширного твоего владения: прилепись к нему и привлеки его к себе своими милостями; удостой его твоей доверенности и повволь ему с собой беседовать; чти его как отца и люби как друга!* (курсив наш — *Б. К.*). Когда же ты делами своими достигнешь до того, что и он тебя будет почитать своим другом; и когда, следуя мудрым его наставлениям, будешь ты уметь различать истинную похвалу от ласкательства, тогда можешь принимать от всех похвалы, без всякой опасности ими развратиться; ибо тогда ты будешь человеком, достойным владычествовать над всеми земны ми обитателями“.

(После этого придворные снова своею лестью начинают смущать юного Могола. — *Б. К.*)

„... а я полетел в свой путь, проклятая подлость льстецов, которые, кажется, полагают в том свою славу, чтоб сердца монархов отвращались от добродетели, и заграждают истине путь к престолу. „Пожелай со мною, любезный Маликульмульк, чтоб сей молодой венценосец не подпал участи многих государей, которые слушают ласкательства для своего удовольствия, а наставления мудрецов для того, чтоб по вечерам засыпать от их правоучения“.¹

Это письмо Выспрепара имеет некоторые общие идеи со

¹ Ср. Политическое завещание кардинала дюка де-Ришелье французскому королю (ч. I и II, 2-е изд., М., 1788): „Доброй человек не должен рассуждать о своей пользе, когда дело касается до пользы государственной,

„Сном“ (О Царе и Истине) Радищева в главе „Спасская Полесь“ „Путешествия из Петербурга в Москву“ (1790 г.).¹

Мы же видим общий литературный источник и для Радищева и для письма Выпрепара в „Философическом сне“ Мерсье „De la Royauté et de la Tyranie“ и в его же „Философе“, в которых так явственно прозвучали еще до Великой французской революции „победительные глаголы истины“ в устах „мудреца“ — „народного истолкователя“.

Социальная же почва для появления русских „возмутительных“ речей Радищева и „Почты Духов“ в годину Французской революции была подобна почве, на которой развивались республиканские идеи Мерсье. Страшные факты русского самодержавия, требуя от писателя-гражданина творческого выражения, привели и Крылова и Радищева к одному образцу, следуя которому они могли писать свои картины крепостнического государства.

„Сон“ Мерсье остался у Радищева в той же поэтической форме „сна“. „Почта Духов“ перенесла действие в столицу великого Могола.²

Высокий риторизм, сопутствующий философски-политическому революционному пафосу Радищева, которым исполнен его „сон“, как и все „Путешествие“, не мог бы не проявиться, как творческий стиль Радищева, в письмах Выпрепара и Дальновида, если бы они принадлежали перу Радищева. Подчеркиваем поэтические образы, выражения, славянизмы, церковно-славянские синтаксические обороты, встречающиеся в „Сне“ Радищева и создающие его патетический стиль: „тимпаны моего уха“, „змея, крыющаяся в излучинах

и что самой верх верности, какую можно желать от доброго служителя, состоит в том, чтоб он простосердечно докладывал своему государю о том, что он знает в его пользу, не бояся привлечь на себя ненависть тех, кои при нем в великой силе, ниже самому ему опостылет; но мало таких весьма ревнительных служителей, коиб захотели столько отвергнуться“ (ч. I, стр. 213—214).

¹ Алексей Веселовский (Этюды и характеристики, 3-е изд., М., 1907, стр. 127 и сл.) сопоставляет „Сон“ Радищева с IV письмом Дальновида о мизантропах. В. В. Калаш в примечании к XIV письму „Почты Духов“ (П. с. с. Крылова, т. III, стр. 162 прим.) предлагает сравнить это письмо с главой об „истине“ в „Путешествии“ Радищева.

² На последнее обстоятельство, возможно, повлияли Сказки Духов или Забавные наставления Горамы, сына Асмарова (ч. I—VI, М., 1785), в которых упоминается „Двор Великого Могола“.

душевных“, „светское ристалище“, „нега власти“, „окаменелости злодеяния“, „мне спящу“, „да отжену темноту“, „изжени сию гордую чернь“, „егда восхощешь меня видети“, „взалкает моего взора“, „воззови меня из твоея отдаленности“, „там меня и обрящешь“, „не убойся гласа моего николи“, „блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя“, „отыду от тебя“, „возгнушался я“, „отвратил очи мои“, „возревел я яростию гнева“, „вострепетал во внутренности моей“; „я есмь истина“, „сопутствуемы были искренности наружными чертами“ и т. п.

В письме Выспрепара один из придворных юного Могола, стремясь не допустить к царю „дерзновенного“ мудреца — „писателя-возмутителя“ — глашатая Истины, говорит о нем: „Еще не прошло трех лун от того времени, когда дерзал он предлагать, чтоб сделать уравнение в цене жизненных припасов с ценами разных безделок, служащих к нашему украшению“.¹ Действительно, в июльской книжке „Почты Духов“ (а XLV письмо Выспрепара напечатано в августовской книжке), в письме XXXIX гнома Зора (Зор — неоспоримо Крылов) мы читаем такое рассуждение: „...здешний житель, которой почитает себя важным в большом свете, желая сохранить свою важность, несет свой годовой доход, состоящий из трех тысяч р., в лавки... Таким то образом богатый помещик преобразует свой хлеб и своих крестьян в модные товары... Итак, мудро ли, что здесь недостаток в хлебе, ибо надобно, по крайней мере, четыре куля муки, чтоб преобразить их в посредственную английскую шляпу, и надобно десять кулей, чтоб иметь простые серебряные на ногах пряжки“.² В данном случае, мудрец-писатель, открывающий Истину юному Моголу, явно отождествляется с гномом Зором. Этот факт³ также подкрепляет наше отрицание авторства Радищева для письма Выспрепара и говорит за авторство Крылова.

V

В философических письмах Выспрепара и Дальновида, хотя и несколько отличающихся по стилю от сатирико-бытовых писем Зора, Буристона, Вестодава, Бореида и др., невозможно без натяжки находить элементы языка и стиля

¹ „Почта Духов“, ч. II.

² „Почта Духов“, ч. II.

³ На него нам любезно указал Г. А. Гуковский.

Радищева. И нужно ли предполагать редакторскую работу юного Крылова над мнимыми статьями Радищева, если нет сомнения в том, что основные идеи писем Дальновида и Выспрепара были по-плечу и самому Крылову? Ведь материал для них открывался ему и в русских сатирических журналах его времени, в особенности в журналах Новикова и Страрова, и в сочинениях французских мыслителей.

Мы уже выяснили, что многие „идиомы“, присущие философическим письмам „Почты Духов“, налицо и в подлинных сочинениях Крылова.

Мы можем добавить еще ряд сопоставлений в данном направлении.

„Каиб. Восточная повесть“ Крылова,¹ его рассказ „Ночи“,² его сатиры „Похвальная речь в память моему дедушке“, „Мысли философа по моде“,³ написанные через три года после „Почты Духов“, характеризуются не только сатирическим бытописанием, но и философическими размышлениями и рассуждениями, подобными письмам Дальновида; поэтика произведений Крылова 1792 г. также отличается от художественного стиля писем Зора, Буристона, Вестодава, как и стиль писем Дальновида. Здесь разрешается проблема разных прозаических жанров. С одной стороны — сатирическая картина быта, с другой — философская сатира.

„Где есть люди, там всегда найдете добродетели и пороки; где есть деньги, там найдете роскошь и скупость, богатство и нищету; в городах увидите вы равнодушие к несчастю ближнего, в деревнях сострадание и гостеприимство; ибо сельский житель, подражая природе, учится у ней быть податливым; а городской житель, гоняясь за счастьем, учится у него быть слепым и несправедливым...“

„Признаюсь, что я много верил эклогам и идилиям, сказал Калиф. Фея! слова твои сбываются: вижу то, чего ты никогда не подозревал. Стихотворец сказал правду, что поэты обходятся с людьми как живописцы с холстяною... О! теперь-то даю я сам себе слово, что никогда по описанию моих стихотворцев не стану судить о счастье моих любезных мусульман“.

... слово „мое“, на которое право стояло мне, может быть, 300 000 добрых мусульман, слово это теперь меня не восхищает. О гордость! сколь ужасно тебе воздаяние!...

Не напоминают ли процитированные отрывки из „Каиба“ Крылова „философические письма“ „Почты Духов“?

¹ Зритель, 1792, ч. III, стр. 90—108, 257—306.

² Ibid., ч. I, стр. 70—80, 140—160, 228—250, ч. II, стр. 95—116.

³ Ibid., ч. II, стр. 279—295.

Или из „Ночей“ Крылова:¹

„Гордый городской житель! если тебе случится быть ночью на великолепнейшей площади, окинь взором вокруг себя, сравни, если ты можешь, между собою пышные здания твоих сограждан и покажи мне, когда смеешь, различие между убогим шалашом и огромными чертогами гордости.

„Где те пышные здания, за несколько часов назад удивлявшие прохожих, и наружностью которых гордилось целое государство?... наступи а ночь — и сравнила их с шалашами убогих. Смертный, вот изображение твоих дел! вот изображение того, каким образом вечность сравнивает честолюбивые твои подвиги с ничтожеством!..

„... Сильнейшие монархии пали, с ними исчезли подки мнимых героев, идолов народа. Все разрушается: владения и племена исчезают; на что ни обратим взоры, все скорыми шагами течет к своему ничтожеству; но Орфей и Гомер цветут, и голос их столь же пленителен, как и в ту минуту, когда оа ими произносился.

„... Один только мудрец, торжествуя над смертью, похищает право говорить с позднейшим своим потомством...

Не те же ли мысли и в письмах Дальновида (письма II, XX, XXII, XXXIII)?²

Не смелые ли для своего времени речи слышим мы в таких сатирах Крылова, как „Похвальная речь в память моему дедушке“ и „Мысли философа по моде“?

„... он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов вырабатывают в год; он сильные подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два, три с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдается величайший пост...“³

„Иметь предка разумного, добродетельного и принесшего пользу отечеству — вот что делает дворянина, вот что отличает его от черни и от простого народа, которого предки не были ни разумны, ни добродетельны и не приносили пользы отечеству. Чем древнее и далее от нас тот предок, тем блистательнее наше благородство“...⁴

„С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человек, что ты дворянин и, следовательно, что ты родился только поесть тот хлеб, который посеют твои крестьяне, словом: вообрази, что ты счастливый трутень, у которого не обгрызают крыльев“...

¹ Зритель, 1792, ч. I, стр. 76—78. „Ночи“ Крылова написаны под сильным влиянием сочинений Лесажа „Хромой бес“ и „Жилблаз“. См. В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, в. I, СПб., 1909, стр. 646.

² Ср., напр.: „... все люди в каком бы состоянии не были (выключая из того числа немногих только любомудров) суть равно несчастны в глазах истинного Философа...“ „Почта Духов“, ч. I, стр. 12.

³ Похвальная речь, Зритель, 1792, ч. III, стр. 64—65.

⁴ Ibid., ч. III, стр. 67.

Эти обличительные выпады Крылова могут быть сопоставлены с письмами Дальновида о „благородных“ дворянх-невеждах и тунеядцах (п. XX), и „о некоторых государях и министрах, кои поступками своими причинили великий вред людям“.

„... смерть... бедного земледельца (пишет Дальновид) во сто раз жесточе смерти война, оканчивающего в одно мгновение жизнь свою на сражении. Тщетно бедные подданные стараются скрыть малые остатки своего стяжания от жадности корыстолюбивого государя; определяемые от него надзиратели, сборщики и поставщики пробегают беспрестанно города и селения; и сии ненасытные пиявицы высасывают кровь у бедного народа даже до последней капли“.¹

„... Вспоминая пагубные дела некоторых бесчеловечных законопроповедников, не могу удержаться, чтоб не ощутить к ним величайшего омерзения. Против воли липаюсь я философической моей твердости; ибо бедствия причиненные людям суверенем, так велики, что рассуждая об оных, нельзя быть равнодушну...“

В последних словах Дальновида (письмо XX)² исследователи, утверждавшие об участии Радищева в „Почте Духов“, особенно усматривали лицо Радищева с его „философической твердостью“.

¹ „Почта Духов“, ч. I, стр. 244.

Выражение „ненасытные пиявицы“ встречается и в „Путешествии“ Радищева (в главе „Пешки“: „Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, воздух...“ — Полн. собр. соч., т. I, стр. 358). Но такое совпадение вполне естественно. Выражение „ненасытные пиявицы“ и у Радищева и в „Почте Духов“ необходимо возникает из общего контекста и заменяет собою прямое наименование — кровопийцы.

Картину бедствия народного при деспотическом правлении можно увидеть и в сочинении Циммермана, Народная гордость, перев. с французского языка. М., изд. Компании типографической, 1788.

Из гл. 9 „О гордости Республиканца“: „... И как деспотический правитель не ведает совсем прав человечества, то и почитает своих подданных на подобие созданий, рожденных быть несчастными во всю свою жизнь подобно зверям, коих кормят с тем только намерением, чтобы они беспрестанно трудились... Вот для чего подданные в Деспотическом правлении толь бедными кажутся, и жилища их так скудными, их одяние и пища толь недостаточны, и на подобие зверей своя земля бывають изображением голода... (стр. 123—124).

„... Для чего, говорит земледелец, мне трудиться для тиранна, который у меня назавтра похитит все то, что я нынешний день собрал в поте лица своего?...“ (стр. 130).

² Ibid, стр. 246.

Вникнув же в смысл журнальной сатиры Крылова 1792 г., трудно отрицать, что и Крылов также „против воли“ мог лишиться такого спокойствия философа, весьма ему свойственного.

VI

Не расширяя, за недостатком места, материалов, дающих возможность закрепить авторство Крылова за философическими письмами „Почты Духов“, мы должны остановиться на нескольких высказываниях Дальновида, которые не соответствуют образу мыслей Радищева и в то же время не противоречат идеологии Крылова.

Автору сочинения „О человеке, о его смертности и бессмертии“ трудно приписать размышление Дальновида (во II письме „Почты Духов“) о „загробной блаженной жизни“, которая будет наградою добродетельному человеку за „мудрое поведение на сем свете“, о „бесконечном продолжении“ этой будущей жизни.¹

Не Радищев мог вложить в уста Дальновида (в письме XXX)² рассуждение о том, что „науки не рождают истинной мудрости, ибо она иногда встречается и у низкого ремесленника и у хлебопашца“, и что „лучше чтить спокойное и кроткое невежество бедного художника, нежели тщетные и бесполезные познания тщеславного любомудра и высокопарного Витии“.

Вряд ли Радищев мог с похвалой говорить о тех ученых, „которые обуздывая свои желания, полагают им некоторые границы и не позволяют себе проступить оные“ (в том же письме Дальновида).³

Не свойственна революционно-политическому мышлению Радищева такая осторожность, даже некоторый консерватизм, неожиданно прорывающийся в письме XXXVII Дальновида⁴ о дворянстве и дворянах:

„Но когда я столь явно осуждаю людские предрассудки о Дворянстве, то однако ж не желаю сим утверждать, будто оно должно быть презираемо. Я совсем не имею таковых мыслей: а только бы хотел, чтоб оно тогда только было почитаемо и уважаемо, когда украшается многими почтенными

¹ П. Д., ч. I, стр. 19.

² Ibid., ч. II, стр. 88.

³ П. Д., ч. II, стр. 97.

⁴ Ibid., стр. 143—145.

качествами.. Я полагаю, что в государстве благоустроенном непременно нужно, чтоб были различные чины и достоинства, из которых некоторые должны быть даваемы людям, имеющим хорошее воспитание, приводящее их в состояние и способность исполнять вверяемые им должности“.

Приведенные цитаты из писем Дальновида обнаруживают черты философского скептицизма и отчасти политического консерватизма, которые едва намечаются в „Почте Духов“, но получают дальнейшее определенное развитие в творчестве Крылова-баснописца.

Такие его басни, как: „Огородник и Философ“, „Водолазы“, имеют свои зародыши в процитированных рассуждениях Дальновида.

Между прочим, VII письмо Дальновида о бедной золотошвейке и господах Расточителеве и Плутане ни по стилю, ни по содержанию не отличается от писем Зора, Вестодава и Буристона. Бытовые картины в таких письмах Световида, как XIII, XIX (о модницах и петиметрах, „о театральнх девках“ и их любовниках и т. д.), также во всем подобны письмам, авторство которых закреплено с достоверностью за Крыловым.

Н. П. Сильванский (в примечаниях к изданию „Путешествия Радищева“ стр. 288, СПб., 1905) находит автобиографические черты Радищева в письмах Астарота (V, XVIII, XXXII). В одном письме Астарот принимает вид таможенного сборщика, в другом употребляет термин „акциденция“. Но, по нашему мнению, в этих случаях не следует усматривать обязательно автобиографические намеки.

В сочинении Мерсье „Картина Парижа“, из которого „Утренние часы“, а за этим журналом „Почта Духов“ выбрали нужный материал, можно прочесть, между прочим, специальную главку о таможне („Tableau de Paris“, т. I, гл. LXXIV „La Douane“). Термин же „акциденция“ встречается и в новиковском „Живописце“ (ч. I, изд. 3, стр. 128, СПб., 1775... „а взятки ни что иное как акциденция“...). Кроме того, тип хвастуна („Нововыезжий Дон-Кихот“), изображенный в XXXII письме Астарота, встречается часто и в сочинениях Крылова, что отмечено уже В. В. Каллашом (Полн. собр. соч. Крылова, т. III, стр. 48, прим.).

Небезынтересно отметить, что в объявлении Свешникова (см. Стихотворения Карабанова, М. 1812) о выпущенном им

в 1802 г. втором издании „Почты Духов“ указано: „Почта Духов“, сочинение критическое Ив. Крылова“. Также в „Росписи российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина“, СПб., 1828, под № 9703 значится: „Почта Духов... Издал Иван Крылов“.

„Путешествие из Петербурга в Москву“ — это творческое выражение революционного пафоса Радищева — должно было поглощать всецело писателя в 1789 г., когда он усиленно работал над своим героическим произведением. Уже исходя из одного этого обстоятельства, можно сомневаться в таком деятельном сотрудничестве в „Почте Духов“, какое должно подразумевать, судя по обширным письмам Дальновида и Выспрепара. Они занимают в журнале 146 страниц (письма Световида и Астарота — 92 стр.; всего же в „Почте Духов“ 621 стр.). Произведенный же нами историко-литературный анализ этих писем приводит нас к отрицанию авторства Радищева и к убеждению, что автором философических писем „Почты Духов“, как и писем сатирико-бытовых, был И. А. Крылов.

И. М. ТРОЦКИЙ

К БИОГРАФИИ РАДИЩЕВА

(СЫНОВЬЯ РАДИЩЕВА В ПЕРИОД ОТЦОВСКОЙ ССЫЛКИ)

И. М. ТРОЦКИЙ

К БИОГРАФИИ РАДИЩЕВА

(Сыновья Радищева в период отцовской ссылки)

„1790 года июля 11 дня коллежский советник и кавалер Александр Радищев спрашиван и показал: ... детей у него четверо; сыновья Василий 13-ти, Николай 12-ти сержантами, а Павел по 7-му году фурьером в Измайловском полку; дочь Катерина по 8-му году“.*

Судьба оставленного семейства не могла не беспокоить ссыльного отца, и письма его с дороги в Илимск к А. Р. Воронцову пестрят упоминаниями о детях. В одном из первых писем он благодарит Воронцова за оказанную им материальную поддержку;** в следующем письме из Нижнего от 20 октября 1790 г. он уделяет этому вопросу много места: „... Но что может рассудок над чувствованием? Я по себе теперь вижу, что разум идет чувствованиям в след, или ничто иное есть как они; по системе гельвециевой, вертится он около одной мысли, и все мое умствование, вся философия исчезают, когда вспоминаю о моих детях. Призрите их, милостивой государь; если милости ваши обращались и ныне еще не престают изливаться на несчастного их отца, не лишите их таковых же, наставьте, накажите. Я чувствую, что, лишась своего отца, они лишаются и многого чего, о чем бы и мыслить я не мог. Избавьте их худого примера, которой на будущее их житье может дурное иметь действие. Большие мои дети, если ваше сиятельство изволите их спросить наедине, могут уже сказать, что сообщество с братом моим Петром Николаичем для них вредно. Я пред чувствительною душою изливаю мою печаль

* Архив кн. Воронцова, т. V, стр. 444.

** Там же, т. XII, стр. 426.

и для того не убоюсь".* Как известно, двое младших детей приехали вместе с свояченицей и будущей женой Радищева Е. В. Рубановской к нему в ссылку; но оставались старшие сыновья, и их участь продолжала беспокоить отца.

Уже из приведенного отрывка мы видим, что в этом вопросе Радищева смущала не только и не столько материальная сторона. Он знал, что детей его не оставят ни родственники, ни покровитель его Воронцов. И действительно, еще не кончилось следствие по делу Радищева, как брат его, советник архангельской таможни Моисей Николаевич Радищев, изъявил желание выйти в отставку, чтобы посвятить себя своим племянникам, и отказался от этого плана, повидимому, только под влиянием того же Воронцова. Но Радищева беспокоит воспитание его детей, он боится „худого примера“, хотя бы со стороны своих ближайших родственников, боится, что покинутые подростки „лишаются и многого чего, о чем бы и мыслить я не мог“. Действительно, для человека со стройной педагогической системой, поклонника Руссо и Базедова, такая забота не могла казаться несерьезной. К казенной науке, к наемным учителям он относился с резким осуждением. Выведенный им в „Путешествии“ идеальный воспитатель, крестецкий дворянин с гордостью говорил своим детям: „никогда наемная рачительница не касалась телеси вашего, и никогда наемный наставник не коснулся вашего сердца и разума“. Следуя этому правилу, Радищев, конечно, всех детей хотел воспитывать сам и в отношении старших уже успел, повидимому, достичь известных успехов: предложение Воронцову „вопросить их наедине“ исходит из предположения, что они уже усвоили отцовский критерий добра и зла. Но сделать их достойными „гражданами“ он уже не мог, хотя и утешал себя мыслью, что пережитое горе послужит им на пользу:

„... Что же касается двух моих старших, то я пребуду спокоен: они будут жить под вашим покровительством. Мне горестно быть разлученным с ними, не имея возможности закончить их воспитание. Возможно, что и оно имело некоторые погрешности, но только через 4 или 5 лет можно будет судить о принципах, на которых оно основано. Небо судило

* Там же, т. V, стр. 286.

иначе и, не будучи Панглоссом, — возможно что оно и к лучшему; ибо часто мы видим, как самое заботливое воспитание создает уродов единственно из-за ошибок или чаще благодаря недостаточному вниманию к обстоятельствам, иногда мало приметным. Итак, я утешаюсь тем, что в том возрасте, когда разум пытается освободиться от помочей детства, они испытали несчастье, урок всегда удивительный, приводящий человека к его примитивному состоянию, и который существо, слишком гордящееся условным величием, превращает в существо скромное, а из существа униженного делает человека.“*

Выражения заботы о сыновьях неизменно встречаются и в последующих письмах Радищева, но имеют уже более сдержанный характер. Можно думать, он убедился, что судьба их в хороших руках и что воспитание их ведется в соответствии с его требованиями. Верховный надзор осуществляя он сам, непосредственно воспитывал детей его брат М. Н. Радищев под патронатом Воронцова, следившего за их карьерой и вместе с тем контролировавшего и их успехи в науках.

Отношение М. Н. Радищева к брату сформулировано им самим в одном из неизданных писем к Воронцову: „... все, что до него принадлежит, мне весьма больно; чувствовавши в полной мере все несчастье его; и естли б возможно было мне променяться состоянием своим с ним, то б минуты не подумал, дабы его возвратить в объятия любезных нам родителей и несчастных его детей“. Попечения о „несчастных детях“ и были одной из услуг, оказанных брату, и как можно видеть по письмам М. Н. Радищева к Воронцову, он делал все, чтобы не заслужить упрека со стороны отца своих питомцев.

Писем М. Н. Радищева к Воронцову, бывшему его начальником, сохранилось довольно много, и упоминания о племянниках в них достаточно часты. Мы приводим только несколько выдержек, характеризующих принципы воспитания сыновей изгнанника.

(Из письма 20/XI 1793) ¹

Поелику детям брата моего за неокончанием нужных наук для военной службы нужно еще год пробить в отпуску, то я препровождаю при сем пашпорты их, коим срочное число

* Там же, стр. 290, письмо из Тобольска от 8 марта 1791 г. В оригинале по-французски.

будет генваря 19 дня будущего года. Вашего сиятельства всепокорнейше прошу сделать милость о исходатайствовании им от срочку.² Я прилагаю письма их, кои они начертали, дабы изъявить пред вашим сиятельством слабое свое суждение в истории. От брата я получил письмо от 2-го сентября, он слава богу здоров.

(Из письма 30/IX 1793)³

дети брата моего здоровы и обучаются изрядно и с довольным успехом всему что оным преподают. Они прилагают при сем письмо к вашему сиятельству и при оном перевод стихов ими переведенных;⁴ сей есть первой опыт их в сей науки. В прочем время их идет напрасно.

(Из письма 6/I 1794)³

Поелику срок отпуска детям несчастного моего брата кончится в нынешнем месяце; то я намерен отпустить их в Питербурх для вступления в настоящую службу, почему вашего сиятельства! всепокорнейши прошу сделать милость покровительством своим их не оставить и при вступлении их начальникам сделать рекомендацию, которую они б им⁵ могли вручить. Оное им послужит весьма много. Я б и сам с ними поехал; но какие обстоятельства меня здесь удерживают, вашему сиятельству уже известно. Но признаюсь, милостивой государь! надлежало б им еще быть под рукою у (не разобр.) в Питербурхе, не токмо для совершенного окончания математических наук; но более показать, каким образом должны они вести себя при вступлении их в свет. Брат же, которой ныне отправился в Питербурх, долго жить с ними не может по причине обязанности ево в Саратове.

(Из письма 28/X 1794)³

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства от 8 октября честь имел получить, за которое свидетельствую чувствительнейшую мою благодарность. А притом донесу, что не много мне стоило попечения, чтоб начатые семена наук в племянниках моих возрасти. Полза, какая от оных проистекает, им самим известна, а потому толикое они имели старание о

приобретении их. Надлежало б им еще несколько времени употребить на изучение военной и гражданской архитектуры, о чем я приложу мое старание.

(Из письма 25/I 1795)⁶

...Пребывание племянников моих в Питербурхе и служение их не мешало им заниматься учением. Но признаюсь, милостивой государь, что молодость их и неопытность подвержены быть могут разным приключением без какого руководства; и потому, хотя я и неуповаю, что б они могли быть отвлечены от прямого их упражнения, но ваше сиятельство величайшую милость оказать им изволили бы, ежели переместите их ныне в иностранную коллегию курьерами. Здоровье их позволяет им быть употребляемыми в разные посылки, а частые вояжи в иностранные государства доставили бы им конечно болше сведения, нежели они могут приобрести, быв в России. Но ежели они в посылки употреблены и не будут, то они болше бы могли иметь время, при иностранной коллегии, нежели в полковой службе, на приобретение познаний в начатых ими науках.⁷

(Из письма 24/III 1795)³

Как дети несчастного брата моего ныне со мною, срок же отпуска их окончится первое мая, то всепокорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать им еще отсрочку на год, иначе они окончить ни военной ни гражданской архитектуры немогут; особенно без первой продолжение воинской службы не всегда выгодно.

Итак, „семена наук“, брошенные отцом, всходили успешно, и юноши прогрессировали как в математических и архитектурных науках, так и в истории и пиитике.

Мы располагаем, однако, дополнительными данными о ходе воспитания сыновей А. Н. Радищева. Это — упомянутые их дядей в одном из приведенных выше писем детские сочинения по истории и два письма их к Воронцову из Москвы и Петербурга. В первом случае, как увидим ниже, братья поделили между собой темы, но освещение их дали одинаковое.

I

Сиятельнейший граф

милостивой государь!

Пользуясь благоволением вашего сиятельства, оказанном к письму моему, приемлю ныне смелость изъявить вам, милостивой государь, слабые мои в истории познания и льщусь надеждою, что они вашему сиятельству противны не будут.

Проходя с возможным прилежанием историю, я заметил, что ничего нет столь возвышающего душу и научающего, что есть истинное благо в обществе, как она. Греция была картиною великих возмущений и раздоров. Но где ж исключая Рима найдем мы столько мужей, прославившихся в краткое время пространством добродетелями, высокими знаниями и свободными науками и искусствами. Темная и неосновательная древность Греции представляет непроницаемый покров басен и лжей, и по сему сии времена совершенно отвратительны. Но какое приятное зрелище представляют нам времена Солонов и Ликургов.⁸ Афины восходящие на высочайшую степень славы, Спарта утверждающаяся на нерушимом основании мудрыми законами, вся Греция, производящая великих людей во всяком роде! Таковая картина приятнее взору, нежели история народов непросвещенных и суровых. Вся Греция соединялась в одно под славным судилищем Амфикионов, разбиравшем общие дела Греции.

Но не долго благословенная сия страна пребыла спокойна. Дарий Гистасп царь персидский, возбуждаемой склонностию к завоеваниям, под предлогом возвращения Иппию сыну Пизистратову тиранской его в Афинах власти, напал на сию республику с войском, более нежели из ста тысяч человек состоявшем. Афины и Платея выставили против него не более десяти тысяч человек. Но между полководцами их был Мильтиад, человек хотя и убогий, но искусный, мужественный и добродетельный, и ему все десять вождей поручили верховное над воинством начальство. Мильтиад разбил изнеженных и к роскоши привыкших персов и потом всех их союзников: но зависть свергла его, и он скончался в темнице.⁹

Сие время есть начало побед и успехов греков. Ксеркс сын Дариев последовал отцу своему в сей войне и продолжал

оную через всю свою жизнь. Но Павзаний, Аристид и Фемистокл разбивали многочисленные его войска; однако из всех отдать должно честь одному только Аристиду за его справедливость и добродетель.¹⁰ Сия война, кончившаяся уже при Артаксерксе Мнемоне, была для Греции пагубна. Она развратила нравы народные, вливая повсюду вкус к персидской роскоши и неге; пример начальствующих развратил подчиненных; законы ослабли как и мужество; наконец Филипп царь Македонский управлял греками по своему благорассуждению, а Александр сын его оставил им только тень вольности.¹¹ По смерти их хотя греки и получили прежнюю свою свободу, но разделившись на два союза, на Етольский и Ахайский, раздорами своими влекли себя к своему падению, и не трудно уже было римлянам завладеть отечеством наук, художеств и всех добродетелей.¹² Произшествии сии ясно доказывают, что доколе Греция пребывала в своей добродетели, доколе правители ее прилагали попечение к делам народным, то она и процветала; но едва они переменили образ жизни своей и применились к персидской роскоши, то и нравы народные переменились; из начальников сделались они тиранами, а ослабив власть и силу законов, привели отечество свое к падению.

Если я столько распространил свое повествование, то сделал сие в надежде, что не навлеку на себя неудовольствия вашего сиятельства, и для показания приемлющему о мне попечение всех слабых моих знаний. Пребываю с глубочайшим почтением и совершенною преданностию

Вашего сиятельства

милостивого государя

всепокорнейший слуга

Николай Радищев.¹³

Ноября 20 дня

1792 года

Архангельск.

II

Сиятельнейший граф,

милостивый государь!

Узнав от дядюшки, что последнее письмо мое не принесло вашему сиятельству беспокойствия, принимаю паки смелость изъяснить пред вами мысли мои. Милостивый государь! они

еще не совершенны, но надеюсь вы простите юноше, желающему токмо показать плоды, под руководством вашим насажденные, и горящему желанием быть более и более достойным похвальных, приемлемых о мне и о брате моем вашим сиятельством.

Из письма моего ваше сиятельство усмотреть изволили, что я почитаю историю человеку весьма нужною, то и обращаю паки взоры свои на предметы, в оной предлагаемые. Проходя в памяти моей достойнейшее примечания, нашел я две республики, Римскую и Карфагенскую, толико во всей древности главные, из коих перьвая основана за 753 года до рождества христового, вторая за 885 лет до начала той же еры. Перьвая состояла с начала из общества людей всякого достоинства, не имевших постоянного жилища, следовательно долженствовавших доставать себе нужное вооруженною рукою. Последнюю устроила Дидона, сестра Тирского царя Пигмалиона, желавшего похитить у ней богатство мужа ее Сихея. Для сей причины она оставила Тир и поселилась на африканском берегу Средиземного моря, против острова Сицилии. Как римляне так и карфагеняне вели почти беспрестанные войны для распространения своих пределов, не трогая друг друга. Могущество и слава римлян по всему свету распространялись; но карфагеняне, привязанные больше к купечеству, побеждали токмо окресных народов. Наконец, за 264 года до начала еры христианской поссорились сии два народа и вели три весьма тяжкие войны, 118 лет продолжавшиеся и известные под именем Пунических. Причину к начатию перьвой подала зависть римлян, желавших також владеть Сицилиею. Сии последний отняли у карфагенян многие острова Средиземного моря. Полководец их Амилкар, желая вознаградить потеряние Сардинии, завоевал большую часть Гишпаниии. Второй Пунической войне подал повод Анибал, сын Амилкаров, напад в мирное время на город Сагунт, ни кому не подвластный и римлянам союзный, карфагеняне лишились в оную всех земель, вне Африки лежащих. Третью войну начали римляне по представлению Катона Цензора, посланного в Карфаген для примирения его с Масиниссою царем Нумидийским. Сей муж, пылая желанием ко славе своего отечества, донес сенату, что карфагеняне могут паки зделаться им страшными. Сие было начало третьей Пунической войны, окончившейся совершенным разорением республики Карфагенской.

Теперь, сиятельныйший граф, позвольте мне прервать мое повествование, которое описывал я нарочно не весьма подробно, дабы иметь время рассудить, полезно ли было Римской республике приобретение земель Карфагенских? По моему мнению, милостивый государь, римляне токмо развратились сим приобретением, ибо не имея оных, алкали они получить славу, а с завоеванием потух в них огонь, возвышавший их толико перед прочими народами. Получив в руки свои неисчетные богатства, приобретенные карфагенянами чрез торговлю, предались они роскоши.¹⁴ Тогда властолюбивые полководцы их, набогатившиеся добычами, не любовью привлекали к себе воинов, но деньгами. Междуусобные несогласия вскоре сему последовали, и зрели уж империю Римскую солдатами проданную больше дающему Дидию Иулиану.¹⁵ Прочии правительствовавши самовластно оной расхищали ее. Таковы суть Нерон, Галба, Вителлий и многие другие изверги, в оной царствовавшии. Наконец варварский народы, вышед из севера, разорили до основания империю Римскую, так что ниже остатков величия оная не видно, кроме как в письменах историков. Одно воспоминание сих времен приводит в содрогание. Малое число римских император заслуживают примечание по их благодеяниям, и для того большая часть оных погибли насильственно. Из сего следует, что лучше бы римлянам не делать завоеваний и сохранять в умеренных пределах величие свое.

Простите мне, сиятельныйший граф, естли я наскучил вам толь долгим письмом моим; но желание показать себя достойным милостей вашего сиятельства и поощрении родителя нашего побудили меня изъяснить мысли мои пред вами, щастливым почту себя, естли будут они приняты благосклонно, пребывая с глуббчайшим почтением и совершенною преданностью

Вашего сиятельства

милостивого государя

всепокорнейший слуга

Василий Радищев¹⁶

Ноября 20 дня
1792-го года
Архангельск.

III

Сиятельнейший граф
милостивой государь!

Непрестанные милости, изливаемые на нас вашим сиятельством, придают смелость беспокоить вас, милостивой государь, нынешним нашим письмом для изъявления вам чувствительнейшей благодарности за присылку нынешней нашей отстрочки. Верьте, милостивой государь, что все время, которое нам позволено еще пробыть не вступая в службу, будет употреблено на то, чтоб усовершенствовать все, что мы начали, и к приобретению новых знаний, могущих нас соделать полезными сынами отечества и достойными милостивых ваших попечений. Никогда не пресечется в нас искреннейшая благодарность и глубочайшее почтение и совершенная преданность, с которою имеем честь быть

Вашего сиятельства
милостивого государя
покорнейшие слуги

Василий Радищев.
Николай Радищев.¹⁷

Февраля 19-го дня
1793-го года
Москва.

IV

Сиятельнейший граф,
милостивый государь!

Простите нам, что приехав сюда толь долгое время пребыли мы в молчании и не уведомили о том ваше сиятельство. Не подумайте, милостивый государь, чтоб причиною тому было нерадение или забвение долга своего; но стечение обстоятельств, положив нам преграду, было тому причиною.

Вступив ныне в службу, не имеем мы покровителя, ниже кого либо из родных своих для руководства нами. К кому же прибегнем в сем состоянии? Естьли не к вам, милостивой государь, зная ваше ко всему нашему семейству благорасположение. Не оставьте, сиятельнейший граф, попечениями своими людей в жизни неопытных и гонимых судьбою, коих желание есть удостоится оных добрым своим

поведением и изысканием знаний полезных, коим посвятили мы остающееся у нас время. Они конечно не причинят вреда нам; а увеличат наше щастие, соделывая нас добрыми гражданами. Позвольте, милостивой государь, утруждать вас своими письмами и уведомлениями о приобретенных нами успехах, чтоб ваше сиятельство могли видеть, на что мы употребим свое здесь пребывание, которое нам не весьма приятно. В прочем предаюсь в покровительство вашего сиятельства и прося о неоставлении несчастного нашего родителя с глубочайшим почитанием и совершенною преданностью пребыть честь имеем

Вашего сиятельства

милостивого государя

покорнейшие слуги

Василий Радищев.

Николай Радищев.¹⁸

Февраля 27 дня
1794-го года
Санкт-Петербург.

Итак, молодые Радищевы собирались стать „полезными сынами отечества“ и „добрыми гражданами“. В соответствии с этим идеалом они уже в 14—15 лет усвоили отношение Монтескье и Мабли к античности, идеализовали добродетель Ликургов и Солонов и суровых республиканцев Рима и узнали, что роскошь и нега развращают нравы народные и что „малое количество римских император заслуживают примечание по их благодеяниям, и для того большая часть оных погибли насильственно“. Можно думать, что подобные точки зрения усваивались тем легче, что юношам были известны и отцовские взгляды: недаром они пишут, что рассуждения свои сочиняют с родительского поощрения. Отцовские настроения все время витают над школьными упражнениями сыновей, и то, что с наивностью неопитов изложено в письмах к Воронцову, приобрело форму поэтического трактата в одном из последних произведений Радищева — „Песни исторической“.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот и все последующие документы заимствованы из архива Воронцовых и публикуются впервые. Письмо написано писарской рукой, с собственноручной подписью *М. Н. Радищева*.

² Воронцов не замедлил принять нужные меры. Сохранился черновик его письма от января (без числа) 1793 г., к которому были приложены паспорта молодым Радищевым с пролонгацией на год.

³ Все письмо рукой *М. Н. Радищева*.

⁴ Обнаружить не удалось.

⁵ В оригинале, повидимому, описка - „вам“.

⁶ Все письмо писано писарской рукой, с собственноручной подписью *М. Н. Радищева*.

⁷ Повидимому, Воронцов не признал это предложение целесообразным. Кроме того, как раз в это время *А. Н. Радищев*, вследствие отъезда *И. А. Пяля*, потерял связь со своими родными, а без его санкции отправлять молодых людей за границу их попечители вряд ли решились бы. Во всяком случае, следующее письмо молодых людей свидетельствует, что молодым Радищевым был исходатайствован новый отпуск, который они провели у дяди в Архангельске.

⁸ С этим местом любопытно сопоставить следующий отрывок у *А. Н. Радищева* в „Песни исторической“:

Се исходит предо мною
И очам моим явился
Муж божественный, муж дивный,
Что умом своим объявши
Всю народную связь тела,
Умел души всех устроить
К пользе общей и единой...
О Ликург...

⁹ В „Песни исторической“ выделен тот же момент:

Мильтиад, спаситель Греции,
Победитель марафонский,
Жизнь кончал в темнице срамно!...

¹⁰ В этом вопросе отец оказался даже менее строгим стражем „добродетели“, чем сыновья. В „Песни исторической“, наряду с прославлением „правосудного“ Аристиды высоко ставится и „победитель славный персов“ Фемистокл.

¹¹ В „Песни исторической“:

А Филипп сплетает узы
Или сети хитротканны,
Где он вольность всей Эллады
Уловил и сделал прахом...

¹² В „Песни исторической“:

Хоть по смерти Александра
Воссия дух древний паки
Но то искра была слаба
и вольность,
В древней Греции сиявша,
В век потухла невозвратно.

¹³ Все письмо — рукою Н. А. Радищева.

¹⁴ В „Песни исторической“:

Ах! се ль слава, се ль иройство? --
Разрушать единым мигом,
Что столегия создали!

И се в Риме удивленном
Своей властью и богатством
Возникают страсти бурны
И грозят уже паденьем.

¹⁵ Этот малоизвестный факт требует расшифровки. В 193 г. н. э., после убийства Гельвия Пертинака, преторианцы устроили своеобразные торги на императорский престол и отдали его богачу Дидию Юлиану, выплатившему каждому преторианцу по 30 000 сестерциев. Вскоре Юлиан был убит и заменен Септимием Севером. Этот эпизод был выделен и в вероятном источнике В. Радищева — в работе Монтестье „О величии и падении римлян“; „империю часто покупали, — писал он по этому поводу, — но еще никогда не была она предметом торга“ (chap. XVI).

¹⁶ Все письмо — рукою В. А. Радищева.

¹⁷ Собственноручныя подписи обоих братьев. Письмо писано рукою Н. А. Радищева.

¹⁸ Собственноручныя подписи обоих братьев. Письмо писано рукою В. А. Радищева.

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. Тр о ц к и й. — Вокруг Радищева . . .	V
И. М. Тр о ц к и й. — Законодательные проекты А. Н. Радищева	7
П р и л о ж е н и я	
Первоначальная редакция Грамоты российскому народу.	77
Проект для разделения Уложения российского .	82
Проект Гражданского уложения .	86
Г. Г у к о в с к и й — Радищев как писатель .	141
П. Г. Любомиров. — „Описание моего владения“	193
В. П. Семеновиков. — Литературно-общественный круг Радищева	211
I. Возникновение „Общества друзей“ и его связь с московскими масонами. Кружок „Утренних часов“ .	213
II. Состав „Общества друзей“ и социальная среда. „Беседующий Гражданин“ .	233
III. Роль Радищева в „Обществе друзей“ и в журнале Общества.	247
IV. „Беседующий Гражданин“ и „Почта Духов“. Радищев и Крылов	264
V. „Общество друзей“ и городская дума .	282
П. Г. Любомиров. — Род Радищева .	291
I. Предки . . .	293
II. Афанасий Прокофьевич Радищев	309
III. Отец писателя — Николай Афанасьевич Радищев .	322
Б. К о п л а н. — Философические письма „Почты Духов“ (1789) .	355
И. М. Тр о ц к и й. — К биографии Радищева (Сыновья Радищева в период отцовской ссылки)	401